

Фенимор Купер Зверобой

Роман

С рисунками Б. Брока.

Предисловие

«Зверобой» — первый по времени развития действия роман знаменитой серии Ф. Купера: «Кожаный Чулок». Эта серия, или, как ее называет сам автор, «драма в пяти действиях» (т.-е. в пяти книгах), создавалась Купером одновременно, вразбивку и не в порядке хронологии событий, так что «Зверобой» — в сущности, первое повествование о «юных днях» Натаниэля Бумпо — по времени выполнения явился последним.

В предисловии к этому роману Купер говорит: «Добрый прием, который был оказан Кожаному Чулку при описании позднейшей его жизни, а также смерти, породил в уме автора сознание обязанности дать отчет и о его юных днях. Короче сказать, картина его жизни, в том виде, как она была представлена, была так широка, что должна была возбудить желание увидеть возникновение того плана, по которому в дальнейшем она была создана».

Не касаясь вопроса о порядке создания отдельных томов этой широкой социальной драмы, мы имеем перед собою грандиозную картину небольшого по времени, но глубокого по своему внутреннему содержанию периода американской истории. В нем отражаются все уродливые изломы того, что принято было называть «возникновением цивилизации на девственной почве европейской колонии», но что, по существу, было захватом, грабежом, насилием и уничтожением (физическим и моральным) самобытной расы американских туземцев.

Полчища колонизаторов-хищников, выбрасываемых Старым Светом к богатым берегам Нового, столкнулись с древней расой туземцев, создавшей своеобразную государственность, а местами — и высокую культуру.

Особая культура была даже у тех «отсталых» племен Америки, которые, казалось, не вышли еще из полудикого состояния.

«Когда европейцы, — говорит Купер в одном из своих предисловий, — заполнили громадную область, которая простирается от Пенобскота до Потомака и от Атлантического океана до Миссисипи, ею владел народ одного происхождения. Может-быть, в двух-трех местах в пределы этой обширной территории врывались окружающие племена, но мы, по крайней мере, определили естественные и обычные границы этой области. Упомянутый народ носил родовое название вапаначки, но любил называть себя ленни-ленапе, что значит на их языке: „народ без примеси“. У каждого племени было свое название, свои вожди, своя обособленная территория для охоты. Все они считали себя происходившими от одного корня. У них был общий язык, общие предания, с изумительной точностью передававшиеся от одного поколения к другому. Одно из разветвлений этого многочисленного народа населяло берега прекрасной реки, в то время известной под названием Ленапехиттук. Именно там, по единодушному соглашению племен, был основан „Длинный Дом“, или „Очаг Великого Совета“ этого народа. Племя, владевшее всем краем на запад от Гудзонова залива, а также большим пространством области, простиравшейся еще южнее, — было могущественным народом, называвшимся могиканами. Могикане также подразделялись на племена. Каждое из них доказывало, что оно древнее всех других, споря о первенстве в этом отношении даже с соседями, охранителями „Длинного Дома“, но признавая за ними без спора название: „старший сын их деда“. Племя, охранявшее священную ограду „Дома Совета“, долго носило лестное наименование „ленапе“, но когда англичане переделали

название реки в Делавар, новое наименование мало-по-малу перешло и к обитателям ее берегов. На пространстве в несколько сотен миль вдоль северной границы области племени ленапов обитал другой народ. Соседи называли его мингуи. Пять самых многочисленных и воинственных из этих племен, при том находившихся ближе всех других к „Дому Совета“ делаваров, заключили между собою союз, с целью защищать друг друга. В сущности, *это были древнейшие соединенные республики*. Союз заключили: могауки, онеидцы, сенеки, кайюгасы и онондагасы. Со временем одно бродячее племя того же народа, перешедшее „ближе к солнцу“, присоединилось к союзу пяти народов и получило все политические привилегии остальных племен, образовавших его. Это племя (тускарорасы) в такой степени увеличило численность союзников, что англичане изменили имя, данное ими конфедерации, и стали называть ее не „пять племен“, а „*шесть наций*“. Голландцы и мингуи (минги) уговорили ленапов сложить оружие и всецело поручить им защиту своей безопасности, — словом, согласно фигуральному выражению туземцев, „превратиться в женщин“. С этого момента начинается падение самого значительного и цивилизованного из всех индейских племен, занимавших теперешнюю территорию Соединенных Штатов. Обобранные белыми, притесняемые и истребляемые краснокожими, эти несчастные некоторое время бродили вокруг своего „Дома Советов“, потом, разделившись на отдельные партии, скрылись в обширных пустынях, которые тянутся на запад». Не одни ленапы-делавары таким образом сходили с исторической сцены; так вымирала вообще вся американская раса...

Первые купцы-мореплаватели, посетившие берега Америки и ближайшие острова, полагали, что новая земля есть не что иное, как «дальняя оконечность Индии», кратчайший путь к которой они, собственно, разыскивали. Назвав открытую ими часть Америки Вест-Индией, они присвоили обитателям ее название: «индейцы», и это имя сохранилось за туземцами Америки до сего времени. Но когда выяснилось, что открытая земля — не Индия, а представляет собою огромный самостоятельный материк, населенный особой расой «краснокожих» людей, невольно возник вопрос: откуда произошло это население материка, отделенного от Старого Света широкими Атлантическим и Тихим океанами? Является ли этот народ с темно-красным цветом кожи самостоятельной расой, или же в глубине тысячелетий кроется исток его происхождения, общий с народами Старого Света?

Так возник вопрос о *происхождении индейцев*, не вполне разрешенный наукой и до настоящего времени.

Если бы было доказано, что Америка была самостоятельной колыбелью индейского населения, и что между ним и остальным человечеством не было никакой родственной связи, то этот вопрос потерял бы свою остроту и смысл.

Но данные науки о языке (лингвистика) и сравнительной истории культур с несомненностью говорят о том, что американские индейцы или имели общих с остальным человечеством предков, или что в отдаленнейшие эпохи существования земли должно было быть общение между населением тех материков, которые мы сейчас называем Старым Светом, и жителями Нового. Действительно, исследуя язык туземцев Америки, ученые пришли к заключению о тождественности корней некоторых слов, имеющих одно и то же значение, в языках: индейском, китайском, суммерийском и ассирийском. Еще Гумбольдт говорил о нескольких десятках корней, общих индейским наречиям и языкам монголов, кельтов и басков. Уже в новейшее время обнаружено сходство наречий одной из групп северо-американских индейцев с китайско-тибетскими диалектами.

Кроме того, более детальные исследования мифов, легенд и древних народных поверий индейцев обнаружили близкое сходство их со сказаниями и мифами вавилонско-библейскими. Таким образом, язык и древнейшие индейские сказания как бы указывают на Азию, как на источник своего возникновения.

Когда европейские завоеватели кинулись на вновь открытый материк Америки, они встретили там (и позже стерли с лица земли) замечательные первобытные цивилизации: толтеков и ацтеков в Мексике, инков в Перу и др. Многочисленные элементы этих культур

(иероглифы, архитектура, религиозные верования и обряды) опять-таки свидетельствовали о связи их в древности с высокими цивилизациями Азии, а также Египта.

Еще с большей убедительностью указывают на азиатский первоисточник происхождения индейцев антропологические изыскания. Один американский ученый-антрополог, специально изучавший сибирских инородцев, пришел к заключению, что среди доживших до нас представителей древнего населения северной Азии сохранился тип, ничем не отличающийся от типа американских индейцев. И если ближе всмотреться в тип индейца, то, несмотря на различие, которое существует в деталях между отдельными туземными народностями Америки, приходится склониться к убеждению, что в их образовании должен был сыграть роль именно монгольский элемент, т.-е. монгольская раса. Цвет кожи индейца желтый, приближающийся иногда к медно-красному, чаще же всего — к бронзовому оттенку. Волосы черные, прямые и длинные. Оттенком кожи и глаз, формой и цветом волос, отсутствием или малым развитием бороды и усов, выдающимися скулами, — всем этим индеец напоминает *монгола*.

Однако, необходимо отметить, что, несмотря на физическое, психологическое и культурное сходство всех индейцев между собой, американская раса не может считаться единою в смысле родовой чистоты. Между различными племенами индейцев Северной и Южной Америки существуют различия в росте, форме черепа и лица, в цвете кожи, и т. п.

Индейцы, повидимому, подобно белым, — раса смешанной крови (метисы), и можно говорить лишь, о *преобладании* в образовании этой расы монгольского элемента.

В настоящее время достаточно твердо установлено родство между некоторыми индейскими племенами и жителями Полинезии и Австралии.

Таким образом, мы подходим вплотную к интереснейшему выводу. Оказывается, что огромный остров-материк, со всех сторон окруженный пустыней океанов, тем не менее был издавна заселен многочисленной расой, родственной расам Старого Света или издревле имевшей с ним теснейшее общение.

Быть-может, население это появилось лишь в позднейшее время? Ведь, повидимому, Америка была посещаемая людьми Старого Света задолго до открытия Колумба. Еще в V столетии христианского летоисчисления Китай посылал свои джонки в далекую страну Фузанг — «за море, на восток», а этой страной могла быть только Средняя Америка, лежащая, действительно, «за морем, на востоке».

Быть-может, в далекие геологические эпохи этот огромный материк лежал безлюдным? Нет! Раскопки, производимые в Северной и Южной Америке, от времени до времени дают результаты, говорящие о существовании в Америке человека еще в начале палеотической эпохи, и даже в третичную эру, а ведь эта эра истории земли переносит нас на несколько миллионов, а может-быть, и десятков миллионов лет назад. Тогда, — как говорит нам наука о происхождении и истории земли — геология, — Старый Свет был соединен с Америкой двумя материками: один из них соединял южную Европу и Африку с Антильскими островами и Центральной Америкой; второй — Африку с той частью Южной Америки, где сейчас Бразилия. В следующую, ближайшую к нам, эпоху эти материк-мосты уже более не существовали, поглощенные волнами океана при какой-то грандиозной катастрофе.

Вопрос о заселении Америки и происхождении индейцев не может считаться в деталях решенным: это задача дальнейшего развития науки. Нисходит ли дата самостоятельного появления американской расы в седую древность земли, в третичную эру, о которой мы только-что говорили? Пришли ли, наоборот, предки индейцев из стран Азии, двигаясь холодными ледяными полями ее севера? Или же, уже значительно позже, они перешли узкий пролив, в наше время называемый Беринговым, где так близко сходятся оконечности двух материков: Азии и Америки? Между прочим, у индейцев Мексики, Юкатана и Центральной Америки сохранилось поверье о том, что предки их прибыли из холодных стран, где они долгое время блуждали по скалам «сквозь темную ночь», и что они переправились через море так, «как если бы этого моря не было». Каковы бы ни были детали, мы должны признать, что Америка была заселена особой расой, которую мы сейчас называем

«американской», еще в седые времена появления первых людей.

Где бы в странах Старого Света и когда бы — в третичной или четвертичной эпохе — ни искать родоначальников туземного населения Америки и, в частности, сев. — американских индейцев, для нас в настоящую минуту особо интересен и важен тот факт, что — захватническое движение европейцев встретило на своем пути определенную, искони живущую на родной земле расу, имевшую свою, пусть примитивную, культуру и создавшую к тому времени даже свою особую государственность.

Но ни с этой расой, с ее нравами и нуждами, ни с этой первобытной культурой западная «цивилизация» не намеревалась считаться. Вновь открываемые земли объявлялись *пустынями, на которые не ступала нога человека*, и которые населяли лишь «дикие звери и туземцы», приравняемые к животным.

«Кожаный Чулок» Купера, т.-е. входящие в эту серию все пять романов, захватывает, приблизительно, шестидесятилетний период позднейшей колонизации Америки ¹.

И против воли автора, благодаря его несомненному таланту, эта серия ярко, образно и волнующе дает нам представление о *четырёх* характерных моментах этой колонизации...

Бесконечные девственные леса, где солнце столетиями обливает верхушки мощных дубов, куда редко проникала нога белого человека и — где лишь краснокожий воин и бронзовый от загара белый охотник в бесшумных мокасинах прокладывают тропки среди колючего кустарника и сплошного валежника... Сюда проникают лишь «охотники за землей», своеобразные ходоки цивилизации, выискивающие места для удобного поселения, да одиночки — «Канадские Бобры» — уходят в глубь пустоши, подальше от человеческих глаз. Это — первый момент («Зверобой»).

Борьба за удержание, за обладание захваченными землями (колониями), борьба между главнейшими «колонизаторами» — Англией и Францией. Бесконечные кровавые колониальные войны, в которые воюющие втягивают и красные племена туземцев. Этим племенам одинаково враждебны и французы, и индигы — англичане. И обе стороны враждующих между собою белых в одинаковой мере боятся своих краснокожих союзников, поощряя, чтобы удержать на своей стороне, все их самые низменные инстинкты, развращая их и в этом своем обдуманном развращении находя гнусное оправдание и стимул к проповеди истребления индейцев. Часть бегут, часть угасают, — и все сходят со сцены жизни, — племена американской расы. Это — второй момент... («Следопыт» и «Последний из могикан».)

После отделения Северо-Американских Штатов ² от метрополии — Англии — начинается «оживление» колонизации внутренних областей Штатов. Топоры врубаются в девственную чащу, пролагая просеки и опустошая леса. Задымилась трубы поселений и городков там, где еще недавно один «Канадский Бобр» да туземные племена считали себя хозяевами огромных пространств. И на берегах затерянного в глубине лесов Глиммергласа, названного уже озером Отсего, раскинулся городок. Слепое и хищническое истребление богатств, рассыпанных щедрой природой! Где исконный обитатель этих земель — свободный туземец? Его нет! Он бежал далеко на запад и юг от надвигающейся «цивилизации», захвата и истребления; бежал вплоть до необъятных равнин Луизианы.

Чингачгук, — «великий воин и последний вождь могикан», оставшийся с «цивилизацией», волю которого подавили миссионеры, а дух — алкоголь, — в кабачке «Храбрый Драгун» оплакивает свое бывшее величие и свободу, которые никогда уже не вернуться.

Появилась «цивилизация», появились запруды на реках, ограды на полях, охраняющие

¹ С 1745 по 1805 г.г.

² См. том 1-й собр. романов Купера: «Шпион» (Прим. ред.).

«священную собственность» неведомых никому пришельцев. И старый Бумпо, с детства охотник лесов, уходит дальше и дальше от гнета «цивилизации». Это — третий момент... («Пионеры».)

Но неудержимо катится волна колонизации, торжествует «жестокая правда» белого человека. Далекая Луизиана в 1803 году приобретает Штатами. Умиравший старый охотник видит, что он не ушел от белых людей и их захвата... Завершается колонизация приобщением к «культуре» новых девственных пространств... Некуда бежать уничтожаемому туземцу!.. Это — последний момент... («Прерия».)

Свидетелем и участником «всех этих чудесных и быстрых изменений, характеризовавших прогресс американцев», Купер сделал белого по происхождению, но воспитавшегося среди туземцев охотника Натаниэля Бумпо — «Кожаного Чулка».

Купер следующими словами характеризует своего героя:

«Об упомянутом действующем лице автор скажет только, что это человек по природе добрый, удаленный от всех соблазнов цивилизации, хотя и не вполне забывший свои предрассудки и то, о чем ему твердили. Он, заброшенный к дикарям и, может-быть, скорее исправленный, нежели испорченный близостью с ними, выказывает то слабости, то добродетели, порожденные в нем условиями его жизни в пустыне и рождением».

Бумпо — непосредственный, искренний, честный человек, не утаивающий своей «правды». И в призме этой «правды» преломляются все уродливости «прогресса американцев».

«Правда» Бумпо — Купера — есть только слабый отклик; это, если можно так выразиться, «полуправда».

Но Купер создавал свое произведение в те времена и при тех условиях, когда полной, стопроцентной правды не могло еще быть!

Полную правду о всем ужасе империалистического колониального захвата и управления могли бы рассказать лишь те, над чьими курганами холодный ветер с Гудзона поет заунывную песнь о погибших и догорающих племенах первобытной американской расы...

Н. Могучий

Глава I

В середине XVIII века обитаемые части нью-йоркской колонии ограничивались четырьмя приморскими графствами по обеим сторонам Гудзона, от устья до водопадов при его истоке, и еще несколькими соседними областями по берегам Могаука и Скогари. Широкие полосы девственной почвы простирались до самой Новой Англии; это были густые, непроходимые леса, в которых свободно мог укрываться туземный воин в своей бесшумной обуви из кожи дикого зверя ³. Вся страна к востоку от Миссисипи ⁴ представляла в ту пору обширное пространство лесов, окаймленных по краям весьма незначительной частью обработанной земли, пересекаемой блестящею поверхностью рек и озер.

Природа неизменна в своих законах. Время посева и жатвы чередуется с неизменной точностью. Столетиями знойное летнее солнце согревало вершины благородных дубов и вечно зеленых сосен этих девственных пустырей, как вдруг в глубине этого леса раздалась

³ У индейцев эта обувь называлась: мокасины.

⁴ Миссисипи — «отец вод» — важнейшая водная артерия Сев. Америки. Длина этой реки около 4390 километров. Принимает в себя воды 19 важнейших притоков. Впадает в Мексиканский залив, к югу от Нового Орлеана.

голоса перекликавшихся людей. Был июньский день. Листья высоких деревьев омывались потоками света, отбрасывая длинную тень. Перекликались, очевидно, два человека, потерявшие дорогу. Наконец, один из них, пробираясь по лабиринтам густого кустарника по краю болота, вышел на поляну, образовавшуюся в лесу от опустошений бури и огня.

— Вот где можно отдохнуть! — громко вскричал он, видя над своей головой чистый свод неба. — Ура, Зверобой! Здесь светло, и мы недалеко от озера.

В это время появился и другой странник, который, продираясь через хворост, отодвигал руками сучья, цеплявшиеся за его платье.

— Знаешь ли ты это место? — спросил в свою очередь Зверобой. — Или ты просто кричишь от радости при виде солнца?

— Да, приятель, место знакомое, и я, сказать правду, радехонек, что наткнулся на солнечный луч. Теперь мы ухватились за все румбы компаса, и некого будет винить, если мы опять потеряем их из виду. Не будь я Скорый Гэрри, если не здесь делали привал в прошлом году охотники за землей⁵. Они провели здесь целую неделю. Видишь, вот остатки хвороста, который они палили, и я очень хорошо знаю тот ключ. Да, молодой человек, я люблю солнце, хотя и без его лучей отлично понимаю, что теперь двенадцать часов, минута в минуту. Мой желудок — превосходный и самый верный хронометр, которого не отыскать во всей колонии. Его стрелка указывает на полдень; стало-быть, нам надо развязать котомку и завести часовой механизм еще часов на шесть.

Они оба принялись за необходимые приготовления к умеренному обеду, приправой к которому служил великолепный аппетит.

Тот из охотников, который назвал себя Скорым Гэрри, представлял собою образец мужественной красоты во всем ее благородном величии.

Его подлинное имя было Генрих Марч, но пограничные жители, следуя обыкновению индейцев прибавлять прозвища к собственным именам, называли его Скорым Гэрри, а иногда и просто Торопыгой, намекая этим на чрезвычайную порывистость его движений и беззаботность характера, какими он прославился на всей линии поселений, разбросанных между Нью-Йорком и Канадой. Физическая сила Скорого Гэрри вполне соответствовала его гигантскому росту. Черты его лица были правильны и красивы, и все его манеры, несколько грубые, как у всех колонистов, были, однако, проникнуты каким-то особенным изяществом, гармонизировавшим как нельзя лучше с его наружностью.

Другой характер и иная наружность отличали спутника Генриха Марча, которого он называл Зверобоем. Он был, сравнительно, тщедушен и тонок, хотя мускулы его обличали необыкновенную ловкость и проворство. Выражение его лица невольно располагало к нему наблюдателя. Это было наивное простосердечие, соединенное с твердостью воли и исключительной искренностью. С первого раза можно было даже подумать, что он нарочно прикидывается добряком и простаком, чтобы тем удобнее скрыть затаенный обман и плутовство. Но эти подозрения исчезали при первом же знакомстве с Зверобоем.

Оба товарища были еще молоды. Торопыге казалось на вид лет двадцать восемь; Зверобой имел не более двадцати пяти. Их костюм состоял из выделанных оленьих кож; таким образом оба спутника, повидимому, принадлежали к числу людей, проводивших свою жизнь в дремучих лесах на рубеже возникающей цивилизации.

— Ну, Зверобой, теперь за дело! Докажи, что твой желудок работает мастерски, как и у всех этих делаваров⁶, среди которых ты был воспитан, — сказал Гэрри, отправляя в рот

⁵ Так назывались колонисты, которые приискивали удобные места для своих поселений. (Прим. ред.).

⁶ Делавары — индейское племя, совершенно вымершее к концу XIX века. К 1875 году в Соединенных Штатах оставалось их около сотни человек. (Прим. ред.).

огромный кусок дичи, которого европейскому крестьянину хватило бы на целый обед. — Докажи, любезный... своими зубами докажи этой лани, что ты человек в полном смысле слова. Своим карабином ты уже доказал это отличнейшим образом.

— Не большая честь для человека хвастаться тем, что он врасплох убил бедную лань, — отвечал его скромный товарищ, принимаясь за обед. — Если бы это была пантера или дикая кошка, можно бы, пожалуй, и похвастаться. Делавары прозвали меня Зверобоем вовсе не за силу и храбрость, а единственно за верный глаз и проворство. Застрелить оленя, конечно, еще не значит быть трусом; но все же было бы безрассудством выдавать это за храбрость.

— Твои делавары, любезный, кажется, не большие храбрецы, — пробормотал сквозь зубы Скорый Гэрри, отправляя в рот новый солидный кусок мяса. — Эти праздношатающиеся минги ⁷ скрутили их по рукам и ногам, как беззащитных овечек. Не так ли?

— Нет, вовсе не так, — с жаром возразил Зверобой. — Это дело надо понять хорошенько и не перетолковывать вкось и вкривь. Минги — самые вероломные, коварные дикари, и весь лес наполнен их обманом и хитростью. Нет у них ни честного слова, ни верности своим договорам. А с делаварами я прожил десять лет и очень хорошо знаю, что они умеют быть героями, когда нужно.

— Хорошо, Зверобой, если мы коснулись этого предмета, то будем говорить откровенно, по-человечески. Ты уже давно составил себе славу отличного охотника и прославился во всех лесах. Скажи мне: нападал ли ты когда-нибудь на человека и способен ли ты стрелять в неприятеля, который подчас не прочь сломить тебе шею?

— Скажу по совести, Гэрри, никогда я не имел поводов к убийству. Я жил между делаварами в мирное время, а по моему мнению, преступно отнимать жизнь у человека, раз он с тобою не в открытой войне.

— Как! Разве тебе не случалось сталкиваться у своих капканов с каким-нибудь мошенником, который собирался украсть твои шкуры? В этом случае, я полагаю, ты бы разделался с ним сам, своими собственными руками: не тащить же его к судье и не заводить тяжбы, всегда соединенной с хлопотами и большими издержками.

— Я не расставляю ни капканов, ни сетей, — с достоинством отвечал охотник. — Я живу своим карабином и не боюсь с этим оружием никого в мире. Никому не предлагаю я звериной кожи без дыры на голове там, где природа устроила органы зрения или слуха.

— Звериная кожа совсем не то, что волосы с неприятельского черепа. Подкараулить где-нибудь и подстрелить какого-нибудь индейца значит действовать по тем же правилам, каких придерживается твой неприятель, когда ведет с тобой войну. По-моему, чем больше отправить на тот свет этих негодяев, тем веселее на душе и спокойнее совесть. Надеюсь, приятель, что если карабин твой умеет ладить только с четвероногими, то мы в будущем не так часто будем видеться с тобою.

— Наше путешествие, Гэрри, скоро окончится, и мы можем разойтись, если тебе угодно. Меня ждет друг, который не постыдится вести знакомство с человеком, не убившим никого из людей.

— Желал бы я знать, что завело сюда этого щепетильного делавара? — бормотал Марч, не скрывая своего неудовольствия и недоверчивости. — В каком месте, говоришь ты, молодой начальник назначил тебе свидание?

— Возле небольшого утеса на краю озера, где, как меня уверяли, индейские племена имеют обыкновение заключать договоры и закапывать в землю свои боевые томагавки ⁸. Я

⁷ Под именем *мингов* Купер выводит целый ряд индейских племен. (Прим. ред.).

⁸ Томагавк — боевой топор индейцев. (Прим. ред.).

часто слышал от делаваров об этом утесе, хотя еще ни разу не видел его. Об этой части озера все еще спорят между собой минги и делавары. В мирное время оба племени здесь ловят рыбу и охотятся за зверем, так что этот клочок составляет пока общую собственность.

— Общую собственность — вот оно как! — вскричал Скорый Гэрри, заливаясь громким смехом. — Желал бы я знать, что скажет на это Гуттер Том Пловучий, который пятнадцать лет сряду один владеет озером исключительно и нераздельно! Не думаю, что он охотно уступит его делаварам или мингам.

— А разве колонии будут смотреть хладнокровно на этот спор? Вся эта страна должна же составлять чью-нибудь неотъемлемую собственность. Ведь колонисты, повидимому, не знают пределов для своей жадности и готовы захватить все места, какие только удастся.

— Ну, сюда, надеюсь, никогда не забредет нога колонистов. Им и не узнать об этом захолустье. Старик Том не раз мне говорил, что им в тысячу лет не разведать об этих местах, и я со своей стороны решительно убежден, что Том Пловучий никому на свете не уступит своего озера.

— По-твоему выходит, Гэрри, что старик Том решительно необыкновенный человек. Он, очевидно, не принадлежит ни к мингам, ни к делаварам, ни к бледнолицым, и захватил себе один такое местечко, из-за которого готовы перессориться все племена. Кто же он, этот человек? Какой он породы?

— Объяснить породу старика Тома не так-то легко, да едва ли и найдешь среди людей племени, к которому его можно было бы отнести. Он скорее по своей породе смахивает на канадского бобра, чем на человека. Его манеры и все привычки точь-в-точь, как у бобра. Некоторые думают, будто в молодости он разгуливал по соленой воде с каким-то Киддом, которого лет тридцать тому назад вздернули на виселицу за морской разбой. По смерти Кидда он приютился здесь, в уверенности, что в этих местах никогда до него не доберутся королевские солдаты, и он спокойно сможет наслаждаться плодами своих грабежей.

— Это скверно, Гэрри, очень скверно. Никогда нельзя спокойно наслаждаться плодами грабежа.

— У всякого свой вкус и своя натура, любезный Зверобой. Что же касается старика Тома, то могу тебя заверить, что он совершенно счастлив и живет на славу вместе со своими дочерьми.

— Да, я знаю, что у него есть дочери. Между делаварами носился об этом слух. Есть у них мать?

— Была, разумеется; только вот уже два года, как она умерла и брошена в воду.

— Что ты сказал? — спросил Зверобой, с изумлением смотря на своего товарища.

— Умерла и брошена в воду. Кажется, ясно: я говорю не на тарабарском наречии. Старый проказник, распрощавшись с нею, как нежный супруг, похоронил свою жену в озере. Копать могилу, видишь ли ты, не ловко среди этих корней; а может-быть, он сделал это из соображения, что вода чище смывает грешки с человеческого тела. Этого уж я точно не знаю.

— Стало-быть, бедная женщина была слишком легкомысленна? — спросил Зверобой.

— Не думаю, чтобы чересчур, но, разумеется, грешки за ней водились. Впрочем, всего вероятнее, что старику просто лень было рыть могилу на сухой земле. В характере Юдифи было довольно стали; а ее муженек — настоящий кремь. Не мудрено, стало-быть, что огонек довольно часто вспыхивал между ними, хотя вообще они жили достаточно дружно и согласно. С своей стороны я всегда уважал Юдифь Гуттер, как мать прекрасной девушки, которая носит ее имя. Это я говорю о старшей дочери Тома, которую также зовут Юдифью.

— Да, я слышал об этой девушке, хотя делавары по-своему произносили ее имя. Судя по их рассказам, я не думаю, чтоб Юдифь Гуттер могла мне понравиться.

— Тебе? Это очень забавно! — воскликнул Скорый Гэрри, покраснев в запальчивости от того равнодушия, с каким его товарищ отозвался о девушке. — Как ты смеешь соваться,

когда идет речь о Юдифи Гуттер? Ты — молокосос, у которого не обсохло на губах молоко матери! Не беспокойся, любезный: Юдифь Гуттер не захочет и взглянуть на тебя.

— Вот что, Гэрри: теперь июнь, ни одно облачко не заслоняет от нас солнца, и горячиться бесполезно, — отвечал Зверобой спокойным тоном. — Я не советую тебе выходить из себя. У каждого свои мысли, и я надеюсь, что белка может думать о дикой кошке, что ей угодно.

— Разумеется, если только дикая кошка не проведаст об этом. Впрочем, ты еще молод, легкомыслен, и я охотно тебе прощаю. К чему, в самом деле, нам ссориться из-за девушки, которой ты еще и не видал? Смешно было бы считать соперником какого-нибудь молокососа... А кстати, что говорили о ней делавары?

— Они хвалили ее ум и красоту, но прибавляли, что она ветренна и любит окружать себя поклонниками.

— Ах, чорт бы их побрал! Да они нарисовали тебе самый верный портрет Юдифи Гуттер! Сказать правду, Зверобой, если бы не эта ветренность, быть бы ей моей женою года два назад. Была, впрочем, и еще причина, почему я не женился...

— Какая, например? — спросил охотник с видом человека, которого мало интересует этот разговор.

— Я в то время не был уверен, любит ли она меня. Плутовка слишком хороша и знает себе цену. Не растут на этих горах деревья стройнее ее стана, и ты не увидишь серны, которая прыгала бы с такою легкостью. Но при всем этом ее недостатки слишком резко бросаются в глаза. Было время, я клялся никогда не видеть этого озера.

— И вот ты опять идешь к нему?

— Ах, Зверобой, ты еще новичок в этих делах, и трудно тебе растолковать, на что бывает похож человек, когда любовь овладевает его сердцем. Если бы ты знал Юдифь, как я ее знаю! По временам наезжают на это озеро для рыбной ловли крепостные офицеры с берегов Могаука, и вот тогда-то кокетка теряет свою голову. Она рядится, как кукла, и всем в ту пору делает кокетливые глазки.

— Дочь бедного отца должна понимать свое положение, — простодушно заметил Зверобой. — Я уверен, что ни один из офицеров, ухаживая за Юдифью, не имеет честных намерений.

— Вот это-то меня и бесит.

— Зачем же ты о ней думаешь, Генрих Марч? На твоём месте я давно бы убежал в лес от такой женщины.

— Советовать легко, приятель, но не так-то легко выполнять советы, коль скоро дело идет о Юдифи. Признаться, я подумывал увезти ее насильно и жениться на берегу Могаука в какой-нибудь трущобе, куда, авось, не попал бы ни один из этих офицеров. У старика Тома осталась бы еще дочка, не красавица, правда, и не очень умная, но зато примерная смиренница.

— Есть, стало-быть, еще другая птичка в этом гнезде? Вот что! Делавары, однако, говорили только о Юдифи.

— Не мудрено. Подле красавицы Юдифи Гэтти ступшевывается. Впрочем, по-моему, и Гэтти довольно мила; только, что касается ума, — бедняжка не совсем хорошо умеет отличать правую сторону от левой.

— Краснокожие особенно уважают таких слабых умом людей: они думают, что «злой дух» не может поселиться в них, — заметил Зверобой.

— Ну, «злому духу» не о чем хлопотать возле бедной Гэтти. Старик отец и умная сестра не спускают с нее глаз... Одним словом, я был бы в отчаянии, если бы теперь, после шестимесячного отсутствия, нашел, что Юдифь угораздило выйти замуж.

— А разве она подала тебе какие-нибудь надежды?

— В том-то и дело, что нет. Не знаю, право, как все это выходит. Я, видишь ли, недурен, и в этом уверяет меня каждый ручей, освещаемый солнечным лучом, а между тем я никак не мог от нее добиться ни обещания, ни даже ласковой улыбки, хотя иной раз она без

умолку хохотала по целым часам. Ну, да что тут толковать? Если Юдифь Гуттер осмелилась выйти замуж — быть ей премилой вдовушкой на двадцатом году своей жизни.

— Неужели, Гарри, ты решишься погубить человека единственно за то, что его предпочли тебе?

— Почему же нет? Если враг загородил мне дорогу, я имею право раздавить его, как мне угодно. Всмотрись в меня хорошенько: разве я похож на человека, способного подставить свою шею какому-нибудь вкрадчивому торгашу, который задумает перебить у меня красавицу? Нет, слуга покорный, это было бы из рук вон! Притом, за отсутствием законов, мы сами поневоле и судьи, и палачи. Пусть, пожалуй, отыщут в лесу мертвое тело. Кому охота итти в колонию с доносом на убийцу?

— Мне, например. Ведь я же буду знать, что ты намеревался спровадить мужа Юдифи?

— Как? Ты осмелишься донести на Скорого Гэрри, ты, низкая тварь, получеловек, полуобезьяна?

— Я готов сказать правду о всяком человеке, кто бы и где бы он ни был.

С минуту Генрих Марч смотрел на своего товарища с безмолвным изумлением. Потом, схватив его обеими руками за плечи, начал трясти охотника с такой ужасной силой, как-будто хотел уничтожить его. Зверобой не оробел, и ни одна черта его спокойного и ясного лица не дрогнула. Напротив, он проговорил твердым и решительным голосом:

— Можешь трясти гору сколько угодно, если хватит сил; но тебе, кроме правды, ничего не вытрясти из меня, Генрих Марч. Очень вероятно, что Юдифь еще не замужем, но если, сверх ожидания, есть у нее муж, я воспользуюсь первым же случаем, чтобы передать ему наш разговор.

Взглянув на своего товарища еще с большим изумлением, Скорый Гэрри произнес:

— Я думал, что мы приятели; теперь вижу, что жестоко ошибался. Это мой последний секрет, залетевший в твое ухо. Знай это, Зверобой!

— Очень рад. Не хочу слышать секретов, если под ними скрывается преступление. Если мы легко можем избежать преследования законов, — это не оправдание.

— Какой же ты после этого свободный лесной охотник, гроза и смерть лютых зверей? Лучше бы тебе удалиться к моравским братьям⁹ и копать гряды подле своего дома.

— Я уверен, Гэрри, что в моих поступках и словах ты всегда найдешь только прямоту и откровенность. В твоей безрассудной запальчивости я вижу лишь доказательство того, как мало тебе приходилось жить среди краснокожих. Юдифь Гуттер, без сомнения, еще не вышла замуж, а язык твой, очевидно, в разладе с твоим сердцем. Бросим толковать об этом, и вот тебе моя рука.

Гэрри, казалось, был изумлен как нельзя больше. Принимая мало-помалу веселый и беззаботный вид, он расхохотался до того, что слезы выступили у него на глазах. Потом он взял протянутую руку, и их дружба снова была восстановлена.

— Твоя правда, Зверобой, безрассудно нам ссориться из-за того, что пока остается в пределах догадок. Ведь мы не горожане, чорт побери, а вольные люди свободных лесов. В городах совсем другое дело; там иной раз дерутся из-за мыслей.

— Слыхал об этом и я, Генрих Марч. Во всяком случае, мне гораздо приятнее видеть бедную Гэтти, чем эту ветренную красавицу Юдифь.

— Послушай, Зверобой, ты знаешь вообще, что такое охотники, трапперы и бродяги — продавцы кож. И все же я убежден, что во всей этой стране не найдется человека, который бы нанес какое-нибудь оскорбление Гэтти Гуттер.

— Мне очень приятно, Гэрри, что ты отдаешь справедливость делаварам и другим союзным племенам. Краснокожий, действительно, всегда готов принять под свое особое покровительство слабое, лишенное умственных способностей существо... Но уже солнце идет к западу. Не пора ли нам продолжать путь, чтобы поскорее увидеть этих сестер?

⁹ Религиозная секта. (Прим. ред.).

Товарищи собрали остатки обеда, вскинули котомки на свои плечи и, оставив поляну, снова углубились в тень густых деревьев.

Глава II

Отыскав поляну и ручей, Скорый Гэрри уже отлично различал далее дорогу и вел своего товарища с уверенностью человека, привыкшего к этим местам. Лес, разумеется, здесь, как и везде, был очень густой, но его не загромаждали груды хвороста, и по ровной почве его можно было идти ускоренным шагом. Когда они прошли около мили, Марч остановился и начал с озабоченным видом рассматривать окружающие предметы. Его интересовали даже пни свалившихся деревьев.

— Кажется, мы пришли, куда надо, — заметил он. — Вот бук, здесь дуб, а немного подальше — три сосны и береза с надломленной вершиной. Но все же я не вижу ни утеса, ни сломанных ветвей, о которых говорил тебе.

— Сломанные ветви не совсем еще верный признак, Гэрри Марч. Бывает, и очень часто, ветви переламливаются сами собой. Что же касается буков, сосен и дубов, то около нас сотни этих деревьев.

— Твоя правда, Зверобой, но ты не берешь в расчет этой местности. Я говорю вот об этом буке и дубе...

— А вот, если хочешь, другой бук и другой дуб: видишь, они растут словно братья. Немного подальше опять точно такая же пара деревьев. Ты, без сомнения, отлично ловишь медведей и бобров, но я не думаю, Гэрри, чтобы ты был большой мастер отыскивать скрытые следы. Ну да, так и есть: я вижу теперь, чего ты ищешь.

— Полно городить вздор, хвастливый делавар. Меня хоть сейчас на виселицу, я не вижу ничего в этом лесном лабиринте.

— Смотри вон туда, по прямой линии от этого черного дуба. Видишь ли тот молодой, немножко согнутый бук, прикрепленный ветвями к соседнему дубу? Он не мог так прицепиться сам, и, разумеется, эту услугу оказал ему человек.

— Моя рука оказала ему эту услугу! — вскричал Гэрри. — Это молодое дерево в ту пору пригнулось к земле как бы под бременем несчастий. Я его выпрямил и поставил в это положение. Да, Зверобой, надо сознаться, ты мастерски разгадываешь деревья.

— Мое зрение обостряется, это правда; но все же в этом отношении я не больше, не меньше как ребенок в сравнении с любым из краснокожих. Вот, например, Таменунд¹⁰ уже старик, и никто не помнит его молодым, а между тем ничто не может ускользнуть от его глаз. Ункас, отец Чингачгука, законного вождя могикан, — другой ясновидящий старец, от которого не укроется и пылинка. Да, мое зрение обостряется, — повторил Зверобой, — но еще не скоро наступит время, когда оно сделается совершенным.

— Кто этот Чингачгук, о котором ты так часто говоришь? — спросил Гэрри, продолжая путь по указанному направлению. — Какой-нибудь краснокожий бродяга? Я уверен в этом.

— Это самый честный краснокожий бродяга, если тебе нравится это имя. При благоприятных обстоятельствах он мог бы сделаться великим вождем племени. Теперь, когда его лишили законных прав, он не более, как делавар — честный, благородный, умный делавар, всеми уважаемый и любимый, потомок несчастного рода и представитель почти уничтоженного племени. Ах, Гэрри, твое сердце надорвалось бы от жалости, если бы ты слышал, как эти несчастные в своих вигвамах рассказывают о могуществе и величии могикан.

— Послушай, друг Натаниэль, — сказал Гэрри, остановившись на дороге и пристально всматриваясь в лицо своего товарища, чтобы придать больше важности своим словам, — если верить всем басням, какие распространяют о себе другие люди, то выйдет на поверку,

¹⁰ Легендарный вождь, патриарх племени делаваров. (Прим. ред.).

что все другие — славные герои, и только мы с тобой никуда не годимся. Все краснокожие, я знаю, отчаянные хвастуны, и половина их преданий, поверь мне, сущий вздор.

— В этом есть частица правды, я согласен. Краснокожие любят похвастать, и природа дала им к этому особую склонность. Смотри, мы пришли к тому месту, которое ты искал.

Это замечание прервало разговор. Зверобой указал своему товарищу на ствол огромной липы, отжившей свой продолжительный век и свалившейся на землю от собственной тяжести. Это дерево, как миллионы подобных, лежало там, где упало, и под медленным, но верным влиянием окружающей атмосферы подвергалось гниению, которое опустошило его внутренность еще в ту пору, когда оно стояло на корнях во всей своей красоте и гордом величии. Ствол занимал пространство около сотни футов, и опытный глаз охотников сейчас же узнал в нем то самое дерево, о котором говорил Скорый Гэрри.

— Да, здесь у нас все, что нужно! — вскричал Гэрри, осматривая дерево у корня. — Все здесь сохранено в такой же целостности, как в сундуке скупой старухи. Давай руку, Зверобой, и через полчаса мы будем на воде.

Охотник подошел к своему товарищу, и оба они принялись за работу, как люди, привыкшие к занятиям этого рода. Сперва Гэрри сбросил большие куски толстой коры, прикрывавшие огромное дупло дерева, потом оба они вытащили оттуда каноэ¹¹, выделанную из коры и снабженную скамьями, веслами, рыболовными сетями, вообще всем, что нужно для рыбной ловли. Каноэ была довольно велика, но до того легка, что Марч свободно поднял ее с земли и взвалил себе на плечо.

— Ступай вперед, Зверобой, и раздвигай кусты. С остальным управлюсь я один.

Они поспешно тронулись с места. Зверобой пролагал дорогу и брал вправо или влево, как указывал товарищ. Минут через десять они вдруг очутились под палящими лучами солнца, на маленькой песчаной площадке, омываемой с одной стороны водами озера. Отсюда открывался оригинальный, в полном смысле этого слова, вид, и Зверобой не мог удержаться от восклицания, когда перед ним неожиданно открылась великолепная картина. Почти в уровень с площадкой, на которой они стояли, лежало пространство тихой и прозрачной воды, мили на три в длину и на полмили в ширину. К югу от этого места озеро суживалось почти наполовину. Его берега были неправильны и неровны, представляя с одной стороны небольшие мысы, вдававшиеся в озеро, с другой — изгибаясь маленькими бухтами. На севере озеро примыкало к горе, имевшей по обе стороны пологие и ровные скаты. Общий характер местности был гористый.

Кругом царили тишина и какой-то торжественный покой. Везде и со всех сторон виднелись только поверхность озера, гладкого, как стекло, чистое небо и бесконечная перспектива густого леса с богатою растительностью. Вся видимая поверхность земли, от округленных горных вершин до конца озера, была покрыта роскошною зеленью. Ничего не изменила здесь рука человека. Вся картина была делом одной природы.

— Прекрасный вид, очаровательный вид! — воскликнул Натаниэль, опираясь на свой карабин и оглядываясь по всем направлениям направо и налево, на север и на юг. — Краснокожие, как я вижу, не дотронулись здесь ни до одного дерева. Гэрри Марч, твоя Юдифь, должно-быть, умная и рассудительная девушка, если она провела половину своей жизни в этом очаровательном месте.

— Она умна, это правда, но прихотлива и своенравна. Впрочем, она не всегда проживала здесь со своим отцом. Старик Том до моего с ним знакомства обыкновенно переселялся на зимнее время в пограничные области, возле крепостей, откуда можно было слышать пушечную пальбу. Там-то Юдифь и познакомилась с ветренными офицерами.

— Но, во всяком случае, Гэрри, это место может иметь благотворное влияние на ее характер, как бы он ни был испорчен. Но что это прямо перед нами, посреди воды? Это не то остров, не то барка?

¹¹ Легкая индейская лодка. (Прим. ред.).

— Крепостные офицеры называют это Замок Канадского Бобра, и сам Том Пловучий, не возражает против этого названия. Это его постоянный, оседлый дом, потому что, надо тебе сказать, у него два дома: один никогда не перемещает места — вот он перед тобой; другой, напротив, плавает по воде и появляется попеременно в различных частях озера. Этот последний дом он называет «ковчегом».

— Видишь ты этот «ковчег»?

— Нет. Он теперь, я полагаю, на южной стороне или укрылся на якоре в какой-нибудь бухте. Наша каноэ готова, и минут в пятнадцать мы можем доплыть до Замка Канадского Бобра.

Уложив котомки, оружие и всю свою провизию, они сели в лодку и одним ударом весла оттолкнули ее от берега на несколько саженей. Быстро понесся легкий челнок по ровной поверхности прозрачной воды, и через несколько минут Зверобой уже ясно мог видеть странное здание старика Тома.

Замок Канадского Бобра красовался на озере в расстоянии, по крайней мере, четверти мили от ближайшего берега. Натаниэль с изумлением заметил, что в этом месте не было ни малейших следов острова: «замок» был построен на сваях, вокруг которых виднелась вода, достигающая, казалось, значительной глубины. Но Гэрри объяснил, что в этом, и только в этом, месте была длинная и узкая отмель, идущая от севера к югу на несколько сотен ярдов.

— Нужно тебе сказать, Натаниэль, — продолжал Гэрри, — что индейцы и охотники три раза сжигали дом на суше старика Тома, и в одной из перепалок с краснокожими он потерял своего единственного сына. С того времени он должен был перебраться на воду, и, по-моему, сделал отлично. Здесь он совершенно в безопасности и может, если не ошибаюсь, устоять против самого сильного нападения. У него нет недостатка ни в порохе, ни в оружии всякого рода, да и замок построен так, что ему нечего бояться свинцовых орехов.

Натаниэль, получивший от колонистов некоторые понятия о военном искусстве, видел ясно, что его товарищ не преувеличивал. В самом деле, замок был построен так, что в случае атаки все выгоды были на стороне осажденных, а все неудобства — на стороне осаждающих, которых буквально можно было засыпать пулями.

— Ты, любезный Гэрри, как я вижу, превосходно знаешь всю историю этого замка, — сказал Натаниэль, когда его товарищ начал описывать все подробности устройства жилья Тома Пловучего. — Неужели любовь так сильна, что мужчина охотно изучает даже историю дома, где живет его возлюбленная?

— Если я знаю все, Натаниэль, мудреного в этом нет ничего. Тут было много народу в то время, когда старик Том соорудил свой замок, и мы усердно помогали ему при достройке. Я вынес на своих плечах значительную часть толстых бревен, и могу тебя уверить, что на этом берегу все лето раздавались дружные удары топоров. Старик не скупился, и каждый день вдоволь угощал нас дичью. Мы в свою очередь не торопились со своими кожами в Альбани и отстроили ему дом на славу. Гэтти глупа, скрыть этого нельзя, но она приготавливала нам отличные обеды, и я в ту пору повеселился на свой пай за гостеприимным столом старого Тома.

Оба охотника подплыли почти к самому замку. На лицевой его стороне была расположена досчатая платформа в двадцать квадратных футов.

— Старик Том называет эту набережную своим двором, — сказал Гэрри, привязывая челнок. — Крепостные офицеры в свою очередь называют ее двором замка. Я не понимаю, впрочем, какой это двор, если в нем нет никаких заповоротов. Ну, вот, я так и думал: нет ни души. Вероятно, вся семья отправилась на поиски.

В то время как Гэрри рассматривал на площадке багры, снасти, удочки, сети и другие принадлежности рыболовства, Натаниэль поспешил войти в дом и смотрел на все предметы с любопытством, не свойственным человеку, который так давно освоился со всеми

привычками индейцев. Все было чисто и опрятно внутри замка, разделенного на несколько маленьких комнат. Самая большая и первая при входе служила в одно и то же время кухней, столовой, гостиной и залой. Мебель была вообще груба, самой простой, незатейливой работы. Впрочем, тут были довольно хорошие стенные часы, стол, два — три стула и прекрасное бюро, взятое, вероятно, из дома, имевшего большие претензии на изящный вкус. Маятник часов качался исправно, и стрелка указывала на одиннадцать, тогда как, судя по солнцу, было гораздо позже. В углу стоял большой кованый сундук. Столовая посуда была незатейлива, но расположена в образцовом порядке.

Осмотрев эту комнату, Натаниэль приподнял деревянную задвижку и вошел в узкий коридор, разделявший заднюю часть дома на две неравные половины. Отворив первую дверь, попавшуюся на глаза, он очутился в спальне, и при одном взгляде на нее убедился, что это была комната двух женщин. Возле постели на вколоченных гвоздях висели различные принадлежности женского туалета. Здесь, между прочим, были хорошенькие башмаки с серебряными пряжками, какие носили лишь зажиточные женщины, и несколько разноцветных вееров. На самом видном месте висели: шляпка, кокетливо убранная лентами, и женские длинные перчатки, которые в ту пору составляли предмет роскоши даже для богатых дам.

Все это Натаниэль осматривал с напряженным вниманием. Уже давно не был он в комнатах женщин, и в его душе пробудились воспоминания детства. Он думал о своей матери, отличавшейся в своих нарядах такою же простотою, как Гэтти Гуттер, и о сестре, любившей щеголять туалетом так же, как Юдифь Гуттер. Долго пробыл он в этой комнате, погруженный в размышления о невозвратных временах детства, и медленными шагами вышел на платформу, где оставил своего товарища.

— Старик Том, как я вижу, промышляет нынче и бобрами, — сказал Гэрри, отыскавший на площадке несколько капканов для ловли этих зверей. — Если тебе вздумается здесь погостить, мы можем весело провести время. Том и я будем доказывать бобрам свою злость и хитрость, а ты станешь ловить рыбу и стрелять дичь. Не так ли, Натаниэль?

— Очень рад, любезный друг; но должен сказать, что при случае, пожалуй, и я не прочь от ловли бобров. Правда, делавары прозвали меня Зверобоем и Непромахом исключительно за то, что я метко стреляю в оленей; но я надеюсь, что рука моя не дрогнет, если придется иметь дело и с другими зверями. А кстати: губернатор или королевские агенты дали какое-нибудь имя этому озеру?

— Пока никакого. Последний раз, когда я продавал кожи, один из этих господ вздумал было меня расспрашивать, да только проведал не слишком много. Он слышал, что есть тут где-то озеро. Я с своей стороны нагородил ему, что вода здесь самая мутная, и что тысячу раз успеешь завязнуть по горло в трясинах, прежде чем доберешься до этого места. Он мне показывал даже карту, и там отмечено, действительно, озеро на таком пункте, который должен отстоять отсюда, по крайней мере, на пятьдесят миль. Разумеется, я не счел нужным выводить его из этого приятного заблуждения.

Рассказывая, Гэрри хохотал от всего сердца и, очевидно, был в восторге, что так мастерски одурачил королевского агента.

— Я очень рад, — сказал Натаниэль, — что бледнолицые не успели еще окрестить никаким именем все эти места, потому что эти крестины у них всегда предшествуют самым беспощадным опустошениям. Краснокожие, однако, должны как-нибудь называть это место, и я уверен, что они приискали характерное имя для этих окрестностей.

— Ну, что касается диких племен, то, вероятно, каждое из них по-своему коверкает на своем языке все предметы на свете. Мы, в свою очередь, называем озеро просто Глимерглас (сверкающее стекло), так как, ты видишь, на его поверхности чудесно отражаются все эти сосны. Надо думать, что на дне его бьет множество ключей, из которых, пожалуй, могут образоваться целые реки.

— Я хорошо знаю, что отсюда вытекает река, и мне говорили, что утес, возле которого

я должен встретиться с Чингачгуком, находится у реки. Не дала ли ей колония какого-нибудь имени?

— Колония в этом отношении имеет преимущество над нами, потому что она владеет самой большой частью этой реки. Имя, которым жители колонии окрестили ее, распространяется до самого истока, потому что названия рек, естественно, всегда распространяются против течения. Я не сомневаюсь, Натаниэль, что ты в стране делаваров непременно должен был видеть Сосквеганну ¹².

— Я сотню раз охотился на ее берегах.

— Вот это и есть та самая река, о которой ты говоришь. Мне очень приятно, что для нее сохранили то название, какое первоначально дали ей краснокожие. Будет и того, что у них отбирают земли: имена могут оставаться.

Натаниэль не отвечал и, опершись на карабин, рассматривал очаровательную картину, расстилавшуюся перед его глазами. Вид озера в самом деле был великолепен, и сейчас оно блистало всей своей красотой. Его гладкая, как стекло, поверхность была прозрачна, как самый чистый воздух, и отражала горы, заросшие темными соснами и густой зеленой травой, покрывавшей склоны. Все было полно глубокого покоя, еще не возмущенного властной рукою человека. Здесь было неприкосновенное царство природы, и все способно было наполнить неизъяснимым восторгом человеческую душу, проникнутую сознанием истинной красоты беспредельного мира. Натаниэль, сам того не зная, был душою поэт. Он находил мощное наслаждение в изучении великой книги красот и многообразных форм, сокрытых в непроницаемой глубине лесов, и не мог оставаться равнодушным к великолепию подобного ландшафта. Его душа наполнялась тем поэтическим восторгом, которое может родить лишь безграничное спокойствие природы.

Глава III

Скорый Гэрри думал больше о Юдифи Гуттер, чем о красотах Глиммергласа и о ландшафте, окружавшем это озеро. Осмотрев все, что лежало на платформе, он опять подошел к лодке и пригласил своего товарища отыскать на озере семейство Гуттера. Но перед этим он вооружился находившейся между его вещами подзорной трубой и тщательно осмотрел всю северную часть озера, особенно мысы и бухты.

— Я думал, — сказал Гэрри, — что старик Том отправился отсюда на север, оставив свой замок на произвол судьбы. Но так как теперь ясно, что его нет на северной стороне, то мы поедem на юг. Авось, отыщем в какой-нибудь норе.

— А разве он счел нужным выкопать себе какое-нибудь логовище на берегу этого озера? — спросил Натаниэль, усаживаясь в каноэ. — Мне кажется, что в этом уединении спокойно можно предаваться своим мыслям, не опасаясь нечаянных нападений.

— Ты забываешь, Натаниэль, про мингов и разных других дикарей, союзных французам. Разве найдешь где-нибудь клочок земли, куда бы не забрались эти гончие собаки?

— Конечно, я слышал про них много дурного, но почему же они гончие собаки?

— Как же назвать их иначе? Если слушать тебя, то выходит, что твои делавары чуть ли не совершенство, тогда как, по-моему, и делавары и минги хуже всякой дряни. Но вот в чем штука: люди на земле бывают трех цветов: белые, черные и красные. Белый цвет, разумеется, самый лучший, а следовательно, и белый человек лучше других людей. Затем следует человек черный: он может жить возле белого, принося ему удовольствие и пользу. Но красный человек никуда не годится, и, по-моему, очень глупо индейца называть человеком.

¹² Сосквеганна — река общим протяжением около 720 километров — образуется из соединения Восточной и Западной Сосквеганны и впадает в Чизепикскую бухту в Атлантическом океане. (Прим ред.).

— А по-моему, Гэрри, все люди сходны между собою...

— Сходны? Это ловко. Неужто ты думаешь, что негр похож на белого, или я, например, похож сколько-нибудь на краснокожего?

— Все люди имеют одни и те же чувства, хотя я и не отвергаю, что каждое племя отличается особенностями. Впрочем, перестанем толковать об этом. Каждый может думать, что ему угодно. Смотри, как бы нам не проглядет старика Тома. Может-быть, он скрывается где-нибудь среди этих густых листьев.

Чего боялся Натаниэль, то легко могло случиться. По всему берегу озера, в том месте, куда он указывал, мелкие деревья совершенно заслоняли своими ветвями берега, которые по большей части были довольно круты. Охотники плыли быстро: при колоссальной силе Скорого Гэрри каноэ летела, как перо, а Зверобой управлял ею с необыкновенною ловкостью. Всякий раз, как они проезжали около мыса, Гэрри бросал взгляд на бухту, надеясь увидеть ковчег, стоящий на якоре или у берега. Но надежды его не сбывались, а между тем они проехали больше двух миль, и замок уже совершенно скрылся из виду. Наконец, Гэрри бросил весла и недоумевал, в какую сторону им направить дальнейшие поиски.

— Неужели старик Том вздумал подняться вверх по реке? — сказал он, тщательно осмотрев восточный берег, который можно было видеть беспрепятственно на всем его протяжении. — Должно-быть, он чересчур увлекся своим новым ремеслом! Делать нечего, поедем и мы по реке. Только вначале будет дьявольски трудно пробираться сквозь листья и сучья.

— Да где ж эта река, Гэрри? — с изумлением спросил Натаниэль. — Ни на берегу, ни между деревьями я решительно не вижу нигде прохода, через который могла бы вытекать из озера Сосквеганна!..

— Вот в том-то и штука, что все реки похожи на людей, которые появляются на свет, скорчившись в комочек, а уже потом развиваются у них огромные головы и широкие плечи. Ты не видишь реки потому, что она проходит между высокими и крутыми берегами, и деревья покрывают ее воды, словно кровля какой-нибудь дом. Если старик Том не укрылся в бухте, значит, его надо искать на реке. Но заглянем сперва в бухту.

Они снова взялись за весла, и Гэрри объяснил товарищу, что недалеко от них находится очень мелкая бухта, образовавшаяся возле длинного мыса. Ее называли бобровой бухтой, потому что в ней водилось множество канадских бобров. Здесь довольно часто старик Гуттер останавливался со своим ковчегом, который совершенно скрывался в этом месте.

— Заранее, разумеется, нельзя знать, какие гости могут нахлынуть в эту сторону, — продолжал Гэрри, размахивая веслом, — и потому неплохо приютиться в таком месте, откуда можно их видеть издали. Эта предосторожность особенно необходима теперь, в военное время, когда какой-нибудь минг может свалиться тебе, как снег на голову. Но у старика Тома отличное чутье, и его мудрено застигнуть врасплох.

— Замок виден со всех сторон, и я полагаю, что старик Гуттер легко наживет врагов, если озеро сделается известным.

— Твоя правда, Натаниэль: неприятеля нажить всегда легче, чем какого-нибудь друга. Страшно подумать, сколько есть средств и способов накликать врагов на свою шею. Одни готовы выколоть тебе глаза единственно за то, что ты не разделяешь их образа мыслей; другие выкапывают из земли секиру, когда видят, что ты слишком далеко ушел от них вперед. Я знал одного сумасброда, который поссорился с своим другом единственно за то, что тот не признавал его красавцем. Вот, например, о тебе, Натаниэль, никак нельзя сказать, чтобы ты был красавец первого сорта. Однако, само собою разумеется, ты не сделаешься моим врагом, если я скажу тебе это в глаза.

— Я не желаю быть ни лучше, ни хуже того, каким меня создала природа. Может-быть, мое лицо действительно не отличается красивыми чертами, как представляют их себе тщеславные и легкомысленные люди; но все же я не урод, и, надеюсь, найдутся люди, которые отдадут должное и мне.

Гэрри разразился громким смехом.

— Нет, нет, любезный Натаниэль, — сказал он, — ты отличный стрелок, с чем тебя и поздравляю, но глупо тебе считать себя красавцем. Юдифь, пожалуй, скажет это тебе сама, если ты вздумаешь разговориться с ней об этих вещах. Поэтому предупреждаю тебя, что во всех наших колониях нет девушки легкомысленнее и острее Юдифи. Всего лучше тебе и не сталкиваться с ней. Вот сестрица ее, Гэтти, совсем другое: можешь говорить с нею сколько угодно, и она будет слушать тебя с кротостью овечки. Впрочем, весьма вероятно, что и Юдифь не выскажется вполне откровенно о твоей наружности.

— Каково бы ни было ее мнение, Гэрри, она не может сказать больше того, что я уже слышу от тебя.

— Я уверен, Натаниэль, что ты не вздумаешь обижаться на мои замечания.

— Не скрою, мне иногда хотелось быть красавцем, — проговорил Зверобой, — но это желание исчезало, когда я представлял себе, что многие люди при счастливой наружности не отличаются внутренними качествами. Притом мне приходило в голову, что есть на свете тысячи людей гораздо несчастнее меня. Ведь я мог родиться хромым, слепым, глухим, — вот тогда были бы для меня основательные причины жаловаться на судьбу.

— Ты прав, Натаниэль! Извини меня, и забудем этот разговор. Если твоя наружность не отличается прекрасными чертами, зато всякий при одном взгляде видит яснее солнца, что в твоей душе нет ничего безобразного. Юдифь, само собою разумеется, не обратит никакого внимания на твое лицо; зато сестрица ее, Гэтти, поверь мне, будет на тебя смотреть с большим удовольствием. Впрочем, какое тебе дело до Юдифи? Она ветренна, тщеславна, и у нее целые толпы обожателей. Не в твоём характере любить такую девушку. Мне приходило в голову, что плутовка любит себя до безумия, — больше, пожалуй, чем другой может полюбить ее.

— Что же тут мудреного, Гэрри? Юдифь в этом случае поступает так, как и большая часть хорошеньких женщин. Я знал многих, даже делаварок, влюбленных в свою красоту; о них, стало-быть, можно сказать то же, что о Юдифи. Но вот мы почти проехали длинный мыс, о котором ты говорил: бухта бобров должна быть около этого места.

Этот мыс, выдвигающийся в озеро на четверть мили, описывал правильный параллельный берегу полукруг и образовывал в этом месте глубокую губу, которою оканчивалось озеро с южной стороны. Старик Гуттер мог как нельзя лучше спрятаться здесь со своим пловучим домом, и Гэрри надеялся, что они, наверное, отыщут его в этой бухте.

— Вот сейчас увидим и ковчег, — сказал Гэрри, направляя каноэ туда, где вода была глубже. — Том, без сомнения, запрятался в тростник; и мы через несколько минут отыщем его в этом гнезде.

Напрасная надежда! Легкий челнок был уже на самой середине бухты, а между тем даже вооруженным глазом нельзя было разглядеть ничего похожего на лодку. Они углубились в тростник и каноэ почти закрылась ветвями деревьев, образовавших над нею свод. Охотники плыли без всякого шума, соблюдая величайшую осторожность в своих движениях, и челнок скользил как-будто по ровной и гладкой поверхности. Вдруг им послышался треск сухих ветвей на узкой полосе земли, отделявшей озеро от этой губы. Они вздрогнули и в одно мгновение схватились за ружья, которые всегда были у них под рукою.

— Ступившая на эту ветвь нога не может принадлежать легкому животному, — сказал Гэрри тихим голосом. — Этот шум произведен ногою человека.

— Нет, нет, — отвечал Натаниэль таким же тоном. — Эта походка все же слишком легка для человека, хотя в то же время она тяжела для маленького зверя. Причалим к берегу, и я выскочу на землю. Будь это минг или бобр, я отрежу ему дорогу.

Медленно и осторожно Зверобой углубился в густой кустарник и, насторожившись, снова услышал такой же треск сухой ветви. Теперь он не сомневался, что какое-то животное пробирается на оконечность мыса. Гэрри также слышал эти звуки и, отчалив от берега, терпеливо ожидал, что будет. Через минуту он увидел, как легкая лань, пробравшись из-за кустарника, медленно подошла к песчаной оконечности мыса и начала утолять жажду

студеною водою озера. После минутного колебания Гэрри приподнял ружье, прицелился и выстрелил. Несколько секунд после выстрела длилось глухое молчание, но когда, наконец, звук перелетел через озеро и достиг утесов и гор, покрывавших другой берег, громкое эхо раскатисто огласило пространство беспредельного леса. При ружейном выстреле, сопровождавшемся свистом пули, лань только встряхнула головой и не двинулась с места: в первый раз ей приходилось, повидимому, иметь дело с человеком. Но перебаты громкого эхо пробудили ее недоверчивость, и она стремительно бросилась в воду, чтобы переплыть на противоположный край. Гэрри испустил пронзительный крик и погнался на своем челноке за плывущим животным. Две или три минуты вода пенилась между охотником и ланью, и когда Гэрри готов был сделать последнее усилие, чтобы настичь свою жертву, Натаниэль появился на берегу и подал знак воротиться.

— Зачем безрассудно гоняться за бедным животным, когда оно не сделало тебе никакого вреда? — сказал Натаниэль, подавляя внутреннюю досаду. — Вместо того, чтобы стрелять без всякой нужды, мы должны были прежде всего поблагодарить судьбу, что сами не наткнулись на скрытого врага.

— Как это я промахнулся, чорт побери! — вскричал Торопыга, разводя руками. — Таких промахов я не делал и мальчиком пятнадцати лет.

— Не о чем жалеть, любезный друг. Смерть этого животного не принесет нам никакой пользы, а твой выстрел может наделать больших хлопот. Раскаты эхо для нас важнее промахов ружейного выстрела. Это голос самой природы, восстающей против безрассудной попытки опустошения!

— Таких голосов ты услышишь бесчисленное множество, если поживешь в этих окрестностях, — отвечал Гэрри. — Эхо в летнюю тишь беспрестанно повторяет все, что делают или говорят на Глиммергласе. Если нечаянно уронишь в лодку весло — горы тотчас захохочут над твоєю неловкостью. Если ты свистнешь или засмеешься — сосны сделают то же...

— Стало-быть, тем больше нужно благоразумия и осторожности в этих местах. Не думаю, чтобы неприятель успел проникнуть в эти горы, — ему тут нечего делать, но все делавары того мнения, что осторожность составляет после храбрости первую и необходимую добродетель воина. Горное эхо лучше всякого шпиона может выдать тайну нашего прибытия сюда.

— Но прежде всего оно доложит старику Тому, что у него гости. Садись-ка опять, любезный, и, пока светло, поплывем к его ковчегу.

Скорый Гэрри, плывя по диагонали, направил свой челнок к юго-востоку. В этом направлении они были на расстоянии одной мили от берега. Через несколько минут они слышали легкий шум, и, оглянувшись назад, увидели, как лань выходила из воды на берег, пробираясь к тому месту, откуда появилась. Животное стряхнуло воду со своих боков, взглянуло на деревья и углубилось в густой кустарник.

— Ты, Гэрри Марч, — сказал Натаниэль, — должен радоваться, что у тебя на этот раз глаз был не так верен и рука не так тверда. Мы вовсе не нуждались в смерти этого животного!

— До моего глаза и до моей руки, я думаю, нет тебе никакого дела, — возразил Гэрри, вспыхнув от досады. — Делавары прозвали тебя Непромахом, и ты, я верю, отлично стреляешь в оленей; но желал бы я поставить тебя лицом к лицу с каким-нибудь мингом, который так же, как и ты, вооружен карабином. Тогда можно было бы что-нибудь сказать насчет твердости твоей руки и верности глаза. Убить четвероногое животное не значит еще отличиться, но положить на месте дикаря, по-моему, — геройский подвиг. Мой глаз верен, друг Натаниэль, и рука моя не дрожит. Если пуля не дошла по назначению, это произошло оттого, что животное вдруг остановилось на месте, тогда как, по моему расчету, ему следовало продолжать путь.

— Отчего бы это ни произошло, Гэрри Марч, я очень рад, что ты промахнулся. Что касается меня, — я не стыжусь, что у меня не хватит духа стрелять в своего собрата с таким

же хладнокровием, как в оленя.

— Кто же тебе говорит о твоих собратях? Речь идет о каком-нибудь индейце, который не далеко ушел от четвероногих.

— Краснокожие такие же люди, как и мы, Гэрри Марч!

— Ты ребенок, Натаниэль, забавный ребенок! Если хочешь сам прослыть дикарем, стоит только тебе об этом заикнуться, и мы увидим, какой прием сделает тебе Юдифь Гуттер. Однако, вот река, которую мы так долго искали. Видишь, как она запряталась под деревьями и кустарниками: можно подумать, что все это скорее загромождает, чем облегчает исток воды из озера.

В самом деле, множество кустарников, пригнутых к воде, и сосен, подымавших свои верхушки наподобие колокольных шпиров, делало даже на ближайшем расстоянии незаметным исток, через который вытекала вода из Глимергласа. Не было видно никаких следов реки, и лес повсюду представлял собою однообразный, бесконечный лиственный ковер. Между тем челнок, медленно подвигаясь, вошел под арку из древесных ветвей. Несколько минут окруженные мраком путешественники не говорили ни слова.

— Эту засаду устроила сама природа, — сказал, наконец, Гэрри вполголоса, как-будто чувствуя, что это место посвящено молчанию и осторожности. — Я теперь убежден, что старик Том засел где-нибудь недалеко отсюда. Проедем еще сажень десятка, и мы, наверное, наткнемся на его гнездо.

— Но каким образом мог пробраться сюда его ковчег? — с недоверием спросил Натаниэль. — Здесь едва хватает места и для нашей каное.

Гэрри улыбнулся. Пробравшись через расстилавшуюся по окраинам озера бахрому кустарников, приятели очутились на гладкой поверхности воды, протекавшей под лиственным навесом, для которого старые деревья служили колоннами. Здесь вдруг образовался свободный проход футов двадцати в ширину, и зрение могло ясно различать предметы на далеком пространстве. Медленно и осторожно подвигаясь вперед, путешественники тщательно осматривали все повороты реки, которых на пространстве в несколько сотен ярдов оказалось довольно много. При одном из таких поворотов Гэрри вдруг остановил лодку и ухватился за ветвь, как-будто внезапная мысль поразила его. Зверобой в свою очередь машинально взялся за карабин.

— Вот где он, этот старый плут, — сказал Гэрри тихо, указывая пальцем вперед и стараясь не делать никакого шума. — Я так и думал. Видишь, как он возится по колону в грязи и переставляет свои сети? Но где же, черт побери, его проклятый ковчег? Я готов прозакладывать все свои кожи, если он не в этом же месте! Разумеется, Юдифь ни за что не согласится пачкать свои прелестные ножки в этой черной грязи. Скорее кокетка сидит где-нибудь на берегу ручья, убирает свои волосы и запасается на всякий случай презрением к бедным мужчинам.

— Ты слишком строго судишь молодых девушек, Гэрри, — сказал Натаниэль. — Зачем ты беспрестанно думаешь о их недостатках, упуская из виду хорошие качества, часто недоступные для нашего брата! Я убежден, что Юдифь далеко не так презирает нас, как это кажется тебе. Вероятно, она теперь где-нибудь и как-нибудь помогает своему отцу.

— Очень приятно услышать из уст мужчины правдивые суждения хотя бы только один раз в жизни! — воскликнул приятный женский голос так близко от лодки, что путешественники вздрогнули. — Что касается вас, господин Марч, правдивые слова совсем не идут к вам, и я в этом отношении не имею никакой надежды. Я очень рада, что с вами не постыдился путешествовать человек, который так хорошо умеет ценить женщин. Сейчас ваше общество гораздо лучше, чем прежде.

Едва замолкли эти слова, как красивая молодая женщина выставила свою голову между листвою в таком близком расстоянии, что Натаниэль мог бы дотронуться до нее своим

веслом. Она бросила холодный взгляд на Гэрри и встретила ласковой улыбкой его товарища. При этом нельзя было не заметить, что выражение ее подвижного лица способно принимать в короткое время самые разнообразные оттенки.

В следующую минуту все объяснилось. Каное охотников совершенно незаметно для них почти наткнулась на самый ковчег, который был тщательно скрыт за ветвями деревьев, склонивших с берега свои длинные ветви. Молодой девушке стоило только отодвинуть листья от окна, чтобы обратиться к путешественникам, которые находились прямо перед ее глазами.

Глава IV

Пловучий дом Тома Гуттера, или ковчег, как обыкновенно называли его, был построен очень просто. Нижняя часть его, лежащая на воде, состояла из большого плоского парома, посредине которого возвышалась каюта, занимавшая всю ширину и около двух третей длины парома. По наружному виду ковчег походил на замок, хотя деревья, употребленные на его постройку, были сравнительно тонки, — не большей толщины, чем требовалось для ограждения от пуль. Доски для парома подобраны были с большим искусством, и он был чрезвычайно легок, так что для управления им не нужно было ни особой ловкости, ни большого труда. Каюта разделялась на две комнаты: в одной обедали и спал старик, другая была предназначена для его дочерей.

Обнаружение ковчега произвело на обоих путешественников не одинаковое впечатление. Бросив каное, Скорый Гэрри немедленно вскочил на паром, и через минуту у него завязался оживленный разговор с Юдифью. Он защищался, оправдывался, шутил, смеялся и, казалось, совершенно забыл обо всем на свете. Совсем не так поступил Зверобой. Взобравшись на ковчег медленно и осторожно, он принялся с напряженным любопытством осматривать его внешность и все подробности. От его внимания не ускользнуло даже размещение ветвей, и скоро он в совершенстве узнал все тайны этого оригинального жилища. Затем, пройдя первую комнату, где сидела Юдифь с его товарищем, он отворил вторую и увидел под окном Гэтти Гуттер, сидевшую за работой.

Зверобой оперся о свой карабин, положив руку на его дуло, и начал рассматривать девушку с видимым участием, зная из рассказов своего приятеля, что природа обделила ее умственными способностями. Наружность ее не представляла ничего особенно замечательного, при беглом взгляде нельзя было заметить в ней признаков слабоумия. Ее ум, проявлявший слабость при каких-нибудь особенно трудных рассуждениях, сохранял, однако, свою природную простоту и врожденную любовь к правде. Не трудно было заметить, что чувство добра было в ней инстинктивным, а отвращение ко всему дурному было до такой степени характерной чертой ее природы, что она как-будто окружена была атмосферой душевной чистоты. Черты ее лица были довольно приятны. В общем она казалась слабой копией своей сестры. Ее щеки редко покрывались румянцем, потому что простой ее ум никогда не вызывал образов, способных взволновать кровь.

— Вас зовут Гэтти Гуттер? — сказал Зверобой ласковым голосом. — Скорый Гэрри мне говорил о вас, и я знаю, что ваше имя — Гэтти.

— Ваша правда, я Гэтти Гуттер, сестра Юдифи и младшая дочь Томаса Гуттера, — отвечала девушка приятным голосом.

— В таком случае я знаю вашу историю. Скорый Гэрри рассказал мне все, потому что он не имеет обыкновения скрывать чужих дел. Вы проводите большую часть вашей жизни на озере?

— Да. Моя мать умерла. Батюшка занимается своим делом, а Юдифь и я остаемся дома. Как вас зовут?

— На этот вопрос не совсем легко ответить. При всей своей молодости, Гэтти, я имел гораздо больше имен, чем какой-нибудь из великих начальников во всей Америке.

— Но все же есть у вас какое-нибудь имя? Бросая одно, вы, конечно, с честью

принимали другое.

— Надеюсь, что так. Имена доставались мне не даром, и, я думаю, теперешнее имя недолго останется за мной. Делавары редко сразу подыскивают действительное имя, свойственное человеку, пока он не обнаружит своего истинного характера в совете или на войне. Моя очередь еще не пришла. Во-первых, я не имею права заседать в их советах, потому что я не краснокожий; а во-вторых, на моем веку теперь только первая война, и неприятель еще не забирался в эту колонию.

— Скажите мне ваши имена, — повторила Гэтти наивно, — и я, может-быть, скажу вам, кто вы такой.

— Не думаю. Люди часто обманываются при оценке характера своих собратий и нередко дают им имена, которых они вовсе не заслуживают.

— Скажите мне ваши имена! — вскричала с запальчивостью девушка. — Я хочу знать, как о вас думать.

— Извольте, если вы непременно этого хотите. Прежде всего я принадлежу к породе белых людей, точно так же, как и вы. Мой отец имел фамилию, которая перешла к нему по наследству, и он передал ее мне. Эта фамилия — Бумпо. К ней придали имя Натаниэль, которое для краткости часто произносят Натти.

— Ах, как это хорошо: Натти и Гэтти! — вскричала молодая девушка, отрывая глаза от работы и с улыбкой всматриваясь в своего собеседника. — Вы — Натти, а я — Гэтти, но только вы — Бумпо, а я — Гуттер. Как вы думаете: ведь Гуттер звучит приятнее, чем Бумпо? Не правда ли?

— У каждого свой вкус. Бумпо звучит не так хорошо, я согласен; но мой дед и отец довольствовались этой фамилией всю жизнь. Я, однако, носил ее недолго: делаварам показалось, что я никогда не лгу, и потому они назвали меня: «Правдивый».

— Это очень хорошее имя! — вскричала Гэтти с живостью и убежденным тоном. — Не говорите же, что нет правды в именах!

— Я и не говорю этого. Ложь, действительно, ненавистна для меня, как и для многих других людей. Через несколько времени делавары нашли, что у меня проворные ноги, и потому назвали меня: «Голубь».

— Чудесное имя, — сказала Гэтти. — Голубь — прехорошенькая птица.

— Все хорошо в своем роде, моя милая. Только человек слишком часто портит окружающее своим прикосновением. Потом, когда я начал заниматься охотой, делавары увидели, что я отыскиваю дичь скорее и вернее многих сверстников. Они прозвали меня «Вислоухим», потому что, как говорили они, у меня собачье чутье.

— Вот это нехорошо... Надеюсь, вы недолго носили это имя?

— Недолго. Когда я обзавелся своим карабином, делавары увидели, что я способен своим искусством доставлять в их хижины гораздо больше дичи, чем требовалось для них. Они назвали меня «Зверобоем» и «Непромахом», так как я не даю промаха, когда стреляю в оленей. Это имя я ношу до сих пор и горжусь им, хотя некоторые полагают, что для мужчины гораздо приличнее сдирать кожу с человеческих черепов, чем стрелять в оленей.

— Я этого не думаю, Зверобой, — простодушно заметила Гэтти. — Ваше ремесло мне нравится, и я нахожу, что ваше последнее имя гораздо приятнее, чем Натти Бумпо.

— Это очень естественно в молодой девушке с вашим характером, и я этого ожидал. Мне говорили, что сестра ваша редкая красавица.

— Разве вы никогда не видали Юдифи? — с живостью вскричала Гэтти, — О, ступайте к ней, ступайте скорее! Ей не всегда нравится общество Скорого Гэрри.

Бледные щеки молодой девушки немного оживились, и взгляд ее, обыкновенно ясный и спокойный, засверкал неестественным блеском. Зверобой медленно вышел из комнаты.

Почти одновременно с Бумпо в другой комнате, где сидели Юдифь и Скорый Гэрри, появился и владелец ковчега, Томас Гуттер или Том Пловучий, как обыкновенно называли его охотники, знакомые с привычками загадочного старика. Казалось, он с первого взгляда узнал каное Гэрри и не обнаружил ни малейшего изумления, когда увидел его на пароме.

— Я ожидал тебя на прошлой неделе, — сказал он, обращаясь к Гэрри. — Сюда дошел слух, что между колонией и Канадой опять идет перепалка, а я засел между этими горами один, как байбак. На одни свои руки плохая надежда.

— Очень понимаю беспокойство отца, у которого две таких хорошеньких дочки, как Юдифь и Гэтти, — отвечал Генрих Марч полушутливо.

— Однако, ты в теперешнее время, когда канадские дикари начинают рыскать по всем сторонам, приехал сюда не один, — сказал Гуттер, бросая недоверчивый взгляд на Зверобоя.

— В этом нет никакой беды, Томас Гуттер. В дороге пригодился бы и дурной товарищ, а этот молодой человек — славный малый, могу тебя уверить. Это Зверобой, известный между делаварами охотник и честный человек, получивший такое же воспитание, как ты и я. Он отлично стреляет оленей, и мы не насидимся при нем без дичи.

— Добро пожаловать, молодой человек, — проговорив Том, протягивая Бумпо свою костлявую руку. — В нынешнее время каждый белый внушает доверие, и я надеюсь при случае найти в вас помощь. Дети иной раз могут разнежить самое твердое сердце, и я боюсь за своих дочерей гораздо больше, чем за все свои права на эти места.

— Это очень естественно, — сказал Гэрри. — Мы с тобой, Зверобой, еще не испытали этого чувства, но я вполне понимаю его. Будь у нас дочери, мы, без сомнения, имели бы такие же опасения, и я уважаю человека, который не стыдится этого признания. Ну, старик, с этой минуты я объявляю себя защитником Юдифи, а Зверобой будет покровителем Гэтти.

— Очень благодарна вам, господин Марч, — отвечала Юдифь. — Знайте, однако, что Юдифь Гуттер может защищать себя сама и не нуждается в помощи какого-нибудь бродяги. Если нужно будет столкнуться с дикими, выходите с моим отцом на вольный воздух вместо того, чтоб запираяться в четырех стенах под предлогом защиты слабых женщин, и...

— Юдифь! Укороти свой язык и выслушай, в чем дело. Дикие уже на берегу озера, и неизвестно в какой стороне. Может-быть, они от нас в нескольких шагах...

— Если это правда, Том, — с беспокойством сказал Гэрри, — твой ковчег в довольно жалком положении. Он скрыт недурно, если могли обмануться даже мы с Зверобоем, но индеец, который охотится за волосами с человеческого черепа, отыщет его непременно.

— Я думаю то же самое и, признаюсь откровенно, в эту минуту скорее желал бы быть во всяком другом месте, чем в этой засаде. Скрываться здесь очень удобно, это правда, но не будет никакого спасения, если дикари откроют убежище. Теперь они очень недалеко от нас, и трудно выкарабкаться из этой реки, чтобы с берега не перестреляли нас всех, как оленей.

— Уверены ли вы, господин Гуттер, что краснокожие, которых вы так боитесь, действительно из Канады? — спросил Зверобой скромным, но серьезным тоном. — Если вы их видели, не можете ли сказать, как расписано их тело?

— Я не видал еще никого, но наверное знаю, что они слоняются в окрестностях. Спустившись по реке на милю отсюда, я заметил у края болота человеческий след, обращенный к северу. По размерам следа ноги и по углублению в нем от большого пальца я тотчас же догадался, что это должен быть след индейца, а немного погодя я отыскал старый его мокассин, брошенный в грязь. Я очень хорошо заметил место, где он останавливался, чтобы переменить свою обувь.

— Из этого еще нельзя вывести заключения, что краснокожий имел враждебное намерение, — сказал Зверобой, покачивая головой. — Опытный солдат мог бы зарыть, сжечь или бросить в реку свою изношенную обувь, не обнаруживая своего присутствия. Я уверен, что след, на который вы напали, принадлежит мирному индейцу. Я приехал сюда повидаться с одним молодым индейским начальником, и он должен ждать меня около того места, на которое вы указали. Может-быть, на его след вы и напали.

— Гэрри, я надеюсь, что ты хорошо знаешь молодого человека, который назначает свидание с дикими в таком месте, где он никогда не был прежде? — спросил Гуттер подозрительно. — Измена считается добродетелью у индейцев, а белые слишком скоро осваиваются с их обычаями, как только поживут между ними.

— Справедливо, старик, совершенно справедливо; но только это вовсе не относится к

моему приятелю. Зверобой — откровенный молодой человек и не способен на обман. Я ручаюсь за его честность, хотя не имею никаких доказательств его храбрости.

— Я желал бы знать, что ему надобно в этой стране?

— Это скоро будет объяснено, господин Гуттер, — спокойно отвечал молодой охотник. — Отец двух дочерей, владелец озера имеет полное право осведомляться, зачем и кто приезжает в эти места. Это все равно, как если бы колония вздумала спросить, зачем французы увеличивают свои полки на пограничной линии.

— Если вы так думаете, любезный друг, потрудитесь рассказать вашу историю без всяких предисловий.

— Дело вот в чем, Томас Гуттер. Я еще очень молод и не успел до сих пор показать своей опытности в военном деле. Когда же прислали к делаварам обнаженную секиру, объявляя таким образом наступление войны, они поручили мне отправиться к людям моего цвета и подробно разведать о настоящем положении вещей. Я исполнил это поручение, и по окончании своих переговоров с белыми начальниками встретил на возвратном пути на берегах Скогари королевского офицера с деньгами, пересылаемыми некоторым союзным племенам, живущим далее к юго-востоку. В этом делавары видели благоприятный случай для Чингачгука, еще не успевшего померяться с неприятелем своими силами, и вместе с тем для меня, который также не отличался еще на поприще войны. Поэтому один старый делавар посоветовал нам встретиться и переговорить возле утеса на краю этого озера. Не скрою, есть у Чингачгука и другая цель свидания, но это его личный секрет, который несколько не касается вас, и, конечно, вы не потребуете, чтоб я без всякой нужды выдавал чужие тайны.

— Держу пари, что дело идет о какой-нибудь молоденькой женщине! — вскричала Юдифь, улыбаясь и краснея при этой догадке. — Если сюда не замешалась охота или война, так, значит, молодой индейский начальник влюблен: это яснее солнца.

— Может-быть, да, может-быть, и нет. Я не скажу ничего ни в подтверждение, ни в опровержение догадки, которая, естественно, весьма легко может запасть в голову молодой девушки, проникнутой нежным чувством. Завтра поутру, за час до захода солнца, мы должны встретиться с Чингачгуком возле утеса и потом вместе продолжать наш путь, не трогая никого, кроме врагов колонии, которые теперь на законном основании сделались и нашими врагами. Скорого Гэрри я давно знал, потому что он не раз ставил свои капканы на земле делаваров. Встретившись с ним на берегах Скогари, когда он собирался на свои, обыкновенные в летнее время, поиски, мы решились идти вместе не столько из опасения, сколько для сокращения нашей общей дороги. Впрочем, об этом он и сам говорил вам.

— Так вы полагаете, что замеченный мною след принадлежит вашему другу, который явился на место свидания раньше условленного срока?

— Да, я так думаю. Может-быть, я ошибаюсь, а может, и нет. Если бы увидеть найденный вами мокассин, я бы тотчас сказал, кому он принадлежит: делавару или нет.

— Извольте, вот он! — вскричала Юдифь, уже сбегавшая за ним в лодку. — Говорите, друг его носил или недруг? Вы честный человек, и я вполне верю вашим словам, что бы ни думал об этом отец.

— Это очень на тебя похоже, Юдифь, — сказал старик Том. — Я беспрестанно боюсь врагов, а у тебя на уме только друзья. Хорошо, молодой человек, говорите: что вы думаете об этом мокассине?

— Он сделан не так, как у делаваров, — отвечал Зверобой, внимательно осмотрев эту изношенную и брошенную обувь. — Я еще слишком молод и неопытен в военных делах, но мне кажется, что этот мокассин шел с севера, из-за больших озер ¹³.

— В таком случае мы не должны здесь оставаться ни минуты, — сказал Гуттер с крайним беспокойством, как-будто скрытый неприятель засел на берегу недалеко от его ковчега. — До сумерок один только час, а в темноте нельзя выбраться отсюда, не делая

¹³ Из Канады. (Прим. ред.).

шума. Слышали вы за полчаса перед этим эхо от ружейного выстрела?

— Ведь это я выстрелил, чорт меня побери! — отвечал Скорый Гэрри, понявший теперь свою неосторожность.

— Нехорошо, молодой человек, очень плохо. Выстрел может возбудить подозрение индейцев, и они легко откроют наше убежище. Никогда нельзя стрелять в военное время без всякой нужды.

— Это я говорил и прежде своему товарищу. Он слишком упрям и не слушает посторонних советов, — сказал Зверобой. — Однако, зачем нам переменять эту позицию, господин Гуттер? Здесь мы, кажется, в относительной безопасности и в случае нужды могли бы защищаться из этой каюты. Я знаю сражения только по рассказам, но мне кажется, что из этой крепости можно обратиться в бегство дюжины две мингов.

— Это и видно, молодой человек, что вы знаете сражения только по рассказам. Видали ли вы когда-нибудь пространство воды пошире того, через которое вы сейчас проезжали с вашим товарищем?

— Нет.

— Так я объясню вам невыгоды нашей позиции в этом углу. Здесь, видите ли, дикие без труда узнают, в какой пункт направлять свои пули, и безрассудно думать, что ни одна из них не проберется через трещины нашего судна. Мы, напротив, принуждены будем стрелять наудачу во все эти деревья. С другой стороны, здесь ничто не спасет нас от пожара, потому что всего легче запалить кору этой кровли. Кроме того, дикие в мое отсутствие проберутся в мой замок, разграбят его, опустошат и разорят вконец. Но если мы выберемся на озеро, неприятель должен будет атаковать нас не иначе, как на лодках или на своих паромках, и тогда мы совершенно сравняемся с ним. Защищаясь с ковчега, мы отстоим наш замок. Понимаете вы эти соображения, молодой человек?

— Как не понять! Вы совершенно правы, господин Гуттер.

— Нечего, стало-быть, и распространяться, дядюшка Том! — с живостью вскричал Гэрри. — Чем скорее с места, тем лучше. Марш за дело! Может-быть, еще до ночи нам удастся запасть индейскими скальпами.

После краткого совещания начались серьезные приготовления к трудной переправе. Прежде всего развязали веревки, которыми ковчег прикреплялся к деревьям на берегу, потом посредством бечевки мало-помалу вытащили его из-за кустарников на гладкую поверхность воды. При этом не было произведено ни малейшего шума, ни малейшего шороха, потому что старик Гуттер принял все предосторожности. Затем, когда все трое перебрались с берега на борт ковчега, Гуттер и Скорый Гэрри взяли за весла, а Зверобой стал на карауле, посматривая во все стороны. Эта предосторожность была очень кстати. Когда они подъехали почти к самому устью Сосквеганны, Зверобой увидел на западном берегу такое зрелище, которое могло напугать и опытного воина: на огромное дерево, наклонявшееся к воде в форме полукруга, уже вскарабкались шесть индейцев с очевидным намерением прыгнуть на каюту ковчега, как только он поровняется с этим местом. Зверобой заметил их в ту самую минуту, когда уже один, придерживаясь за ветви, выжидал удобного мгновения, чтобы соскочить и увлечь за собою остальных товарищей.

— Живее, Гэрри, живее! — вскричал он. — Дело идет о жизни. Гребите изо всей силы.

Пораженные этим необыкновенным криком, Гуттер и Марч удвоили свои усилия и с быстротою стрелы промчались мимо рокового дерева, как-будто заранее зная опасность, которая им здесь угрожала. Заметив, что их открыли, индейцы испустили пронзительный военный крик и опрометью один за другим бросились с дерева, надеясь попасть на кровлю пловучего дома, но вместо этого все попадали в воду на большем или меньшем расстоянии от ковчега. Один только их начальник, бывший впереди и вооруженный с ног до головы, очутился на борту пловучего дома. Прежде чем он успел придти в себя, смелая Юдифь, выбежав из каюты, мгновенно столкнула его в воду. Ее щеки пылали, глаза горели необыкновенным блеском, и в этом состоянии она едва ли давала себе отчет в безрассудности своего отчаянного героизма. Все это было делом одного мгновения, и когда

Юдифь опомнилась, Натаниэль взял ее на руки и поспешно отнес в каюту. В ту же минуту по всему лесу раздались ужасные крики, и ружейные пули застучали по стенам каюты. Еще несколько мгновений, — и ковчег выплыл на открытое озеро, где уже не было никакой опасности. Индейцы с сожалением увидели бесполезность своих покушений и мало-по-малу прекратили ружейные залпы.

Глава V

На передней части парома в присутствии Юдифи и Гэтти началось совещание. Неприятель уж не мог подкрасться невзначай; но было ясно, что рассеянные толпами по берегу озера индейцы воспользуются всеми средствами для захвата ковчега и замка. Молодые и неопытные девушки, уверенные в смелости отца, не обнаруживали большого беспокойства, но старик Гуттер лучше всех понимал опасность, особенно, если двум товарищам вздумалось бы оставить его на произвол судьбы, что, весьма вероятно, они могли сделать во всякое время. Эта мысль сейчас не выходила из его головы.

— Нечего бояться, — сказал он, — пока мы на озере. В наших руках большие преимущества перед неприятелем, кто бы он ни был. Здесь всего три лодки, кроме твоей, Гэрри, и только я один знаю, где они скрыты. Ирокез может искать их тысячу лет, и разве только чудом каким наткнется на дупло, куда они запрятаны.

— Не говорите этого, господин Гуттер, — возразил Зверобой. — Чутье у краснокожих лучше, чем у собаки, если впереди ожидает их добыча; и я не знаю, какое дупло укроет от них вашу лодку.

— Твоя правда, Зверобой, — сказал Гэрри Марч. — И я очень рад, что моя каное в безопасности в наших руках. Завтра к вечеру, по моим расчетам, они непременно отыщут лодки, если их цель — загнать тебя в твоё логовище, старый Том!

Гуттер не отвечал ничего. Он попеременно смотрел то на озеро, то на небо, то на опушку лесов, как-будто хотел открыть в них какие-нибудь признаки. Но ничто не давало внешних поводов к тревоге: деревья покоились в глубоком сне, освещенное на западе багрянцем заката небо было чисто. Озеро в этот торжественный час наступающей ночи казалось спокойнее обыкновенного.

— Юдифь, — сказал Том, прекративший свои наблюдения, — приготовь ужин для наших друзей. После этой перепалки у них должен быть отличный аппетит.

— Вовсе нет, дядя Гуттер! — отвечал Марч. — Мы сегодня за обедом порядком набили свои желудки, и для меня на этот раз общество Юдифи приятнее всякого ужина. Кто не будет любоваться ею в этот прекрасный вечер?

— Природа не отказывается от своих прав, и, по крайней мере, мой желудок требует пищи, — возразил старик. — Юдифь, займись приготовлением ужина и уведи с собой сестру. Мне нужно с вами поговорить, друзья мои, — продолжал он, когда девушки вошли в каюту, — и я нарочно выслал дочерей. Вам известно мое положение, и я хотел бы слышать ваше мнение насчет наших планов. Три раза горел мой дом, построенный на земле; но, выстроив этот замок и поселившись на воде, я считал себя в безопасности вплоть до настоящей минуты. Как вы об этом думаете?

— По моему мнению, старый Том, сейчас и твоей жизни и всем твоим владениям угрожает величайшая опасность, — отвечал Гэрри. — Все твоё имение не стоит сегодня и половины того, что стоило вчера.

— Притом у меня есть дети, — прибавил старик вкрадчивым тоном, — и вы сами видите, как хороши мои дочери. Это я могу сказать, несмотря на то, что я их отец.

— Все можно сказать, почтенный старичина, особенно, если нож приставят к горлу. У тебя две дочери, говоришь ты, и одна из них, это правда, не встретит себе соперницы во всех, какие ни возьми, колониях. О другой можно сказать только то, что ее зовут Гэтти Гуттер, и

ничего больше. Так ли, старичина?

— Твоя дружба, Гэрри Марч, как я вижу, находится в зависимости от направления ветра, и товарищ твой, без сомнения, придерживается таких же правил, — отвечал Том с гордым видом. — Пусть так! Можете идти на все четыре стороны! Обойдусь без вас!

— Вы, конечно, ошибаетесь, господин Гуттер, думая, что Гэрри намерен вас оставить, — простодушно заметил Зверобой. — Ошибаетесь еще больше, если полагаете, что я последовал бы за ним в этом случае и бросил бы на произвол судьбы целое семейство, поставленное в затруднительное положение. Вы знаете, зачем я пришел: завтра будут окончены мои переговоры с молодым делаваром, и потом вот вам моя рука и с нею надежный карабин, который еще ни разу не дал промаха на охоте за зверьем. Очень буду рад, если он принесет такую же пользу и в военное время.

— Стало-быть, я могу рассчитывать на вашу помощь, защищая дочерей?

— Очень можете. Том Пловучий, если таково ваше имя. Я стану защищать их до последней капли крови, как брат защищает свою сестру и муж жену. Да, вы можете положиться на меня во всех затруднительных случаях, и то же, надеюсь, скажет вам Скорый Гэрри, если дорожит своею честью.

— Нет, нет! — вскричала Юдифь, полуотворяя дверь. — Скорый Гэрри столько же опрометчив на словах, как и на деле. Он взапуски бросится от нашего семейства, лишь только почувет опасность для своей смазливой наружности. Ни старик Том, ни его дочери не могут рассчитывать на легкомысленный и фальшивый характер Генриха Марча. Все мы будем надеяться на вас, Зверобой, потому что ваше открытое лицо и добрая воля ручаются за искренность ваших слов.

Однако, в ее словах было больше досады, чем искренности, и Марч с неудовольствием подметил в ее глазах выражение презрения. Но это выражение мгновенно изменилось, когда она бросила мягкий и благодарный взгляд на Бумпо. Все это ясно видел Генрих Марч.

— Оставь нас, Юдифь! — строго вскричал Гуттер прежде, чем молодые люди успели ответить. — Можешь притти сюда с ужином, когда он будет готов. Видите ли, господа, ее избаловали глупой лестью крепостные офицеры, которые наезжают сюда по временам. Надеюсь, Гэрри, ты не обратишь внимания на ее ребяческую выходку.

— Что правда, то правда, дядя Том, — отвечал Гэрри, раздосадованный замечаниями Юдифи. — Эти молодые вертопрахи решительно вскружили голову твоей дочери. Я просто не узнаю Юдифи, и ее сестра начинает мне нравиться гораздо больше, чем она.

— И прекрасно, молодой человек. Гэтти, поверь мне, гораздо рассудительнее своей сестры, и, по моему мнению, из нее выйдет самая верная, самая преданная жена.

— Конечно, дядя Том, вернее Гэтти не сыскать жены в целом мире, но насчет ее рассудительности можно еще поспорить — отвечал Гэрри, улыбаясь. — Но об этом речь впереди. Я очень благодарен Зверобою, что он ответил за меня. Каковы бы ни были мои отношения к твоей старшей дочери, я не оставлю тебя, старик, можешь в этом быть спокоен.

Гуттер выслушал это обещание с видимым удовольствием, которого и не скрывал. Физическая сила такого человека, как Генрих Марч, уже известного своею храбростью, была при настоящих обстоятельствах для него надежным оплотом. За минуту до этого старик готов был оставаться только в оборонительном положении, теперь же его мысли мгновенно переменялись, и он уже обдумывал план наступления.

— Можно рассматривать все предметы с двух различных сторон, — начал старик с двусмысленной улыбкой, — и, вероятно, найдутся совестливые люди, которые сочтут не совсем благородным проливать человеческую кровь за деньги. Мне, однако, кажется, что если уже заведен обычай убивать друг друга на военной тропе, то ничто не помешает к волосам дикаря прибавить малую толику звонкой монеты. Что ты думаешь об этом, Гэрри Марч?

— А то, что ты делаешь страшную ошибку, дядя Том, когда кровь дикарей называешь человеческой кровью. По-моему, срезать кожу с черепа индейца — то же, что окантать уши собаке или волку, и, разумеется, глупо в том или в другом случае отказываться от законного

и заслуженного барыша. О белых, конечно, мы не говорим: они имеют врожденное отвращение к сдиранию кожи; между тем индейцы бреют себе голову как-будто нарочно для ножа. На маковке у них шутовской клочок волос, разумеется, для того только, чтоб удобнее было делать эту операцию.

— Вот это по-нашему, любезный Гэрри! — отвечал старик, не скрывая своей радости. — Теперь мы разделаемся по-свойски. Мы подготовим индейцам такой праздник, какой им не снился. Вы, Зверобой, конечно, разделяете образ мыслей вашего товарища. Деньги — всегда деньги, хоть бы они были выручены за индейский скальп.

— Нет, я не разделяю подобных взглядов. Я стану защищать вас, Томас Гуттер, на ковчеге, в замке, в лесу, на лодке, везде, но никогда не изменю велению своего чувства. Вы хотите денег за индейские скальпы? Идите куда вам угодно, а я остаюсь здесь для защиты ваших дочерей. Сильный должен защищать слабого. Это в порядке вещей, и мои руки к вашим услугам.

— Скорый Гэрри, воспользуйтесь этим уроком! — послышался из другой комнаты кроткий, но одушевленный голос Юдифи. Это доказывало, что она слышала весь разговор.

— Замолчишь ли ты, Юдифь? — закричал рассерженный отец. — Ступай прочь! Мы толкуем о вещах, о которых не должны слышать женские уши.

Впрочем, Гуттер не принял никаких мер, чтобы удостовериться, послушалась ли его дочь, или нет. Он только понизил голос и продолжал;

— Молодой человек говорит правду, Гэрри, и мы можем ему доверить моих дочерей. Я думаю, собственно, вот о чем. На берегу озера теперь многочисленные толпы дикарей, и между ними достаточно женщин, хотя этого мне не хотелось сказать перед своими дочерьми. Очень вероятно, что это пока не больше, не меньше как группа охотников, которые не слышали еще ни о войне, ни о премиях за человеческие волосы, потому что, как видно по всему, они давно кочуют в этих местах.

— В таком случае зачем же они хотели ни с того, ни с сего отправить нас на тот свет? — сказал Гэрри.

— Наверняка еще нельзя сказать, что таково было их намерение. Индейцы очень любят устраивать нечаянные засады и делать фальшивые тревоги, чтоб позабавиться над испугом мнимых пленников. Это в их характере. Они, без сомнения, хотели нахлынуть на ковчег, как снег на голову, и предложить свои условия. Когда же этот план не удался, они от злости начали стрелять. Вот и все!

— Пожалуй, и так, я согласен с тобой, дядя Том! В самом деле, им не к чему таскать за собою женщин в военное время.

— Но охотники не расписывают тела разноцветной краской, — заметил Зверобой. — Это делается только в случае войны, и минги, которых я видел, без сомнения, гоняются не за оленями в этом месте.

— Слышишь, дядя Том? — вскричал Гэрри. — У Зверобоя взгляд повернее какого-нибудь старого колониста, и если он говорит, что индейцы расписаны военной краской, значит, это ясно, как день.

— Ну, так, стало-быть, военный отряд наткнулся на толпу охотников, а с ними были женщины. Несколько дней тому назад проследовал через эти места гонец с известием о войне, и весьма вероятно, что воины пришли теперь звать своих женщин и детей и готовятся нанести первый удар.

— Может-быть, и так! Но какая тебе-то польза, дядя Том?

— Денежная польза, любезный друг, — хладнокровно отвечал старик, бросив пронизательный взгляд на обоих собеседников. — Волосы есть у женщин и детей, а колония платит без различия за все скальпы, не разбирая, с какого черепа они содраны.

— Это бесчеловечно и позорно! — воскликнул Зверобой.

— Не горячись, любезный, — сказал Гэрри. — Прежде выслушай в чем дело. Все эти дикари прехладнокровно режут всякого человека, кто бы он ни был. Небось, они не дают спуска твоим приятелям делаварам или могиканам. Отчего же в свою очередь и нам не

сдирать волос с их черепов?

— Стыдитесь, господин Марч! — вскричала опять Юдифь, полуотворяя дверь.

— С вами, Юдифь, я не намерен рассуждать: за недостатком слов вы умеете доказывать глазами, и я сознаюсь в своем бессилии против такого оружия. Жители Канады, видите ли, платят индейцам за ваши волосы; почему же в свою очередь нам не отплатить...

— Нашим белокожим индейцам! — добавила Юдифь, и в смехе ее послышалась грустная нотка. — Батюшка, не думайте об этом! Слушайтесь Зверобоя: он человек честный, совестливый, — не так, как Генрих Марч.

Гуттер встал, вошел в ближайшую комнату, прикрыл дверь и воротился опять к своим друзьям. Гуттер и Скорый Гэрри начали обдумывать свой план и разговаривали шопотом, поверяя один другому свои мысли. Наконец, Юдифь принесла ужин. Марч с удивлением заметил, что лучшие куски хозяйка предложила Зверобоя, и что вообще она, едва представлялся случай, обнаруживала очевидное желание угодить этому новому гостю. Зная, однако, кокетство и причуды красавицы, он был совершенно спокоен и ел с отличным аппетитом, так же, как и его товарищ, успевший проголодаться после легкого обеда.

Через час мрак мало-по-малу сменил летние сумерки, и все погрузилось в тихий покой ночи. Озеро попрежнему было гладко и спокойно. Окружавшие его леса были окутаны торжественным молчанием. Ни крика, ни шороха на всем окружающем пространстве. Только правильное движение весел в руках Гэрри и Бумпо нарушало тишину. Гуттер сначала управлял рулем на задней части ковчега, но когда увидел, что молодые охотники могут справиться и без него, бросил рулевое весло и закурил трубку. Через несколько минут вышла из каюты Гэтти и села у ног своего отца. Гуттер, привыкший к манерам младшей дочери, не обратив на это никакого внимания и только погладил ее по голове.

Не отвечая на ласки отца, Гэтти запела. Ее голос, сначала тихий и дрожащий, имел какой-то торжественный характер. Слова и мелодия отличались величайшей простотой: то был один из гимнов, которые Гэтти переняла от своей покойной матери. Эта простая мелодия всегда производила умиротворяющее действие на старого Тома. Гэтти инстинктивно поняла это, и во многих случаях умела кстати пользоваться своим влиянием на отца.

Гребцы положили весла. Вдохновение Гэтти увеличивалось, повидимому, с каждой минутой; ее голос, проникнутый какою-то меланхолическою грустью, постепенно усиливался, замирая в переливах разнообразнейших оттенков. Бездействие молодых людей, сидевших на передней части парома, доказывало, что они захвачены этой заунывной мелодией, и только тогда, когда последний звук замер на отдаленном берегу в непроницаемой густоте лесов, они снова взялись за весла. Старик Гуттер был, повидимому, очень растроган.

— Ты что-то слишком печальна сегодня, дитя мое, — сказал он с необычной для него нежностью. — Мы избавились от большой опасности, мой друг, и ты должна радоваться.

— Ты ничего этого не сделаешь? — сказала Гэтти, не отвечая на его замечание и взяв его за руку. — Ты долго разговаривал с Гэрри; но я надеюсь, что у вас не подымется рука на это.

— Ты впутываешься не в свое дело, глупое дитя!

— Зачем хотите вы с этим Гэрри убивать людей, особенно детей и женщин?

— Перестань, девчонка! Мы ведем войну, и наша обязанность поступать с неприятелями так же, как они с нами.

— Не то, батюшка. Распродайте свои кожи, накопите их еще больше, но не проливайте человеческой крови.

— Поговорим лучше о чем-нибудь другом, дитя мое. Рада ли ты возвращению нашего друга, Марча? Ты, кажется, любишь Гэрри и должна знать, что скоро, может-быть, он сделается твоим братом, или чем-нибудь поближе.

— Этого не может быть, батюшка, — отвечала Гэтти после продолжительной паузы. — У Гэрри уже есть отец и мать, а никто не может иметь двух отцов и двух матерей.

— Как ты глупа, моя милая! Дело, видишь ли, вот в чем. Если Юдифь выйдет зауж, родители ее мужа сделаются также ее родителями, и сестра ее мужа будет ее сестрою. Если женится на ней Гэрри, он будет твоим братом.

— Юдифь никогда не выйдет за Гэрри, — отвечала девушка решительным тоном. — Юдифь не любит Гэрри.

— Этого ты не можешь знать, мой друг. Гэрри Марч прекрасный, сильный и храбрый молодой человек. Юдифь в свою очередь прекрасная молодая девушка. Почему же им не обвенчаться? Я уже почти дал ему слово, и только на этом условии он соглашался идти со мною в поход.

С минуту Гэтти не отвечала ничего. Она обнаруживала очевидные признаки внутреннего беспокойства. Наконец, Гэтти спросила:

— Батюшка, виноват ли тот, кто безобразен?

— Нет, мой друг. Но ты не безобразна, Гэтти! Ты только не так хороша, как Юдифь.

— Почему Юдифь умнее меня?

— Что с тобою, Гэтти? Этого я не могу тебе сказать. Разве тебе хотелось бы иметь больше ума?

— Нет. Я не знаю, куда девать и тот ум, который у меня есть. Одно только мучает меня. Чем больше я размышляю, тем больше мне кажется, что я несчастна. Я хотела бы похорошеть так же, как Юдифь.

— Зачем? Красота может ей принести множество огорчений, таких же, например, как бедной твоей матери.

— Моя мать была очень добра при всей своей красоте, — сказала Гэтти.

При этом намеке на свою жену Гуттер нахмурился, замолчал и принялся докуривать свою трубку. Гэтти плакала. Наконец, вытряхнув пепел и погладив дочь по голове, он сказал:

— Думай не о красоте, милое дитя мое...

— Гэрри говорит, что красота — все для молодой девушке. Вот отчего мне хотелось бы похорошеть, милый батюшка.

Гуттер сделал нетерпеливое движение, встал и немедленно прошел через каюту на переднюю часть парома. Простота, с какой Гэтти обнаружила свое увлечение, обеспокоила его тем больше, что никогда прежде подобная мысль не приходила ему в голову. Он решил немедленно объясниться с Гэрри. Отличительною, лучшею чертою его грубой натуры, подавленной странными привычками и диким образом жизни, было идти прямо к цели и в речах, и в поступках. Подойдя к молодым людям, он сказал, что пришел сменить Зверобоя, и, взяв весло, попросил Бумпо занять место рулевого на задней части парома. Гуттер и Генрих Марч остались наедине.

С появлением Зверобоя Гэтти исчезла, и молодой охотник остался один. Через несколько минут вышла из каюты Юдифь. В ее блестящих глазах, устремленных на молодого человека, выразилось неподдельное участие, которое без труда при ясном свете луны заметил бы и поверхностный наблюдатель. Волосы ее густыми прядями падали на плечи, и выразительное лицо казалось в этот час еще прекраснее.

— Я едва не умерла со смеху, Зверобой, когда этот индеец бултыхнулся в реку, — внезапно с кокетливым видом начала красавица. — Этот дикарь расписан недурно. Любопытно бы знать, слинял ли он на дне Сосквеганны или нет?

— Ваше счастье, Юдифь, что вы уцелели от пули этого индейца. Вам не следовало выходить из каюты, и ваша необдуманная смелость могла иметь печальные последствия.

— Зачем же вы бросились за мною, любезный Зверобой? Ведь и вам грозила такая же опасность.

— Мужчина обязан спасать женщину везде и всегда: это его обязанность, которую понимают и минги.

— Вы больше делаете, чем говорите, Зверобой, — отвечала Юдифь, усаживаясь возле того места, где он стоял, управляя рулем. — Надеюсь, мы с вами скоро подружимся. Генрих Марч говорит очень бойко, но когда нужно действовать, он не выполняет своих слов.

— Марч ваш старый друг, Юдифь, и вам не следует дурно отзываться об отсутствующем друге.

— Генрих Марч, я полагаю, никого не обрадует своею дружбой. Молчите или поддакивайте, когда он говорит, — и он весь к вашим услугам. Если же вы ему противоречите, тогда злословие и бешенство его не знают никаких пределов. Нет, Зверобой, я не могу любить человека с характером Генриха Марча. С своей стороны и он, я уверена, таких же мыслей обо мне. Вы это, конечно, знаете, если он говорил с вами.

— Марч по обыкновению высказывает все, что у него на языке, не давая пощады ни друзьям, ни врагам. Это, конечно, зависит от необдуманности и чрезмерной пылкости его характера.

— Я убеждена, что язык Марча работает вдоволь, как только речь заходит о Юдифи Гуттер и ее сестре, — сказала она презрительным тоном. — Репутация молодых девушек — забавный предмет для известных людей, которые, однако, не осмелились бы разинуть рта, если бы у этих девушек был брат или близкий родственник. Так и быть. Пусть Генрих Марч издевается над нами сколько угодно: рано или поздно он раскается. Даю в том честное слово.

— Вы слишком преувеличиваете, Юдифь. Гэрри никогда ни одного слова не говорил о вашей сестре, и...

— Понимаю! — с живостью вскричала Юдифь. — Его змеиный язычок потешается только надо мной одной. Бедная Гэтти ниже или выше его клеветы и злости.

— Не скрою, — продолжал Бумпо, — мой товарищ жаловался довольно часто, что вы слишком привязаны к обществу офицеров. Но это он говорил из ревности, и, по всей вероятности, его слова приносили ему же огорчение.

Зверобой, может-быть, и сам не чувствовал всей важности своих простодушных речей. Он не заметил живой краски, выступившей на прекрасном лице Юдифи, потом бледности, покрывшей ее щеки. Несколько минут продолжалось глубокое молчание. Вдруг Юдифь стремительно вскочила со своего места, схватила руку молодого охотника и с необыкновенной живостью проговорила:

— Зверобой, я в восторге, что между нами нет больше недоразумений. Говорят, внезапная дружба ведет к продолжительной вражде, но с нами этого не случится никогда. Не знаю, как это вышло! Вы первый и, может-быть, единственный человек, который говорит со мною без всякой лести, не желая моей гибели и не рассчитывая на мою слабость. Не говорите ничего Скорому Гэрри. При первом удобном случае мы возобновим этот разговор.

Она выпустила руку молодого охотника и поспешно удалилась в свою комнату. Озадаченный Зверобой машинально ухватился за руль и стоял неподвижный, как горная сосна. Рассеянность его была так велика, и он настолько забыл свой пост, что Гуттер должен был окликнуть его несколько раз, чтобы заставить держаться прямой дороги.

Глава VI

Легкий южный ветерок заколыхал поверхность озера, и Гуттер распустил огромный парус, при котором не нужно было работать веслами. Часа через два путешественники сквозь ночной мрак увидели замок в нескольких саженях от себя. Спустили парус, и ковчег благополучно пристал к платформе, где его и привязали.

Никто не входил в Замок Канадского Бобра с той поры, как его оставили Скорый Гэрри и Зверобой. Гуттер не велел своим дочерям зажигать света из опасения пробудить бдительность индейцев, кочевавших по берегам.

— Днем за этой оградой я не испугаюсь целого полчища дикарей, — говорил старик Гуттер. — Здесь у меня всегда три или четыре заряженных ружья, и одно из них, прозванное: «ланебой», никогда не дает промахов. Днем все выгоды на моей стороне. Ночью совсем не то: лодка может подъехать сюда исподтишка, и у дикарей найдутся миллионы средств тревожить нас со всех сторон. Хорошо и то, что мой замок с успехом может обороняться при свете солнца. Я держусь того убеждения, что здесь, на воде и под открытым небом, я

совершенно в безопасности.

— Мне говорили, дядя Том, что ты был когда-то моряком, — сказал Скорый Гэрри полушутливо. — Ты мог бы, по словам некоторых людей, рассказывать предиковинные истории относительно, ну, разных там морских битв и кораблекрушений.

— Мало ли каких людей ни бывает на свете, любезный Гэрри, — отвечал уклончиво Гуттер. — Некоторые люди, видишь ли, большие охотники до чужих дел и мыслей, и эта страсть преследует их даже в лесной глуши. Все это, я полагаю, не так важно для нас, как эти дикари. Гораздо своевременнее теперь допытываться, что может с нами случиться через двадцать четыре часа, нежели рассуждать о том, что и как происходило двадцать четыре года тому назад.

— Вы правы, господин Гуттер, — сказал Зверобой, — и, по моему мнению, мы сделаем лучше всего, если позаботимся о мерах безопасности для Юдифи и Гэтти. Впрочем, не мешает прежде отдохнуть; я заявляю, что усну спокойно за этими стенами.

Так окончился разговор. Но не сон был на уме у старика Тома. Как только дочери удалились в спальню, он пригласил своих товарищей на ковчег.

— Вот в чем дело, друзья мои, — начал Гуттер, — на всем этом пространстве есть только пять лодок, годных для плавания по этому озеру. Из этих пяти лодок две принадлежат мне, одна — Гэрри, и все эти три лодки около нас. Одна привязана к сваям под моим замком; две другие поставлены рядом на ковчеге. Но две остальные лодки запрятаны на берегу в дуплах толстых деревьев. Если индейцы твердо решили получить деньги за наши волосы, то нет сомнения, что завтра поутру они обшарят все лазейки, чтобы...

— Я готов спорить до упаду, старый Гуттер, что ни один индеец не пронюхает про лодку, если она хорошо запрятана в дупло. Вот Зверобой, пожалуй, скажет, какой я мастер на эти штуки: моя лодка была запрятана так, что я сам не мог ее отыскать.

— Но ты забываешь, Гэрри, одно маленькое обстоятельство, — возразил молодой охотник: — мои глаза раньше твоих заметили и отыскали след человека, спрятавшего твою лодку. Я с своей стороны, так же как и Гуттер, того мнения, что гораздо благоразумнее остерегаться проницательных глаз хитрого врага, чем рассчитывать на недостаток его зрения. Стало-быть, нужно как можно скорее пригнать сюда остальные две лодки, если нет каких-нибудь непредвиденных препятствий.

— И вы согласны принять участие в этой экскурсии? — сказал обрадованный старик.

— Разумеется, — отвечал молодой человек. — Я не прочь принять участие в подобных предприятиях, когда они не противоречат природе белого человека. Я готов, Том Пловучий, итти с вами в самый притон дикарей, если вы этого потребуете. До сих пор я еще не участвовал ни в одном сражении, и трудно мне обещать какую-нибудь серьезную помощь; несомненно, однако, что я употреблю все средства, чтобы быть вам полезным.

— Это очень скромно и рассудительно с твоей стороны, любезный Натаниэль, — сказал Гэрри. — Ты еще не знаком с ружейными выстрелами, и я могу тебя уверить, что они немножко посерьезнее твоего карабина, так же, как раздраженный неприятель в тысячу раз опаснее оленей, с которыми до сих пор ты имел дело. Сказать правду, Зверобой, я на тебя не слишком много надеюсь.

— Это мы увидим, Гэрри, увидим, — кротко отвечал Бумпо, не обижаясь на колкое замечание. — Бывали иной раз люди, которые слишком храбрились перед сражением, а потом, когда пули начинали свистеть над их головой, храбрость их исчезала, как дым. Другие, напротив, не говоря и не обещая ничего, вели себя на самом деле очень порядочно. Все бывает, любезный Гэрри.

— Во всяком случае, нам известно, молодой человек, что вы хорошо управляете веслом, — сказал Гуттер, — и другой услуги на этот раз мы не потребуем от вас. Времени терять не нужно: садитесь в лодку, господа, и марш в добрый путь.

Была полночь. Сияли звезды. На небе не было ни одного облачка. Гуттер, в совершенстве знакомый с местностью, указывал дорогу, а молодые охотники управляли лодкой, соблюдая величайшую осторожность из опасения пробудить бдительность врага.

Через полчаса они уже подъезжали к мысу на расстоянии мили от замка.

— Бросьте весла, друзья мои, — сказал Гуттер тихо. — Надо осмотреть хорошенько эту местность. Смотрите во все глаза и насторожите уши: у этих гадов обоняние лучше, чем у любой собаки.

При самом тщательном исследовании ничего нельзя было ни заметить, ни расслышать: лагерь индейцев, вероятно, был на берегах Сосквеганны, где было сделано ими внезапное нападение. Когда лодка причалила к берегу, старик Гуттер и Скорый Гэрри поспешили выйти на берег. Зверобой остался в лодке. Через несколько минут осторожные путешественники, не делая никакого шума, были уже на месте возле известного им дупла.

— Ну, вот мы и здесь, — сказал шопотом Гуттер, опираясь ногою о пень огромной липы, свалившейся на землю. — Нужно теперь осторожно отодвинуть кору и вынуть лодку из дупла.

— Об этом уже я позабочусь, — отвечал Гэрри, — только ты, старичина, поворачи приклад ружья ко мне, чтоб оно было наготове и я мог выпалить тотчас же, если эти черти накроют меня, когда лодка будет на моем плече. Осмотри хорошенько ружейную полку.

— Все в порядке; не беспокойся. Иди с этим грузом как можно медленнее, а я пойду впереди.

Когда лодка была освобождена, Гэрри взвалил ее себе на плечи, и оба они отправились к берегу, принимая обычные предосторожности, чтоб не произвести ни малейшего шума. Они благополучно спустились с пригорка. Зверобой, встретив товарищей, поспешил привязать принесенную лодку возле своей. Потом еще раз все трое начали осматривать окрестности, ожидая увидеть скрытых врагов. Но ничто не возмущало ночной тишины, и они с такими же предосторожностями отправились на дальнейшие поиски. Подъехав к тому мысу, где Гэрри неудачно выстрелил в убегавшую лань, они, как и в первый раз, опять вышли на берег, кроме Зверобоя, попрежнему оставшегося на месте. Через несколько минут и последняя лодка, вынутая из потайного дупла, была к общему удовольствию спущена на озеро. Все весело поздравляли себя с окончанием смелой экспедиции.

— Отлично, чорт побери, надули мы этих краснокожих болванов! — сказал Гэрри, обрадованный и гордый успехом. — Если теперь вздумается им посетить замок, пусть поищут броду или бросятся вплавь. Твоя мысль, старый Том, приютиться на озере — превосходная мысль; она доказывает, что у тебя сметливая голова. Пусть думают, сколько хотят, будто земля безопаснее воды: выходит на поверку, что это — чушь, на которую благоразумный человек не обратит внимания. Не даром бобры и другое смышленное зверье бросаются в воду, когда им грозит опасность на берегу. Пусть теперь бунтуют против нас все канадские негодяи: их нечего бояться на нашей позиции, старый Том!

— Не мешай обследовать этот берег с южной стороны, — прервал его Гуттер, — не нападём ли здесь на какой-нибудь след. Но прежде взглянем как следует на эту бухту, которая, как я вижу, представляет все удобства для ночлега дикарей.

Все трое пошли в ту сторону, на которую указал Гуттер. Едва они сделали несколько шагов, как общее изумление показало, что один и тот же предмет поразил их взоры. Это была почти уже затухшая головня — явный остаток огня, разведённого в этом месте кочующими индейцами. Выбор этого места, защищенного со всех сторон, обнаруживал намерение тщательно скрыть свой стан от человеческого взора. Гуттер, который знал, что в нескольких шагах отсюда находится ручей и что здесь всего удобнее располагаться для рыбной ловли, немедленно вывел заключение, что, по всей вероятности, индейцы скрыли в этом месте своих жен и детей.

— Это вовсе не военный стан, — шепнул он Скорому Гэрри, — возле этого огонька, если не ошибаюсь, лежат смиренные овечки, и нам будет от них славная пожива. Справда как-нибудь этого молодца, и мы без него тотчас же примемся за дело.

— Великолепная мысль, старик! Сейчас я распоряжусь. Эй, Зверобой! Вернись к лодкам и отвали от берега подальше. Ветер теперь, ты видишь, попутный, и тебе надо пустить две лодки по течению, а на третьей опять подплыть сюда. Ты будешь дожидаться

около берега. В случае нужды мы тебя позовем. Я закричу, как гагара. Этот крик будет сигналом. Если ты услышишь ружейные выстрелы, можешь явиться к нам на помощь, и тогда увидим, как ты станешь справляться с индейцами.

— Гэрри, затеи ваши к добру не поведут; бросьте их и послушайте моего совета.

— Твои советы превосходны, мой милый, но никто не будет их слушать — вот в чем штука. Отчаливай скорее, и когда ты воротишься, в этом лагере произойдет маленькое движение.

Не надеясь образумить своих спутников, молодой охотник сел в лодку и отчалил от берега. Достигнув середины озера, он отпустил две лодки, и они, увлекаемые южным ветром, поплыли прямо к замку. Затем Зверобой пустился в обратный путь, и минут через десять был опять возле берега в том месте, на которое указал ему Скорый Гэрри.

Было тихо вокруг. Ни малейший шорох не нарушал торжественного безмолвия ночи. Бумпо с замиранием сердца, едва смея дышать, ожидал последствий опасного предприятия своих товарищей. Он знал хорошо обычаи пограничной войны, и его хладнокровие в настоящую минуту могло бы сделать честь даже старому солдату. С того места, где он остановился, ему нельзя было разглядеть никаких признаков борьбы, и он рассчитывал только на чуткость своего уха. Раз или два показалось ему, что он слышит хруст ветвей. Но это при чрезвычайном напряжении воображения легко могло ему показаться.

Минуты шли за минутами. Прошло уже около полутора часов, как вдруг его внимание привлек звук, который изумил и вместе обеспокоил его. Раздался крик гагары, пронзительный, дрожащий, сильный, продолжительный, как-будто нарочно изобретенный природой для подавания зловещих сигналов. В ночное время довольно часто слышен подобный крик, и гагара в этом отношении составляет редкое исключение из всех других пернатых обитателей леса. Этот крик раздался, очевидно, на небольшом расстоянии от Соскеганны. Туда за полтора часа легко могли добраться Гэрри и Гуттер. Но зачем и для чего попали они в ту сторону? Если они оставили лагерь индейцев, им следовало воротиться к лодке. Если, напротив, в виду многочисленности неприятеля, они не отважились сделать нападение, тем менее было поводов удаляться на такое расстояние. Что же делать? Итти по направлению сигнала значило слишком удалиться от мыса и подвергнуть явной опасности своих товарищей. Остаться на месте, предположив, что это настоящий, неподдельный крик птицы, значило опять-таки сделаться, быть-может, причиной тяжелых последствий. Зверобой остался на месте в надежде услышать во второй раз тот же самый крик, действительный или мнимый. Он не обманулся. Прошло несколько минут, и с той же стороны раздался опять такой же крик. На этот раз чуткое ухо не обмануло охотника. Он часто слышал удивительное подражание крику этой птицы, подражал и сам довольно удачно, и был теперь убежден, что Гэрри не мог подражать гагаре с таким совершенством. Поэтому он решил не обращать никакого внимания на этот крик и выжидать другого, более близкого и менее совершенного.

Едва Зверобой остановился на этой мысли, как ночную тишину нарушил другой крик — ужасный и душу раздирающий крик, который немедленно изгладил из памяти охотника меланхолический звук зловещей птицы. То мог быть предсмертный крик женщины или молодого человека, голос которого еще не получил интонации своего пола. Ошибиться было невозможно. Эти звуки выражали смертельный ужас, или, быть-может, предсмертное томление страдальца. Зверобой обомлел и, не отдавая отчета в том, что делает, поехал наудачу, рассекая воду веслами. Несколько минут положили конец его недоумению. Он ясно слышал треск ветвей и хвороста, смешанный шум человеческих шагов. Звуки эти, повидимому, приближались к воде, немного к северу от того места, где он должен был стоять со своей лодкой. Немедленно он повернул легкий челнок и через минуту очутился возле крутого и высокого берега. Несколько человек, очевидно, пробирались к этому месту через кустарники и деревья, как-будто убегая от преследователей. Вдруг в одно и то же время раздалось пять или шесть ружейных выстрелов, и затем послышался беспорядочный крик человеческих голосов. Немного погодя в кустарнике, недалеко от Зверобоя, завязалась

борьба.

— Проклятый угорь! — с бешенством вскричал Гэрри. — У этого дьявола кожа обмазана маслом, и я не могу его схватить. Вот же тебе, чертово пугало!

За этими словами последовал шум от падения тяжелого тела в кустарник, и Бумпо подумал, что его гиганту-товарищу удалось опрокинуть навзничь своего врага. Затем снова началось преследование и бегство. В скором времени какой-то человек, сбежавший с горы, бросился в воду. Зверобой, видевший эту сцену, ясно понял, что если не теперь, то уже никогда ему не удастся спасти своих товарищей. Но едва он сделал несколько взмахов веслами, чтоб подъехать к находившемуся в воде беглецу, как воздух наполнился жалобными криками Гэрри, который катался на берегу, буквально задавленный своими врагами. В это критическое мгновение он еще раз испустил крик гагары, странный, придушенный крик, который при менее ужасных обстоятельствах мог бы показаться смешным. При этом звуке человек, барахтавшийся в воде, казалось, вдруг раскаялся в своем бегстве и воротился на берег, чтобы итти на помощь к своему товарищу; но в ту минуту, как он ступил на землю, пять или шесть индейцев мгновенно бросились на него и завладели им.

— Да отстанете ли вы от меня, намалеванные черти! — кричал Генрих Марч. — Будет и того, что связали по рукам и по ногам! Зачем же еще душить свою жертву?

Этот возглас убедил Зверобоя, что приятели его попались в плен и что ему самому неминуемо угрожает та же участь, если он выйдет на берег. В эту минуту он был от берега шагах в тридцати, и несколько ловких ударов веслом отдалили его на значительное расстояние, где он мог быть в безопасности от ружейных выстрелов. К счастью, индейцы не заметили до этого его лодки и, занятые общей свалкой, не обратили на него никакого внимания.

— Вперед, мой милый, дальше от этих диких берегов! — кричал старик Гуттер. — Теперь на вас только вся надежда моих дочерей! Употребите все свое благоразумие, чтобы спастись от этих дикарей!

Гуттер не был вообще симпатичен Зверобою, но страшное отчаяние, звучавшее в этих словах, заставило молодого охотника забыть все недостатки странного старика. Он видел в нем только страдальца и решил оставаться верным его интересам.

— Будьте спокойны, господин Гуттер, — крикнул он. — Я стану заботиться о ваших дочерях и буду охранять ваш замок. Неприятель завладел берегами Глиммергласа, но вода покамест для него недоступна. Можете на меня положиться: я сделаю все, что будет от меня зависеть.

— Да, Зверобой, да, любезный друг! — вскричал Гэрри своим громовым голосом. — Намерения твои честны и похвальны, но какого чорта ты можешь сделать? Плохая на тебя была надежда и в лучшие времена, а теперь и подавно. Тебе ли управиться с целым полчищем дикарей, рассеянных по этим берегам? Ступай прямо в замок, запасись провизией, посади в лодку обеих девиц, высадишь на берегу в том углу, откуда мы пришли, и немедленно отправляйся в Могаук. Эти демоны несколько часов еще не будут знать о твоём бегстве, и, во всяком случае, ты можешь опередить их. Послушай этого совета, а старый Том пока озаботится завещанием для своих дочерей.

— Все это никуда не годится, молодой человек, — возразил Гуттер. — Неприятели смотрят во все глаза, и как-раз проведуют об этом плане. Рассчитывайте только на замок и не подходите к земле. Стоит только продержаться неделю, а там крепостные полки прогонят этих дикарей.

— Что за вздор ты городишь, старик! — снова вскричал Гэрри. — Не пройдет, пожалуй, и суток, как эти хитрые лисицы построют плоты и причалят к твоему замку. Совет твой, во всяком случае, может иметь гибельные последствия. Мы с тобой, разумеется, еще могли бы несколько времени держаться в замке, но этот Зверобой не имеет никакой военной опытности и не знает всех уловок хитрого врага. Неизвестно, что будет со мной и Томом! Волосы на моей голове так густы, что, по всей вероятности, они сделают из них два добрых скальпа в надежде получить двойной приз. Зверобой, отваливай дальше и, когда наступит

день, держись от берега саженой на сто...

Один из краснокожих положил конец этой речи, закрыв ладонью рот Генриха Марча. Вслед за тем индейцы пошли в лес и повели с собою пленников, которые, казалось, не сопротивлялись. В общей суматохе Зверобой еще раз услышал замиравший голос старика:

— Берегите моих дочерей!

Молодой охотник остался один со своими тяжелыми размышлениями. Гробовое молчание сменило шум борьбы, и ни один звук не долетал больше до его чуткого слуха.

Зверобой ехал медленно, погруженный в глубокую думу, и не раньше, как через час, настиг одну из пущенных по ветру лодок. Привязав ее к своей каноэ, он еще раз осмотрелся вокруг себя и чутко прислушался. Ничего не было слышно и видно. Он решил заснуть. Но, несмотря на крайнее утомление, сон на этот раз не сразу сомкнул его глаза. Долго напряженное воображение проносило перед ним все события этой ночи. Вдруг послышалось ему, будто Гэрри дает сигнал подойти к берегу: он встал, осмотрелся, прислушался; но все, казалось, было погружено в могильное молчание. Обе лодки медленно подвигались на север, звезды блестели над его головой, и пространство воды, окруженное лесами и горами, расстилалось во всем своем величии.

Бумпо лег снова на дно лодки и через несколько минут заснул крепким сном.

Глава VII

Был уже день, когда молодой охотник открыл глаза. Он немедленно встал и осмотрелся вокруг с озабоченным видом человека, сознающего необходимость разобраться точнее в своем положении. Его сон был глубок, непрерывен; он пробудился с ясным сознанием и новыми силами, которые были для него так необходимы в настоящую минуту. Солнце еще не взошло, но небесный свод окрасился уже багряным цветом, возвещавшим наступление дня. Воздух наполнился щебетанием птиц. Эти звуки указали Зверобоя на опасность, которой он подвергся. Ночью ветер значительно усилился, и лодки переплыли пространство вдвое больше того, какое можно было ожидать. Но что было всего хуже, так это то, что они настолько продвинулись к возвышавшейся на восточном берегу горе, что Бумпо мог различить каждую ноту птичьего гомона. Но это еще было не все: третья лодка, пущенная по тому же направлению, приплыла почти к самому мысу, и если она не достигла берега, то только благодаря направлению ветра, или, может-быть, потому, что ее оттолкнула человеческая рука. Этим, впрочем, ограничились все опасения охотника, и он не видел других поводов к беспокойству. Замок спокойно возвышался среди озера, и ковчег был там же, где его оставили.

Все внимание Зверобоя, естественно, сосредоточилось на уплывшем челноке. Сделав несколько взмахов веслом, он увидел, что ему не догнать челнока, тем более, что в эту минуту очень некстати подул попутный ветер, и течение быстро уносило лодку к берегу. Сообразив все это, он решил не терять времени в напрасных усилиях и, осмотрев карабин, медленно и осторожно поехал к мысу, оглядываясь по всем направлениям. Могло случиться, что какой-нибудь индеец караулил в засаде, дожидаясь момента, чтобы завладеть лодкой, как только волна прибьет ее к берегу. Целая стая скрытых в этом месте индейских шпионов могла встретить его самого десятками ружейных выстрелов. Предосторожность была необходима, и Зверобой держал ухо востро.

Не доезжая до берега саженой пятьдесят, он поднялся во весь рост на своей лодке, сделал несколько сильных ударов веслом, чтоб челнок сам собою мог доплыть до земли, и потом, бросив весло, быстро ухватился за карабин. В эту минуту раздался ружейный выстрел, и пуля просвистела над его головой.

Не теряя присутствия духа, молодой охотник сделал вид, что зашатался и вдруг повалился на дно лодки всею тяжестью тела. Послышался пронзительный крик, и на берегу появился индеец, стремительно выбежавший из засады. Этого-то Зверобой и ожидал. Быстро поднявшись на ноги, он прицелился, но враг был в эту минуту до того беззащитен, что

молодой охотник невольно медлил роковым ударом. Индеец воспользовался этим и с необыкновенным проворством убежал в кустарник. Лодка между тем пристала к берегу, и Бумпо, бывший от нее лишь в нескольких шагах, мог бы без всяких затруднений достать ее веслом и пуститься в обратный путь. Но не было сомнения, что индеец, оправившийся от испуга, снова зарядит ружье и пошлет в догонку убийственную пулю. Поэтому молодой охотник выскочил на берег и, углубившись в лес, скрылся за деревом в нескольких шагах от дикаря, который его не замечал. Наблюдая из этой засады все движения своего врага, Зверобой увидел, что индеец действительно заряжает ружье, вбивая в его дуло огромную пулю, обернутую кожей. В эту минуту легко было броситься на него и овладеть им, но Бумпо ужаснулся при одной мысли напасть на беззащитного врага. Индеец между тем зарядил свое ружье и быстро пошел к берегу, не подозревая, что его неприятель скрывается вблизи. В эту минуту Зверобой вышел из засады.

— Сюда, краснокожий, сюда, если только ты ищешь меня. Я еще не опытен в военном деле, но все же не настолько, чтобы среди белого дня оставаться на открытом берегу, где ты мог подстрелить меня, как сову. От тебя теперь зависит помириться со мной или вести войну. Я белый человек, и вовсе не считаю великим подвигом застрелить в лесу какого-нибудь человека без различия цвета кожи.

Индеец изумился. Он знал немного по-английски и понял почти все, что говорил ему молодой охотник. Не обнаруживая никакого волнения и с доверчивым видом опустив к земле дуло своего ружья, он сделал учтивый и вместе гордый жест с достоинством и спокойствием человека, привыкшего не признавать над собою никакой посторонней власти. Но при всем мнимом хладнокровии глаза его сверкали и ноздри раздувались, как у дикого зверя, у которого под самым носом выхватили добычу.

— Две лодки, — сказал он гортанным голосом своего племени, поднимая два пальца, чтоб не было ошибки, — одна для тебя, одна для меня.

— Нет, минг, нет, этого не может быть. Нет у тебя права ни на одну из этих лодок, и пока я жив, ты не получишь ни одной! Я знаю, что твое племя ведет войну с моим племенем; но отсюда не следует, что два человека, — встретившиеся случайно, должны убивать друг друга, как дикие лесные звери. Ступай своей дорогой, а я пойду своей. Если мы встретимся на войне, тогда решим, кому быть или не быть.

— Хорошо! — вскричал индеец. — Мой брат миссионер... много говорит...

— Нет, минг, ты ошибся. Я не из числа моравских братьев и не люблю бродить по лесам и читать проповеди краснокожим. Я только охотник, хотя, нет сомнения, во время этой войны моему карабину придется иметь дело с вашим братом. Буду сражаться, но не имею желаний ссориться из-за какой-нибудь лодки.

— Так. Брат мой очень молод. Очень умен. Не воин — добрый краснобай. Главный на советах.

— Ничего ты не угадал, минг, — возразил Зверобой, краснея от досады при этом сарказме индейца. — Я хочу провести всю свою жизнь в лесу и провести мирно. Все молодые люди обязаны идти на войну, если требует этого нужда; но резня — не то, что война. Еще раз приглашаю тебя идти своей дорогой, и, надеюсь, мы расстанемся друзьями.

— Так! У моего брата седина под черными волосами. Старый ум — молодой язык.

Протянув руку, индеец подошел с улыбающимся лицом, выражая доверчивость и дружбу. То же с своей стороны сделан и Бумпо. Они пожали друг другу руки в знак искреннего желания разойтись друзьями.

— Хорошо! Всякий на свое! Моя лодка — мне. Твоя лодка — тебе. Глянь сюда: я на свою лодку, ты на свою, — и будет хорошо.

— Нет, краснокожий, ты ошибаешься, когда думаешь, что одна из этих лодок принадлежит тебе. Пойдем на берег, и ты уверишься в этом собственными глазами.

— Хорошо!

Они оба пошли к берегу, не обнаруживая ни малейшего недоверия друг к другу. Индеец несколько раз забежал даже вперед, показывая своему товарищу, что он не боится повернуться к нему спиной. Когда они вышли на открытое место, индеец протянул руку к лодке Зверобоя и выразительно сказал:

— Не моя лодка — бледнолицого. Эта — краснокожего. Не нужна чужая — давай собственную.

— Ты ошибаешься, краснокожий, жестоко ошибаешься. Эту вторую лодку берег для себя старик Томас Гуттер, и по всем возможным законам, красным или белым, она принадлежит ему, никому другому. Осмотри хорошенько работу: индейцу никогда не сделать такой лодки.

— Хорошо! Брат мой не стар по годам — по уму стар. Индеец не сделает. Работал белый человек.

— Очень рад, что ты убедился, иначе пришлось бы нам поссориться, потому что всякий имеет право требовать то, что принадлежит ему. Но для прекращения всяких споров и недоразумений я отпихну эту лодку так, чтобы не достать ее ни тебе, ни мне.

Говоря это, он оттолкнул ее с такой силой, что легкий челнок отскочил от берега футов на сотню и поплыл по течению вперед, не подходя к берегу.

При этом неожиданном движении, минг остолбенел и бросил жадный взгляд на другую лодку, в которой сохранились все весла. Но это изменение в лице индейца продолжалось не более минуты и оно тотчас же снова приняло дружелюбный вид.

— Хорошо! — повторил индеец выразительным тоном. — Молодая голова — старая душа. Умеет кончать споры. Прощай, брат. Твой идет в дом на воде — дом Бобра; индеец уйдет в лагерь сказать вождям — не нашел каноэ.

Это предложение обрадовало Зверобоя, спешившего увидеться с дочерьми Гуттера, и он с удовольствием пожал протянутую руку индейца. На прощанье еще раз оба рассыпались в выражении братских, дружелюбных чувств. Когда красный вернулся в лес со своим ружьем подмышкой, как носят охотники, белый человек пошел к лодке, следя за всеми движениями краснокожего. Впрочем, такая недоверчивость скоро показалась ему совершенно неуместною, и он, опустив свой карабин, думал только о приготовлениях к отплытию; но когда через минуту он случайно повернулся назад, страшная опасность поджидала его. Индеец, скрывшись за кустарником, следил за ним, как кровожадный тигр, и направил уже дуло своего ружья прямо на того, кого он столько раз называл братом.

В эту минуту Зверобой пригодился как нельзя лучше продолжительный опыт охотника. Привыкнув стрелять в оленя на всем скаку, часто даже тогда, когда можно было лишь по догадке судить о положении его тела, он и в эту минуту воспользовался своим обычным методом. Поднять карабин и прицелиться было делом одного мгновения. Он почти наудачу выстрелил в ту часть кустарника, где, по его предположению, должно было находиться туловище коварного индейца. Затем он поднял голову, выпрямился, как сосна, и ожидал последствий выстрела. Минг испустил ужасный крик, стремительно выскочил из кустарника и побежал на открытое пространство, размахивая томагавком. Стоя неподвижно на месте, Зверобой положил карабин на плечо и машинально отыскивал рукою патрон. Индеец между тем подбежал к нему шагов на сорок и бросил в него томагавк, но так не метко и такую слабою рукой, что молодой охотник должен был сделать несколько шагов, чтоб схватить это оружие за рукоятку. В ту же минуту индеец обессилел, зашатался и повалился на землю.

Бросив томагавк в лодку и зарядив опять карабин, Зверобой подошел к индейцу и остановился возле него с печальным видом. Первый раз лежал перед ним умирающий человек, и это был первый, погибавший от его руки. В сердце Зверобоя зародилось болезненное чувство, ослаблявшее ту радость, которую он чувствовал при мысли об избавлении от неминуемой смерти. Индеец еще не умер, хотя пуля пробила его тело

навылет. Он лежал без движения на спине, но его глаза следили за всеми движениями победителя, как у птицы, попавшейся в расставленные сети птицелова. Вероятно, он ожидал рокового удара, который должен предшествовать сдиранию волос с черепа, или, быть-может, он думал, что эта варварская операция будет сделана ему до смерти. Зверобой понял эту мысль и поспешил успокоить умирающего.

— Нет, краснокожий, нет, — сказал он. — Тебе нечего меня бояться. Я не торгую человеческими скальпами. Мне нужно только твое ружье, и я готов оказать тебе всевозможные услуги, хотя не могу оставаться долго на этом месте. Ружейные выстрелы не замедлят привлечь сюда кого-нибудь из вашего лагеря.

Затем, отыскав в кустарнике ружье индейца, он отнес его в лодку и воротился опять.

— Теперь мы больше не враги, краснокожий, и ты можешь требовать какой угодно услуги.

— Воды, — прошептал умирающий, — дай бедному индейцу воды!

— У тебя будет вода. Я принесу тебя на край озера, и ты можешь пить сколько угодно. Говорят, будто раненого всегда одолевает жажда.

Взвалив индейца на плечи, Зверобой принес его к озеру и положил у воды таким образом, что тот легко мог утолить свою жажду. Затем он сел возле раненого и положил его голову на свое колено.

— Было бы ложью, брат мой, если бы я стал говорить, что час твой не пришел. Нет, этого я не скажу. Дни твои сочтены. Я думаю, что умирающий чувствует облегчение, когда слышит прощение из уст своего брата. И вот, любезный брат, я прощаю тебя за то, что ты с таким безумным зверством собирался лишить меня жизни. Потому прощаю тебя, что твой замысел, в сущности, не принес мне никакого зла, и потому еще, что я вообще не могу питать вражды к умирающему человеку, кто бы он ни был, краснокожий или белый. К тому же ты — человек дикий и поневоле усвоил жестокие привычки.

— Хорошо, — сказал индеец, не понявший, повидимому, и половины из речи охотника. — Молодая голова, молодое сердце, стариковский ум. Твое имя?

— Зверобоем зовут меня теперь, но делавары сказали, что после первой войны будет у меня другое имя, более достойное мужчины.

— Зверобой — хорошо для ребенка, но дурно для воина. Лучшее впереди. Не бойся, — индеец с большими усилиями поднял руку и прикоснулся к груди молодого человека. — Верный взгляд; рука — молния; мишени — смерть! Скоро славный воин. Зверобой не годится. Соколиный Глаз — твое имя. Соколиный Глаз, дай руку!

Зверобой или Соколиный Глаз, как индеец назвал его в первый раз, — впоследствии это имя за ним утвердилось, — взял руку минга, и тот испустил последний вздох, с удивлением взглянув на незнакомца, обнаружившего столько хладнокровия и ловкости.

Зверобой встал и посадил мертвеца на камень спиною к дереву, приняв меры, чтобы он не свалился или не принял позы, которая считается неприличною у индейцев. Исполнив эту обязанность, он еще раз с печальным видом осмотрел врага и сказал, обращаясь к трупу, как-будто тот мог его слышать:

— Я не покушался на твою жизнь, краснокожий брат, но ты сам довел меня до того, что я принужден был выстрелить в тебя. Вот и кончилось мое первое сражение с моим братом, и это, вероятно, не последняя битва. До сих пор я сражался с волками, медведями, барсами, оленями, дикими кошками, а вот теперь начинаю биться с краснокожими. Ах, если бы Чингачгук узнал, что я не позорю делаваров и воспитание, которое они мне дали!

Его размышления вдруг были прерваны внезапным появлением на берегу озера, саженьях в пятидесяти, другого индейца. Краснокожий, привлеченный ружейными выстрелами, вышел из леса почти без всяких предосторожностей, и Зверобой увидел его первым. Заметив в свою очередь молодого охотника, индеец испустил пронзительный крик,

на который немедленно с различных сторон отозвалась дюжина громких голосов. Медлить было нечего. Зверобой сел в лодку и начал грести изо всех сил.

Отплыв от берега на расстояние, не доступное ружейной пуле, Бумпо бросил весла и стал наблюдать сцену, которая должна была произойти на берегу. Труп индейца, прислоненный к дереву, сидел неподвижно на камне. Индеец, появившийся на берегу, углубился опять в лес, и вокруг господствовало глубокое молчание. Но вдруг толпы индейцев выскочили из лесу, прибежали на мыс и, увидев труп своего товарища, наполнили воздух яростными криками. Затем, по мере приближения к трупу, раздались радостные восклицания, вызванные уверенностью, что победитель не успел сорвать волос с черепа своей жертвы, без чего победа никогда не считается полной. Никто из них, однако, не думал стрелять в молодого охотника, так как было ясно, что выстрелы не достигнут цели; американские индейцы, как пантеры, редко нападают на врагов, если, не убеждены в возможности победы. Зверобой решил ехать к замку, но прежде всего ему следовало поймать остальные две лодки, пущенные по озеру. Первую догнал он без труда и взял на буксир, тогда как другая, сверх всякого ожидания, подплыла довольно близко к берегу, и, что всего удивительнее, ее движение не совсем сообразовалось с направлением ветра. Загадка скоро объяснилась. Зверобой подъехал ближе и увидел голую человеческую руку, действовавшую медленно, но верно вместо весла. Оказалось, что рука принадлежала индейцу, лежавшему в лодке навзничь и забравшемуся туда в то самое время, как Зверобой был занят с его товарищем на берегу. Уверенный, что у индейца не было никакого оружия, Бумбо не поднял даже карабина и подъехал на самое близкое расстояние. Заслышав шум весел другой лодки, индеец стремительно поднялся на ноги и испустил пронзительный крик.

— Ну, любезный, ты, я думаю, наигрался довольно в этой лодке, — сказал Зверобой спокойным тоном. — Советую тебе, если ты благоразумный человек, ее оставить. Вплавь пришел, вплавь и убирайся. Крови мне твоей не нужно, хотя другие на моем месте не поцеремонились бы с твоим черепом. Слышишь ли, краснокожий? Убирайся по-добру — по-здорову, не то дойдет дело до расправы.

Индеец не понял ни одного слова, но жесты Зверобоя, сопровождаемые выразительным взглядом, объяснили ему смысл речи. Быть-может, вид карабина под рукой у белого человека также ускорил его решение. Он пригнулся, как тигр, готовый пуститься в бегство, испустил громкий крик, и во мгновение ока его нагое тело исчезло под водой. Затем он всплыл на поверхность уже в нескольких саженях от лодки, и взгляд, брошенный им назад, убедительно доказывал, насколько он боялся огнестрельного оружия белого человека. Но Зверобой вовсе не имел враждебных намерений. Он спокойно привязал вырученную лодку и удалился от берега.

Когда индеец доплыл до суши и стряхнул с себя воду наподобие лягавой собаки, его опасный враг уже был далеко по дороге к замку старика Тома.

Солнце во всем блеске лило свои лучи на эту прекрасную гладь воды, которой европейцы в то время еще не дали никакого названия. Когда Зверобой подъехал к замку, он увидел, что Юдифь и Гэтти были на платформе, с величайшим нетерпением ожидая его прибытия.

Глава VIII

Сестры стояли и молчали, пока Зверобой с беспокойным и печальным лицом взбирался на площадку. Наконец Юдифь, делая над собою отчаянное усилие, вскричала:

— Отец?

— С ним случилось несчастье, и я не буду скрывать ничего, — отвечал Бумпо простодушно. — Старик Гуттер и Генрих Марч в плену у мингов, и неизвестно, чем все это кончится. Лодки я выручил все, и это может служить для нас некоторым успокоением, потому что краснокожие должны пуститься вплавь или построить паромы, чтобы добраться до нас. На закате солнца будет с нами Чингачгук, если только мне удастся его привезти. Мы

с ним соединенными силами будем защищать ковчег и замок до тех пор, пока не приедут сюда крепостные офицеры с отрядом солдат, которым правительство поручит разогнать эти шайки.

— Офицеры! — вскричала Юдифь с живейшим волнением, окрасившим ее щеки. — Кто думает об офицерах? Мы и одни можем защищать замок. Расскажите нам об отце и о бедном Генрихе Марче.

Бумпо начал подробный рассказ о всех приключениях прошлой ночи, не утаивая ничего. Сестры слушали с глубоким вниманием, но не обнаруживали чрезмерной растерянности, которая неминуемо охватила бы женщин, не привыкших к случайностям и опасностям пограничной жизни. Юдифь, казалось, была встревожена гораздо больше своей сестры, и это чрезвычайно изумляло Зверобоя. Потом обе сестры машинально принялись за приготовление завтрака, которым воспользовался один только Зверобой, усвоивший солдатскую способность есть и пить во всякое время, несмотря ни на какие тревоги. Юдифь и Гэтти молча сидели за столом, не притрагиваясь к приготовленным блюдам. Наконец Юдифь прервала молчание:

— Отец мой очень любит эту рыбу. Такой лососины, по его словам, нет в море.

— Ваш отец, как видно, хорошо знаком с морем, — отвечал Бумпо, бросая на Юдифь вопросительный взгляд. — Скорый Гэрри говорил мне, что он был когда-то моряком.

— Мне Генрих Марч ничего не рассказывал из биографии моего отца, и я решительно ничего не знаю. Впрочем, и я думаю, что он был моряком. Если бы вскрыть вот этот сундук, мы узнали бы, вероятно, всю историю нашей семьи. Но отпереть его не так-то легко!

Зверобой впервые обратил свое внимание на этот замечательный сундук. Краска на нем совершенно полиняла, — было ясно, что обращались с ним без всякой церемонии, — но материал и работа и были превосходны. Молодой охотник не видел еще ничего подобного. Сундук был сделан из крепкого черного дерева, и железные полосы покрывали его вдоль и поперек. Он был заперт тремя огромными замками, и его стальные петли были отделаны с таким искусством, которое могло быть доступным только лучшим лондонским ремесленникам. Сундук был очень велик, и когда Зверобой попытался его приподнять, оказалось, что его тяжесть соответствовала величине.

— Вы, Юдифь, никогда не видели, что лежит в нем? — спросил Бумпо.

— Никогда. Мой отец никогда не отпирал его в моем присутствии, и я не думаю, чтобы он вообще при ком-нибудь поднимал его крышку.

— Ты ошибаешься, Юдифь, — спокойно сказала Гэтти. — Я видела, как батюшка открывал этот сундук.

— Когда же, моя милая?

— Очень часто, и всякий раз, как тебя здесь не было. Батюшка не заботился о моем присутствии. Я видела, что он делал, и слышала все, что он говорил.

— Что же он делал? Что он говорил?

— Этого я не могу сказать, Юдифь, — отвечала Гэтти, понизив голос, но решительным тоном. — Тайны моего отца не принадлежат мне.

— Его тайны! Час от часу не легче. Что вы скажете на это, Зверобой? Мой отец доверяет свои секреты Гэтти и скрывает их от меня!

— Вероятно, у него есть на это свои причины, Юдифь, и тебе их не узнать, — сказала Гэтти тем же решительным тоном. — Батюшки здесь нет, и я не скажу больше ни слова.

Юдифь и Зверобой были очень изумлены. В продолжение нескольких минут старшая сестра имела огорченный вид. Мало-по-малу, однако, она оправилась и, обращаясь к молодому охотнику, продолжала:

— Мы слышали ружейные выстрелы под горами на восточной стороне, и эхо повторило их с такою скоростью, что они, по всей вероятности, должны были произойти на самом берегу или, может-быть, в нескольких саженях от берега.

— Да, Юдифь, вы не ошиблись. Выстрелы были.

— Вы сражались с дикими один, без всякой помощи, Зверобой?

— Да, Юдифь, я сражался... и это было первый раз в моей жизни. Я убил своего врага, был свидетелем его последних минут, и грустные чувства овладели мною. Что же делать? Все это имеет мало значения, но если вечером сегодня нам удастся привезти сюда Чингачгука, тогда, вероятно, мы увидим что-нибудь похожее на войну, если минги задумают овладеть замком, ковчегом или вами.

— Кто этот Чингачгук? Откуда и зачем он идет?

— В его жилах течет кровь могикан, и он принадлежит к роду великих вождей. Ункас, отец его, — знаменитый воин и судья своего племени. Даже сам Таменунд уважает Чингачгука, хотя он еще слишком молод и не может быть предводителем на войне. Но племя могикан разбрелось, рассеялось, и предводитель их не имеет почти никакого значения. Чингачгук живет между делаварами. Теперь, когда началась война, Чингачгук и я назначили друг другу свидание нынешним вечером возле утеса на краю озера. Мы должны условиться о подробностях нашей первой экспедиции против мингов. Но почему мы проходим именно через озеро, это — наш секрет, не имеющий для вас ни малейшей важности. Можете, впрочем, догадываться, что молодые рассудительные люди, собираясь на войну, не делают ничего без особых целей.

— Делавар, конечно, не может иметь враждебных намерений против нас, — сказала Юдифь после минутного колебания, — и мы уверены в вашей дружбе.

— Измена — самый гнусный порок в моих глазах, и никто не осмелится обвинять меня в измене.

— Нет, нет, Зверобой, никто вас не подозревает, — с живостью возразила Юдифь. — Ваше честное лицо — большой залог верности, чем тысяча человек. Если бы все люди имели ваш правдивый язык и обещали только то, что могут исполнить, тогда не было бы вероломства на земле, и свет не имел бы нужды в блестящих мундирах...

Юдифь говорила с энергией. Когда она замолчала, глаза ее загорелись необыкновенным блеском. Зверобой ясно видел волнение девушки, но ничем не выдал себя. Юдифь между тем постепенно успокоилась и через несколько минут хладнокровно продолжала разговор:

— Я не имею никакого права допытываться секретов ваших или вашего друга, — сказала она. — Я готова верить всему, что вы говорите. В самом деле, если в эту трудную минуту будет у нас еще союзник, то мы легко можем отстоять замок и, вероятно, скоро выручим отца из плена, предложив какой-нибудь выкуп.

— Вы думаете? — сказал Зверобой, с сомнением покачивая головой. У него в уме были волосы несчастных пленников и вырученные за них деньги.

Юдифь поняла его мысль.

— Я вас понимаю очень хорошо, но, к счастью, ваши беспокойства не имеют основания. Индейцы никогда не скальпируют пленника, если он не ранен, а доставляют его правительству живым. Исключения редки, и я почти не боюсь за жизнь моего отца. Совсем другое дело, если ночью исподтишка нападут они на замок: тогда нас изрежут в куски. А пленника индеец щадит, по крайней мере, до той поры, пока не решит по каким-нибудь особым причинам погубить его у столба пыток.

— Знаете ли вы, Юдифь, для чего отец ваш и Генрих Марч напали на индейцев?

— Очень хорошо знаю; но что прикажете делать, когда варварские обычаи узаконивают эти бесчеловечные поступки? Вся кровь моя кипит при мысли о том, на какое зло способен цивилизованный человек. Что касается индейцев — они проникнуты уважением к смельчакам, которые собирались разгромить их же самих. Если им будет известно, с какою целью пленники ворвались в их лагерь, они, как я думаю, воздадут им почести, а не обрекут на казнь.

— Может-быть, Юдифь, но едва ли эти почести будут продолжительны. Чувство уважения обыкновенно скоро сменяется жадной мщенью, и тогда индеец не знает пощады. Во всяком случае, мы с Чингачгуком должны подумать, что можно сделать для освобождения вашего отца и Генриха Марча. Минги, без сомнения, пробудут еще несколько

дней в окрестностях этого озера и постараются извлечь возможную пользу из своего первого успеха.

— Вы думаете, что можно вполне положиться на этого делавара?

— Так же, как на меня. Ведь вы сказали, Юдифь, что не подозреваете меня?

— Вас, Зверобой, вас?! Да скорее я усомнюсь в родном брате, чем в таком честном и благородном человеке, как вы, хотя прошел один только день, как я познакомилась с вами. Впрочем, ваше имя было мне известно. Крепостные офицеры часто говорят об уроках, которые вы им давали на охоте, и все вообще прославляют вашу честность.

— Разве они говорят об этом? — спросил, улыбаясь, Бумпо. — А любопытно знать, что они рассказывают о самих себе? Ведь оружие, кажется, их ремесло, между тем, уверяю вас, некоторые совсем не умеют владеть им.

— Этого, конечно, нельзя сказать о вашем приятеле Чингачгук? Что значит это имя на нашем языке?

— Великий Змей. Так его называли за природный ум и необыкновенную сметливость. Его настоящее имя — Ункас, и все члены его семейства называются Ункасами до тех пор, пока не получают новых имен сообразно своим талантам.

— При таком уме ваш друг, без сомнения, будет для нас очень полезен, если не помешают ему собственные дела, для которых он прибыл в эти места.

— Впрочем, я не вижу большой беды открыть вам его секрет, тем более, что вы и ваша сестрица можете при случае помочь нам. Дело, видите ли, вот какое. Чингачгук — молодой индеец, весьма недурной собой, и все девушки его племени посматривают на него умильными глазами. Ну, так вот, у одного вождя есть дочка, по имени Вахта, прекрасная молодая девушка, предмет мечтаний и зависти всех холостых молодых мужчин. Чингачгук полюбил Вахту. Вахта полюбила Чингачгука. Оба семейства в ладу между собою, и в таких случаях дело, обыкновенно, оканчивается свадьбой. Но случилось так, что Чингачгук нажил себе врагов между своими соперниками, и один из них, некто Йокоммон или по прозвищу Колючка, ухитрился, как мы догадываемся, расстроить все это дело. Месяца за два перед этим Вахта отправилась со своими родителями на рыбную ловлю к западным берегам, где, как говорят, водится отличная рыба. Когда отец с матерью были заняты ловлей, дочь их вдруг исчезла. Целые недели не было о ней никаких известий, но дней десять тому назад курьер, проезжавший через страну делаваров, известил нас, что Вахта находится теперь у наших неприятелей, и они хотят ее выдать за молодого минга. Мы догадываемся, хотя и не уверены, что во всем этом участвует Колючка. Тот же курьер сообщил, что минги намерены месяца на два отправиться на охоту в леса возле этого озера и потом вернуться в Канаду. Он прибавил, что если нам удастся напасть на их след, то, быть-может, мы легко отыщем средство выручить похищенную девушку и вернуть ее в родительский вигвам.

— Но какое все это имеет отношение к вам, Зверобой? — спросила Юдифь с некоторым беспокойством.

— Все, что касается моего друга, относится в одинаковой мере и ко мне, Юдифь. Я здесь главный помощник Чингачгука, и если с моей помощью его возлюбленная будет отыскана, я обрадуюсь этому так же, как и он сам.

— А где живет ваша возлюбленная, Зверобой?

— В лесу, Юдифь. Я вижу ее в каждом листке после дождя, в каплях росы, покрывающих траву, в легких облаках, волнующихся на лучезарном небе, в чистых прозрачных водах, утоляющих мою жажду, — словом, я вижу ее во всех богатых дарах природы.

— Это значит, Зверобой, что вы никогда не любили женщины и предпочитаете ей лес, в котором живете?

— Ваша правда, Юдифь. Я не влюблен и надеюсь сохранить свое сердце свободным, по крайней мере, до окончания войны. Дела Чингачгука поглощают теперь всю мою деятельность и мысли.

— Счастлива та женщина, которая завладеет вашим сердцем, Зверобой, — сердцем

чистым, благородным, откровенным; и многие будут завидовать счастью этой женщины.

На этом закончился их разговор. Так как было еще довольно рано, то Бумпо начал осматривать оборонительные средства замка и делать по возможности некоторые добавочные приготовления, требуемые обстоятельствами. Расстояние между замком и ближайшей частью земли спасало от пуль с берега, и Юдифь объявила сама, что с этой стороны бояться нечего. Но неприятель мог подплыть исподтишка, осадить замок, зажечь или употребить какую-нибудь другую хитрость, на которую всегда способен изворотливый индеец. Против нечаянной атаки старик Гутер принял вполне надежные меры, загореться могла только кровля этого здания. Притом пожар легко было потушить, так как воду можно было доставать насосами. Все эти подробности объясняла Зверобой Юдифь, знакомая, повидимому, в совершенстве со всеми планами и оборонительными средствами отца. Оказалось, что днем почти нечего было бояться, так как ковчег и все лодки были под руками, и на всем озере не было никакого другого судна. Но Зверобой знал, что не трудно в этих местах связать паром или плот из досок и бревен, разбросанных по берегам, и можно было рассчитывать, что дикари немедленно возьмутся за это дело, если у них есть намерение осадить замок. Смерть одного из их соплеменников могла поощрить их в этом намерении, хотя, с другой стороны, она же могла внушить им осторожность. Во всяком случае, думал Зверобой, следующая ночь так или иначе должна будет выяснить их планы и расчеты. Тем сильнее желал Бумпо увидеться и действовать заодно со своим другом могиканом и с возрастающим нетерпением ожидал заката солнца.

Наконец наступил час, когда нужно было готовиться к свиданию с Чингачгуком. Когда Бумпо сообщил свой план обеим сестрам, — все трое начали немедленно приводить его в исполнение. Гэтти взошла на ковчег и, связав вместе две лодки, спустилась в одну из них, взяла весла и провела лодки в ворота окружающего дом частокола. Потом она под самым зданием прикрепила их к цепям, верхние концы которых шли внутрь замка. Этот частокол, состоящий из древесных пней, образовал род ограды, препятствовавшей неприятелю прокрасться на своей лодке под крепость. Лодки таким образом были совершенно скрыты, и неприятель не мог до них добраться иначе, как через дверь, которая, обыкновенно, была крепко заперта. Юдифь сама вошла в эту ограду на третьей лодке, оставив внутри замка Зверобоя, который доканчивал все необходимые приготовления. Ему нужно было закрыть все окна и отверстия в замке. Эта операция, требовавшая много времени, кончилась успешно.

Так как все было прочно и массивно, и все задвижки и затворы в доме были сделаны из массивных брусьев, то запертый дом представлял настоящую крепость, в которую можно было вломиться не иначе, как после двух часов трудной работы, и только в том случае, если бы осаждающие были снабжены хорошими орудиями для разрушения массивной постройки.

Все эти предосторожности старик Гутер принял после того, как его два раза обокрали пограничные белые во время его частых отлучек из дома.

Когда все было приведено в порядок внутри здания, Зверобой открыл одну из западной, устроенных в полу, и спустился в лодку Юдифи, после чего западня захлопнулась сама собою. Гэтти также присоединилась к сестре, и тогда все пересели на ковчег, привязав к нему одну лодку. Бумпо взял подзорную трубу и осмотрел берега озера. На всем пространстве не было видно ни одного живого существа, кроме нескольких птиц, порхавших между ветвями.

— Нигде не видно признаков человека, — сказал Зверобой, отнимая трубу от глаз. — Может-быть, индейцы делают плот где-нибудь в лесу и тщательно скрывают свои замыслы. Все же им нельзя угадать, что мы собираемся покинуть замок. Притом, если бы они и угадали, у них нет возможности узнать, куда мы намерены ехать.

— Стало-быть, нечего и беспокоиться, — сказала Юдифь. — Теперь, когда у нас все готово, мы смело можем ехать, чтобы заранее прибыть на место.

— Нет, нет, — возразил Зверобой. — Тут требуется некоторая хитрость. Диким, конечно, ничего не известно о свидании моем с Чингачгуком, но у них есть глаза и ноги. Они

увидят, в какую сторону мы поедem, и, пожалуй, вздумают следить за нами. Я буду направлять нос ковчега в разные стороны, пока их ноги не утомятся, гоняясь за нами.

Зверобой выполнил этот план с необыкновенной ловкостью. Менее чем в пять минут ковчег был приведен в движение. Неуклюжее судно не отличалось легкостью; но в это время, при попутном ветре, оно без труда могло проплыть три или четыре мили в час. Заветный утес, где было назначено свидание, отстоял от замка не более как в расстоянии двух миль, и Бумпо, знакомый с аккуратностью индейцев, рассчитал время так, чтобы не более как пятью минутами приехать ранее Чингачгука или позже него. Солнце еще было над вершинами западных гор, когда парус был распущен, и через несколько минут Зверобой убедился, что ковчег плывет с удовлетворительной скоростью.

Вечерело. Легкий ветерок едва колыхал поверхность озера, как-будто боясь потревожить его дремоту.

— Должны ли мы явиться на место свидания в самый момент захода солнца? — спросила Юдифь молодого охотника, который управлял рулем. — Мне кажется, что было бы опасно слишком долго оставаться у берега возле утеса.

— Ваша правда, Юдифь, и я постараюсь избежать этой опасности. Расчет и хитрость необходимы, когда имеешь дело с изобретательными на всякие уловки индейцами. Вы видите, я теперь повернул немного к востоку, в противоположную сторону от утеса: индейцы, без сомнения, побегут туда и надорвутся от беготни без всякой для себя пользы.

— Стало-быть, вы полагаете, что они нас видят и следят за нашими движениями? Я думала, напротив, они ушли в лес и оставили нас в покое на несколько часов.

— Вы женщина, Юдифь, и вам простительно так думать. Но нет никакого сомнения, что индейцы не спускают теперь глаз с нашего ковчега, и нам необходимо навести их на ложные следы. Чутье у минга лучше, чем у собаки; но разум белого человека сильнее всякого инстинкта.

В то время как Юдифь урывками разговаривала с Зверобоем, обнаруживая все возрастающий к нему интерес, младшая ее сестра была задумчива и безмолвна. Раз только она подошла к Бумпо и предложила ему несколько вопросов относительно его планов. Когда охотник удовлетворил ее любопытство, она опять отошла в сторону и принялась за свою работу, напевая вполголоса заунывную песню.

Когда солнце спустилось за бахрому сосен, покрывавших западные горы ковчег был недалеко от мыса, где Гуттер и Гэрри попались в плен. Минги, наблюдавшие за всеми движениями пловучего дома и бегавшие взад и вперед сообразно его направлениям, теперь, без сомнения, вообразили, что с ними хотят вступить в переговоры относительно выкупа пленных. Чтобы окончательно утвердить их в этой догадке, Зверобой подъехал к западному берегу на самое близкое расстояние, безопасное, впрочем, от ружейных пуль. Потом, отослав обеих сестер в каюту, он нагнулся, чтобы его не было видно из-за борта, и круто повернул нос ковчега к устью Сосквеганны. В эту минуту ветер, как нарочно, подул сильнее, ковчег понесся с необычайной быстротой, и Бумпо почти не сомневался в благополучном исходе своего предприятия.

Глава IX

Утес, где было назначено свидание между Зверобоем и могиканом, находился совсем недалеко от берега. Это был большой камень высотой около шести футов и по очертанию имевший некоторое сходство со скирдой сена. От него до берега было футов пятьдесят, и вода около него имела глубины не больше двух футов. Деревья с берега почти доставали его своими ветвями, и одна из огромных сосен образовала над ним высокий и правильный свод. Приблизившись к берегу, Зверобой немедленно опустил парус, и ковчег уже сам собою доплыл до утеса. В то время как молодой охотник управлял рулем, обе сестры должны были стоять на карауле возле окон своей каюты.

— Не видите ли вы кого-нибудь на утесе, Юдифь? — спросил Зверобой, как только

ковчег остановился.

— Никого, Зверобой. Камень, берег, деревья, озеро, и никакого следа человеческих ног.

— Берегите себя, Юдифь; не высовывайтесь наружу, Гэтти. У карабина острый глаз, проворная нога и смертельный язык. Будьте осторожны и смотрите во все глаза. Я буду в отчаянии, если с вами случится какая-нибудь неприятность.

— А вы, Зверобой, вы что делаете? — вскричала Юдифь, просовывая через отверстие голову и бросая на молодого охотника благодарный взгляд. — И вы должны быть таким же осторожным, как и мы. Пуля, смертельная для нас, никому не дает пощады, и мы обе придем в отчаяние, если вы будете ранены.

— За меня не бойтесь, добрая девушка. Ваши глазки очень милы, но, пожалуйста, не смотрите в эту сторону и...

В эту минуту слова Бумпо были прерваны восклицанием Юдифи.

— Что такое, Юдифь? Что такое? — спросил он торопливо.

— Какой-то человек на утесе! Индейский воин, расписанный и вооруженный!

— Где у него соколиное перо? Воткнуто ли оно в пучок волос, какой имеют на темени воины, или он носит его над левым ухом?

— Соколиное перо над левым ухом.

— Это Змей! — вскричал молодой охотник, бросив руль и быстро перебегая на противоположный конец судна.

В эту минуту дверь каюты поспешно отворилась, и перед Зверобоем остановился молодой могикан, у которого вырвалось одно только восклицание: «Хуг!» Еще минута, — Юдифь и Гэтти испустили пронзительный крик, а воздух огласился страшным визгом и воем дикарей, выбежавших из-за кустарника на берег. Некоторые уже бросились в воду.

— Отчаливайте, Зверобой! — закричала Юдифь, поспешно запирая дверь, через которую вошел делавар. — Отчаливайте! Дело идет о жизни! Дикари плывут к нашему ковчегу.

В одно мгновение Бумпо и его товарищ привели в движение пловучий дом, и после нескольких ловких и сильных взмахов веслами ковчег был на безопасном расстоянии от ружейных пуль.

— Что теперь делают эти проклятые минги, Юдифь? — спросил Зверобой, который из-за каюты не мог следить за движениями неприятелей.

— Все исчезли, последний в эту минуту скрывается за кустом на берегу. Вот теперь пропал и он: никого не вижу! Мы в полной безопасности.

Приятель успокоился и бросил весла. Чингачгук, молодой индейский воин, высокого роста, с представительной осанкой и прекрасными чертами лица, поспешил осмотреть свое ружье, открыл полку, попробовал курок и уверился, что все было исправно. Потом он бросил пытливый взгляд на окружающие предметы, но ни одним словом не обнаружил своего любопытства.

— Юдифь и Гэтти, — сказал Бумпо, — с нами теперь вождь могикан, о котором я так часто говорил вам. Чингачгук его имя, Великий Змей на нашем языке. Так его называли за ум, рассудительность и необыкновенную ловкость. Он мой старый, искренний друг. Я его узнал по соколиному перу, которое у него над левым ухом, тогда как у других воинов оно воткнуто в пучок волос на темени.

Чингачгук понимал и говорил по-английски, но не любил, подобно большей части индейцев, объясняться на этом языке. Он крепко пожал руку Юдифи, поклонился Гэтти и, не сказав ни слова, оборотился к Зверобое, как-будто ожидая от него дальнейших объяснений. Молодой охотник понял его мысль.

— Этот ветерок скоро совсем замрет, лишь только зайдет солнце, — сказал он. — Бесплезно грести. Через полчаса подует южный ветер, и мы распустим парус. А между тем нам с Чингачгуком не мешает потолковать о своих делах.

Сестры удалились в каюту, чтобы приготовить ужин, и оставили молодых приятелей на передней части парома. Бумпо и Чингачгук говорили на языке делаваров. Зверобой рассказал

обо всем, промолчав, однако, о своей встрече с индейцем и об одержанной победе. Чингачгук в свою очередь ясно и лаконично сообщил о прощании с родственниками и о своем прибытии в долину Сосквеганны, отстоявшую от озера на полмили к южной стороне. Здесь он напал на след, предведомивший его о близости неприятельского стана. Он ожидал этого, и принял меры против нечаянного нападения. Продвигаясь вперед к озеру по берегу Сосквеганны, он скоро набрел на другой след и провел несколько часов под носом у неприятеля, выжидая удобного случая, чтобы выручить свою Вахту или снять скальп у какого-нибудь ирокеза. Трудно сказать, чего желал он больше. По временам Чингачгук прокрадывался даже на самый берег и видел все, что происходило на поверхности озера. Заметив ковчег и его хитрое лавирование, сметливый делавар тотчас догадался, что это судно, управляемое, без сомнения, белыми людьми, должно содействовать ускорению его свидания с молодым охотником. Догадка превратилась в уверенность, когда пловучий дом остановился возле утеса, и Чингачгук, не медля ни минуты, вскочил на его борт.

— Видно по всему, — сказал Зверобой, — что ты, Великий Змей, долго бродил вокруг лагеря этих мингов. Не можешь ли ты сказать чего-нибудь насчет наших пленников? Один из них — отец этих девушек, а другой — белый молодой человек огромного роста — возлюбленный старшей сестры, как я догадываюсь.

— Чингачгук их видел: старик и молодой воин. Согнутый дуб и высокая сосна.

— Ты угадываешь недурно, делавар, очень недурно. Старик Гуттер разбит непогодой и грозой, но пни его еще тверды и годятся для крепких балок. Что касается Генриха Марча, то его справедливо можно назвать красой и гордостью человеческого леса. Связаны они или нет? Пытали их или нет еще? Эти вопросы я предлагаю тебе вместо молодых девушек, которым интересна всякая подробность на этот счет.

— Нет, Зверобой. Добыча мингов не в клетке. Их слишком много. Одни ходят, другие спят, третьи на карауле. Сегодня бледнолицые у них как братья; завтра сдерут с них скальпы.

— Что делать! Таков у них обычай. Я это знал. Юдифь, Гэтти, вот приятные для вас новости: делавар говорит, что индейцы обходятся с нашими пленниками по-братски и не делают им никаких неприятностей. Разумеется, свобода у них отнята, а, впрочем, в остальном они могут делать почти все, что им угодно.

— Очень благодарна за эту новость, Зверобой, — отвечала Юдифь. — Теперь, когда друг ваш с нами, я ничуть не сомневаюсь в том, что мы отыщем возможность выкупить моего отца и Генриха Марча. У меня есть дорогие наряды, довольно соблазнительные для диких женщин, а в случае нужды мы откроем заветный сундук и, вероятно, найдем в нем много сокровищ, на которые разгорятся глаза у этих ирокезов.

— Юдифь, — сказал молодой охотник, всматриваясь в ее лицо с улыбкой и вместе с тем с живейшим любопытством, которое не ускользнуло от пронизательных глаз девушки, — достанет ли у вас мужества отказаться от нарядов в пользу пленников, хотя один из них ваш отец, а другой, если не ошибаюсь, ваш жених?

— Зверобой, — отвечала девушка после минутного колебания, — я буду с вами совершенно откровенна. Признаюсь, было время, когда я ничего не любила с таким жаром, как свои наряды; но с некоторой поры я начинаю изменяться. Генрих Марч сам по себе не имеет в моих глазах никакой цены, но я не пожалею ничего, лишь бы возратить ему свободу. И если я готова на такую жертву ради этого хвастуна, болтуна и шалолая, то можете представить, что согласна я сделать для своего собственного отца.

— Вот это хорошо, очень хорошо. Такой образ мыслей достоин женщины. Мне удавалось встречать такие чувства между делаварками; дикие женщины нередко жертвуют своим тщеславием в пользу сердечных привязанностей. Чувства, стало-быть, одинаковы для всех рас, несмотря на различие цвета их кожи.

— Освободят ли дикие моего отца, если Юдифь и я отдадим все, что у нас есть? — спросила Гетти простодушным тоном.

— Очень вероятно, моя милая, — сказал Зверобой с выражением искреннего участия; — их женщины, без сомнения, будут на вашей стороне. Но скажи мне, Великий Змей, много

ли женщин в лагере этих головорезов?

— Шесть, — отвечал Чингачгук, поднимая все пальцы левой руки и приставляя правую руку к сердцу, — шесть с этою.

Бумпо понял, что его приятель подразумевал свою возлюбленную.

— Видел ли ты ее, любезный друг? Заметил ли ты ее прелестное лицо? Подходил ли ты близко к ее уху, чтобы пропеть ее любимую песню?

— Нет, Зверобой. Густые деревья закрывали ее своими листьями, как облака скрывают солнце на лазурном небе. Но Чингачгук слышал громкий смех своей Вахты и различил ее среди ирокезских женщин.

— Вот, Юдифь, верьте уху делавара, и особенно чуткому уху влюбленного, способного различить любимые звуки между тысячами голосов. Сам я не испытал этого, но если молодые люди — я разумею и мужчин, и женщин — любят друг друга, то им особенно нравится смех или просто голос любимой особы.

— Неужели вам, Зверобой, никогда не случилось испытать, как приятен смех любимой девушки? — живо спросила Юдифь.

— Никогда, Юдифь! Я не заживался слишком долго между женщинами моего цвета и не имел случая испытывать всю радость подобного чувства. Да, никогда. Приятно они поют и весело смеются, это правда! Но самая лучшая музыка для моих ушей, это дыхание ветра, бегущего по вершинам деревьев, журчанье свежего и прозрачного ключа и шелест зеленых листьев. Люблю я слушать голос поющей женщины, правда, но еще больше люблю громкий лай охотничьей собаки, когда бежит она по следам подстреленной лани.

При этом неожиданном предпочтении в пользу лягавых собак обе девушки с разнообразными чувствами удалились в каюту. Оставшись наедине, Зверобой и его приятель продолжали свою беседу.

— Давно ли молодой бледнолицый охотник на этом озере? — спросил Чингачгук.

— Только со вчерашнего полудня, Великий Змей. За это время слишком много утекло воды. Я видел и даже сделал кое-что.

Черные глаза индейца при этом уклончивом ответе засверкали, как у барса или волка, попавшего в западню. Бумпо понял язык этого искрометного взора.

— Твои подозрения справедливы, Великий Змей. Я столкнулся с неприятелем лицом к лицу и даже могу сказать, что сражался с ним.

— Где ж его скальп, бледнолицый воин? Покажи его скальп.

— Великий Змей, в присутствии всего племени делаваров, в присутствии старца Таменунда и отца твоего, великого Ункаса, я скажу и всегда буду говорить, что белый человек, верный внушениям своей природы, не может и не должен издеваться над своим умирающим собратом, кто бы он ни был. Волосы на моей голове целы, как ты видишь, и этого вполне довольно для моего торжества. Мой враг, красный или белый, никогда не будет иметь причин бояться за свой скальп.

— Неужели не пал ирокезский воин? Неужели Зверобой, несравненный стрелок оленей, промахнулся, когда метил в человека?

— Нет, Чингачгук, рука моя не поколебалась и карабин не изменил мне. Враг мой, минг, пал, сраженный пулей карабина.

— Он вождь? — торжественно спросил могикан.

— Этого я и сам не знаю. Могу только сказать, что он был хитер, вероломен и храбр. Не мудрено, если между своими он добрался до звания вождя. Он мужествен и отважен, хотя глаз его не был так верен, как у человека, получившего образование среди делаваров.

— Брат и друг мой раздробил его тело?

— Это было бесполезно. Минг умер у меня на руках. Скажу без утайки, как происходило все дело. Мы сражались оба храбро и отважно: он, как краснокожий, одаренный от природы талантами красных; я, как белый. Ведь я родился белым, белым живу, белым и умру.

— Хорошо! У Зверобоя белое лицо и бледные руки. Делавар отыщет скальп, чтобы

повесить его на шест, и по возвращении домой пропоет в честь его песню перед своим племенем. Честь принадлежит племени делаваров: не должно ее терять.

— Легко это сказать, но трудно исполнить. Тело минга в руках его друзей и скрыто, без сомнения, в таком месте, где не отыскать его Великому Змею.

Затем молодой охотник коротко и ясно рассказал об утреннем происшествии, избегая самохвальства. Чингачгук снова выразил свое удовольствие, потом оба друга встали, чтобы приняться за дело. В эту минуту совершенно стемнело. Небо покрылось облаками. На мрачном горизонте не было видно ни одной звезды. Северный ветер, как обыкновенно, прекратился после солнечного заката, сменившись южным. Зверобой распустил парус, и ковчег довольно быстро пошел по направлению к замку. Весла оказались бесполезными.

Бумпо, Чингачгук и Юдифь сели на корме парома и вели разговор о своих будущих планах. Юдифь приняла живейшее участие в этой беседе. Делавар легко понимал все, что она говорила, но отвечал на своем языке, и его энергичные замечания Бумпо должен был переводить. Решения Юдифи были скоры, планы — смелы и тверды, и все мнения обнаруживали необыкновенную проницательность. Многосложные события после их встречи, вместе с тем ее одинокое и зависимое положение заставили молодую девушку относиться к Бумпо, как к старому, испытанному другу, и она доверилась ему со всею непосредственностью и пылкостью. До этого времени она принуждена была держаться по отношению к мужчинам оборонительного положения. Теперь неожиданно она оказалась под покровительством молодого охотника, который, очевидно, не имел против нее дурных замыслов. Простота его мыслей, наивная поэзия и даже самая оригинальность его языка, — все это содействовало тому, что в ней начала образовываться внезапная, чистая и глубокая привязанность к нему. Даже равнодушные Бумпо к женщинам подстрекало тщеславие молодой девушки и сильнее раздувало в ней искру горячего чувства.

Прошло полчаса. Ковчег скользил по воде. Мрак сгущался. Впрочем, можно было разглядеть, как темные массы леса на южной оконечности озера начинали теряться в отдалении, а горы по бокам покрывали озеро своею тенью почти во всю его длину. Но на самую середину озера еще падал бледный отблеск, образовавший линию от севера к югу наподобие млечного пути, и ковчег плыл, придерживаясь этого неясного следа, который, по расчетам рулевого, должен был тянуться до самого замка. Юдифь и Бумпо, прекратившие оживленную беседу, любовались торжественным спокойствием природы.

— Какая темная ночь, — сказала девушка после продолжительной паузы. — Надеюсь, впрочем, что мы без труда отыщем замок.

— Нет никакого сомнения.

— Вы ничего не слышите, Зверобой? Вода как-будто всплескивает подле нас.

— Да, слышу. Вероятно, здесь нырнула какая-нибудь большая рыба. Впрочем, что же это такое? Кажется, я различаю теперь шум весла.

В эту минуту Чингачгук наклонился через борт и многозначительным жестом указал вперед, как-будто его взор был внезапно поражен чем-то. Бумпо и Юдифь устремили в ту сторону свои взоры и оба в одно мгновение заметили лодку. Какой-то человек, стоя на ногах, управлял веслом. Нельзя было разглядеть, скрывался ли еще кто внутри лодки. Молодые люди на всякий случай схватили карабины.

— Подстрелить его не трудно, — сказал Зверобой тихим голосом, — но прежде окликнем. Авось, узнаем, что ему надо.

И, возвысив голос, он закричал:

— Эй! Если ты подойдешь к нам ближе, я принужден буду стрелять, и верная смерть ожидает тебя. Перестань грести и отвечай.

— Стреляй, и пусть беззащитная девушка падет от твоей руки! — отвечал дрожащий женский голос. — Но ступай своей дорогой, Натаниэль Бумпо: я не мешаю никому.

— Гэтти! — вскричали разом Юдифь и молодой охотник, который тотчас же бросился к месту, где у него привязана была лодка. Лодки не было. Все объяснилось. Беглянка между тем, напуганная угрозой, перестала грести и остановилась неподвижно. В одно мгновение

парус был снят, чтобы остановить бег ковчега, но в ту минуту, как нарочно, подул порывистый ветер и еще больше увеличил расстояние между лодкой и ковчегом.

— Что это значит, Юдифь? — спросил Бумпо. — Зачем ваша сестра уплыла от нас на этой лодке?

— Вам известно, что она слабоумная, бедная девушка. У ней на все свои расчеты, и она не слушается ничьих советов. Она любит отца больше всего на свете, и к тому же...

— Что еще, Юдифь? Не скрывайте ничего в эту критическую минуту!

Несколько минут Юдифь молчала, не желая изменить тайне своей сестры; но, чувствуя всю опасность безрассудной выходки Гэтти, она принуждена была говорить откровенно.

— Дело вот в чем, Зверобой. Моя сестра, бедняжка, не могла разглядеть пустоты, самохвальства и тщеславия под красивыми чертами Генриха Марча, и он, если не ошибаюсь, совсем вскружил ей голову. Она бредит им во сне и часто даже наяву обнаруживает свою страсть.

— Вы думаете, Юдифь, что сестрица ваша решилась на какой-нибудь отчаянный поступок, чтобы освободить отца и Генриха Марча? Стало-быть, мы наверное можем рассчитывать, что эти дикари овладеют ее лодкой.

— Очень может быть. Едва ли у Гэтти хватит ловкости провести хитрых мингов.

Ветер между тем усилился, и легкий челнок почти скрылся из виду. Не теряя времени, молодые люди бросили карабины, схватились за весла и направили ковчег в ту сторону, где плыла беглянка. Юдифь бросилась на другой конец ковчега и поместилась у самой кормы. Заметив все эти шумные приготовления, взволнованная Гэтти вдруг стала удаляться, как птица, испуганная неожиданным приближением охотника.

Так как Зверобой и его товарищ действовали с энергиею людей, понимавших необходимость употребить всю свою силу, и так как, с другой стороны, силы Гэтти были отчасти парализованы ее желанием скрыться от близкой беды, то ловля эта, без сомнения, скоро окончилась бы пленом оторопелой беглянки, если бы вдруг ей не пришлось в голову сделать несколько неожиданных поворотов. Этим она выиграла время и вместе с тем завела ковчег в совершенную тьму, распространявшуюся от береговых возвышенностей. Следившая за движением сестры Юдифь должна была объявить, что след ее совсем пропал. Молодые люди с отчаянием положили весла. Гэтти, в свою очередь слышавшая малейший шорох на ковчеге, притаила дыхание и с трепетом ожидала результатов. Настала мертвая тишина. Юдифь наклонилась вперед в надежде расслышать звук или шорох, который обличил бы присутствие ее сестры. Молодые люди с тою же целью бросали во все стороны взгляды, напрягая свое зрение. Все было бесполезно: ни один звук, никакой видимый предмет не вознаградил их общих усилий. Между тем Гэтти, приложив палец к губам, стояла посреди своей лодки, неподвижная, как статуя, прикованная к месту.

Пауза продолжалась несколько минут. Наконец Бумпо и Чингачгук, поговорив между собой на делаварском языке, снова принялись за весла, избегая по возможности всякого шума. Ковчег повернулся на юго-запад, по направлению к неприятельскому стану. Подъехав почти к самому берегу, они простояли целый час на одном месте, выжидая приближения Гэтти; но и этот маневр не имел никакого успеха. Таким образом, потеряв всякую надежду захватить беглянку, Бумпо принужден был повернуть к замку, не без причины опасаясь нападения, которое могло быть ускорено безумною выходкой Гэтти.

Глава X

Страх и одновременно расчет заставили Гэтти положить весла, когда она заметила, что ее преследователи не знали, в какую сторону направить свои поиски. Увидев потом, что ковчег приближается к индейскому стану, она опять взяла весла и, соблюдая величайшую осторожность, направила свой путь на запад, к оконечности мыса, отстоявшего от Соскеганны на одну милю. При всей слабости ума молодая девушка отлично понимала, что неблагоприятно оставлять лодку во власти дикарей, и потому, ступив на песчаный берег, она

тотчас оттолкнула свой челнок таким образом, чтоб он сам собою при попутном ветре пошел к замку. Услышав в эту минуту голоса на ковчеге, который проезжал мимо, она спряталась в кустарник и спокойно дожидалась последствий своей опасной и смелой выходки.

— Дальше от берега, могикан, дальше, не то мачта зацепится за деревья, — сказал Бумпо по-английски, чтобы Юдифь могла его понимать. — Я вижу лодку!

Эти слова Зверобой произнес с величайшей живостью, и рука его тотчас же ухватилась за карабин. Но Юдифь немедленно догадалась, в чем дело, и шепнула своему товарищу, что это и есть лодка ее сестры.

— Держи прямо, Чингачгук! — закричал опять Зверобой. — Вот так! Лодка в наших руках.

В то же мгновение пойманная лодка, к величайшей радости Гэтти, следившей из своей засады за каждым шорохом, была причалена к ковчегу.

— Гэтти, — закричала Юдифь взволнованным голосом. — Слышишь ли ты меня, милая сестра? Отвечай мне, ради бога! Гэтти, милая Гэтти!

— Я здесь, Юдифь, здесь, на берегу. Если вы погонитесь за мной, я укроюсь в густом лесу.

— О чем же ты думаешь, Гэтти? Вспомни, что теперь полночь, и лес наполнен дикими зверями.

— Ни зверь, ни человек не посмеют обидеть слабоумную девушку. Иду освободить батюшку и бедного Гэрри, которых истерзают в пытках, если никто о них не будет думать.

— Мы все о них думаем, и завтра же вступим в переговоры о выкупе. Воротись, сестрица! Мы умнее тебя и употребим все средства, чтобы освободить наших пленных. Можешь на нас положиться.

— Я знаю, что вы все умнее меня; но все-таки я пойду освободить отца и бедного Гэрри. Караульте замок и оставьте меня. Я попытаюсь отыскать дикарей.

— Вернись только на эту ночь, милая Гэтти: завтра поутру, если хочешь, мы высадим тебя, и ты можешь делать, что угодно.

— Это тебе никогда не сделать, милая Юдифь. Ты испугаешься томагавков и ножей. Но я скажу индейскому начальнику такое слово, что у него волосы станут дыбом, и он тотчас же освободит несчастных пленников.

— Бедная Гетти! Что можешь ты сказать дикарю, проникнутому жаждой мщения?

— А вот увидишь, сестрица, увидишь! Мои слова сделают его смиреннее всякого ребенка.

Проговорив это, бедная девушка наивно и радостно засмеялась и быстро побежала вперед. Догнать ее не было никакой возможности, да никто об этом и не думал. Распустили парус и при попутном ветре скоро прибыли в замок.

Гэтти углубилась в густой лес. Под ветвями деревьев было совершенно темно и она подвигалась вперед очень медленно, спотыкаясь почти на каждом шагу и несколько раз падая, без всякого, однако, для себя вреда. Часа через два она совсем выбилась из сил и хладнокровно принялась устраивать постель, понимая, что отдых для нее необходим. Ей было известно, как много диких зверей в этих лесах; но она знала, что дикий зверь редко сам нападает на человека. Опасных змей не было вовсе. Гэтти узнала обо всем этом от своего отца, которому, впрочем, как и всем людям, она верила безусловно. Мрак и уединение не пугали ее, и она была даже рада, что может действовать без всякой помехи. Наломав ветвей и покрыв их сухими листьями, молодая девушка легла и уснула крепким сном.

Проснувшись рано утром, она улыбнулась, как ребенок в спокойной колыбели. Затем, оглядываясь, заметила почти возле себя какой-то черный предмет, шуршавший листьями и поспешно удалявшийся от нее. Оказалось, что это был медвежонок из породы обыкновенных бурых американских медведей. Он поминутно оглядывался назад, становился на задние лапы и с забавным любопытством всматривался в молодую девушку. Первым движением Гэтти было догнать и поласкать это маленькое животное. Но сердитый рев, раздавшийся в стороне, предупредил ее об опасности такого намерения. Отступив на несколько шагов, она увидела

мать, следившую за всеми ее движениями. Медведица расположилась возле дупла, служившего приютом для пчел, и угощалась медом, разделяя это лакомство с двумя детенышами, которые прыгали и резвились вокруг нее. В то же время заботливая мать не спускала глаз и с третьего детеныша, убежавшего любоваться на незнакомый предмет.

Известно, что медведица никому ни даст пощады, когда увидит опасность для своих детей. На этот раз она не обнаруживала никаких враждебных намерений против молодой девушки. Оставив свой завтрак, она подошла к ней шагов на двадцать, стала на задние лапы, промычала, но не двинулась вперед. К счастью, Гэтти не вздумала спасаться бегством. Медведица перестала мычать, собрала детенышей вокруг себя и позволила им насыщаться их естественной пищей. Гэтти была очарована такою материнскою нежностью, и когда один из медвежат, окончив свое дело, начал прыгать на свободе, молодая девушка почувствовала сильнейшее желание поиграть с ним. Но, вспомнив негодование матери, не решилась подойти, и с сожалением удалилась от этой группы, намереваясь продолжать свой путь вдоль озера, которое виднелось из-за листьев. Медведица и ее детеныши, к величайшему изумлению Гэтти, последовали за ней в нескольких шагах, наблюдая, повидимому, все движения девушки.

С этой свитой Гэтти прошла около мыса. Когда она вздумала остановиться возле прозрачного ручья, чтобы обмыть лицо и утолить жажду, медвежата с матерью также приостановились и потом опять последовали за ней на почтительном расстоянии. Ее путь лежал теперь по широкой и почти гладкой террасе, спускавшейся с берега на открытую долину, заключенную между холмами, от озера на юг. Здесь-то, по ее предположению, должен находиться неприятельский лагерь. Так, вероятно, думала и медведица, потому что, обнюхав воздух, она отказалась идти вперед, несмотря на дружеские жесты молодой девушки, оглянувшейся назад.

Сделав еще несколько шагов, Гэтти вдруг была остановлена рукою, прикоснувшейся к ее плечу.

— Куда идешь? — торопливо сказал приятный женский голос тоном искреннего участия. — Индейцы здесь, красные люди, дикие, злые воины.

Этот неожиданный привет всего менее был способен напугать молодую девушку. Оглянувшись, она увидела краснокожую девушку, почти ровесницу себе, красивую, с сияющей улыбкой на губах. На ней была выбойчатая епанча, покрывающая верхнюю часть ее тела; коротенькая голубая суконная юбка, окаймленная золотыми галунами, длинные чулки из такой же материи и кожаные мокассы довершали ее фантастический наряд. Ее темные волосы длинными косами падали на спину и на плечи и были разделены на ее низком и ровном лбу так, что сильно смягчали выражение плутовских и веселых глазок. Ее лицо имело овальную форму и совершенно правильные черты. Зубы ее были ровны и белы, рот выражал какую-то меланхолическую нежность. Голос ее был очаровательно мягок и походил на дуновение вечернего ветерка. Одним словом, это была Вахта, возлюбленная Чингачгука. С течением времени ей удалось усыпить подозрение похитителей, и они позволили ей бродить вокруг своего стана. Такая милость совершенно согласовалась с политикою красных, очень хорошо знавших, что в случае бегства будет нетрудно напасть на ее след. К тому же ирокезы или гуроны совсем не знали о близком присутствии ее жениха; это обстоятельство было неизвестно также и самой Вахте. Трудно сказать, которая из двух девушек выказала больше хладнокровия при этой неожиданной встрече; но при своем изумлении Вахта обнаружила большую расторопность и болтливость. Она довольно хорошо понимала по-английски и бегло объяснялась на этом языке, сохраняя, однако, все особенности наречия делаваров. Английскому языку она научилась в детстве, когда ее отец, состоявший на службе у колониального правительства, жил в крепостях между колонистами.

— Куда идешь? — повторила Вахта. — Здесь все злые воины; добрые люди далеко отсюда.

— Как тебя зовут? — спросила Гэтти с наивным простодушием.

— Вахта — мое имя. Не минга, — добрая делаварка. Минги бесчеловечны и жестоки;

любят сдирать скальпы из-за жажды крови. Делавары сдирают для чести. Иди сюда, тут нет глаз.

Вахта отвела Гэтти к реке и уселась с нею на свалившемся дереве, передний конец которого погрузился в воду.

— Зачем пришла? — с участием спросила молодая индеанка. — Зачем ты пришла?

Гэтти с наивным простосердечием рассказала ей всю свою историю.

— Зачем же твой отец пришел к мингам прошлую ночь? Время военное, — он знает. Уж не мальчик, борода есть. Шел, зная, что у ирокезов томагавк, и ножик, и ружье. Зачем пришел ночью, чтобы схватить за волосы, чтобы оскальпировать девушку-делаварку?

— Неужели он схватил тебя? — спросила Гэтти, оцепенев от ужаса.

— Почему же нет? Волосы у делаварки разве хуже, чем у минга? Разницы нет. Губернатор не знает. Бледнолицому не годится скальпировать. Не его дело, как, бывало, говорил добрый Зверобой.

— А разве ты знаешь Зверобоя? — спросила Гэтти, покраснев от изумления и восторга. — Я его также знаю. Он теперь в ковчеге вместе с делаваром, которого зовут Великим Змеем. Славный и храбрый мужчина этот Великий Змей.

— Чингачгук! — воскликнула молодая делаварка, произнося музыкальным тоном это вовсе не мелодичное имя. — Его отец Ункас — великий начальник могикан, первый после старика Таменунда! Так ты знаешь Чингачгука?

— Он пришел к нам вчера вечером и пробыл с нами в ковчеге два или три часа. Я ушла, а он остался. Я боюсь, как бы он не задумал притти за волосами, как бедный. мой батюшка и Скорый Гэрри.

— Почему же нет? Чингачгук — красный воин, очень красный, и волосы с неприятельского черепа делают ему честь. Будь уверена, что у него будет добыча, славная, богатая добыча.

— Стало-быть, он так же зол, как и все дикари? — с живостью сказала Гэтти.

— О, нет, совсем нет! — возразила делаварка с большим одушевлением. — Маниту ¹⁴ улыбается и очень доволен, когда молодой воин несет перед ним на своей палке дюжину, две, целые сотни головных уборов; чем больше, тем лучше. Отец Чингачгука сдирал волосы, дед сдирал, все старики сдирали, а Чингачгук превзойдет их всех.

— В таком случае, Вахта, страшны должны быть сны Великого Змея. Жестокий человек не получит прощения.

— Не жесток он, и не за что его винить! — вскричала Вахта, сердито топнув маленькой ножкой. — Змей храбр, говорю я тебе, и на этот раз принесет домой множество неприятельских скальпов.

— Неужели он за этим и пришел сюда? Неужели в самом деле пробрался он через горы и леса лишь для того, чтобы мучить себе подобных?

Этот вопрос немедленно укротил возрастающий гнев полуобожженной индейской красавицы. Она сперва недоверчиво посмотрела вокруг себя, как-будто боялась шпионства, потом бросила гордый и кокетливый взгляд на свою внимательную подругу. Затем принялась хохотать изо всех сил, и ее хохот раздался музыкальной мелодией на далекое пространство. Но страх быть открытою скоро положил конец этому выражению чрезмерной радости: отняв от лица свои руки, она опять взглянула на молодую подругу с очевидным желанием удостовериться, до какой степени ей можно вверить свою тайну. Гэтти, само собой разумеется, вовсе не была обворожительной красавицей, но не было в ней, однако, и тех

¹⁴ Маниту — этим словом индейцы обозначали все сверхъестественное, — все то, что они считали «божеством». (Прим. ред.).

неприятных признаков, которыми так часто сопровождается умственная слабость. Многие даже находили ее очень миленькой девушкой, и никому с первого взгляда не приходило на ум, что природа лишила ее обычной доли человеческих способностей. Впечатление, произведенное ею на Вахту, было благоприятное во всех отношениях. Уступая непобедимому внутреннему влечению, молодая индеанка бросилась на шею своей собеседницы и принялась целовать ее с необыкновенной нежностью.

— Ты добра, моя милая, очень добра, я это вижу! — воскликнула с воодушевлением индеанка. — Уже давно нет у Вахты ни друга, ни сестры, — никого нет, с кем делить сердечные чувства. Ты будешь другом Вахты, не правда ли?

— И у меня не было друга, — отвечала Гэтти, обнимая в свою очередь с искренним увлечением индеанку. — Есть у меня сестра, но друга нет. Юдифь меня любит, и я люблю Юдифь. Это очень естественно. Но мне хотелось бы иметь приятельницу. Я от всей души готова быть твоим другом, потому что мне нравится твой голос, твоя улыбка, и я люблю твой образ мыслей во всем, кроме того, что ты сказала насчет скальпов.

— Перестанем толковать о скальпах, — возразила Вахта. — Ты белая, а я красная, вот почему и не надо говорить о скальпах. Зверобой и Чингачгук великие друзья, хотя кожа на их теле различных цветов. Подружимся и мы. Как твое имя, хорошенькая бледнолицая?

— Гэтти.

— Гэтти? Зови меня Вахтой. У тебя есть еще и брат, кроме отца?

— Нет, Вахта. Был когда-то брат, но он умер давным-давно, и его похоронили в озере возле моей матери.

— Вот что! Так брата-то и нет у тебя! Ну, зато есть молодой воин, и ты любишь его, как отца, а может-быть, и больше. Не так ли? Красавец он, храбрый парень, воин будет, а?

— Нехорошо любить постороннего мужчину так же, как своего отца, и я стараюсь этого не делать, но я не в силах буду побороть себя, если Генрих Марч часто будет ходить на озеро. Скажу тебе правду, милая Вахта, я умру с горя, когда он узнает о моем чувстве.

— Зачем он не спросит тебя сам? Храбрый на дела, и несмелый на слова; не так ли? Молодой воин должен сам спрашивать молодую девушку. Не первой ей говорить. Этого не водится и у мингов.

Это было высказано с негодованием и с той горячностью, которые проявляет страстная молодая женщина, когда слышит о нарушении прав женщины.

— Спрашивать меня? — вскричала Гэтти с пылкой торопливостью. — Спрашивать, люблю ли я его так же, как своего отца? Ах! Я надеюсь, что он никогда не предложит мне подобного вопроса, иначе я умру от стыда, отвечая искренно на его слова.

— Зачем же умирать? — возразила Вахта с невольной улыбкой. — От этого не умирают. Девушка краснеет, стыдится, робеет и потом чувствует себя счастливее, чем прежде. Молодой воин должен сказать, что он хочет на ней жениться, иначе нельзя ему жить в своем вигваме.

— Генрих Марч никогда не женится на мне, да и никто не может на мне жениться, милая Вахта.

— Как знать то, чего не дано знать! Может, все молодые люди хотели бы твоей руки, и со временем смелый язык скажет напрямик, что чувствует сердце. Отчего, думаешь ты, никто не захочет иметь тебя женой?

— Оттого, что я, как говорят, не в полном уме. Батюшка часто говорит об этом, говорит и Юдифь, особенно, когда сердита; но их речи все не то, что слова моей матери. Покойная матушка всего один раз высказала мне эту горькую правду, и потом она долго плакала, как-будто ее сердце надорвалось от тоски. Я верю моей матери.

Вахта, не говоря ни слова, бросила пронизательный взгляд на свою подругу, и печальная истина вдруг поразила ее ум. Сожаление, почтительность и нежность, очевидно, боролись в ее сердце. Скоро она встала и предложила проводить свою подругу в неприятельский стан.

Гэтти без всякого страха последовала за индеанкой, в надежде немедленно добраться до стана мингов. Одушевленная своими стремлениями, она не сомневалась в успехе своих планов и заранее соображала, что скажет перед главным начальником ирокезов. Это, однако, не мешало ей продолжать разговор с Вахтой.

— Но ты владеешь полным умом, моя милая, — сказала Гэтти, — и я не вижу причины, почему Великий Змей не может на тебе жениться.

— Вахта в плену, и у мингов чуткие уши. В их присутствии не говори о Чингачгуке! Обещаешь ты это, добрая Гэтти?

— Я знаю, что Зверобой и Чингачгук хотят тебя отнять у ирокезов, и тебе хочется, чтоб я не открыла им этой тайны.

— Как! Ты это знаешь? — торопливо спросила Вахта, раздосадованная тем, что ее подруга не совершенно лишена здравого смысла. — Почему ты это знаешь? Говори только о своем отце и Генрихе Марче. Минги поймут это, но других вещей они не понимают. Обещайся мне не говорить о том, чего ты не понимаешь.

— Но я понимаю, Вахта, и, стало-быть, могу об этом говорить. Зверобой в моем присутствии рассказывал батюшке об этом, и я слышала все, так как мне не говорили, чтоб я ушла. Я знаю также, как Гэрри толковал с батюшкой о своем намерении запасть скальпами в неприятельском стане.

— Нехорошо бледнолицым говорить о волосах и нехорошо молодым девушкам подслушивать разговоры мужчин. Теперь я знаю, ты любишь Вахту, милая Гэтти, а у индейцев чем больше любят, тем меньше говорят.

— У белых совсем не так. Белые говорят преимущественно о тех, кого любят. Не понимаю, почему у красных это наоборот.

— Зверобой потом это растолкует тебе лучше, чем я. Только, поверь, с мингами тебе надо молчать. Если Змей желает видеть Вахту, Гэтти желает видеть Гэрри. Добрая девушка никогда не пересказывает секретов своей подруги.

Гэтти поняла, в чем дело, и обещалась молодой делаварке не делать никаких намеков на Чингачгука.

— Может-быть, ему удастся освободить твоего отца, Гэрри и Вахту, — сказала индеанка тихим голосом, когда они уже почти совсем подошли к ирокезскому стану. — Подумай об этом, Гэтти, и приложи к губам все свои десять пальцев. Не будет никому свободы без Великого Змея.

Нельзя было придумать лучшего средства сдержать болтливость Гэтти, которая теперь окончательно поняла, что все дело зависит от ее скромности. Успокоив себя с этой стороны, Вахта, не теряя времени, прямо пошла в ирокезский стан, где ее держали в плену.

Глава XI

Присутствие женщин в индейском лагере доказывало, что ирокезы, очевидно, еще не «стоят на тропинке войны», как обыкновенно выражаются туземные племена. Здесь была самая незначительная часть племени ирокезов или гуронов, которые охотились и ловили рыбу на английской территории при начале военных действий. Когда курьер возвестил о вспыхнувшей между англичанами и французами войне и когда не оставалось никакого сомнения, что в эту войну будут вовлечены все племена, находившиеся под влиянием враждующих держав, эти, индейцы кочевали на берегах Онеиды, — озера, отстоявшего от их собственных границ миль на пятьдесят. Вместо того, чтобы возвратиться домой по прямой дороге в Канаду, подвергаясь опасности неожиданно наткнуться на отряды английских солдат, они предпочли еще дальше углубиться в непроходимый лес и таким образом сверх всякого ожидания очутились на берегах Глиммергласа.

Единственный огонек, разведенный у корня дуба посреди лагеря, удовлетворял потребностям всего этого отряда, укрывавшегося в ночное время от холода в шалашах из хвороста, прикрытых древесной корой. Так как лагерь находился среди густого леса, то не

было никакой возможности охватить одним взглядом его границ, несмотря на то, что шалаши стояли один возле другого. Здесь также не было общего центра или открытого места, куда могли бы собираться обитатели этой жалкой деревни: все было темно, прикрыто, затаено и все притворно, как сами жители. Только дети, бегавшие взад и вперед от одной лачужки к другой, отчасти придавали этому кочевью оживленный вид домашней жизни. Робкие голоса и сдержанный смех нескольких женщин по временам нарушали глубокое спокойствие мрачного леса. Мужчины ели, спали, осматривали свои ружья и разговаривали очень мало, притом всегда вдали от своих жен.

Когда молодые девушки вошли в самый лагерь, Гэтти слегка вскрикнула, заметив своего отца. Он сидел на земле, прислонившись к дереву, а стоявший против него Гэрри небрежно резал маленькую ветвь. Повидимому, они пользовались здесь полной свободой, и посторонний наблюдатель, не знакомый с индейскими обычаями, мог принять их за гостей, наслаждающихся радушным гостеприимством. Проводив свою подругу, Вахта немедленно удалилась, чтобы не помешать своим присутствием встрече, но Гэтти, не привыкшая к особым ласкам, обуздала, как нельзя лучше, изливание своего чувства. Она спокойным и ровным шагом подошла к отцу и остановилась перед ним, не говоря ни слова. Старик в свою очередь при этом внезапном появлении не обнаружил ни удивления, ни беспокойства: в этом отношении он был совершенно пропитан стоицизмом индейцев и отлично понимал, что, подражая их хладнокровию, можно всего скорее заслужить их уважение к себе. Сами индейцы при неожиданном появлении незнакомки также остались совершенно равнодушны.

Гуттер внутренне был очень растроган поведением Гэтти, хотя притворился совершенно хладнокровным. Он вспомнил ее увещания перед отъездом из замка, и теперь, при постигшем его несчастье, ее слова получили для него глубокий смысл. Притом он знал простодушную верность своей дочери, способной на самопожертвование, и хорошо понимал причину ее поступка.

— Нехорошо, Гэтти, — сказал он, соображая вероятные последствия ее выходки, — очень плохо. Тебе не следовало приходить сюда.

— Скажи, батюшка, удалось ли тебе или Гэрри завладеть человеческими волосами?

— Нет, дитя мое, совсем нет, и ты можешь быть спокойна на этот счет. Я схватил было ту девушку, которая пришла с тобою, но на ее отчаянный крик сбежалась целая стая этих диких крыс, и мы не справились с ними.

— Благодарю тебя, батюшка! Теперь я могу смело говорить с ирокезами, и совесть моя будет спокойна. Надеюсь, что Генрих Марч, как и ты, не сделал никакого вреда этим индейцам?

— О, что касается меня, то можете, если хотите, успокоиться на долгие времена, — отвечал Скорый Гэрри. — Я остался круглым дураком так же, как и ваш отец. История, видите ли, вот такая: когда старый Том и я наткнулись на свою законную добычу, чтоб заработать казенные денежки, эти черти нахлынули на нас со всех сторон и меньше чем в пять минут скрутили нас обоих по рукам и по ногам.

— Однако, теперь вы не связаны, Генрих Марч, — возразила молодая девушка, бросив робкий взгляд на красивого гиганта. — На вас нет ни веревок, ни цепей, и тело ваше не пострадало.

— Еще бы! Какого чорта они выиграют, если вздумают переломать мои кости? Но дело не в том: владея и руками, и ногами, мы теперь с вашим отцом хуже всякого безрукого и безногого калеки. У всех этих деревьев есть уши и глаза: один шаг вперед с этого места, и целые десятки пуль засядут в вашей спине. Вот как, любезная Гэтти. Во всей колонии нет тюрьмы крепче той, в которую теперь законопатили нас. Это я отлично понимаю.

Но Гэтти вовсе не понимала, что такое тюрьмы, и для чего они существуют на свете. Уловив только общую мысль Генриха Марча, она отвечала:

— Потерпите, Гэрри, успокойтесь! Я пойду к ирокезам, переговорю с ними, и все кончится к общему благополучию. Никто из вас не должен за мною следовать. Я пойду одна, и когда вам позволят воротиться в замок, я немедленно сообщу об этом.

Гэтти говорила с такою наивною важностью и так была уверена в успехе, что оба пленника невольно начали рассчитывать на ее ходатайство, не догадываясь, на чем оно основывалось. Поэтому они не возразили, когда она обнаружила намерение оставить их, хотя было ясно, что она решилась подойти прямо к группе ирокезских вождей, которые в это время шопотом рассуждали в стороне, вероятно, о причинах внезапного появления странной незнакомки.

Между тем Вахта подошла как можно ближе к двум или трем старейшим вождям, которые ей оказывали в продолжение плена особое расположение. Вмешаться в разговор старшин ей, как женщине и пленнице, было невозможно. Но хитрая девушка учла, что старшины, вероятно, потребуют ее сами, если она будет около них. Так и случилось. Едва Гэтти подошла к отцу, как делаварку многозначительным и незаметным жестом потребовали в круг старшин, где тотчас же начали ее расспрашивать насчет загадочного прибытия белой подруги. Этого только и хотела невеста Чингачгука. После некоторых незначительных подробностей Вахта объяснила прежде всего, каким образом она открыла слабоумие девушки, которую без дальнейших околичностей тотчас же назвала юродивой, преувеличивая до крайности слабость ее умственных способностей. Затем в коротких словах она рассказала о поводе, заставившем молодую девушку отважиться на опасное странствование. Ее слова не долго оставались без ожидаемого результата. Вахта с удовольствием заметила, что ирокезы уже с благоговением посматривают на ее подругу. Кончив свой рассказ, она удалилась к костру и, как заботливая сестра, стала готовить обед для угощения неожиданной гостьи. Но среди этих приготовлений сметливая девушка не ослабила своей бдительности: она наблюдала за выражением лиц вождей, за движениями Гэтти и всеми второстепенными обстоятельствами, которые могли иметь влияние на интересы ее подруги, соединенные так тесно с ее собственными.

Все старшины с почтением расступились, когда Гэтти вошла в их кружок, и один из главных вождей ласково пригласил молодую девушку сесть на пень. Затем он сам занял место возле нее, а другие обступили их с величавою важностью. Гэтти немедленно начала объяснять причину своего визита. Едва открыла она уста, как старейший вождь подал ей знак к молчанию и вступил в какие-то переговоры со своими товарищами. Оказалось, что им нужен переводчик, и что самый лучший переводчик — делаварская пленница, которую таким образом потребовали вновь на этот совет.

Вахта радостно взялась за свою новую роль, решив употребить все возможные средства в пользу своей подруги. Как только она заняла место возле Гэтти, старый вождь подал знак, чтобы бледнолицая красавица объяснила свои намерения.

— Скажи им, Вахта, что я младшая дочь Томаса Гуттера, старшего из их пленников. Он владеет замком и ковчегом, плавая по широкому Глимергласу, который принадлежит ему вместе с холмами и окрестными лесами, так как он давно поселился на этих местах. Пусть они знают, кого надо разуметь под именем старика Тома. Потом скажи им, Вахта, что я пришла убедить их, что они не должны делать своим пленникам ни малейшего зла и отпустить их с миром. Скажи им все это откровенно, милая Вахта, и не бойся ничего ни за себя, ни за меня.

Вахта перевела буквально, как могла, слова своей подруги на ирокезский язык, который был ей известен, как свой природный. Вожди выслушали ее с величайшей важностью, и двое из них, понимавшие немного английский язык, засвидетельствовали многозначительными жестами, что делаварка переводит точно.

— Теперь, Вахта, я желаю, чтобы ты передала этим красным людям слово в слово, что я намерена сказать. Прежде всего скажи им, что мой отец и Генрих Марч забрались в их стан для того, чтоб содрать как можно больше волос с человеческих черепов, так как злой губернатор и колония обещали за скальпы деньги, не разбирая, мужчина ли, женщина или ребенок сделаются жертвами этого бесчеловечного наказания. Мой отец и Генрих Марч прибыли сюда из одной только жадности к деньгам. Скажи им это, милая Вахта, без утайки, точь-в-точь, как слышишь от меня.

Вахта принуждена была повиноваться из опасения переменой выражений раздражить тех из своих слушателей, которые сами немного понимали Гэтти. Эта речь, однако, к величайшему изумлению, совсем не произвела дурного впечатления на собрание старшин. Очевидно, они не хотели порицать в других то, на что каждый из них готов был отважиться при малейшей возможности.

— Теперь, Вахта, — продолжала Гэтти, заметив, что ее объяснения усвоены, как следует, — теперь ты можешь сообщить им вещи поважнее. Они знают, что батюшка и Генрих Марч не успели в своем предприятии, и, стало-быть, они не могут питать против них ни малейшей злобы. Совсем другое дело, если бы пленники перерезали их жен и детей. Теперь же замышленное зло осталось без последствий.

Вахта передала буквально слово в слово речь Гэтти.

— Хорошо, — продолжала Гэтти. — Скажи им, что Маниту, как вы называете бога, дал людям книгу, которую мы называем библией. Вот эта книга в моих руках. Скажи, Вахта, этим старейшинам, что я намерена прочесть им некоторые места.

С этими словами Гэтти вынула маленькую английскую Библию, завернутую в платок, и открыла ее. Некоторые из индейцев при виде этого предмета выразили свое изумление.

— Отчего же Великий Дух не дал такой книги индейцам? — спросила Вахта.

— Отчего? Как отчего, милая Вахта? Ведь ты знаешь, что индейцы не умеют читать.

Гэтти быстро откинула несколько листов книги и, наконец, разом прочитала несколько страниц. Индейские старейшины молчали.

— Эта ли священная книга бледнолицых? — спросил, наконец, один из них, взяв Библию из рук Гэтти и переверачивая ее с напряженным любопытством, как-будто надеясь от нее дожидаться каких-нибудь положительных ответов. — Здесь ли тот закон, которому следуют мои белые братья?

Вахта, к которой обращен был этот вопрос, отвечала утвердительно, прибавив, что канадские французы и все вообще англичане признают авторитет этой книги.

— Скажи моей белой сестре, — прибавил ирокез, — что я намерен сказать ей несколько слов.

— Ирокезский начальник будет говорить, милая Гэтти. Слушай!

— О, как я рада, — вскричала Гэтти.

— Закон бледнолицых заставляет делать добро своим обидчикам, — начал начальник. — Если брат просит ружье, закон заставляет отдать и пороховые патроны. Такой ли закон у бледнолицых?

— Нет, нет, — с живостью отвечала Гэтти, когда объяснили ей эту речь. — Книга вовсе не говорит о ружьях. Порох и пули оскорбляют Великого Духа.

— Зачем же бледнолицые употребляют пули и порох? Закон повелевает им давать вдвое против того, что у них просят, а они берут вдвое у бедных индейцев, которые не просят ничего. Вместе с лучами солнца встают они со своею книгою в руках и читают ее краснокожим; а сами что делают? Они забывают все, чему учит эта книга. Когда индеец дает, белый человек никогда не доволен и требует втрое. Теперь белые люди обещают золото за скальпы наших жен и детей, а нас, когда мы берем скальп человека, убитого в открытой войне, они называют дикими зверями. Мое имя — Райвенук.

Гэтти, не приготовленная к подобным возражениям, совершенно растерялась.

— Что мне им сказать, милая Вахта? — спросила она умоляющим тоном.

— Дай им достойный бледнолицей ответ, — сказала Вахта ироническим тоном. — Ведь он всегда хорош с одной стороны, хотя дурен с другой.

— Нет, Вахта, нет, у истины не может быть двух сторон, а вот выходят странные вещи. Стихи я прочла правильно, уверяю тебя, и никто не смеет сказать, что в них есть ошибки. Этого никогда не может быть, милая Вахта.

— Отчего же никогда? Бледнолицые об одном и том же предмете говорят, как им вздумается: иногда он у них бел, как снег; иногда черен, как смола.

Бедная Гэтти решительно стала втупик и, видя, что план ее не принесет отцу и Гэрри

никакой пользы, залилась горькими слезами. С этой минуты Вахта переменяла свой иронический тон и сделалась опять нежной подругой. Она заключила Гэтти в свои объятия и старалась ее успокоить.

— Не плачь, не плачь, — говорила она, лаская свою подругу. — Почему ты так печалишься? Ведь не ты сделала книгу, и не ты виновата, если бледнолицые ведут себя дурно. Много злых людей между красными, и много злых людей между белыми. Всякий цвет одинаково хорош, и всякий цвет одинаково дурен. Вожди знают это.

В эту минуту один из начальников остановил делаварку движением руки, и она должна была прикратить свои ласки и слова. Затем другой начальник вышел из этой группы и скоро возвратился опять в сопровождении Гуттера и Генриха Марча. Вахта поняла, что пленников призвали на допрос.

— Дочь моя, — сказал главный вождь молодой делаварке, — спроси у этой седой бороды, зачем он пришел в наш лагерь?

Вахта повиновалась. Старик Гуттер прямо и без всяких уловок отвечал, что его намерение было резать своих неприятелей без различия возраста и пола, чтоб овладеть их скальпами, за которые колониальное правительство назначило огромные премии. Такой же ответ принужден был дать и Генрих Марч, понимавший бесполезность всяких выдумок и уверток. Затем ирокезские начальники, считая это дело оконченным, разошлись в разные стороны, оставив пленников наедине с обеими молодыми девушками.

— Не буду тебя бранить, милая Гэтти, за твой безрассудный план, — сказал старик Гуттер, усаживаясь подле дочери. — Скажи-ка лучше нам, что предпринимает Зверобой для нашего освобождения?

— Батюшка, Зверобой и Юдифь совсем не знали, что я намерена оставить ковчег. Они боятся, как бы ирокезы не построили плот, чтоб добраться до замка, и думают больше о его защите, чем о том, чтобы итти вам на помощь.

— Нет, нет, нет, — оказала Вахта с величайшею живостью, так, однако, чтобы нельзя было ее подслушать за несколько шагов. — Зверобой совсем не такой человек. Он не думает о себе, когда друг в беде. Поможет всем, и все воротятся домой.

— Это недурно, дядя Том, — сказал Гэрри, улыбаясь. — Если смазливая индеанка вмешается в дело, можно провести с нею самого чорта.

— Не говорите громко, — заметила Вахта. — Некоторые ирокезы знают язык янки ¹⁵, и все имеют уши янки.

— Друг ты нам, или недруг, молодая женщина? — спросил Гуттер, принимая живейшее участие в разговоре. — Если друг, то тебе будет хорошая награда, и мы немедленно возвратим тебя домой.

— Или поживитесь моими волосами, — возразила Вахта с холодной иронией.

— Нечего говорить о том, что прошло. То была ошибка. Насмешкой ничего не сделаешь, молодая женщина: заметь это хорошенько.

— Батюшка, — сказала Гэтти. — Юдифь думает вскрыть большой сундук, чтоб сокровищами его купить твою свободу.

Старик нахмурился и проворчал какие-то невнятные фразы.

— Отчего же не разломать сундука? — прибавила Вахта. — Жизнь дороже старого сундука.

— Вы не знаете, чего просите, — угрюмо отвечал Томас Гуттер. — Обе вы глупые девчонки, и я советую вам держать язык за зубами. Брр! Дикари, повидимому, вовсе не заботятся о нас, а это слишком дурной признак. Нужно на что-нибудь решиться, и чем скорее, тем лучше. Как ты думаешь: можно ли положиться на эту молодую женщину?

— Слушай, старик, — сказала делаварка торжественным тоном. — Вахта не была и не будет ирокезской женщиной: она делаварка душой и телом, чувствами и сердцем. Она также

¹⁵ Так вообще называются англичане, поселившиеся в Америке. (Прим. ред.).

пленница. Пленники помогают друг другу. Ни слова больше. Дочь останется с отцом. Вахта придет навестить подругу. Все будет иметь хороший вид. Тогда ей скажут, что делать.

С этими словами молодая девушка встала и спокойно отправилась в свой шалаш, как-будто ей не было никакого дела до бледнолицых.

Глава XII

В замке Томаса Гуттера могикиан и Зверобой два-три раза просыпались в продолжение этой ночи, осматривали поверхность и окрестности озера и, уверившись, что все спокойно, засыпали опять, как люди, которых нелегко было лишить естественного покоя. Бумпо проснулся с рассветом, тогда как его товарищ, утомившийся в течение нескольких беспокойных ночей, пролежал в постели до самого восхода солнца. Юдифь тоже, против обыкновения, проснулась довольно поздно, так как с вечера долго не могла сомкнуть глаз. Но прежде чем солнце появилось над восточными холмами, все обитатели замка были уже на ногах, потому что в этих странах никто вообще не остается в постели после появления дневного светила.

Чингачгук был занят своим туалетом, когда Зверобой вошел в каюту ковчега и бросил ему несколько штук грубого, но удобного платья, принадлежавшего Гуттеру.

— Юдифь прислала это для твоего употребления, любезный вождь, — сказал Зверобой, бросая куртку и штаны к ногам индейца, — потому что крайне неблагоприятно разгуливать тебе в военной одежде. Вымой хорошенько лицо, так, чтобы не осталось на щеках грозных следов этой уморительной раскраски. Вот шляпа, которая придаст тебе почтенный вид американской цивилизации, как говорят миссионеры. Вспомни, что Вахта возле нас, и заботься об этой девушке, мы не должны в то же время забывать и о других. Знаю, что тебе далеко не по сердцу все эти платья, выкроенные для белых людей; но что же делать, любезный друг: необходимость иной раз сильнее всякой привычки.

Чингачгук с отвращением осмотрел предлагаемый костюм, однако, повидимому, вполне понял настоятельную необходимость преобразиться в нового человека. Если бы в самом деле ирокезы открыли в замке или его окрестностях красного человека, это могло бы увеличить их недоверчивость и вызвало бы подозрительность в отношении пленницы. Имея в виду такие опасения, молодой влюбленный индеец готов был согласиться на все, чтобы вернее упрочить свой успех. Повертев еще раз с очевидным пренебрежением и насмешкой все эти части ненавистного костюма, Чингачгук напялил на себя штаны, куртку и жилет и нахлобучил огромную шляпу с широкими полями, следуя во всем наставлениям своего приятеля. В этом новом костюме он сделался настоящим колонистом, и только цвет кожи еще обличал в нем индейца. Это последнее обстоятельство не внушало, однако, больших опасений, потому что с берега без помощи подзорной трубы невозможно было взглянуть в черты лица, к тому же и сам Зверобой до того загорел от солнца, что почти ничем не отличался от могикиана.

Трое островитян, — мы можем употребить здесь это выражение, — были молчаливы, серьезны и задумчивы в продолжение утренней закуски. Выражение лица Юдифи доказывало, что она провела тревожную ночь. Мужчины думали о событиях, которые ожидали их в этот день. Бумпо и молодая девушка обменялись несколькими комплиментами, ничего не говоря о своем положении. Наконец Юдифь перед выходом из-за стола первая прервала всеобщее молчание.

— Страшно подумать, Зверобой, что нашим пленникам и бедной Гэтти грозит, может-быть, величайшая опасность. Мы непременно должны что-нибудь придумать для их освобождения.

— Я готов на все, Юдифь, если мне укажут на подходящие средства. Знаю очень хорошо, что не безделица попасть в руки краснокожих после несчастных попыток, которые завели в их стан вашего отца и Генриха Марча. Такой беды, признаюсь, я не пожелал бы и злейшему врагу, а тем менее своему товарищу, с которым путешествовал и делил хлеб-соль.

Может-быть, вы, Юдифь, имеете в виду какой-нибудь план?

— Самое лучшее средство, по моему мнению, — задобрить этих дикарей какими-нибудь подарками. Ирокезы, я знаю, очень жадны к подаркам, и надо доказать, что им гораздо выгоднее приобрести себе здесь, на месте, какую-нибудь драгоценность, чем вести обоих пленников к французам.

— Этот план недурен, Юдифь, если действительно окажутся у нас под руками такие вещи, которые могут соблазнить жадного индейца. Дом вашего батюшки очень удобен и построен с большим искусством, но не видно, чтобы в нем хранились большие драгоценности. Есть, правда, здесь хороший карабин и боченок с порохом, но, по-моему, двух человек за безделицу не выкупишь, к тому же еще...

— Что такое? — спросила Юдифь с живейшим нетерпением, заметив, что молодой человек не решался высказать своей мысли, вероятно, из опасения ее огорчить.

— Дело, видите ли, вот в чем. Французы обещали за неприятельские скальпы такие деньги, за которые можно купить отличный карабин, ничуть не хуже, чем у старика Гуттера, и по крайней мере два таких же боченка с порохом.

— Это ужасно! — прошептала молодая девушка, пораженная простым и ясным изложением дела. — Но вы забываете, Зверобой, мои наряды, а я уверена, что они имели бы большую ценность в глазах ирокезских женщин.

— Ваша правда, Юдифь. Но хватит ли у вас самой охоты и желания отказаться от своих драгоценностей? Я знал людей очень храбрых, но только до наступления опасности; знал и таких, которые, выслушав рассказ о бедном семействе, готовы были отдать с себя все до последней рубашки, но потом, как только приходилось претворять в дело великодушные мысли, им становилось жаль самой незначительной безделицы. К тому же, Юдифь, вы красавица: как же вам отказаться от вещей, которые так нужны вам, чтобы оттенить вашу красоту? Это нелегко.

Утешительный намек на красоту молодой девушки несколько ослабил для нее неприятное впечатление, произведенное сомнением молодого охотника в ее дочерней привязанности. Если бы кто-либо другой выразил такие же чувства, комплимент, вероятно, был бы поглощен первоначальным негодованием, но грубая и наивная откровенность такого простака, как Зверобой, имела особую прелесть для молодой девушки. Поэтому, несмотря на краску и беглый огонь, промелькнувший в ее взгляде, она не могла серьезно рассердиться на человека с доброю и совершенно откровенною душою. В глазах ее отразился невольный упрек; но она сумела подавить эту мгновенную вспышку и отвечала дружеским тоном:

— Я уверена, Зверобой, что к делаварским девушкам вы гораздо снисходительнее, и не мне, разумеется, переменить ваше мнение насчет белых женщин. Так и быть, однако, испытайте меня, и если увидите, что я пожалею какую-нибудь ленту, тряпку или перо, думайте тогда и говорите обо мне, что вам угодно: я охотно подчиняюсь вашему суду. Однако, я согласна с вами: индейцы едва ли захотят освободить своих пленников за такие пустяки, как мои наряды или боченок с порохом; но вы забываете еще большой сундук.

— Ну, да! В самом деле, бывают случаи, когда без колебаний можно пожертвовать фамильной тайной, и настоящий случай, конечно, самый важный. А кстати: батюшка ваш давал ли вам какие-нибудь особые приказания насчет этого сундука?

— Никаких и никогда, Зверобой. Батюшка уверен, что эти стальные полосы и огромные замки лучше всего гарантируют его неприкосновенность.

— Форма этого сундука удивительна и интересна во всех отношениях, — сказал Бумпо, вставая с места и подходя к заинтересовавшему его предмету. — Как ты думаешь, Чингачгук? Такого дерева нам с тобой нигде не приходилось видеть в здешних лесах. Это ведь не черный орешник, а все же чрезвычайно красивое дерево.

Чингачгук подошел к сундуку и принялся осматривать его с величайшим вниманием.

— Нет, — продолжал Зверобой, исследовав его со всех сторон, — ничего подобного нет и быть не может в этих странах. Я знаю всевозможные породы дуба, клена, вяза, орешника, но никогда не видал я ничего общего с этим замечательным деревом. Юдифь!

Ирокезы за один этот сундук согласятся отпустить вашего отца.

— Еще бы! Но мы постараемся, Зверобой, заключить более выгодную сделку с этими дикарями. Сундук, как видно по всему, битком набит разными вещами, и гораздо лучше отдать половину, чем все сразу. Отец слишком дорожит этим сундуком, и уж, конечно, не без причины.

— Разумеется, Юдифь, и вам, вероятно, хотелось бы отыскать эту причину. Вот три замка. Где же ключи?

— Я не видала ключей, а надо думать, что они есть. Гэтти говорила, что отец часто в ее присутствии отпирал и запирает сундук.

— Ключи не могут висеть в воздухе и держаться на воде. Если есть ключ, должно быть и место, Юдифь, куда его кладут.

— Само собою разумеется, и, вероятно, мы найдем его без труда, если станем искать.

— Это касается вас, Юдифь, и только вас одной. Сундук принадлежит вам или вашему батюшке, и господин Гуттер не мой отец, а ваш. Притом любопытство — характерный недостаток женщины, а не мужчины, и в этом отношении перевес на вашей стороне. Стало-быть, вы сами должны решить, открывать этот сундук или нет.

— Могу ли я колебаться, Зверобой, когда жизнь моего отца в опасности? Давайте искать ключ. Если найдем, — отпирайте сундук и берите из него все, что, по вашему мнению, пригодится для выкупа наших пленных.

— Об этом успеем потолковать в свое время: станем прежде, всего искать ключ. Чингачгук, у тебя глаза, как у мухи, и догадливость твоя необыкновенна! Не можешь ли ты как-нибудь догадаться, куда Том Пловучий мог положить ключ от этого замечательного сундука?

До этой минуты могокан не принимал никакого участия в разговоре. Теперь, когда к нему обратились, он отошел от сундука и начал оглядываться вокруг, стараясь угадать место, куда бы старик мог запрятать ключи. Юдифь и Зверобой последовали его примеру, и дружные поиски их начались одновременно. Было ясно, что желанный ключ не мог быть положен в обыкновенный шкаф или ящик без крышки или затвора, поэтому никто в них и не заглядывал. Все направили поиски на потаенные и скрытые лазейки, которые могли иметь секретное назначение. Таким образом первая комната была осмотрена сверху донизу, вдоль и поперек, но без всякого успеха. Затем искавшие перешли в спальню Гуттера. В этой части дома была мебель, которая в свое время обслуживала покойную жену владельца. Осмотрели и здесь всевозможные лазейки, но опять без успеха.

Зашли в спальню двух сестер, разделенную на две половины, из которых одна, заваленная различными принадлежностями модного туалета, очевидно, принадлежала Юдифи. Другая, скромная и простая, — ее сестре. Чингачгук сразу понял, в чем дело, и не удержался, чтобы не сообщить шопотом своему приятелю несколько замечаний на делаварском языке.

— Что же тут удивительного, Великий Змей? — отвечал Зверобой. — Старшая сестра, как красавица, слишком любит все эти наряды, тогда как младшая выбирает вещи, подходящие к ее простой и скромной натуре. Это в порядке вещей. Есть, однако, свои добродетели и у Юдифи, точно так же, как и Гэтти имеет свои существенные недостатки.

— И Слабый Ум видела, как отпирали сундук? — спросил Чингачгук с выражением особенного любопытства.

— Да! Это, впрочем, ты слышал от нее и сам! Не доверяя старшей дочери, старик Гуттер, как видно, вполне полагается на скромность простодушной Гэтти.

— Стало-быть, ключ спрятан только от Дикой Розы? — спросил Чингачгук, окрестивший с самого начала этим именем Юдифь.

— Конечно, конечно. Старик Гуттер доверяет одной и сомневается в другой. На это, разумеется, у него есть свои основательные причины.

— Где же лучше укрыть ключ от взоров Дикой Розы, как не между грубыми платьями Слабого Ума?

Во всех чертах лица Зверобоя выразилось самое наивное изумление, и он проговорил, обращаясь к проницательному могикану:

— Не напрасно племя делаваров прозвало тебя Великим Змеем, любезный друг. Ты заслужил это прозвище и умом, и делами. Да, Чингачгук, твоя правда: особа, влюбленная в наряды, не захочет рыться между скромными платьями, и я уверен, например, что нежные пальчики Юдифи никогда не дотрагивались до этой грубой юбки, по крайней мере с той поры, как она познакомилась с офицерами. Впрочем, как знать, ключ может висеть как на этом гвозде, так и в других местах. Сними юбку, и сейчас увидим, точно ли ты искусный предсказатель.

Чингачгук сделал то, чего от него требовали, но не нашел ключа. На ближайшем гвозде висела пустая сумка. Сняли и ее. Внимание Юдифи было обращено на обоих собеседников, занятых, как ей казалось, совершенно бесполезными поисками, и она живо сказала:

— Зачем вы роетесь в этих платьях бедной нашей Гэтти? Разумеется, здесь мы ничего не найдем.

Едва она проговорила это, как Чингачгук вынул из сумки ключ. Юдифь немедленно догадалась, почему приятелям вздумалось обыскивать грубые платья, и лицо ее покрылось ярким румянцем. Она закусила губы и не сказала ни слова. Зверобой и его товарищ, по врожденной скромности, воздержались в свою очередь от всяких шуток и неприятных намеков. Когда все трое вышли опять в большую комнату, где находился сундук, Зверобой, взяв ключ из рук могикана, легко убедился, что им можно отпирать все три замка. Положив ключ на крышку сундука, он сделал знак своему приятелю, что им не следует более оставаться в этой комнате.

— Это, Юдифь, фамильный сундук, — сказал он, — и в нем, вероятно, скрыты семейные секреты. Чингачгук и я уйдем в ковчег, чтобы осмотреть лодки и весла, а вы откроете сундук и увидите, есть ли в нем какие-нибудь ценные предметы, которыми можно было бы выкупить наших пленников. Когда вы кончите эти поиски, позовите нас, и мы вместе обсудим ценность ваших находок.

— Погодите, Натаниэль! — вскричала молодая девушка, когда приятели хотели уйти. — Я не тронусь с места и не подойду к этому сундуку, если вы не будете здесь. Отец и Гэтти сочли нужным скрывать от меня свои заветные вещи, и я не хочу к ним прикасаться одна. Оставайтесь здесь со мною и будьте моими свидетелями.

— Хорошо, Юдифь, мы останемся с вами; но все же прежде позвольте нам взглянуть на озеро и на ковчег, потому что не сразу, вероятно, мы опустошим этот громадный сундук.

Они оба вышли на платформу. Зверобой, вооруженный подзорной трубой, осмотрел берега, пока индеец озирался по сторонам, отыскивая на озере следы хитрого неприятеля. Не открыв и не заметив ничего, способного возбудить какие-нибудь подозрения, приятели опять вошли в комнату, где ожидала их Юдифь.

С того времени, как стала себя помнить, Юдифь всегда сохраняла какое-то странное уважение к этому сундуку. Ни ее отец, ни мать никогда не говорили о нем в ее присутствии, заключив, повидимому, тайное условие не делать на него никаких намеков, даже когда речь заходила о вещах, которые лежали около или на его крышке. Это обстоятельство в силу продолжительной привычки совсем перестало казаться странным, и Юдифь только недавно обратила на него внимание. Притом между Гуттером и его старшею дочерью никогда не было особенной откровенности и полной искренности. Случалось, что он был снисходителен и благосклонен, но вообще казался в отношении к ней строгим и суровым. Молодая девушка почти всегда держалась в стороне от отца, и скрытность между ними увеличивалась с годами. С самого младенчества загадочный сундук сделался для нее чем-то в роде фамильной святыни, о которой не следовало даже говорить. Теперь наступило время, когда тайна его должна была объясниться сама собою.

Заметив, что приятели с безмолвным вниманием следили за всеми ее движениями, молодая девушка сделала усилие, чтобы приподнять крышку, но без всякого успеха: крышка не приподнялась ни на волос.

— Я не могу, Бумпо, приподнять крышку, — сказала она. — Не лучше ли нам совсем отказаться от этого намерения и поискать других средств для освобождения наших пленников?

— Нет, Юдифь, нечего об этом и думать. Если не дать хорошего выкупа, пленники останутся навсегда во власти наших врагов. Крышку вы не можете открыть, разумеется, потому только, что она слишком тяжела для вас.

Сказав это, Зверобой сам принялся за дело, и через минуту крышка уступила его усилиям. Юдифь задрожала, когда бросила первый взгляд на содержимое сундука. Мало-по-малу она успокоилась.

— Вот все богатство перед нашими глазами, — сказал Бумпо. — Мы должны теперь осторожно перебирать и пересматривать каждую вещь, а это отнимет довольно много времени. Змей, потрудись принести скамейки, а я пока выложу на пол это полотно.

Чингачгук повинился. Зверобой поставил один табурет для Юдифи, взяв другой для себя, и начал с большою осторожностью развертывать полотно. Первыми предметами, бросившимися в глаза, были мужские платья из тонкой прекрасной материи, сшитые, очевидно, по современной моде и богато украшенные. Особенно замечательным показался верхний малиновый кафтан с вышитыми золотом петлицами. Это, однако, был не мундир, а скорее часть костюма человека, принадлежавшего к высшему обществу. При виде такого пышного и блестящего кафтана Чингачгук не мог удержаться от невольного восклицания, и было ясно, что глаза индейца слишком разгорелись на эту вещь. Зверобой с негодованием взглянул на своего друга и, не обращая ни к кому в особенности, сделал замечание такого рода:

— Индеец всегда индеец, будь он даже проникателен, как Змей. Всякая блестящая безделушка его отуманит и выведет из себя. Впрочем, и то сказать: кафтан удивительный и, должно-быть, очень дорогой. Ну, Юдифь, если это платье было в свое время сделано для вашего батюшки, я не удивляюсь вашей чрезмерной склонности к нарядам.

— Нет, нет, — отвечала с живостью молодая девушка. — Мой отец никогда не носил этого платья; оно слишком длинно и, очевидно, сшито не для него.

— Пожалуй, и так. Вот что Чингачгук: кафтан как-раз приходится на твой рост: примерь его, если хочешь, а мы полюбуемся на тебя.

Чингачгук, без всяких отговорок согласился и, сбросив старую истасканную куртку старика Гуттера, немедленно украсил свою особу щегольским платьем знатного сановника. Восторг индейца был неподдельный: он раз двадцать смотрел на себя в маленькое зеркало, употреблявшееся Гуттером для бритья, и жалел от души, что Вахта не могла видеть его в эту минуту.

— Довольно, Змей! Сними! Пощеголял, и будет с тебя, — сказал невозмутимый Бумпо. — Эти платья не для нашего брата. Нет для тебя наряда приличнее соколиных перьев, байковых одеял и вампума ¹⁶, точно так же, как моим обыкновенным нарядом должны быть звериные шкуры, кожаные чулки и крепкие мокасины. Да, Юдифь, и мокасины: хотя я белый человек, но должен в некоторых случаях для своего удобства подражать краснокожим. Без мокасинов было бы слишком неловко бродить по этим лесам.

— Я не понимаю, Зверобой, — возразила Юдифь, — отчего же не всякому идет малиновое платье? Признаюсь, мне бы очень хотелось посмотреть на вас в этом щегольском кафтане.

— Мне надеть щегольской кафтан знатного вельможи! С чего вы это взяли, Юдифь? Я еще, кажется, не сошел с ума. Простой охотник американских лесов, я очень хорошо понимаю, что идет ко мне или не идет.

¹⁶ Вампум — кожаный пояс, покрытый цилиндрическими кружками из особых раковин, которые у северо-американских индейцев употреблялись в качестве денег или служили для украшения. Эти пояса, передаваемые друг другу, заменяли письменные документы при заключении союза или мира и т. п. (Прим. ред.).

За изящными и богатыми принадлежностями мужского костюма следовали женские наряды, и прежде всего прекрасное парчевое платье, вызвавшее восторг Юдифи. Ее восторг и радость были необузданы, как у своенравного ребенка, и она непременно в ту же минуту хотела примерить щегольское платье. С этой целью она удалилась в свою комнату. Когда она вышла оттуда, Чингачгук и Зверобой невольными восклицаниями обнаружили свое изумление. Притворяясь, что она не замечает произведенного эффекта, молодая девушка села на свое место и попросила продолжать осмотр сундука.

— Ступайте к мингам так, как вы есть, — сказал Бумпо, — назовитесь королевой, бросьте на них величественный взор, и старик Гуттер немедленно получит свободу вместе со своими товарищами по плену.

— Я никогда не думала, что вы способны к лести, — возразила молодая девушка, очень довольная искренним комплиментом. — До сих пор я уважала вас. Зверобой, исключительно за вашу любовь к истине.

— И вы можете видеть в моих глазах истину, и только истину, Юдифь, ничего больше. Видел я красавиц на своем веку, белых и красных, видел их издалека и вблизи; но ни одна из них не может выдержать ни малейшего сравнения с тем, чем вы кажетесь в эту минуту, — ни одна, и никогда!

Зверобой не преувеличивал. В самом деле, никогда Юдифь со своими влажными глазами, полными чувственности и томной неги, не была так очаровательна, как при этих словах молодого человека. Счастливая минута! Еще раз он пристально взглянул на восторженную красавицу, покачал головой и молча начал продолжать свои исследования.

Они нашли потом несколько добавочных принадлежностей женского туалета, таких же изящных и богатых, как парчевое платье. Все это было положено к ногам Юдифи, как-будто обладание ими принадлежало ей по праву. Молодая девушка примерила еще две-три штуки, между прочим и кружева, дополнившие в совершенстве ее щегольской костюм. Пересмотрев мужские и женские уборы, они нашли другое полотно, покрывавшее остальные вещи сундука. На минуту Зверобой остановился, погруженный в раздумье.

— У всякого, я полагаю, есть свои тайны, — сказал он, — и каждый имеет право беречь их сколько ему угодно. Мы уже отыскали в этом сундуке достаточно вещей, годных для удовлетворения наших нужд: не лучше ли нам остановиться на этом, не разворачивая другого покрывала?

— Неужели, Зверобой, вы хотите предложить эти платья ирокезам в обмен за наших пленников? — с живостью спросила Юдифь.

— Разумеется! Зачем же иначе мы и рылись в чужом сундуке? Этот богатый кафтан, без всякого сомнения, соблазнит главного ирокезского вождя, и будь у него жена или дочка, охотница до нарядов, это пышное платье удовлетворит самым изысканным требованиям отчаянной щеголихи.

— Вы так думаете, Зверобой? — отвечала озадаченная молодая девушка. — Но зачем и к чему такой наряд для индейской женщины? Нельзя же ей носить его в дымном вигваме, или таскаться по лесам, цепляясь за сучья в густом кустарнике и хворосте.

— Все это правда, Юдифь, и вы даже можете сказать, что эти платья никуда не годятся для этого климата. Ваш батюшка, я уверен, не имеет никакой нужды в этих нарядах и, стало-быть,нисколько не станет их жалеть, когда ими будет куплена его свобода. Генрих Марч пойдет в придачу.

— Но разве Томас Гуттер никого не имеет в своей семье, кому могли бы пригодиться эти наряды? И неужели вам, Зверобой, не было бы приятно взглянуть когда-нибудь, хотя шутки ради, на его дочь, одетую в богатое парчевое платье?

— Понимаю вашу мысль, Юдифь, совершенно понимаю. Я готов еще раз повторить, что в этом наряде вы так же величественны, как солнце, когда оно встает или заходит в октябрьский день, и ваша красота, без сомнения, гораздо больше украшает наряд, чем наряд содействует украшению вас самой. Но одежда, как и другие вещи, имеет свое назначение. Простой воин, например, делает, по моему мнению, очень дурно, когда он, собираясь на

войну, расписывает свое тело, как опытный предводитель, уже не раз доказавший свою храбрость. То же нужно сказать и об одежде. Вы не больше, не меньше, как дочь Томаса Гуттера, а это платье, очевидно, сделано для знатной дамы, может-быть, для губернаторской жены или дочери. По-моему, Юдифь, скромная молодая девушка всего прелестнее тогда, когда одевается сообразно своему состоянию.

— Сию же минуту я сброшу эти тряпки, — вскричала Юдифь, стремительно выбежав из комнаты, — и пусть они не достаются ни мне, ни какой бы то ни было другой женщине!

— Вот, Змей, все женщины выкроены по одной мерке, — с улыбкой сказал Зверобой, обращаясь к своему другу. — Они любят наряды, но еще больше влюблены в свою природную красоту. Как бы то ни было, я очень рад, что она согласилась расстаться с этой мишурой. Вахта, я полагаю, тоже была бы очень хороша в этом наряде: не так ли, Чингачгук?

— Вахта — краснокожая девушка, и ей нет надобности украшать себя чужими перьями, — отвечал индеец.

Затем приятели занялись обсуждением вопроса: рыться ли дальше в сундуке Гуттера? Вскоре вернулась Юдифь в своем скромном полотняном платье.

— Очень вам благодарен, Юдифь, — сказал Зверобой, ласково взяв ее за руку, — я знаю, нелегко вам было отказаться от этих прекрасных безделушек, но, поверьте, в скромном платье вы еще лучше, чем в этом пышном наряде. Дело теперь вот в чем: разворачивать это другое покрывало или нет. Мы должны теперь поступить так, как если бы на нашем месте был сам старик Гуттер.

— Если бы мы знали все, что находится в этом сундуке, — отвечала молодая девушка, — можно было бы правильнее судить, на что нам решиться.

— Пожалуй, и так, Юдифь. По моему мнению, бледнолицым не совсем прилично вникать в тайны других людей. Любопытство — характерный недостаток краснокожих.

— Любопытство естественно во всех людях. Всякий раз, как я бывала в фортах, я имела случай убедиться, что все без исключения — любители чужих секретов.

— Ваша правда, Юдифь. Случается, что за отсутствием настоящих секретов сочиняют разного рода небылицы: в этом-то, собственно, и состоит разница между белым и красным человеком. Вот, например, Змей! Я вам поручусь, Юдифь, что он непременно отвернет голову, если ненароком заглянет в чужую хижину, тогда как в колонии того только и добиваются, чтобы проведать о делишках своего соседа.

— Этот сундук, Зверобой, — наша фамильная собственность, и он всегда принадлежал моему отцу. Почему же не разобрать этих вещей, когда дело идет об освобождении их владельца?

— Что правда, то правда, Юдифь, и я совершенно с вами согласен. Когда все будет перед глазами, мы легче и правильнее обсудим, что можно отдать, и что лучше удержать за собой.

Развернули второе полотняное покрывало, и прежде всего глаза зрителей были поражены парюю пистолетов в серебряной оправе. Вероятно, они были очень дороги; но в этих лесах подобное оружие не имело никакой ценности. Никто даже и не употреблял здесь пистолетов, кроме разве европейских офицеров, которые и в глуши американских лесов не хотели отставать от своих привычек.

Глава XIII

Вынув из сундука пистолеты, Зверобой показал могикану эту, не виданную им, редкость.

— Детское ружьецо! — воскликнул Чингачгук, взяв, как игрушку, один из этих пистолетов.

— Нет, Чингачгук, эта вещица годится и для гиганта, если только он умеет с нею ладить. Постой, однако, белые люди иной раз слишком неосторожно укладывают в сундуки

огнестрельное оружие. Дай-ка мне осмотреть их.

С этими словами Зверобой взял пистолет из рук своего друга и открыл полку. Оказалось, что там была затравка, похожая на пережженный уголь. С помощью шомпола уверились без труда, что пистолеты были заряжены, хотя, вероятно, они оставались в сундуке целые годы. Это открытие в высшей степени озадачило индейца, имевшего обыкновение каждый день осматривать и перезаряжать свое ружье.

— Непростительная неосторожность белого человека! — сказал Бумпо, покачивая головой. — Редкий месяц проходит, чтобы не было от этой оплошности какой-нибудь беды. Странно, Юдифь: владелец подобного оружия, стреляя в какую-нибудь дичь или в своего врага, непременно из трех раз делает два промаха, а между тем в случае оплошности они весьма часто убивают свою жену, ребенка, брата или друга! Ну, так вот, видите ли, мы окажем некоторую услугу владельцу этих пистолетов, если сейчас же из них выстрелим. Кстати, для нас с Чингачгуком это будет новый случай попробовать свою ловкость. Положи, Чингачгук, новую затравку. Я сделаю то же, и потом увидим, кто из нас лучше стреляет из пистолета.

Минуты чрез две они вышли на платформу и выбрали на поверхности ковчег какой-то предмет, который должен был служить для них мишенью. Юдифь стала возле них.

— Отступите назад, Юдифь, дальше отступите, — сказал Зверобой. — Пистолеты заряжены давно, и, пожалуй, при этом опыте может случиться какая-нибудь неприятность.

— Так не стреляйте, по крайней мере, вы, Зверобой, и пусть оба пистолета пробует ваш приятель. Всего лучше, если вы просто разрядите их, не стреляя.

— Вот уж это нехорошо, Юдифь. Пожалуй, некоторые люди могли бы подумать, что мы трусим, хотя это было бы совершенно несправедливо. Нет, Юдифь, мы будем стрелять, только я думаю, что едва ли кто из нас может похвастаться своим искусством.

Юдифь в сущности была храбрая девушка, и ружейный выстрел испугать ее не мог. Ей случалось самой стрелять из ружья, один раз даже она застрелила оленя при таких обстоятельствах, которые делали ей честь. Теперь она отступила назад и подошла к Зверобою, предоставив индейцу всю переднюю часть платформы. Чингачгук приподнимал пистолет несколько раз и, наконец, ухватившись за него обеими руками, спустил курок. Оказалось, что пуля, миновав избранную мишень, не попала даже в ковчег и скользнула по воде рикошетом наподобие брошенного рукою камня.

— Хорошо, Змей, отлично! — вскричал Зверобой с хохотом. — Ты дотронулся до озера, и это для некоторых уж огромный подвиг. Я знал это и говорил Юдифи, что руки краснокожего отнюдь не созданы для этих коротких ружей. Ты дотронулся до озера, и все же это лучше, чем попасть в воздух. Теперь моя очередь: посторонись!

Бумпо прицелился с необыкновенной скоростью, и выстрел раздался почти в ту же минуту, как он поднял руку. Пистолет разорвало, и обломки разлетелись в разные стороны: одни на кровлю замка, другие на ковчег и в воду. Юдифь пронзительно вскрикнула и замертво упала на землю.

— Она ранена, Змей, бедная девушка! Но этого нельзя было предвидеть при том положении, какое она занимала. Поднимем ее и посмотрим, что можно сделать для нее при наших познаниях и опытности.

Посаженная на скамейку, Юдифь проглотила несколько капель воды и залилась слезами.

— Нужно терпеливо переносить боль, — сказал Зверобой с состраданием. — Но я не намерен останавливать ваших слез, бедная Юдифь. Слезы нередко облегчают страдания молодой девушки. Где же ее раны, Чингачгук? Я не вижу ни царапины, ни крови, и платье, кажется, не разодрано.

— Я не ранена, Зверобой, — пробормотала Юдифь, продолжая плакать. — Это страх, и ничего больше, уверяю вас. Кажется, никто не пострадал от этого несчастья.

— Это, однако, очень странно! — сказал недалновидный охотник. — Я думал до сих пор, что такую девушку, как вы, не может напугать взрыв какого-нибудь пистолета. Вот

сестрица ваша, Гэтти, — совсем другое дело! Вы же слишком рассудительны и умны, чтобы бояться всякого вздора. Приятно, Чингачгук, смотреть на молодую девушку, но за их чувства, я полагаю, никто не поручится.

Взволнованная Юдифь не отвечала. Ее мучил невольный и внезапный страх, непонятный для нее самой не меньше, чем и для ее товарищей. Мало-по-малу она успокоилась, отерла слезы и могла даже шутить над собственной слабостью.

— Вы не ранены, Зверобой, не правда ли? — сказала она наконец. — Ведь пистолет разорвало в вашей руке, и это просто счастье, что вы так дешево отделались.

— Такие вещи отнюдь не редкость при этом старом оружии. Когда я выстрелил в первый раз, ружье вдребезги разлетелось в моих руках, и, однако, как видите, я остался невредим. Что делать? У старика Гуттера одним пистолетом меньше, но, вероятно, он не станет жаловаться на нас. Посмотрим теперь еще, что там у него в сундуке.

Юдифь теперь совершенно оправилась от испуга и заняла снова свое место. Осмотр вещей продолжался. Прежде всего попался на глаза завернутый в сукно один из тех математических инструментов, которые употреблялись в ту пору моряками. При взгляде на этот совершенно незнакомый предмет Чингачгук и Зверобой выразили свое изумление.

— Не думаю, чтобы эта вещь могла принадлежать землемерам, — сказал Бумпо, повертывая загадочный инструмент в своих руках. — Землемеры, Юдифь, люди бесчеловечные и злые; они заходят в лес единственно лишь для того, чтобы проложить дорогу для грабежа и опустошений. Скажите без утайки, девушка, замечали ли вы в своем отце ненасытную жадность землемеров?

— Могу вам поручиться, Зверобой, что батюшка никогда не был и не будет землемером. Он даже не знаком с употреблением этого инструмента, хотя, как видно, имеет его давно. Вы думаете, что Томас Гуттер носил когда-нибудь это платье? Нет, разумеется, потому что оно не по его росту. Ну, так и этот инструмент совсем не под стать его голове, лишенной больших сведений.

— Пожалуй, и так, я согласен с вами, Юдифь. Старый безумец какими-нибудь неизвестными способами присвоил себе чужое добро. Говорят, он был когда-то моряком, и этот сундук, без сомнения... А это что такое?

Бумпо вынул небольшой мешок, откуда одна за другою посыпались фигурки шахматной игры, выточенные из слоновой кости и отделанные с изумительным искусством. Каждая шашка имела совершеннейшую форму изображаемого предмета: всадники сидели верхами на лошадях, башни покоились на слонах, и даже пешки имели человеческие головы и бюсты. Игра была не полная, и недочет нескольких фигур показывал, что о ней не заботились. Сама Юдифь обнаружила удивление при виде этих новых для нее предметов, а Чингачгук в восторге совершенно забыл свое индейское достоинство. Он исследовал каждую пешку с неутомимым вниманием, задавая вопросы молодой девушке о разных частях, замечательных по своей отделке. Больше всего заинтересовали его слоны: их уши, спины, головы, хвосты были пересмотрены тысячу раз, и при каждом осмотре он громко выражал свое громадное удовольствие. Эта сцена продолжалась несколько минут. Зверобой сидел молча, погруженный в глубокое раздумье, и не делал никаких замечаний. Наконец, когда его собеседники после первых восторгов обратились к нему с вопросами, он глубоко вздохнул и проговорил:

— Эти фигуры не что иное, как идолы!

— Неужели, Зверобой, вы серьезно думаете, что эти костяные игрушки представляют собою богов моего отца? Я слышала об идолах, и знаю, что они такое.

— Это — идолы, говорю я вам! — повторил Зверобой решительным тоном. — К чему бы ваш отец стал беречь их, если бы не поклонялся им?

— Да разве держат богов в мешке и запирают их в сундук? Полноте, Зверобой!

— Я очень рад, что вы меня успокоили, молодая девушка! Этот зверь, кажется, доставляет тебе особенное удовольствие, любезный Чингачгук, не так ли?

— Это фигура слона, — прервала Юдифь. — Я часто видела в крепостях рисунки

различных животных, и у матушки моей была книга, в которой, между прочим, находилась живописная история слона. Но отец мой сжег все ее книги, потому что, как говорил он, матушка слишком любила читать.

— Ирокезам его! — вскричал Чингачгук, расставаясь не без сожаления с одной из башен, которую его приятель опять положил в мешок. — Слоном можно купить целое племя.

— Ты это можешь сказать, Чингачгук, так как тебе хорошо известна природа краснокожих. Но человек, сбывающий фальшивые деньги, так же виноват, как и тот, который делает фальшивые деньги. Согласится ли честный индеец продавать барсуков вместо бобров?

— Но отчего же вы уверены, Зверобой, что эти костяные игрушки непременно должны быть идолами? Теперь я, кстати, припомнила, что у одного из наших офицеров были фигурки точно в таком же роде. Вот, смотрите, в этом завернутом пакете должны быть еще какие-нибудь вещи, которые относятся к вашим идолам.

Зверобой взял поданный пакет, развернул и вынул оттуда шахматную доску огромных размеров, выделанную из черного дерева и слоновой кости. Сравнивая ее с шахматами и соображая соотношения между собою, охотник мало-по-малу пришел к заключению, что эти мнимые идолы должны быть, по всей вероятности, принадлежностью какой-то любопытной игры. Это открытие окончательно решило важное дело выкупа пленных. Зная вкусы и склонности индейцев, все единодушно согласились, что выточенные слоны всего более способны вызвать ирокезскую жадность. К счастью, башни на слонах представляли собою полный комплект, и потому решили предложить четырех животных за выкуп пленников. Остальные фигуры вместе с другими вещами решили запереть в сундук и хранить от завистливых глаз ирокезов до последней крайности. Порешив на этом, они даже не разворачивали шесть остальных пакетов и привели все содержимое сундука в прежний порядок, так что старик Гуттер по возвращении домой едва ли догадался бы, что посторонняя рука прикасалась к его заветному сокровищу. Ключ был положен опять в ту же сумку, откуда его вынули. Чингачгук ушел в спальню, захватив с собою слонов, а Зверобой остался наедине с Юдифью. Их разговор продолжался гораздо дольше, чем рассчитывал молодой охотник, не замечавший, как проходило время. Наконец он спохватился.

— Ну, Юдифь, — сказал Зверобой, вставая с места, — приятно с вами разговаривать, но обязанность призывает меня к другому. Почему знать? Старик Гуттер, Генрих Марч, а может-быть, и Гэтти...

Слова замерли на его губах, потому что в эту самую минуту на платформе послышались чьи-то легкие шаги. Человеческая фигура заслонила собою двери, и в комнату медленными шагами вошла Гэтти в сопровождении молодого индейца лет семнадцати, обутого в мокасины.

Несмотря на такое неожиданное появление, Бумпо не потерял присутствия духа. Прежде всего он скороговоркой посоветовал своему приятелю на делаварском языке не выходить из своей засады и на всякий случай держаться настороже, а сам немедленно подошел к двери, чтобы исследовать, как велика была опасность. На поверхности озера, однако, не было никого, и грубый, на скорую руку сколоченный плот из сосновых бревен, колыхавшийся теперь возле ковчега, тотчас объяснил, каким образом Гэтти добралась до жилища своего отца.

Оправившись от изумления и страха, Юдифь порывисто бросилась в объятия сестры и, прижимая ее к себе, плакала от радости. Гэтти с своей стороны, спокойная и серьезная, не выказывала особенно большой чувствительности. По приглашению Юдифи она села на скамейку и начала подробно рассказывать о своих похождениях после бегства из ковчега. Тем временем в комнату вошел Зверобой и, заняв свое место, с большим вниманием слушал интересный рассказ. Молодой ирокез молча стоял у дверей, совершенно равнодушный ко всему происходящему вокруг него.

— Когда я читала индейским старшинам текст из библии, — говорила Гэтти, — ты бы

никогда не подумала, Юдифь, что их мысли начнут постепенно изменяться.

— Не видала ли ты чего-либо подобного у мингов, бедная Гэтти?

— Да, Юдифь, я нашла среди них такие вещи, о которых и не думала. Окончив разговор с батюшкой и Скорым Гэрри, мы, то-есть я и Вахта, отправились завтракать. Как только мы позавтракали, к нам подошли старейшины, и тогда-то оказалось, что брошенные семена уже принесли свои плоды. Вожди сказали, что все прочитанное мною суцая правда. Затем они советовали мне немедленно воротиться к вам, выпросить для них лодки, чтоб им можно было переехать сюда вместе с пленниками. Тогда старейшины, и вместе с ними все ирокезы, сядут перед замком на платформе, и я буду для них читать библию, объясняя трудные места. Ирокезские женщины также приедут вместе с ними, потому что они, как и их мужья, имеют пламенное желание внимать песням Маниту бледнолицых. Вот как, Юдифь! Согласись, что тебе с твоим умом и не грезилось о таких чудесах.

— Да, сестрица, твои чудеса были бы действительно чудесами, если бы все это не объяснялось характером вероломных и хитрых индейцев, которые просто обманывают тебя и вместе с тобой хотят обмануть нас всех. Что вы об этом думаете, Зверобой?

— Прежде всего позвольте мне немного побеседовать с Гэтти. Этот плот сделан после вашего завтрака, Гэтти, и, оставив лагерь, вы должны были дойти пешком до противоположного берега?

— О, нет, Зверобой. Плот был уже совсем готов и колыхался на воде. Неужели, Юдифь, он вдруг появился бы каким-нибудь чудом?

— Именно так, чудом индейского изобретения, — отвечал охотник. — Ирокезы большие мастера на чудеса этого рода. Выходит, стало-быть, что плот уже совсем был сделан и только дожидался на воде своего груза?

— Да, Зверобой, вы угадали: плот стоял недалеко от лагеря. Индейцы меня посадили и веревкой притянули к месту напротив замка. Потом они сказали этому молодому человеку, чтобы он взял весла и ехал вместе со мной.

— И весь лес наполнен теперь бродягами, которые ждут результатов этого «чуда». Мы теперь отлично понимаем все это. Так вот, Юдифь, прежде всего мне надо отделаться от этого молодого мошенника, а потом увидим, что делать дальше. Оставьте меня с ним наедине и принесите слонов, которыми восхищается Чингачгук. Надо смотреть во все глаза, иначе этот молодой канадец ухитрится занять одну из наших лодок, не спросив нашего позволения.

Юдифь немедленно принесла слонов и потом вместе с Гэтти удалилась в свою комнату. Бумпо был достаточно знаком со многими индейскими наречиями и бегло мог объясняться на ирокезском языке. Он пригласил молодого человека сесть на сундук и вдруг поставил перед его глазами две башни. До этой минуты холодный ирокез не обнаруживал ни малейшего волнения. Почти все предметы здесь были для него совершенно новы и чрезвычайно интересны, но он умел сохранять хладнокровие с глубокомыслием философа, для которого нет на свете ничего удивительного. Правда, его черные глаза переходили от одного предмета к другому и вникали в постройку и расположение вещей, но никто на свете не заметил бы этих наблюдений, кроме Зверобоя, в совершенстве знакомого со всеми уловками хитрых индейцев. Но как только глаза молодого ирокеза встретились с дивными фигурами незнакомых животных, изумление овладело им до такой степени, что он совершенно растерялся и забыл принятую на себя роль равнодушного философа. Он запрыгал, как ребенок, закричал в порыве радостного восторга, и глаза его, точно очарованные, не могли оторваться от удивительных фигур. Затем, уступая непреодолимому влечению, он осмелился взять в руки удивительную фигуру, гладил ее, перевертывал на все стороны и, очевидно, старался удержать в своей памяти все подробности этого невиданного зверя. Зная очень хорошо, что молодой ирокез обо всем расскажет своим вождям, Зверобой сначала дал ему полную волю. Потом, когда любопытство его было, повидимому, удовлетворено, он положил руку на его колени и таким образом обратил внимание на себя.

— Вот в чем дело, — сказал Бумпо. — Мне надо потолковать немного с моим молодым приятелем из Канады. Пусть он забудет на минуту про эту чудесную вещицу.

— А где другой бледнолицый? — спросил молодой человек, быстро подняв свои черные глаза.

— Он спит, а если еще нет, так он в той комнате, где обыкновенно спят мужчины. Как это молодой мой друг узнал, что здесь есть еще другой человек?

— Я видел его с берега. У ирокезов дальновзоркие глаза: они видят выше облаков, видят даже то, что хранится на дне глубокой реки.

— Честь и слава дальновзорким ирокезам. В их лагере теперь два белых пленника: не так ли?

Молодой человек приосанился и сделал утвердительный знак.

— Что думают ваши вожди делать с этими пленниками? — сказал Зверобой. — Молодой мой друг должен, конечно, знать об этом.

Ирокез улыбнулся и хладнокровно провел своим указательным пальцем вокруг черепа. Зверобой понял его мысль.

— Зачем же не хотят отвести их в Канаду, — спросил он, — и доставить правительству живьем?

— Длинная и опасная дорога. Попадешься в лапы бледнолицых. А скальпы дороги. Продадут их на вес золота.

— Так, так, яснее быть не может. Теперь вот что, приятель: вероятно, ты знаешь, что старший из этих пленников — отец двух молодых девиц, а младший — нареченный жених одной из них. Понимаешь, что они ничего не пожалеют для спасения таких друзей? Ступай же к своим старейшинам и скажи, что молодые девушки предлагают за выкуп пленных вот этих двух костяных чудовищ. Ты воротись с их ответом до солнечного заката.

Молодой человек вошел в эти переговоры очень охотно и с такою искренностью, которая не позволяла сомневаться в том, что он добросовестно исполнит поручение. Занятый единственным желанием приобрести невиданное и неслыханное сокровище, он вовсе, повидимому, забыл ненависть своего племени к английским подданным. Бумпо был вполне доволен произведенным впечатлением. Правда, хитрый ирокез предложил взять с собою одного слона, чтобы показать вождям, но Зверобой был слишком опытен, чтобы согласиться на подобное предложение. Он отлично понимал, что слон никогда не достигнет своего назначения, если попадет в такие руки. Вскоре это маленькое затруднение было устранено, и молодой индеец решил убраться восвояси. Взойдя на платформу, он попробовал попросить взаймы лодку, чтобы скорее окончить переговоры. Когда Зверобой сделал отрицательный жест, он поспешил взобраться на свой неуклюжий плот и немедленно отчалил от замка. Охотник сел спокойно на табурет и, облокотившись подбородком на руку, провожал глазами ирокезского посла до тех пор, пока тот не пристал к ближайшему берегу в полмиле от замка.

Во время переговоров Бумпо с молодым индейцем совсем другого рода сцена происходила в соседней комнате. Осведомившись у сестры, где и для чего скрывался могиқан, Гэтти отправилась его искать. Чингачгук принял молодую девушку ласково и с почтительным вниманием. Гэтти пригласила его сесть возле себя.

— Вас зовут Чингачгук или, по-нашему, Великий Змей? Так или нет?

— Да. Мое имя на языке Зверобоя означает Великий Змей.

— Но язык Зверобоя есть в то же время и мой природный язык. На нем говорит мой отец, Юдифь и бедный Генрих Марч. Знакомы ли вы с Генрихом Марчем, Великий Змей? Нет, без сомнения, иначе он говорил бы о вас.

— Скажи мне, Скромная Лилия, произносил ли чей-нибудь язык имя Чингачгука в ирокезском стане? Нет ли там маленькой птички, которая любит петь его имя?

Не отвечая ничего, Гэтти склонила свою голову, и яркий румянец покрыл ее щеки. Потом она подняла свои глаза на индейца, улыбнулась, и во всех чертах ее лица выразился

утвердительный ответ.

— Моя сестра, Скромная Лилия, слышала, без сомнения, эту маленькую птичку! — прибавил Чингачгук восторженным и нежным тоном, противоречившим, как нельзя больше, грубым звукам, обычно выходившим из тех же уст. — Уши моей сестры были открыты. Неужели теперь она потеряла свой язык?

— Да, теперь я вижу, что вы действительно Чингачгук. Знайте же: я слышала ту птичку, о которой вы говорите. Имя ее — Вахта.

— Что же она пела, эта птичка? Смеется ли она? Плачет ли? Скажи мне все, Скромная Лилия, что ты знаешь о маленькой птичке.

— Всего чаще она пела имя Чингачгука и смеялась от чистого сердца, когда я рассказывала, как ирокезы бросились за нами в воду, погнались и не догнали. Надеюсь, Великий Змей, что у этих деревянных стен нет ушей?

— Нечего бояться стен. Сестра в другой комнате. Нечего бояться ирокеза: Зверобой заткнул ему уши и глаза.

— Понимаю вас, Великий Змей, и хорошо поняла я Вахту. Иной раз мне кажется, что я совсем не так слабоумна, как все говорят. Теперь поднимите глаза в потолок, и я расскажу вам все. Но вы меня пугаете, Великий Змей: страшно горят ваши глаза, когда я говорю о Вахте.

Индеец подавил внутреннее волнение и старался по возможности принять спокойный вид.

— Вахта тихонько поручила мне сказать вам, что вы ни в чем не должны верить ирокезам. Они очень хитры и гораздо коварнее всех других индейцев. Потом она сказала мне, что есть на небе большая светлая звезда, которая появляется над этой горой спустя час после солнечного заката. И вот лишь только появится эта звезда, она придет на тот самый мыс, где я высадилась в прошлую ночь. Сюда вам и надо причалить вашу лодку.

— Хорошо! Чингачгук уразумел наставление своей Вахты. Но пусть сестра моя, Скромная Лилия, пропоет еще разок эту же песню. Чингачгук поймет яснее.

Гэтти удовлетворила его желание и объяснила подробнее, о какой звезде была речь, и к какому месту должен пристать влюбленный индеец. Затем она рассказала о своих разговорах с молодой индейкой, повторив буквально все ее выражения к огромному удовольствию жениха. Особенно рекомендовала она принять надежные меры против измены и нечаянных нападений: совет решительно бесполезный для такого слушателя, как Змей. Она объяснила также достаточно ясно настоящее расположение неприятеля и все передвижения, происходившие поутру в ирокезском стане. Вахта пробыла с ней на плоту до последней минуты и рассталась дружески, как нежная сестра. Теперь она в лесу, где-нибудь напротив замка, и не ранее вечера думает воротиться к ирокезам. В сумерки она найдет случай ускользнуть опять из неприятельского стана и будет ждать своего друга на условленном месте. О присутствии Чингачгука, повидимому, не подозревал никто, хотя должны были догадаться, что какой-то индеец прошлой ночью пробрался на ковчег.

— Теперь, Великий Змей, — продолжала Гэтти, взяв по рассеянности руку индейца и небрежно играя его пальцами, — так как я рассказала вам все от имени вашей невесты, то уже позвольте мне кое-что прибавить от моего собственного имени. Когда Вахта сделается вашей женой, вы должны обходиться с нею ласково и улыбаться перед ней точь-в-точь, как теперь улыбаетесь передо мной. Индейцы вообще очень дурно обходятся со своими женами: вы не должны подражать им. Обещаете вы мне это?

— Буду всегда добр с моей Вахтой. Нежная ветка. Изломается как-раз.

— То то же, Великий Змей, улыбайтесь ей как можно чаще. Вы не знаете, как приятна молодой девушке улыбка ее возлюбленного. Батюшка улыбнулся мне всего только один раз. Генрих Марч говорит много, смеется еще громче, но, кажется, ни разу мне не улыбался. Вы конечно, знаете разницу между смехом и улыбкой?

— Смех, по-моему, лучше. Соловья не так заслушаешься, как Вахту, когда она смеется.

— Смех ее очень приятен, это правда; но вы-то, Змей, должны ей улыбаться. К тому же

вам еще надо освободить ее от земляной работы и от переноски тяжестей: ей не вынести таких трудов. Одним словом, Чингачгук, подражайте во всем этом белым людям, которые вообще лучше обходятся с своими женами.

— Вахта не бледнолицая. У ней красная кожа, красное сердце, красные чувства, у ней все красное. Но можно ли ей носить, по крайней мере, своих ребят?

— Разумеется, — отвечала Гэтти, улыбаясь, — но вы должны любить Вахту от всей души и предупреждать все ее желания.

Чингачгук с важностью поклонился и сделал вид, что не намерен больше распространяться об этом. Кстати, в эту минуту в передней комнате раздался голос Зверобоя, который звал своего друга. Великий Змей немедленно вскочил с места, а Гэтти пошла к сестре.

Глава XIV

Сойдясь со своим приятелем, делавар прежде всего позаботился о перемене европейского костюма на воинственный наряд могикинского вождя. На возражения, сделанные по этому поводу Зверобоем, он отвечал, что ирокезы уже знают о присутствии индейца, и что они скорее догадаются о задуманном плане действий, если он будет некстати продолжать свой маскарад. Зверобой больше не настаивал, хорошо понимая, что теперь, в самом деле, бесполезно скрываться. При всем том желание Чингачгука вновь преобразиться в сына лесов происходило, в сущности, от гораздо более определенных причин. Чингачгук знал, что его возлюбленная гуляет на противоположном берегу, и он пришел в восторг при мысли, что она может видеть его в живописном наряде могикинского вождя.

Молодого охотника занимали более серьезные мысли, и он спешил посоветоваться со своим другом. Прежде всего они сообщили один другому все, что узнал каждый из них. Чингачгук ознакомился с подробностями договора относительно выкупа пленных. Зверобой в свою очередь узнал о секретных сведениях Гэтти. Он выслушал с участием рассказ о надеждах своего друга и обещал ему от чистого сердца всяческую помощь.

— Я не забыл, Великий Змей, что в этом-то и состоит главная цель нашего свидания, — сказал Бумпо, пожимая руку красного друга. — Борьба за дочерей старика Гуттера — дело случайное, которое могло бы и не быть. Да, я буду стараться изо всех сил для маленькой Вахты, которая, скажу правду, самая лучшая девушка во всем племени делаваров. Я всегда одобрял твою склонность, любезный вождь, и готов повторить опять, что ваш древний и знаменитый род не должен исчезнуть вместе с тобою. Если бы красная девушка с особенностями своей расы могла мне нравиться так же, как тебе, я бы искал жену такую же, как Вахта. Как бы то ни было, я очень рад, что Гэтти виделась с Вахтой: если у одной не слишком много ума, зато у другой вдоволь его на обеих. Если соединить их вместе, то во всей колонии Йорка не будет девиц хитрее Гэтти и Вахты.

— Я отправлюсь в ирокезский стан, — отвечал с важностью могикикан. — Никто не знает Чингачгука, кроме Вахты, и могикиканскому вождю всего приличнее вести лично переговоры в таком случае, где дело идет о жизни пленников. Дай мне диковинных зверей, и я переправлюсь в лодке на противоположный берег.

Зверобой склонил голову на грудь и погрузился в глубокую думу. Не отвечая прямо на предложение друга, он вдруг заговорил как бы сам с собою:

— Да, да, эти мысли могут приходиться только в любовной горячке. Недаром говорили мне, что человек, отуманенный этой страстью, бывает иной раз глупее всякого животного. Кто бы мог подумать, что и Великий Змей потеряет свой рассудок! Разумеется, надо скорее освободить Вахту и женить их в первый же день по возвращении домой, иначе все пойдет вверх дном. Послушай, Змей, я сделаю тебе только одно замечание. Ты вождь и ты должен тотчас вступить на военную тропу, став во главе воинов. Как же ты после этого очертя голову пойдешь к ирокезам, чтоб сделаться их пленником еще до начала войны? Пораздумай об этом и согласись, что ты ослеп и спятил с ума, любезный друг.

— Бледнолицый друг говорит дело. Облако застлало глаза Чингачгука, и слабость прокралась в его ум. Белый брат мой имеет добрую память на добрые дела и слабую память на дурные. Он забудет.

— Постараюсь, Чингачгук, постараюсь, но быть беде, если еще раз облако затуманит твои глаза. Неприятно видеть ненастные дни, когда небо покрыто облаками; но всего хуже, когда облако бессмыслия покрывает разум. Садись, Чингачгук, возле меня и побеседуем насчет наших дел: сейчас у нас пока мир, а затем, вероятно, последует кровавая война. Ты видишь, эти бродяги недурно делают плоты, и ничего мудреного не будет, если они проберутся к нам всей оравой. Не лучше ли нам заколотить наглухо все двери замка и перетащить все вещи в ковчег? Мы можем в таком случае провести безопасно несколько ночей, и эти канадские волки едва ли доберутся до нашей овчарни.

Чингачгук одобрил этот план.

— Если переговоры не будут доведены до благополучного конца, — проговорил Зверобой, — борьба, по всей вероятности, начнется в эту же ночь, и толпы ирокезов нагрянут на замок, чтобы завладеть сокровищами старика и диковинками, предложенными за его выкуп. Пришло время принять надежные меры против неожиданных нападений, и чем скорее, тем лучше.

После продолжительных рассуждений приятели согласились, что ковчег мог служить для них единственным надежным убежищем от коварного врага. Когда Юдифь, в свою очередь призванная на совет, одобрила это решение, все четверо принялись за выполнение этого плана.

Все вещи из замка осторожно перенесли на ковчег, скрытый по другую сторону от глаз врага. Тяжелая и громоздкая мебель, не имевшая почти никакой ценности, осталась в замке.

Лишь только кончилась эта переноска, продолжавшаяся два или три часа, на противоположной стороне, показался плот, удалявшийся от берега. Зверобой взял подзорную трубу и заметил на плоту двух индейцев, которые, казалось, были безоружны. Неуклюжий плот подвигался очень медленно, и это обстоятельство давало очевидное преимущество ковчегу, сравнительно легкому и быстрому. Немедленно приняты были все предосторожности на случай грубого поведения гостей. Сестры удалились в свою комнату. Чингачгук остановился у дверей, вооруженный с ног до головы. Зверобой небрежно взял карабин, вышел на платформу и, усевшись на скамейке, спокойно поджидал приближения ирокезского плота. Когда, наконец, ирокезы находились от замка не более как сажень в десяти, Бумпо вышел на край площадки и громко закричал, чтоб не смели подвигаться ближе, иначе он станет стрелять. Ирокезы бросили весла, но попутный ветер сам собою подогнал их почти к самой платформе.

— Вожди вы или нет? — спросил Зверобой с надменным видом. — Отвечайте на мой вопрос. Неужто минги присылают безыменных воинов для переговоров с храбрыми людьми? Если так, можете проваливать назад. Мы будем дожидаться воина, с которым не стыдно рассуждать о важном деле.

— Мое имя Райвенук! — с гордостью отвечал старший ирокез, выпрямившись во весь свой рост и бросив пронизательный взгляд на замок с его окрестностями. — Брат мой слишком горд, но имя Райвенука нагонит страх на всякого делавара.

— Может-быть, да, может-быть, и нет: все зависит от случая. Только уж я не намерен бледнеть при имени Райвенука. Чего тебе надобно и зачем ты притащился на этих ничтожных бревнах, которых не сумели даже обтесать?

— Ирокезы не утки. По воде не ходят. Пусть бледнолицые дадут им лодку, и они приедут на лодке.

— Выдумка не плохая; но у нас, видишь ли, всего четыре лодки, и на каждого приходится только по одной. Хорошо, ирокез, не взыщем за бревна. Добро пожаловать!

— Благодарю. Молодой бледнолицый воин, конечно, имеет какое-нибудь имя? Как называют его вожди?

Зверобой приостановился, и черты его лица приняли гордое выражение. Он улыбнулся,

пробормотал что-то сквозь зубы и, подняв глаза на ирокеза, отвечал:

— Минг, я был известен в своей жизни под разными именами. Один из ваших воинов, душа которого отлетела вчерашним утром ловить дичь в лесах страны мертвых, прозвал меня Соколиным Глазом за то, что глаз мой был вернее и быстрее его глаза в ту решительную минуту, когда один из нас должен был умереть или остаться в живых.

— Хорошо! Мы знаем это. Брат мой Соколиный Глаз послал ирокезам предложение, отрадное для их сердец. Они узнали, что у него есть изображение зверей о двух хвостах. Намерен ли он показать их друзьям?

— Скажи лучше — врагам, а не друзьям; но так и быть: слова — пустые звуки и не делают большого зла. Вот одно из этих изображений: передаю тебе его на честное слово. Если не будет оно возвращено, карабин решит наш спор.

Когда ирокез согласился на это условие, Зверобой приготовился перебросить слона, и с обеих сторон приняли меры, чтоб он как-нибудь не попал в воду. Но так как молодой охотник всего меньше мог промахнуться при этой операции, то слон благополучно перешел из рук в руки, и затем последовала на плоту презабавная сцена. Осматривая выточенную пешку со всех сторон, индейцы пришли в неопишное изумление и подняли при этом гораздо больше шума, чем молодой посол, еще умевший обуздать свой восторг после недавних уроков, полученных от старейшин. На несколько минут они потеряли, повидимому, всякое представление о своем положении и забавлялись, как дети, которым совсем неожиданно подарили драгоценную игрушку.

— Имеет ли белый брат мой еще таких же зверей? — спросил, наконец, старший ирокез.

— Есть у меня и еще другие, такие же, как этот; но будет с тебя и одного. Таким зверем можно выкупить полсотни скальпов.

— Но ведь один из моих пленников храбрый воин: он — огромный, как сосна, силен, как лось, проворен, как олень, свиреп, как барс. Он будет со временем великим вождем и будет командовать армией короля Георга.

— Полно тебе, минг, городить такой вздор. Знаем мы Скорого Гэрри с ног до головы; не выйдет из него ничего, кроме разве простого капрала, да и то едва ли. Велик он, это правда, да что б этом толку? Огромный верзила, он только цепляется головою за сучья и ветви, когда бегаёт по лесам. Он силен, но крепкие суставы без крепкой головы ни к чорту не годятся. Ты это должен знать. И проворен он, если хочешь; но ведь пуля карабина еще проворнее его. Ну, а свирепость еще не большая похвала для хорошего солдата. Бывает и то, что иной человек свиреп лишь на словах, а на деле смиреннее всякой овечки. Нет, минг, волосы с безмозглой головы — не большая находка для тебя.

— Мой старый пленник опытен и умен. Владыка озера — великий воин, опытный советник.

— Ну, найдутся люди, которые не согласятся и с этим, минг! Разумный человек не полезет очертя голову в западню, как старик Гуттер, и уж не ему давать другим хорошие советы. Старик Гуттер копошится в этом захолустье, как медведь в своей берлоге. Нет, минг, зверь о двух хвостах стоит один десятка таких людей.

— Но ведь есть у белого брата еще другой такой же зверек. Брат мой отдаст и его за старого отца.

— Старик Том не отец мне, и я еще не сошел с ума, чтобы давать за его скальп обоим зверей, когда каждый из них о двух хвостах. Будь счастлив, минг, что с тобой ведут такой выгодный торг.

В эту минуту удивление Райвенука уступило место его обычному хладнокровию, и он начал пускаться на всевозможные хитрости для заключения более выгодной сделки. Он даже усомнился, что едва ли где существует оригинал этой фигуры, и утверждал, что никто из

самых старых людей не слыхивал о странных зверях с двумя хвостами. Бумпо также, как и дикарь, совсем не знал, что такое слон; но он хорошо понимал, что эти выточенные игрушки в глазах ирокеза должны иметь ценность, равную мешку золота или нескольким возам бобровых мехов. При таких обстоятельствах он вполне сознавал необходимость скупиться на уступки и беречь до крайности все другие пешки.

Наконец дикарь сказал решительно, что не годится ему бросать на ветер пустые слова, что его просто осмеет старый и малый, если он уступит двух молодцов за какую-нибудь детскую игрушку. Сказал и решил уехать восвояси. Тогда обе стороны испытали очень неприятное чувство огорчения и досады, бывающее естественным следствием взаимной неудачи. Бумпо, жалевший и пленников, и сестер, казался озабоченным и грустным. Дикарь, напротив, раздосадованный упорством своего противника, горел желанием мести.

В то время, как молчаливый индеец отталкивал плот и приводил в движение неуклюжую массу сосновых бревен, Райвенук с гордым и кровожадным видом расхаживал взад и вперед, не переставая бросать злобные взгляды на хижину, платформу и своего упрямого противника. Раз только о чем-то он живо и быстро заговорил вполголоса со своим товарищем и тут же начал отодвигать листья своими ногами. В эту минуту Зверобой сидел на скамейке и обдумывал средства снова начать переговоры, не давая слишком больших преимуществ противной стороне. Он уже не обращал никакого внимания на эволюции своего противника. К счастью, быстрый глаз Юдифи не дремал. В то мгновение, когда молодой охотник всего менее думал о своей безопасности, она подала ему сигнал:

— Берегитесь, Зверобой, — вскричала Юдифь встревоженным голосом, — я вижу через трубу ружья под листьями на плоту. Ирокез вытаскивает их ногою.

Райвенук мгновенно изменил свою позу. Ноги его сделались неподвижными, и лицо приняло самое ласковое выражение. Ясно, что его товарищ, знакомый с английским языком, понял восклицание Юдифи. Через минуту плот подъехал опять близко к платформе.

— Зачем Райвенук и его брат станут ссориться между собой? — сказал хитрый индеец. — Они оба умны, храбры, добры. Зачем же им не расстаться друзьями? Двуххвостый зверь будет ценою за одного пленника.

— Давно бы так, почтенный минг! — отвечал Зверобой, обрадованный возможностью начать переговоры и готовый теперь на всякие уступки. — Сейчас ты увидишь, что бледнолицый умеет надбавлять цену, если ведет торговлю с честным и открытым сердцем. Одного зверя ты забыл мне отдать, когда собирался ехать домой, да и я забыл его потребовать назад, так как мне слишком жаль было с тобой расставаться. Так и быть, минг, можешь, если хочешь, удержать этого зверя. Ступай домой и покажи его ирокезским вождям. Двух других зверей ты получишь тотчас же, как привезешь сюда наших друзей. Ну, была не была: для круглого счета найдем, пожалуй, и четвертого зверя, если пленники будут здесь до заката солнца.

Этим окончился торг. Ирокез улыбнулся от чистого сердца, и всякий след неудовольствия исчез с его лица. Он опять с новым удовольствием принялся рассматривать интересную фигуру, и громкие восклицания обнаружили его непомерную радость от приобретения бесценной редкости. Повторив еще раз условия торга, индейцы немедленно поехали к противоположному берегу.

— Можно ли в чем-нибудь верить этим жалким людям? — спросила Юдифь, выбежав на платформу и останавливаясь около охотника, который наблюдал медленные движения ирокезов. — Получив теперь то, что дорого на их взгляд, они, быть-может, нахлынут на нас целыми толпами, чтобы поживиться грабежом. Я часто слышала о них множество историй в этом роде.

— Все это, Юдифь, при других обстоятельствах легко могло бы быть; но я слишком хорошо знаю характер ирокезов и уверен, что этот зверек с двух хвостами произведет среди них непомерное волнение. Никто из них спокойно не заснет, если не будет убежден, что и другие звери в этом роде также перейдут в их владение из кладовых старика Тома.

— Но они видели только слона и не имеют никакого понятия о других фигурах.

— Это ничего не значит, Юдифь. Они, я уверен, будут рассуждать так: «Если у бледнолицых есть звери о двух хвостах, не будет ничего мудреного, если найдутся у них зверки похитрее: о трех, четырех и, может-быть, о десяти хвостах». После такого заключения они во что бы то ни стало захотят, наверное, добраться до всего.

— Неужто вы думаете, Зверобой, — простодушно спросила Гэтти, — что ирокезы не освободят батюшку и Гэрри? Ведь я прочла им самые замечательные места и стихи из Библии.

Охотник благосклонно выслушал это замечание слабоумной девушки и несколько минут обдумывал свой ответ. Его лицо покрылось яркой краской, когда, наконец, он сказал:

— Тяжело и стыдно белому человеку признаваться, что он не умеет читать; но я действительно не умею, любезная Гэтти! До сих пор я наблюдал лишь холмы и долины, горы и леса, источники и реки. Многому, конечно, можно выучиться и без книг; но все же я жалею, что не пишу и не читаю. Приятно слушать, когда читают, и мне уже не раз приходило в голову учиться грамоте, но непрерывная охота, особенно в летнюю пору, а также и многое другое всегда мешали мне исполнить это желание.

— Хотите, Зверобой, я буду вас учить? — с живостью сказала Гэтти.

— Благодарю вас, Гэтти, от всей души благодарю. Когда пройдут все эти тревоги, мы будем, конечно, видеться часто, и я сам усердно стану просить вас заняться моим образованием. Но теперь не до ученья. Подождем, чем окончатся наши переговоры. Если ваш батюшка и Генрих Марч благополучно вернутся домой, мы с Чингачгуком должны отправиться в эту же ночь за его невестой, и потом, как я думаю, все мы будем принуждены готовиться к обороне и отражать нападения.

Между тем часы проходили за часами, но не было на озере никаких следов присутствия красных людей. Наконец, с последними лучами заходящего солнца показался на противоположном берегу ирокезский плот, и Юдифь, вооруженная подзорной трубой, скоро известила, что ее отец и Генрих Марч лежат на ветвях, связанные по рукам и по ногам. Индейцы, как и прежде, действовали веслами и употребляли на этот раз все усилия, чтобы засветло добраться до дома Гуттера. Благодаря усердию, необычайному в ленивом ирокезе, неуклюжий плот через несколько минут остановился перед платформой.

Несмотря на ясность изложенных условий, передача пленных сопровождалась значительными затруднениями. Обстоятельства были таковы, что безопасность ирокезов зависела исключительно от честности их неприятелей. Если бы Генрих Марч и Том Пловучий соединились со своими товарищами в замке, их было бы двое против одного, и притом позиция бледнолицых была гораздо выгоднее. Ковчег, без сомнения, мог догнать неуклюжий плот, и следствием такого столкновения было бы бесспорное поражение краснокожих. Все это было слишком ясно для обеих сторон. К счастью, благородная и честная физиономия Бумпо произвела свое обыкновенное впечатление на Райвенука.

— Белый брат мой должен знать, что я совершенно верю его словам, — сказал Райвенук, передавая с рук на руки старика Тома, которому теперь развязали ноги, чтоб он свободно мог взойти на платформу. — Твой пленник — мой зверек.

— Остановись, минг, — прервал охотник. — Пусть этот пленник будет пока у тебя. Сейчас принесу тебе зверя.

С этими словами Зверобой вошел в замок и предупредил Юдифь, чтобы она забрала все оружие в свою комнату. Потом, поговорив о чем-то с Чингачгуком, стоявшим у дверей с карабином в руках, он положил в карман три остальные фигуры и воротился на платформу.

— Добро пожаловать, господин Гуттер, поздравляю вас с благополучным возвращением в свой дом, — сказал Зверобой, помогая старику взобраться на платформу и передавая в то же время шахматную пешку в руки Райвенука. — Дочки ваши невредимы и радуются вашему приходу. Вот и Гэтти подтвердит мои слова.

Затем развязали и поставили на ноги Генриха Марча. Он был так крепко скручен, что и без веревок не сразу мог двинуть своими членами и шатался несколько времени, как

опьянелый, представляя собою смешную и вместе с тем жалкую фигуру. Бумпо расхохотался.

— Ну, любезный, ты похож, как две капли воды, на шишковатую сосну, которую расшатало ветром в ненастную погоду. Это, однако, ничего: я рад, что ирокезский цырюльник оставил в покое твои густые волосы во время твоего последнего посещения лагеря краснокожих.

— Послушай, Зверобой, — возразил Генрих Марч, — я ожидал от тебя дружеского участия и ласкового слова, а ты ведешь себя как легкомысленная девчонка, готовая смеяться всегда без всякого разбора. Скажи-ка лучше, есть ли у меня ноги: я их вижу, но не чувствую совсем, как будто они остались на берегах Могаука.

— Ты невредим, Генрих Марч! Все у тебя целехонько, а это не шутка после такой беды! — отвечал Зверобой, передавая индейцу последнюю пешку и делая тайком выразительный жест, чтобы тот скорее отваливал домой. — Да, любезный, руки и ноги твои невредимы, только, разумеется, нельзя им сразу получить гибкость после такой перепалки. Скоро природа восстановит замедленное кровообращение, и тогда ты можешь, пожалуй, плясать сколько тебе угодно, радуясь своему избавлению от волчьих клыков.

Когда Зверобой развязал своим приятелям руки, ирокезский плот уже был на значительном расстоянии от замка. Почувствовав себя на свободе, Генрих Марч, еще не успевший отдохнуть после всей этой тревоги, вдруг вырвал из рук охотника карабин и послал вдогонку ирокезам пулю. К счастью, Бумпо во-время успел отвести удар, и пуля пролетела мимо. Раздосадованный гигант побежал в комнату, где хранилось оружие, но с изумлением увидел, что все заблаговременно было убрано. Потеряв таким образом всякую надежду отомстить своим мучителям, он сел на скамейку и бормотал про себя энергичные ругательства, отдыхая в то же время от продолжительной пытки. Зверобой между тем рассказал старику о всех событиях и о мерах, которые он принял для спасения его имущества и дочерей.

Глава XV

Солнце закатилось, и последние его лучи уже перестали золотить контуры облаков. Небо омрачалось все больше и больше, предвещая темную ночь, и зыбь от прохладного ветра пробегала по поверхности озера. В замке было безмолвно и печально. Освобожденные пленники, подавленные унижением и стыдом, сгорали жаждою мести. Зверобой и Юдифь задумались о собственной судьбе. Гэтти наивно предавалась детскому восторгу; могиқан между тем наслаждался перспективой своего блаженства. Охваченные этими размышлениями и чувствами, все уселись за стол.

— Знаешь ли, почтенный старичина, — вскричал Генрих Марч, заливаясь громким смехом, — ты был чертовски похож на скованного медведя, когда повалили тебя на эти дубовые сучья, и я только дивился, отчего ты не ревел, как Мишка! И то сказать: кто прошлое помянет, тому глаз вон. Только этот мерзавец. Райвенук, надо согласиться, — плут отчаянный, и я бы дал большие деньги за его скальп. Ну, а вы как поживали здесь, Юдифь, красоточка моя? Много вы обо мне плакали, когда я был в руках этих молодцов?

— Вы могли заметить, Генрих Марч, что озеро сделалось гораздо глубже от наших слез, — отвечала Юдифь насмешливо. — Я и Гэтти много горевали о своем отце, но о вас мы пролили целые потоки горьких слез.

— Да, Генрих, мы грустили о вас так же, как и о батюшке, — простодушно заметила Гэтти.

— Это в порядке вещей, моя милая, — с живостью возразила Юдифь, — мы жалеем всякого несчастного, кто бы и какой бы он ни был. Впрочем, в самом деле, Генрих Марч, нам приятно видеть, что вы счастливо вырвались из рук гуронов.

— Как это удалось тебе нас выручить, Зверобой? За эту небольшую услугу я тебе охотно прощаю, что ты помешал мне поступить с этими бродягами по заслугам. Сообщи нам этот удивительный секрет, чтобы при случае нам можно было оказать и тебе такую же услугу. Вероятно, ты употребил ласку и хитрость?

— Ни того, ни другого. Я просто заплатил выкуп за вас обоих, и цена эта так высока, что впредь не советую вам попадаться в ловушку, иначе капитал наш истощится.

— Выкуп! Стало-быть, старику Тому пришлось отдуваться и за меня, иначе, откуда бы взять денег для выкупа меня? Я никак не думал, что эти бродяги согласятся уступить за вздор такого пленника, как я; но, видно, деньги — всегда деньги, и индеец жаден к ним не меньше людей другой породы.

В эту минуту Гуттер подал знак Зверобою, и тот в другой комнате сообщил ему все подробности выкупа и переговоров. Старик не обнаружил ни изумления, ни досады, когда узнал, что вскрыли его сундук, и только поинтересовался, все ли вещи были пересмотрены. Он спросил также, где и как отыскиали ключ? Зверобой откровенно рассказал обо всем.

— Я желал бы знать, чорт побери, война или мир у нас с этими дикарями? — вскричал Генрих Марч в ту самую минуту, когда Зверобой, не останавливаясь, проходил через наружную дверь. — Это возвращение пленников обнаруживает, повидимому, дружеские связи, и, пожалуй, они на этот раз оставят нас в покое. Ты как думаешь, Зверобой?

— Вот тебе, Гэрри, прямой ответ на твою мысль.

Говоря таким образом, Бумпо бросил на стол пучок прутьев, крепко связанных ремнями. Схватив этот пучок, Генрих Марч стремительно подбежал к огню, горевшему в печи, и немедленно убедился, что конец каждого прута вымочен в крови.

— Ясный ответ, нечего и толковать. Вот как, Юдифь, в Нью-Йорке объявляется война. Где, Зверобой, нашел ты этот вызов?

— Очень просто. За минуту перед этим окровавленный пучок лежал на платформе замка Пловучего Тома.

— Как же он туда попал? Ведь не с облаков же он спустился. Ты должен нам объяснить эти штуки, Зверобой, иначе, пожалуй, мы подумаем, что ты хочешь запугать несчастных горемык, которые и без того чуть не спятили с ума.

Бумпо подошел к окну и бросил взгляд на мрачную поверхность озера. Удовлетворив с этой стороны свое любопытство, он опять взял окровавленный пучок и начал рассматривать его с большим вниманием.

— Да, это, по индейскому обычаю, объявление войны, и оно доказывает, Генрих Марч, что ты отуманился порядком. Волосы на голове твоей целы, это ясно; но ирокезы, вероятно, подрезали твои уши, иначе ты должен был слышать шум на воде, произведенный движением плота, на котором воротился молодой индеец. Его послали бросить к нашим дверям окровавленный пучок, а это значит вот что: по заключении торговой сделки мы подаем военный сигнал и будем стараться изо всех сил забрать вас в свои руки.

— Кроважадные волки! Юдифь, дайте мне карабин, и я с этим вестником отправлю к ним приличный ответ.

— Не отпавишь, Генрих Марч, покуда я буду тут, — хладнокровно сказал Зверобой. — Молодой воин зажег факел и при свете его открыто подъехал к этому месту: никто здесь не может и не смеет тронуть его, пока он занят исполнением подобного поручения. Да и напрасно ты беснуешься, любезный: твоя пуля в эту минуту не долетит до его головы! Опоздал!

— А вот увидим! Авось, лодка догонит неуклюжий паром, — отвечал Скорый Гарри, быстро подбегая к дверям с карабином в руках. — Никто в свете не помешает мне овладеть волосами этой гадины!

Юдифь задрожала, ожидая неизбежной с обеих сторон ссоры. Если Марч почерпал в сознании своей силы непреклонную и бурную волю, зато Зверобой отличался необыкновенною твердостью духа и настойчивостью, которая почти всегда приносила ему верный успех. Гэрри побежал немедленно к тому месту, где была привязана лодка, но Бумпо

живо заговорил о чем-то с Чингачгуком на делаварском языке. Могикан в свое время первый услышал шум весел и вышел на платформу, чтобы разузнать, в чем дело. Заметив свет, он убедился, что идет ирокезский посол, и не был удивлен, когда тот бросил к его ногам связку прутьев. Он ограничился только тем, что удвоил свою бдительность, опасаясь, как бы под этим вызовом не скрывалась измена. Заслышав теперь голос Зверобоя, он немедленно бросился в лодку и с быстротою мысли выхватил оттуда весла. Гэрри пришел в бешенство и с угрозами бросился на Чингачгука, рассекая воздух своими гигантскими кулаками. Могиканский вождь встретил этот напор с таким величавым видом и с таким бесстрашием, что противник его невольно отступил назад и кинулся на Зверобоя с очевидным намерением выместить на нем все свои неудачи. Неизвестно, чем бы кончилась эта свалка, если бы не вмешалась Гэтти.

— Стыдно вам, Скорый Гэрри, предаваться такому гневу, — сказала она кротким и мягким голосом. — Вы должны помнить, что ирокезы обходились с вами милостиво. Они пощадили ваши волосы, тогда как вы и батюшка покушались на их жизнь.

Это вмешательство слабоумной девушки не замедлило произвести свое благотворное действие. Вместо того, чтобы схватить за горло своего противника, Генрих Марч обратился к Гэтти:

— Жалко и досадно, — сказал он, — выпустить из рук добычу, которая сама бежала в капкан. Этот плот увез с собою стоимость по крайней мере шести мехов первого сорта, тогда как я мог его догнать после дюжины ударов веслом. Ты, Зверобой, и не думаешь дорожить интересами своих друзей!

— Я дорожу своей честью больше чужих и своих собственных интересов, — с твердостью возразил Бумпо. — Этот индеец-посол, и нам было бы стыдно не уважать таких правил, которые соблюдаются даже последним индейским бродягой. Да притом теперь он слишком далеко, и бесполезно нам с тобой толковать о том, что не в наших руках.

Высказав эту мысль, Зверобой отошел с видом человека, который не желал больше продолжать пустого разговора. Гуттер и Генрих Марч отправились в ковчег, где происходила между ними тайная беседа. Могикан и его приятель обсуждали план похищения пленной делаварки из ирокезского стана.

Возвращение Гуттера на платформу прекратило все разговоры. Он собрал в одно место всех обитателей замка и объявил, что, соглашаясь с мнением Зверобоя, считает необходимым перейти в ковчег по крайней мере на некоторое время. Все с лихорадочной торопливостью принялись доканчивать переноску вещей, нагроулили каюту, затушили в комнатах огонь, заперли их со всех сторон и пересели в ковчег.

От соседства береговых холмов, закрытых густыми листьями, ночи в этих местах были гораздо темнее, чем обыкновенно. В центре озера, как и всегда, лежала более светлая полоса, представлявшая удивительный контраст с береговою тенью. Дул западный ветер, хотя не всегда легко было отгадать настоящее его направление. На этот раз сам Гуттер, державший руль, не мог определить, в какую сторону дул он. Это затруднение обыкновенно устранялось наблюдением за ходом облаков. Но теперь небесный свод представлялся какою-то сплошною грудю облаков. Глаз не видел между облаками никакого прорыва, и Чингачгук серьезно начинал бояться, как бы его возлюбленная не осталась в шалаше, потому что на небе не появилась путеводная звезда. Между тем Гуттер распустил парус с очевидною целью убраться подальше от замка, в котором с минуту на минуту мог появиться вооруженный неприятель. Когда, наконец, парус наполнился ветром и вздулся, ковчег быстро сдвинулся с места. Оказалось, что ветер дует с юга и уносит путешественников к восточному берегу. Около часа пловучий дом следовал по этому направлению, потом вдруг ветер переменялся, и ковчег поплыл в ту сторону, где был расположен лагерь ирокезов.

Зверобой с неутомимым вниманием следил за всеми движениями Гуттера и Генриха Марча. Сначала он не знал наверняка, случаю или обдуманному плану приписать направление ковчега; но в эту минуту он не сомневался в последней догадке. Генрих Марч,

знавший немного по-алгонкински ¹⁷, объяснялся на этом языке с могиканом, и тот в свою очередь поспешил сообщить некоторые подробности Бумпо.

— Старый отец и младший мой брат, Великая Сосна (так называл делавар Генриха Марча), хотя и поживиться волосами с гуронских черепов, — сказал Чингачгук своему приятелю. — Будет их несколько и для Змея, который желает с честью воротиться домой. Знаю, что у моего брата белые руки, и он не будет отнимать волос даже у мертвеца. Он будет, напротив, ожидать нас здесь, и, я надеюсь, он не будет после нашего возвращения стыдиться своего друга. Великий Змей могикан должен сделаться достойным ходить по военной тропе с Соколиным Глазом.

— Ну, да, я вижу, что это имя останется за мной, и мне особенно приятно слышать его из твоих уст. Что касается до твоего желания охотиться за чужими волосами, то я не вижу в этом никакого зла. Ты родился могиканом и должен оставаться верным своей природе. Будь, однако, снисходителен, Великий Змей! Прошу тебя об этом от всего сердца. Сострадание не может вредить чести красного человека. Старик Гуттер и Генрих Марч — совсем другое дело: что естественно в тебе, то чудовишно и отвратительно в них, особенно в этом отце молодых девушек, которые могли бы возбудить в его сердце лучшие чувства. Минги не должны роптать, если поражение будет их уделом. Желая чужой крови, они не в праве ждать пощады от других. Но все-таки, Великий Змей, тебе надобно быть милосердным. Не начинай своих военных подвигов стоном женщин и жалобным криком детей. Веди себя так, чтобы Вахта смеялась, а не плакала при встрече с тобою.

— Мой брат останется здесь, на ковчеге, — отвечал могикан. — Вахта скоро выйдет на берег, и Чингачгук должен спешить.

Затем индеец присоединился к своим товарищам, и все трое, перейдя в лодку, отплыли от ковчеге. Гуттер и Марч не говорили ничего Зверобою о своих намерениях, и один Чингачгук сделался поверенным их тайны, которая, впрочем, состояла только в том, что они хотели произвести резню в ирокезском стане. Успех казался вероятным. Они рассчитывали, что неприятели в эту же ночь не замедлят сделать поголовную вылазку против замка, оставив в своем лагере женщин и детей. Их-то и хотел без пощады перерезать старик Гуттер, сам оставивший своих дочерей на произвол судьбы.

Старик Гуттер правил лодкой. Генрих Марч храбро занял свой пост впереди, Чингачгук стоял в середине лодки. Они осторожно подъехали к берегу, вышли из лодки без всякого шума и, осмотрев свое оружие, начали беззвучными шагами тигра приближаться к ирокезскому стану. Могикан шел впереди, и осторожная поступь его была так легка, как-будто он летел по воздуху, тогда как хворост иной раз хрустел под тяжелыми ногами Генриха Марча.

Нужно было прежде всего определить положение огня, который, как известно, находился в центре самого лагеря, и на этот пункт было теперь обращено их напряженное внимание. Наконец пронизательный глаз Чингачгука заметил отблеск, мелькнувший на некотором расстоянии из-за деревьев. Пламени, однако, не было видно, курилась только потухшая головня. Было поздно, а индейцы обыкновенно ложатся и встают вместе с солнцем.

Открыв таким образом этот безошибочный маяк, искатели приключений ускорили свои шаги и через несколько минут очутились возле ирокезских шалашей. Могикан немедленно начал подкрадываться к одному из них с хитростью кошки, наострившей свои зубы на неосторожную птичку. Еще несколько шагов, и он должен поползти на четвереньках, потому что при узком и низком входе эта предосторожность была совершенно необходима. Еще не просовывая головы, он насторожил свой слух, надеясь услышать храп и вздохи. Но ни один звук не долетел до его чуткого уха, и этот человек-змея просунул, наконец, свою голову через отверстие точно так же, как это делает всякая другая змея, когда подкрадывается к

¹⁷ Алгонкины — племя сев. — амер. индейцев. (Прим. ред.).

птичьему гнезду. Эта смелая попытка оказалась, однако, напрасной: ошупав осторожно все стены и углы, он убедился, что лачуга совершенно пуста. Не было ни души и в других двух шалашах, обысканных с такими же предосторожностями. Ясно, что гуроны оставили свой лагерь, и эту безотрадную весть Чингачгук немедленно сообщил своим товарищам. Трудно описать досаду и ярость Гуттера и Марча, когда новыми поисками они окончательно убедились, что обреченные жертвы ускользнули от их яростного гнева. Проклиная все племя ирокезов, они переломали несколько лачуг отсутствующего врага и, томимые бессильной злобой, отправились в обратный путь к ковчегу, где Юдифь и Зверобой во время их отсутствия вели между собою оживленный разговор.

— Какое ужасное существование для двух женщин, Зверобой! — воскликнула Юдифь. — Скоро ли кончится эта адская жизнь?

— Что же вы находите здесь особенно ужасного, Юдифь? Можно привыкнуть ко всякой жизни, и другие на вашем месте были бы очень счастливы.

— Нет, Зверобой, я была бы счастливее в тысячу раз, если бы могла жить среди образованного общества, там, где спокойно стоят фермы и дома. Жилище в соседстве с колониальными крепостями в тысячу раз предпочтительнее этих безотрадных мест, в которых мы обитаем.

— Нет, Юдифь, я не могу согласиться с вами. Крепости полезны, но бывают иной раз внутри их такие враги, каких не найти в других местах. Фермы также очень полезны, но все удовольствия, которые дают открытые поля, человек вдвойне найдет среди обширного леса. Где вы на открытом поле найдете густую тень от столетних деревьев? А эти ручьи, каскады, водопады, разнообразные хоры птиц? Разве все это не доставляет высочайшее наслаждение для человека с глубоким чувством?.. Чу!.. Что это такое? Я слышу, кажется, сердитый голос вашего отца.

— О, скоро ли прекратятся эти ужасные сцены! — воскликнула Юдифь, закрывая обеими руками свое лицо. — Знаете ли, Зверобой, я иногда жалею, что у меня есть отец.

— Странно, Юдифь: ваш батюшка и Генрих Марч ревут, как медведи, а голоса Чингачгука вовсе не слышно.

— Быть-может, он лишился жизни в ту самую минуту, когда собирался резать невинных женщин и детей.

— Нет, Юдифь, я думаю совсем иначе. Ирокезы, по всей вероятности, оставили свой лагерь, и они возвращаются без успеха. Это лучше всего объясняет бешенство Гэрри и молчание Чингачгука.

В этот момент раздался шум весла, брошенного в лодку, и Бумпо по этой беспечности Марча убедился в справедливости своей догадки. Через несколько минут лодка причалила к ковчегу. Гуттер и Марч не заикнулись ни словечком относительно своих походов, а Чингачгук пробормотал только: «огонь потушен», и эти два слова объяснили Зверобойу все.

Нужно было теперь определить направление плывучего дома. После предварительных рассуждений и совещаний Гуттер решил, что благоразумнее всего разъезжать по разным местам наудачу взад и вперед, расстраивая таким образом план нечаянных нападений со стороны ирокезов. Затем он и Генрих Марч, не смыкавшие своих глаз в продолжение плена, повалились на постели, и вскоре дружный храп показал, что они заснули крепким сном. Чингачгук и Бумпо остались на пароме вместе с Юдифью и Гэтти, которые тоже не хотели спать в эту тревожную ночь.

Через несколько минут молодые люди с удовольствием заметили, что ковчег несется прямо и быстро к тому месту, где назначено свидание Чингачгука с его возлюбленной. Все молчали, даже молодые девушки обуздывали свое любопытство. Могикан казался по наружности совершенно спокойным; но его внутреннее волнение увеличивалось с минуты на минуту. Мало-по-малу ковчег введен был в бухту, и путешественники медленно подвигались вперед под тенью густой листвы. Чингачгук, не отрывавший от берега своих глаз, безмолвно подошел к своему другу и обратил его внимание на отдаленный пункт, находившийся прямо перед ними. Из-за кустарника, покрывавшего южную оконечность мыса, мелькал огонек,

разведенный, очевидно, человеческой рукою. Не было никакого сомнения, что ирокезы случайно перенесли свой табор именно в то место, о котором Вахта рассказывала своей белой приятельнице.

Глава XVI

Обнаружение огня было чрезвычайно важным обстоятельством для Зверобоя и его друга. Можно было предполагать, что Гуттер и Генрих Марч задумают сделать новое нападение на индейцев, как только будет пробуждено их усыпленное внимание. По мере того, как приближался час свидания, могокан не думал больше о своих трофеях и о поражении неприятеля, а заботился только о том, чтобы уснувшие товарищи не расстроили его планов. Ковчег приближался медленно, и прошло больше четверти часа, прежде чем он подошел к назначенному месту. Чтобы укрыть свой огонь от наблюдений из замка Пловучего Тома, индейцы расположили его на самой южной оконечности мыса, и он до того заслонен был с этой стороны густым кустарником, что даже сам Бумпо, лавировавший направо и налево, терял его из вида.

— Минги развели огонь почти возле воды, — сказал Зверобой, обращаясь к Юдифи. — Это показывает, что они вовсе не ожидают отсюда нападений. Хорошо, что ваш батюшка и Генрих Марч заснули крепким сном, иначе они опять могли бы пуститься в свои опасные проделки.

Положение ковчега представляло свои выгоды и невыгоды. Огонь скрывался по мере приближения ковчега к берегу, который мог быть гораздо ближе, чем нужно. Между тем было известно, что немного дальше озеро имело значительную глубину, и ковчег в случае бегства не мог сесть на мель. Рассчитывали также, что никакого плота не могло быть в этом месте, и погоня со стороны неприятеля оказывалась невозможной. Притом густой мрак закрывал их совершенно, и для них не могло быть ни малейшей опасности, если бы они ехали без шума. Все эти замечания Зверобой сообщил Юдифи, давая подробные наставления в том, что ей нужно делать в случае тревоги.

— Теперь уже пора мне и Чингачгуку пересест в лодку, — закончил Бумпо, когда молодая девушка внимательно выслушала его наставления. — Правда, нет еще нужной нам звезды, но она вскоре взойдет, да, вероятно, никто из нас в эту ночь не увидит ее за облаками. Вахта, я уверен, теперь держит ухо востро и не опоздает ни на одну минуту, если только дикари не запрятали ее в какую-нибудь трущобу.

— Зверобой, — с живостью возразила Юдифь, — это предприятие чрезвычайно опасно, и я не понимаю, зачем вы тоже принимаете в нем участие?

— Как зачем? Разве вы не знаете, что мы хотим похитить Вахту, невесту Чингачгука, на которой он женится тотчас же по возвращении домой?

— Но ведь жених-то индеец, а не вы, и это предприятие такого рода, что его можно с одинаковым успехом выполнить и одному, без всякого постороннего содействия.

— Понимаю вас, Юдифь, отлично понимаю. Вы хотите сказать, что все эти дела касаются одного только Чингачгука, и так как он один может справиться с лодкой, то незачем еще другому вместе с ним идти на очевидную опасность. Но вы забываете, что в этом-то и состоит цель нашего прибытия на это место, и мне стыдно было бы отказаться от задуманного плана только потому, что он довольно опасен. Притом, если молодые девушки дорожат любовью и готовы из-за нее на самопожертвование, то, конечно, никто не мешает и мужчинам проявлять то же чувство во имя дружбы. Могокан, разумеется, мог бы справиться с лодкой без посторонней помощи, но если, сверх ожидания, будет сделано со стороны мингов нападение, то помощь друга для него явится необходимой. Да и сами вы, Юдифь, неужели согласились бы оставить друга в опасную минуту?

— К несчастью, вы совершенно правы, Зверобой, но я очень хотела бы удержать вас на ковчеге. Обещайте мне, по крайней мере, не заходить в самый лагерь дикарей и ограничиться только похищением девушки.

Зверобой и его краснокожий приятель отправились в опасную экспедицию с таким хладнокровием и предусмотрительностью, которые могли бы сделать честь самым опытным воинам, знакомым со всеми стратегическими хитростями. Индеец поместился в лодке на передней стороне, чтобы удобнее было выскочить на берег и встретить свою возлюбленную, а его рассудительный и спокойный товарищ взялся за весла и управлял легким челноком. Вместо того, чтобы плыть прямо к мысу, отстоявшему от ковчега на четверть мили, Бумпо описал прежде диагональную линию к центру озера, чтоб потом, подъезжая к берегу, можно было принять выгоднейшую позицию. Тот пункт, где высадились Гэтти и куда теперь обещалась притти Вахта, находился на самой возвышенной оконечности мыса. Надо было предварительно изучить хорошенько эту местность, и Зверобой на минуту остановил лодку.

Ночной мрак увеличивался с минуты на минуту. Еще можно было различить контуры гор с того места, где остановились наши смельчаки. Напрасно могикан обращал глаза к востоку, стараясь разглядеть звезду: облака были не слишком густы на горизонте, но мрак густо окутывал все предметы на далекое пространство. Разговаривая шопотом, они старались угадать, который час. По мнению Зверобоя, звезда должна была появиться через несколько минут, но его нетерпеливый приятель воображал, что было очень поздно и что его возлюбленная, без сомнения, на берегу. Это предположение, разумеется, одержало верх, и Зверобой принужден был спешить, принимая всевозможные предосторожности. Весла поднимались и погружались в воду без малейшего шума, и когда они подплыли к берегу на расстояние пятидесяти ярдов, Чингачгук выпрямился во весь рост и схватился за карабин. Подъехав еще ближе к темной опушке леса, они заметили, что слишком уклонились на север, и переменили направление лодки, которая как-будто двигалась сама собою: так осторожны и обдуманно были все движения гребца. Наконец лодка остановилась на мели возле того места, где накануне высадились Гэтти и откуда слышался ее голос в тот момент, когда ковчег проезжал мимо. Здесь, как и в других местах, берег был очень узок, но кустарник образовал бахрому у подошвы леса, и почти везде широкие листья висели над водой.

Чингачгук вылез из лодки и, очутившись по колена в воде, осторожно пошел к берегу, оглядываясь по сторонам. Несколько минут бродил он по берегу, надеясь увидеть Вахту или, по крайней мере, услышать ее голос: напрасная надежда! Повсюду царил могильная тишина, и нигде не было заметно человеческих следов. Не теряя понапрасну времени, он опять вернулся к своему приятелю, который успел тем временем причалить лодку, и они начали тихонько разговаривать между собою. Могикан полагал, что они ошиблись местом, Бумпо, напротив, уверял, что приятель его еще слишком рано явился на свидание. Высказав эту догадку, он тотчас же положил руку на плечо могикана и указал на вершины гор, расположенных к востоку. Облака разошлись в этом месте, и вечерняя звезда заблестала между ветвями высоких сосен. Отрадная надежда проникла в душу молодых людей. Они облокотились на свои ружья и насторожились, вслушиваясь в малейший шорох и шелест листьев. Мало-по-малу до их слуха начали долетать смешанные голоса детей и беззаботный смех индейских женщин. Ясно, что друзья находились недалеко от ирокезского стана. Лучи света, озарившие вершины некоторых деревьев, изобличали огонь, разведенный в лесу, но трудно было рассчитать точно расстояние, которое их отделяло от этого костра. Два-три раза показалось им будто кто-то отходит от огня и приближается к месту свидания, но эти звуки были, вероятно, обманом воображения, или, быть-может, какой-нибудь ирокез расхаживал взад и вперед, не думая вовсе выходить на берег. Прошло около четверти часа этого томительного ожидания. Наконец Зверобой предложил, воротившись к лодке, занять более выгодное положение, откуда можно было бы наблюдать все движения индейцев, а также и выяснить причины отсутствия Вахты. Чингачгук решительно отказался принять такое предложение, ссылаясь на то, что Вахта будет в отчаянии, если во время их отсутствия вдруг придет на место свидания и не найдет никого. Находя такую причину основательной, Зверобой вызвался один отправиться в лодку и оставил своего приятеля в кустарнике.

Усевшись в лодку, Зверобой с обычными предосторожностями отчалил от берега и

через несколько минут очутился почти на прямой линии между ковчегом и неприятельским лагерем. Вдруг яркий свет совершенно неожиданно поразил его глаза, и вначале ему показалось, что он на виду у ирокезов. Новый взгляд, однако, убедил его, что нет никакой опасности и что его не откроют, пока индейцы останутся в освещенной стороне. Поставив свою лодку в это выгодное положение, он спокойно начал наблюдать.

Индейцы, еще недавно переменявшие свой лагерь, были все на открытом воздухе и, считая себя совершенно в безопасности, развели большой костер, бросавший яркое пламя на далекое пространство. Бумпо сразу увидел, что ирокезы были не все. Он заметил, однако, своего знакомого Райвенука, поместившегося на первом плане этой фантастической картины. Тот показывал своему товарищу одного из слонов, вырученных за выкуп пленников, и какой-то оборванный мальчишка с простодушным любопытством смотрел через его плечо. Немного подалее на заднем плане восемь или десять индейцев развалились на земле или сидели, прислонившись спинами к деревьям. Их оружие было также прислонено к деревьям и отчасти лежало возле них на земле. Женщины образовали отдельные группы, и около каждой матери толпились дети. Они спорили, смеялись, весело и беззаботно перебивали одна другую. Одна только старушонка, сидевшая немного поодаль, не принимала, казалось, никакого участия в общем веселье и с озабоченным видом наблюдала все происходившее вокруг нее. Ясно было, что старейшины поручили ей неприятную обязанность, но какую, — неизвестно.

Глаза Зверобоя с озабоченным вниманием искали повсюду возлюбленную Чингачгука. Ее нигде не было видно, хотя свет от костра распространялся далеко во все стороны. Два или три раза ему почудилось, что он слышит ее смех; но он был обманут звонким смехом других индейцев. Наконец старая женщина заговорила о чем-то громко и гневно; тогда, как бы вследствие отданного приказа, появились на заднем плане две или три мрачные фигуры, подошедшие к той части лагеря, которая была больше освещена. Молодой воин вышел первый. За ним последовали две молодые девушки, и одна из них была делаварская пленница. Зверобой понял все: за Вахтой, очевидно, следили, — быть-может, ее молодая подруга, и уж наверное старая ведьма. Молодой воин мог быть обожателем Вахты или ее подруги, и на лице его легко было прочесть сомнение и недоверчивость. Вахта с своей стороны обнаруживала очевидное беспокойство, и ее глаза не раз обращались в ту сторону, где взошла звезда. Повидимому, ей не было никакой возможности удалиться за пределы лагеря, потому что старуха не спускала с нее глаз.

Положение Зверобоя было очень затруднительно. Он знал, что Чингачгук ни за что на свете не согласится воротиться в ковчег, не употребив прежде отчаянных усилий для освобождения своей невесты, а потому, скрепив сердце, он великодушно решил помочь своему приятелю до конца. По некоторым признакам можно было заметить, что женщины скоро пойдут спать. Нужно было выждать эту минуту и рассмотреть хорошенько, в каком шалаше скроется Вахта. Так и хотел поступить Зверобой. Но если, с другой стороны, он слишком долго будет медлить на своем наблюдательном посту, нетерпеливый делавар мог ринуться один в неприятельский стан и своею опрометчивостью испортить все дело. Принимая в соображение все это, Бумпо предпочел вернуться к своему другу и по возможности успокоить его хладнокровными доводами. Этот план приведен был в исполнение не более как в пять минут.

Чингачгук между тем неподвижно стоял на своем посту в ожидании невесты, но его надежда исчезла, когда Зверобой в коротких словах объяснил сущность дела. После предварительных совещаний приятели решились действовать без промедления. Прежде всего они поставили лодку у берега так, чтобы Вахта, явившись на свидание, могла ее увидеть; потом, осмотрев свое оружие, они решили идти дальше в лес. Мыс, вдававшийся в озеро, площадью был около двух десятин, и половина этого пространства занята была теперь

ирокезским лагерем. Через несколько минут приятели, пробираясь между густых деревьев, очутились в таком месте, откуда могли видеть все движения ирокезов, не будучи, однако, сами ими замечены. Лагерь был ярко освещен. Женщины вели оживленный разговор: одна из фигурок слонов переходила из рук в руки. Чингачгук с замиранием сердца увидел и свою Вахту. Насторожившись, приятели могли слышать каждое слово.

— А ведь если подумать хорошенько, так и выйдет вздор, суший вздор, — говорила одна ирокезка. — У гуронов есть зверьки еще, пожалуй, похитрее, да и то ими не хвастаются. Эта игрушка удивительна только для делавара. Гурон завтра же ее забудет. Да и что за диковина? Пусть эти звери подойдут к нашим вигвамам, и наши молодые воины сумеют их отогнать.

Эти слова относились к Вахте и были сказаны с очевидной целью вывести ее из терпения, так как она всегда вступалась за свое племя.

— Беда только в том, что этот зверь не осмелится подойти к делаварским домам, — возразила Вахта. — Он задрожит от страха при одном взгляде на делаварских молодых воинов.

— Вот забавно: молодые воины между делаварами! Да и во всем их племени никого нет, кроме женщин, и желала бы я знать, кто когда слышал о молодом делаварском воине? Их не боятся даже лани и беззаботно разгуливают где ни попало, когда проходит между ними делаварский охотник. Кто когда слышал о молодом делаварском воине?

— Все слышали, кроме, разве, тебя, — с живостью возразила Вахта, — да и ты, конечно, слышала, если не была глуха, как тетерев. Хотя сам Таменунд теперь стар, как эти горные сосны, или как орлы, которые вьются под облаками, но и он был молод в свое время. Имя Таменунда знает старый и малый на всем пространстве от большего озера соленой воды до пресных вод на западной стороне. А где и когда был род знаменитее семейства Ункаса, хотя бледнолицые разорили их могилы и разметали их кости? Никогда и никакой орел не залетал на такую высь, как они, и не было оленя проворнее их, и никакая пантера не превосходила их своей силой и отвагой. Разве нет теперь между делаварами молодых воинов, крепкогрудых и легких на ходу, как дикие лани? Шире открой свои глаза, и ты увидишь Чингачгука, величественного, как молодой ясень, и твердого, как старый дуб.

Это объяснение вызвало многочисленные возражения, и спор завязался жаркий.

Вдруг могокан пригнулся к земле и, скрывшись за кустарником, испустил звук до того похожий на крик небольшой американской векши, что сам Зверобой на этот раз совершенно был обманут удивительным подражанием и вообразил, что крик этот действительно произведен одной из тех маленьких белок, которые перепрыгивали над их головами с ветки на ветку. Никто из гуронов не обратил внимания на этот слишком обыкновенный звук, но Вахта немедленно прекратила разговор и осталась неподвижной. Она узнала теперь тот самый сигнал, которым возлюбленный в былые времена вызывал ее из вигвама на тайное свидание.

Убедившись, что присутствие его известно, Чингачгук не сомневался в то же время, что молодая девушка употребит все усилия, чтобы освободиться. В ту же минуту Зверобой заметил значительную перемену в обращении Вахты. Продолжая спор, она говорила нерешительно и вяло, давая очевидный перевес своим восторженным противницам. Наконец, спор мало-по-малу охладел, и все женщины встали, чтобы разойтись по своим местам. Тут только Вахта осмелилась повернуть голову в ту сторону, откуда раздался сигнал. Чингачгук повторил его опять, и молодая девушка убедилась, что ей теперь известно место, где был ее возлюбленный, хотя невозможно было разглядеть его из ярко освещенного лагеря ирокезов...

Приближалась роковая пора, когда молодая девушка так или иначе должна была привести в исполнение свой план. Ей предстояло лечь в низеньком шалаше, построенном возле того места, где она стояла. Подругой ее была неотвязчивая старуха. Раз уйдя в эту лачугу, она могла потерять всякую надежду на освобождение, потому что старуха

обыкновенно ложилась поперек при самом входе. К счастью, один из воинов приказал ей в эту минуту принести воды. Старуха взяла тыквенную бутылку, подозвала Вахту, и обе отправились к источнику, находившемуся на северной стороне мыса. Им надлежало взобраться на вершину холма и спуститься под гору, где был источник. Все это поняли и сообразили как нельзя лучше оба приятеля, и поспешили укрыться за деревья, чтобы обе женщины могли свободно пройти. Старуха крепко держала Вахту за руку и быстро продолжала идти вперед. Когда они проходили мимо дерева, скрывавшего друзей, Чингачгук схватил свой томагавк, намереваясь раздробить голову старой женщины, но Зверобой, понимавший опасность этой выходки, удержал его руку. Едва они отступили на несколько шагов, могикиан еще раз повторил свой сигнал. Гуронка остановилась и с любопытством взглянула на дерево, откуда слышался звук. Она изумилась, что векша могла проснуться в такой поздний час, и это, по ее мнению, был нехороший признак. Вахта отвечала, что не далее как минут за двадцать она слышала такие же звуки: векша, без сомнения, голодна, прибавила она, и отыскивает каких-нибудь крох утолить свой голод. Это объяснение, повидимому, совершенно удовлетворило старуху, и они обе пошли вперед, сопровождаемые теперь молодыми приятелями, которые следовали за ними волчьим шагом. Наполнив водою тыквенную бутылку, старуха собиралась идти в обратный путь, удерживая за руку свою, спутницу. Но в ту самую минуту, когда она готова была двинуться с места, крепкая рука схватила ее за горло с такой силой, что она немедленно освободила свою пленницу. Обвив рукою стан молодой девушки, Чингачгук понес ее через кустарники на северную оконечность мыса. Очутившись на берегу, он обернулся и, не останавливаясь, побежал к лодке.

Зверобой между тем сдавливал пальцами шею старой женщины, давая ей по временам возможность вздохнуть, чтобы она не задохлась. Она сумела, однако, воспользоваться этими промежутками, и в один из таких моментов передышки из ее груди вырвался страшный крик, который всполошил весь лагерь. Зверобой услышал крики ирокезских воинов и через минуту увидел трех или четырех из них, остановившихся перед костром. Стиснув еще раз сухую шею старой женщины и дав ей на прощанье пинка, от которого она повалилась навзничь, молодой охотник бросился через кустарники с карабином в руках, оглядываясь через плечо, как разъяренный лев.

Глава XVII

Индейцы стояли и озирались по сторонам, отыскивая в темноте старуху, крик которой взволновал лагерь. Если бы молодой охотник был менее осторожен, смерть одного из них была бы неизбежна. К счастью, Зверобой не стрелял. Исчезнув между кустами, он в несколько минут прибежал на берег к тому месту, где Чингачгук ожидал его в лодке вместе с Вахтой. Бросив карабин на дно лодки, он нагнулся, чтобы оттолкнуть челнок на открытую воду, как вдруг из-за кустарника выскочил проворный, сильный индеец и как барс бросился к нему на спину. Все теперь висело на волоске: один промах, и гибель была бы неизбежна. Руководимый великодушным чувством, Зверобой собрал все свои силы и с отчаянием оттолкнул лодку футов на сто от берега. Затем он сам, потеряв равновесие, упал в воду и вместе с ним его враг.

Глубина воды достигала в этом месте не более полутора аршин, но этого было довольно, чтобы погубить молодого охотника, который лежал теперь под индейцем. Между тем руки его были свободны, и гурон с своей стороны принужден был встать, чтобы перевести дух. Зверобой также быстро поднялся на ноги, и около полминуты между ними происходила ожесточенная борьба на жизнь и смерть. Когда, наконец, около полдюжины индейцев бросились в воду на выручку своего товарища, Бумпо принужден был отдаться в плен, но сделал это с таким достоинством, которому равнялось его самопожертвование.

Через несколько минут пленник был отведен в лагерь. Занятые борьбою двух противников, индейцы не обратили никакого внимания на лодку, хотя она была от них на

самом близком расстоянии, так что Чингачгук и Вахта слышали ясно каждое их слово. Некоторые из них еще продолжали искать молодую девушку; другие после бесполезных поисков воротились к огню. Между тем противник Зверобоя мало-по-малу пришел в себя и, собравшись с силами, рассказал, каким образом Вахта ускользнула от их рук. Преследовать ее было уже поздно, потому что могикан, удостоверившись в гибели своего друга, быстро поехал вперед на середину озера, к ковчегу.

Когда Зверобой подошел к огню, его с угрюмым видом окружили несколько гуронов, и между ними его старый знакомец, Райвенук. Бросив взгляд на пленника, Райвенук сказал что-то своим товарищам, и они выразили явный восторг, когда узнали, что бледнолицый, попавший к ним в руки, есть тот самый, который убил недавно одного из их воинов на противоположной стороне озера. Их любопытство не имело теперь пределов, и каждый по несколько раз подходил к пленнику, оглядывая его с ног до головы. Видимое равнодушие Бумпо увеличивало еще больше этот наивный восторг детей природы, способных увлекаться всякими подвигами, которые сколько-нибудь выходят из круга обычных вещей.

Все предосторожности, предпринятые в отношении Зверобоя, состояли лишь в том, что ему перевязали толстой веревкой обе ноги, так, однако, что он мог гулять где ему угодно, хотя не имел возможности убежать. Его руки были совершенно свободны. Зверобой думал сначала, что его свяжут только на ночь, как это обыкновенно делали минги со своими пленниками, но когда ему немедленно спутали ноги, то он увидел в этом обстоятельстве несомненный признак уважения к его ловкости и храбрости. С этой минуты его слава между индейцами была упрочена раз навсегда, и он с гордостью смотрел на свои путы. Ему позволили сесть на пень дерева возле огня, чтобы высушить платье. Перед ним лицом к лицу стоял его дюжий противник, с которым он боролся в воде. Другие воины и начальники стояли немного поодаль и совещались. Через несколько минут к пленнику подошла старуха, которую звали Медведицей; ее глаза сверкали, ноги дрожали, морщинистые кулаки делали угрожающие жесты. Она кричала, обращаясь к своему врагу:

— Хорек смердящий! Приятели твои, делавары, хуже всякой бабы, и ты был паршивым бараном между ними. Тебя прогнали из племени бледнолицых, и красные люди не пускают в свои вигвамы. Скверные бабы дали тебе пристанище, как паршивому щенку. Разве правда, что ты убил нашего друга? Врешь, собака: его великая душа оставила свое тело потому только, что не хотела опозорить себя сражением с таким щенком! Собака, вонючка, сурок, выдра, еж, свинья, жаба, паук, янки!

Старуха неистово махала кулаками перед самым лицом пленника, который, однако, был совершенно равнодушен к этим энергичным усилиям вывести его из себя и не обращал на них внимания, подобно тому, как человек благовоспитанный не обращает внимания на непристойную ругань. Наконец Райвенук оттолкнул старуху и, приказав ей удалиться, спокойно подошел к Зверобою.

— Бледнолицый друг мой пожаловал к нам в гости, — сказал он фамильярным тоном и с лукавой улыбкой. — Мы очень рады таким гостям. У гуронов есть хороший огонь, и белый человек может обсушиться.

— Спасибо, гурон, или минг, что ли, как тебя зовут. Спасибо за ласку и за твой огонь, который особенно хорош после того, как выкупаешься в Глимергласе.

— Бледнолицый... но у брата моего должно же быть какое-нибудь имя. Великий воин не мог прожить так долго без всякого имени.

— Минг, я уже говорил тебе, что твой умирающий друг назвал меня Соколиным Глазом, и ты можешь судить сам, достоин я такого имени или нет.

— Доброе имя. У Соколиного Глаза быстрые глаза и верные удары. Но ведь Соколиный Глаз не женщина. Зачем же он живет между делаварами?

— Понимаю тебя, минг, и начинаю видеть, что ты лукав. Пусть будет тебе известно, что я хочу жить и умереть между делаварами, оставаясь белым.

— Хорошо! Но уж если охота тебе жить с красными людьми, выбирай лучше гуронов. Соколиный Глаз больше похож на гурона, чем на бабу.

— Говори яснее, минг, иначе тебе не добиться от меня никакого ответа.

— Хорошо: Соколиный Глаз имеет не лживый язык, и за это я его люблю. Соколиный Глаз знает Канадского Бобра и проживал в его вигваме, но Соколиный Глаз не может быть приятелем Бобра. Он не нуждается в скальпах, как бедный индеец, и очень храбр, как бледнолицый. Напротив, Канадский Бобр ни рыба, ни мясо, и его нельзя причислить ни к белым, ни к красным людям: живет он либо на земле, либо на озере, он снимает скальпы ради денег. Соколиный Глаз может к нему вернуться и сказать, что ему посчастливилось убежать от гуронов. Потом, когда Бобр спрячется в свою берлогу и заснет, Соколиный Глаз может отворить для гуронов дверь. А как будет разделена добыча! Соколиный Глаз возьмет все, что ему угодно, а гуроны будут довольны тем, что останется. Скальпы, конечно, отойдут в Канаду, потому что бледнолицым их не надо.

— Дело, Райвенук! Теперь я тебя отлично понимаю, хотя ты говоришь по-ирокезски. Твоя правда! Не трудно мне уверить Бобра, что я вырвался из ваших рук и благополучно опять воротился в его замок...

— Хорошо! Этого я и ожидаю от тебя.

— Конечно, ты ожидаешь, что я поговорю с Бобром, разделю его хлеб-соль, повеселюсь с его дочерьми и потом напущу на его глаза такого тумана, что он не разглядит земли под своими ногами.

— Хорошо! Соколиный Глаз говорит и судит, как настоящий гурон. Его кровь выбелена только наполовину.

— Ну, вот уж на этот счет ты ошибаешься, гурон! Моя кровь и сердце всегда были и будут белыми, хотя мои привычки и наклонности немного покраснели. Это, однако, ничего. Когда старый Гуттер и его дочери заснут на своих постелях, мне надо будет отворить дверь, подать сигнал и впустить гуронов, которые прикончат всех ударами по голове?

— Именно так! Мой брат ошибается, когда думает, что у него белое сердце: он красен, как гурон, и будет современем великим вождем между ними.

— Нет, гурон, если бы ты принял волка за дикую кошку, ошибка твоя была бы не так велика. Выслушай хоть раз честные слова из уст искреннего человека. Хитрости могут быть позволительны и законны во время войны; но коварство, измена и обман — пороки, которых гнушаются даже краснокожие люди, кроме разве мингов, которые на все способны.

Райвенук выслушал этот ответ с очевидным неудовольствием и несколько минут не говорил ни слова.

— Разве Соколиный Глаз друг Канадского Бобра? — спросил он наконец.

— Не то, минг! Старый Том не приобрел еще, да и не может приобрести никаких прав на мою дружбу.

Затем речь зашла о Вахте, и Зверобой объяснил все подробности ее похищения. Здесь только Райвенук с изумлением узнал о присутствии Чингачгука в замке Канадского Бобра и о всех его сношениях с Вахтой. Оставив пленника, он немедленно сообщил этот рассказ старейшинам и воинам. Отважность и успех предприятия молодых друзей внушили им одновременно удивление и гнев. Особенно раздосадован был тот молодой индеец, которого Чингачгук и Бумпо видели с Вахтой и другой индеанкой. Несколько минут он стоял поодаль с унылым видом, не принимая никакого участия в общем волнении; но, выслушав теперь рассказ об успехе дерзкого счастливец, он быстро подошел к тому пню, на котором сидел спутанный пленник.

— Вот тебе Дикая Кошка! — сказал индеец, ударяя себя в грудь, будучи уверен, что это имя должно произвести сильный эффект.

— А вот тебе Соколиный Глаз! — отвечал Зверобой. — Глаз мой верен, и рука не дрожит, поражая коварного врага. Желательно знать, как прыгает мой брат?

— Его прыжок — отсюда до делаварских деревень. Соколиный Глаз украл мою жену. Пусть он приведет ее обратно, или его волосы будут торчать на шесте в моем вигваме!

— Соколиный Глаз не воровал ничего, да будет тебе известно, гурон! Твоя жена, как ты осмеливаешься называть Вахту, никогда не будет женою краснокожего из Канады. Ее сердце

в вигваме делаваара, и скоро будет с ним соединено. Дикая кошка скачет быстро, это я знаю, но никогда не перегнуть ей желаний молодой девушки.

— Делаварский Змей хуже всякой собаки! Он не посмеет столкнуться с храбрым индейцем на твердой земле.

— Ты удивительно бесстыден, минг! Не прошло еще и часа, как Великий Змей был от тебя в нескольких шагах.

— Вахта смеется над ним, презирает его. Она видит, что он самый жалкий охотник и хромает, как старая баба. Мужем ее будет храбрый воин, а не дурак.

— Как же ты все это разведаль, Дикая Кошка? Ведь вот ты видишь, что она сама собой отправилась на озеро к своему другу, не спрашиваясь твоего совета. Нет, Дикая Кошка, ты уж лучше послушай меня: ищи себе жену между гуронками, потому что, видишь ли, делаварка не пойдет за тебя.

Взбешенный индеец схватился за свой томагавк, но Райвенук удержал его и грозным жестом заставил удалиться на свое место.

— Соколиный Глаз говорит правду, — сказал Райвенук. — Он не способен ошибаться. Его глаз ясно различает отдаленные предметы во мраке ночи.

— Рад от тебя слышать эти слова, почтенный Райвенук, а насчет измены все-таки я должен тебе сказать, что я не рожден для такой гнусности.

— Бледнолицый брат мой говорит истинную правду. Гуронам известно, что их пленник — великий воин: так они и будут поступать с ним. Если назначат для него пытки, его станут мучить совсем не так, как обыкновенного человека. Если же, напротив, суждено ему быть нашим другом, он будет между нами великим вождем.

— Я попался в ваши руки, гурон, и вы, конечно, можете сделать со мною все, что вам угодно.

— Но зачем добровольно идти на пытку, когда гуроны могут сделаться друзьями? Соколиный Глаз убил их храброго воина... Гуроны могут и забыть такую обиду.

— Тем лучше, гурон, тем лучше! Я хотел бы, однако, чтобы не было между нами каких-нибудь недоразумений. Очень рад, что гуроны не имеют особой склонности мстить за смерть своего воина; но все же не может быть, чтобы между нами не было вполне понятной вражды.

Чье-то внезапное появление вдруг прекратило этот разговор. Перед огнем гуронов остановилась Гэтти Гуттер, равнодушная и спокойная, как всегда. Казалось, будто она родилась и выросла в этом лагере среди ирокезов и принадлежала к их племени. Райвенук и Бумпо увидели ее в одно и то же время.

— Надеюсь, Гэтти, прибытие ваше служит ручательством, что Чингачгук и Вахта совершенно здоровы и в безопасности? — сказал Зверобой, когда молодая девушка по сделанному знаку подошла к нему. — Цель вашего прихода, разумеется, уже не та, как в первый раз?

— Вы угадали, Зверобой. На этот раз послала меня Юдифь, и сама проводила в лодке, когда Чингачгук и Вахта рассказали ей о вашем несчастье. О, если бы вы знали, как прекрасна Вахта в этот вечер! Кажется, она счастливее теперь в тысячу раз, чем между гуронами.

— Это в порядке вещей, любезная Гэтти. Вахта соединилась с человеком, которого любит, и уже не боится, что ее мужем будет ненавистный минг. Для чего вас послала сюда Юдифь?

— Она велела мне предложить всех других слонов за ваш выкуп.

— Знают ли ваш отец и Скорый Гэрри что-нибудь о наших делах, милая Гэтти?

— Нет, они еще спят. Юдифь и Чингачгук не хотели их будить из опасения, чтобы они опять не вздумали охотиться за волосами, так как Вахта сказала, что в лагере больше

женщин, чем мужчин. Юдифь приказала мне разведать обо всем, что с вами случилось.

— Это, однако, удивительно. Почему Юдифь так беспокоится обо мне? Впрочем, догадаться не мудрено: ваша сестрица боится, как бы Генрих Марч, проснувшись, не вздумал выручать меня из лагеря ирокезов, где может угрожать опасность его собственной жизни. Опасение бесполезное: Торопыга делает иной раз большие промахи, но из-за друга не полезет на очевидную опасность.

— Юдифь не любит Гэрри, хотя сам Гэрри очень любит Юдифь, — отвечала Гэтти простодушным, но решительным тоном.

— Ну, да, вы об этом говорили, Гэтти; но вы ошибаетесь.

— Юдифь не любит Генриха Марча и поэтому находит в нем бесчисленные недостатки.

— Ну, думайте об этом как вам угодно, моя добрая Гэтти. Мы можем об этом проговорить до поздней зимы и, вероятно, не переменим своих мнений. Посмотрите лучше, что делается вокруг нас. Вы видите, Райвенук нас оставил и толкует о чем-то с молодыми воинами. Слышать его с этого места я не могу, но вижу по глазам, что он говорит. Он приказывает наблюдать за всеми вашими движениями, отыскать лодку, которая вас ожидает, проводить вас до ковчега и овладеть всем, что могут захватить. Я очень жалею, Гэтти, что Юдифь прислала вас сюда.

— Не беспокойтесь, Зверобой: все устроено как нельзя лучше, и я вернусь в ковчег, когда мне вздумается. Юдифь велела спросить: что, по вашему мнению, будут делать с вами гуруны, если не удастся выкупить вашу свободу? И не может ли она сама как-нибудь помочь вам, потому что для вашего освобождения она готова на все. Вот для этого-то, собственно, она и прислала меня к вам.

— Скажите вашей сестрице правду... и я не вижу причины, почему правда должна быть скрыта от Юдифи Гуттер. Минги взяли меня в плен, и... что из этого выйдет? Послушайте, Гэтти: ум ваш слаб, скрыть этого нельзя, но вы знаете индейцев. Я попался в их руки после того, как убил одного из храбрых воинов, и за это они угрожают пыткой. Чтобы избавиться от пытки, они уговаривают меня изменить вашему отцу и всему его семейству. Но пусть ваш батюшка и Генрих Марч будут спокойны, этого никогда не случится. Чингачгуку говорить нечего: он это знает.

— Что же я скажу Юдифи? Ведь она опять отошлет меня сюда, если ей не будут известны все подробности вашего положения.

— Скажите ей все. Дикари, без сомнения, прибегнут к пытке, чтоб отомстить за смерть своего воина. Я буду по возможности бороться со слабостью человеческой природы. Вы можете сказать Юдифи, чтобы она обо мне не беспокоилась. Хвастаться и петь песни во время ужасных мучений белый человек, конечно, не может; но пусть знает ваша сестрица, что никакие пытки не заставят меня изменить своим друзьям. Ирокезы провертят раскаленным железом дыры на моем теле, сорвут волосы с моего черепа, искромсают мое тело в мелкие куски. Я буду... почему знать?... я буду стонать, кричать, как слабый человек; но в том могу поручиться, что при всей моей слабости останусь честным человеком.

Гэтти слушала с большим вниманием, и все черты ее лица выражали глубокое сострадание.

В эту минуту издали приближался к ним Райвенук. Зверобой посоветовал Гэтти итти как можно скорее в ковчег и успокоить друзей. Гэтти удалилась и тотчас же подошла к группе жен и детей с такою доверчивостью, как-будто она век жила между ними. Райвенук между тем опять занял свое место возле пленника и продолжал с ним разговаривать по-прежнему.

Глава XVIII

Молодые индейцы, посланные после внезапного появления Гэтти на разведки, воротились и сказали, что им не удалось выследить ровно ничего. Один из них даже

поравнялся на берегу с ковчегом, но в темноте не мог его заметить. Другие бродили взад и вперед по разным местам, но всюду находили в этой безмолвной пустыне лесов лишь спокойствие ночи. Стало-быть, заключили старейшины, молодая девушка пришла одна, как и в первый раз. Гуронам было известно, что ковчег оставил замок, и они замыслили нападение, которое заранее одушевляло их надеждою на верный успех. Расставили часовых, и весь лагерь расположился спать, приняв все необходимые меры, чтобы пленник не мог бежать.

Гэтти оставили без присмотра, и она немедленно удалилась к молодым ирокезкам, которые приняли ее дружелюбно и предложили к ее услугам звериную шкуру. Сделав себе постель из листьев, молодая девушка легла возле одного из шалашей и скоро погрузилась в глубокий сон.

Во всем лагере было только тринадцать мужчин, и трое из них стояли на часах. Один оставался в тени, недалеко от огня, и обязанность его состояла в том, чтобы смотреть за пленником и раздувать костер, так, однако, чтобы пламя не давало большого света. Другой беспрестанно переходил с одного берега на другой, пересекая основание мыса; третий медленными шагами ходил по песку на противоположной стороне. Все эти распоряжения были не совсем обычны: дикари рассчитывают больше на тайну своего местопребывания, чем на бдительность сторожевых. Но эти меры были приняты вследствие особенных условий, в которых находились гуроны; неприятелю была известна их позиция, а в этот неуточный час переноситься на другое место было неудобно.

Удивительны чуткость и точность, с какими вообще спят люди, привыкшие постоянно быть настороже. Лишь только голова их поместится на подушке, они мгновенно засыпают самым крепким сном; но в урочный, заранее определенный час они непременно пробуждаются с необыкновенною быстротою. То же было и с Гэтти Гуттер. Погруженная в спокойный и глубокий сон, молодая девушка проснулась ровно в полночь и немедленно принялась за исполнение своей мысли. Прежде всего она подошла к огню, который почти догорал, и подложила новых дров. Вспыхнувшее пламя осветило красное лицо гурона, стоявшего на часах, и глаза его заблестали, как у пантеры, преследуемой охотниками в ее логовище. Но Гэтти не почувствовала никакого страха и спокойно подошла к тому месту, где стоял индеец. Ее движения были так естественны, и в чертах ее лица было такое добродушие, что он отнюдь не был встревожен появлением молодой девушки и подумал только, что ей холодно. Гэтти начала с ним говорить, но он не понимал английского языка. Простояв подле него около минуты, она медленным шагом пошла вперед, не принимая никаких предосторожностей, чтобы скрыть свои движения. Она прямо пошла к оконечности мыса, к тому месту, где высадилась в первый раз. Часовой видел, как она мало-по-малу исчезала во мраке, но не обратил на это внимания: он знал, что его товарищи караулят все выходы из лагеря, да притом и не думал, чтобы она хотела удалиться украдкой.

Не имея ясного представления об этой местности, Гэтти, однако, благополучно выбралась на берег и встретила по дороге индейца, бродившего по песку. Заслышав легкую поступь молодой девушки, он бросился к ней навстречу с видимою радостью. При глубоком мраке, особенно под тенью деревьев, нельзя было различить предметов на расстоянии двадцати шагов, и чтобы различить черты человека, нужно было сойтись с ним лицом к лицу. Молодой гурон был, повидимому, очень неприятно разочарован, когда рассмотрел Гэтти: он ожидал свою возлюбленную, обещавшую притти к нему в полночь. Так же, как и его товарищ, он ничего не знал по-английски, но появление молодой девушки в глубокую полночь и его ничуть не обеспокоило. При кочевой жизни индейцы не имели определенных часов для своих занятий и каждый спал, обедал или ужинал когда ему угодно. Притом слабоумие Гэтти служило для нее надежной защитой. Озадаченный своей неудачей, молодой индеец сделал знак, чтобы девушка шла своей дорогой. Гэтти повиновалась, но, проходя мимо, проговорила:

— Если ты, молодой человек, принял меня за гуронку, я не удивляюсь твоей теперешней досаде. Я Гэтти Гуттер, младшая дочь Томаса Гуттера, и никогда не назначала

свиданий в ночное время молодому человеку: матушка всегда говорила, что это нехорошо, и что скромная молодая девушка не позволяет себе этого. Пусть бы даже Скорый Гэрри на коленях передо мною вымаливал это свидание, я не соглашусь: матушка говорила, что это нехорошо...

Говоря таким образом, она скоро пришла к тому месту, где в береговой извилине за кустарниками была скрыта от глаз часовых лодка, которую нельзя было увидеть здесь даже среди белого дня.

— Юдифь! — крикнула Гэтти. — Вот я здесь, и возле меня никого нет.

Ответный возглас донесся с воды, и в ту же минуту к берегу подъехала лодка. Гэтти поспешила сесть, и Юдифь ловким движением весел сразу отчалила от берега на несколько саженей. Вначале обе сестры не говорили ни слова. Легкий челнок, управляемый искусною рукою, быстро уносился вперед, к ковчегу. Наконец Юдифь заговорила первая:

— Здесь мы совершенно в безопасности, Гэтти, и с берега никто нас не услышит. Надо, однако, говорить как можно тише, потому что звуки разносятся далеко в безмолвии ночи. Плавая здесь, возле берега, я ясно слышала голоса ирокезов и распознала звуки твоих шагов прежде, чем ты начала говорить.

— Мне кажется, Юдифь, гуроны не подозревают, что я ушла от них.

— Очень может быть! Видела ли ты Зверобоя? Говорила ли ты, с ним?

— Да, и видела, и говорила. Он сидит возле огня со связанными ногами, хотя руки его оставлены на воле, и он мог ими делать все, что хотел.

— Ну, так рассказывай скорей, что он тебе говорил. Говорила ли ты, что это я послала тебя к нему? — сказала Юдифь с живейшим нетерпением. — Рассказывала ли, как я огорчена его несчастьем?

— Кажется, что рассказывала, Юдифь; но ведь ты знаешь, я глупа и легко могла забыть. А вот он рассказывал мне такие вещи, которых забыть нельзя, потому что кровь застывала в моих жилах, когда я его слушала. Он поручил мне сказать, чтобы все его друзья... а ведь и ты, я полагаю, принадлежишь к числу его друзей, сестрица?

— Что тебе за охота мучить меня, Гэтти? Разумеется, я самый искренний его друг!

— Мучить тебя, сестрица? С чего это ты взяла? Нет, я не хочу тебя мучить... А вот это слово напомнило мне все, что говорил Зверобой. Дикие, видишь ли ты, собираются его мучить, но он постарается перенести все эти муки: этого, говорил он, бояться нечего.

— Как! — вскричала Юдифь, с трудом переводя дух. — Неужели Зверобой в самом деле говорил тебе, что дикари станут его пытаться? Ведь это ужасно, Гэтти; подумай об этом хорошенько!

— Думать здесь нечего! Зверобой говорил без обиняков, что его станут мучить. Я ужасно огорчилась за него, а он, когда говорил, был удивительно спокоен. Зверобой совсем не так хорош, как Скорый Гэрри, но только он гораздо спокойнее его.

— Миллионы этих Гэрри не стоят одного Зверобоя, и он бесконечно выше всех молодых людей, приезжавших на эти берега! — вскричала Юдифь с необыкновенным жаром. — Зверобой правдив, как истина, и сердце его не создано для лжи. Ты, Гэтти, не можешь понять, что такое правдивость в мужчине, но, может-быть, придет пора... нет, нет! Никогда тебе не узнать всех этих вещей!

Юдифь глубоко вздохнула и закрыла свое лицо обеими руками. Но этот припадок слабости продолжался не больше минуты, и она могла спокойно рассуждать с своей сестрой, хотя голос ее сделался глухим и тихим.

— Тяжело бояться правды, милая Гэтти, — сказала она, — и все же сознаюсь, что Зверобой пугает меня больше, чем какой-нибудь враг. Правдивость и честность олицетворились в этом человеке до степени совершенства. Но ведь все же нельзя, сестрица, я думаю, сказать, что мы вовсе не похожи друг на друга. Неужели Зверобой во всех отношениях выше меня?

Первый раз в жизни Юдифь спросила мнение у младшей сестры, и в первый раз в жизни она назвала ее сестрицей. При всем простодушии Гэтти слишком хорошо заметила эту

неожиданную благосклонность, и ответ ее произнесен был с необыкновенным одушевлением:

— Как могла ты подумать, Юдифь, что этот охотник может равняться с тобою? В чем же, например? У тебя была мать, прекрасная мать, а он не умеет даже читать. Разве наша матушка не превосходила всех женщин на свете? О, нет, даже со мною, я полагаю, не сравняется этот охотник; а про тебя и говорить нечего. Ты прекрасна, он безобразен; ты...

— Нет, Гэтти, нет! Зверобой вовсе не безобразен! Скажи лучше: у него обыкновенные черты лица, но они выражают честность, которая лучше всякой красоты. В моих глазах Зверобой гораздо красивее Генриха Марча.

— Что с тобою, Юдифь? Я тебя совершенно не понимаю. Генрих Марч самый красивый мужчина в целом свете. Он даже красивее тебя, сестрица.

— Какой вздор! Лучше замолчи, Гэтти: ты слишком глупа, чтобы судить об этих вещах. Между крепостными офицерами много мужчин гораздо красивее этого Торопыги. Но в чем и как я могу сравняться с Зверобоем? Вот об этом-то скажи мне откровенно. Мне очень неприятно видеть твое пристрастие к Скорому Гэрри, у которого нет ни совести, ни чувства, ни стыда. Ты слишком добра к нему, и это следует высказать ему хоть раз.

— Как это, Юдифь? Я тебя не понимаю. Ведь уж это всем известно, что я слабоумна, да и не красавица.

— У тебя добрейшее сердце, милая Гэтти, а у Скорого Гэрри нет сердца. Он красив, высок, статен, но нет у него никакой души. Но довольно об этом. Пожалуйста, скажи мне: в чем я могу равняться с Зверобоем?

— Странно, что ты об этом спрашиваешь меня, Юдифь! Подумай сама хорошенько и увидишь, что ты гораздо выше его. Ты умеешь читать, а он не умеет. Ты говоришь прекрасно, а он даже хуже Генриха Марча. Ведь ты, разумеется, заметила, что Гэрри произносит слова очень неправильно?

— Как не заметить! Генрих Марч неотесан и груб во всех отношениях. Но ты, кажется, мне льстишь, сестрица, если уверяешь, что меня по всей справедливости можно сравнить с Зверобоем. Правда, я недурна собой и получила порядочное воспитание, но его беспримерная правдивость, по моему мнению, создает огромную разницу между нами! Ну, ладно! Оставим этот вопрос и подумаем о способах выручить Зверобоя из рук гуронов. Большой сундук теперь в ковчеге, и, вероятно, там найдутся слоны, которые соблазнят этих дикарей. Впрочем, безделкой едва ли выкупишь свободу такого человека, как Зверобой. К тому же я крайне сомневаюсь, что батюшка и Генрих Марч дадут на это свое согласие.

— Нечему же нет? Зверобой и Гэрри друзья между собой, а ведь известно, что приятели всегда помогают друг другу.

— Как же ты мало знаешь людей, бедная Гэтти! Мнимые друзья бывают иной раз страшнее всякого врага, особенно для женщин! Завтра ты поутру опять воротишься в лагерь и узнаешь подробнее, что можно для него сделать. Пока живет на свете Юдифь Гуттер, Зверобоя не станут мучить!

Юдифь отлично управляла челноком и, несмотря на непроницаемый мрак, не боялась сбиться с дороги. Но на этот раз ее поиски были безуспешны, и обе сестры к величайшему сожалению должны были убедиться, что пловучий дом переехал куда-то на другое место.

— Что ж это такое, Гэтти? — с изумлением и досадой спросила Юдифь после бесполезных поисков. — Быть не может, чтоб индейцы в этот час произвели нападение на своем неуклюжем плоту и овладели нашими друзьями, когда они спали.

— Я не думаю, — отвечала Тэтой, — чтобы Чингачгук и Вахта могли так скоро заснуть после такой продолжительной разлуки. Им есть о чем поговорить.

— Разумеется, но ведь мысли Чингачгука теперь далеки от всяких военных действий, и его, пожалуй, всего легче застигнуть врасплох. Но, во всяком случае, мы могли бы здесь услышать шум: крик и ругательства Скорого Гэрри в эту тихую ночь, без сомнения, раздавались бы по всему озеру.

— Да, сестрица, Генрих Марч слишком необдуман в своих словах, — кротко заметила

Гэтти.

— Не в этом теперь дело, моя милая! Ирокезы не могли произвести нападения без всякого шума, и прошел только час, как я оставила ковчег. Малейший звук мог бы достичь моих ушей. Что же заставило отца оставить нас на произвол судьбы?

— Может-быть, он подумал, что мы спим в своей комнате, и спокойно воротился в замок. Ведь не в первый раз ковчегу плавать по воде в ночное время.

— С этим легко согласиться, Гэтти. Недавно подул южный ветер, и они, быть-может...

Прежде чем Юдифь окончила свою фразу, свет, подобно блеску молнии, мгновенно озарил воду и лес. Раздался ружейный выстрел, и горное эхо на восточном берегу повторило этот звук. Почти в ту же минуту раздался протяжный и мучительный крик, вырвавшийся, очевидно, из женской груди. Еще минута — и смолкло все, но эта могильная тишина сделалась на этот раз страшнее самого крика. Бедная Гэтти закрыла лицо обеими руками, и дрожь пробежала по всему ее телу. Юдифь, несмотря на свою природную неустрашимость, едва переводила дух.

— Крик женщины, болезненный, предсмертный крик! — воскликнула она. — Если ковчег снялся с якоря, ветер, без сомнения, погнал его на север, а ружейный выстрел и крик раздаются с мыса. Не случилось ли чего с Вахтой?

— Поспешим же к ней на помощь, Юдифь, и чем скорее, тем лучше! На ковчеге одни только мужчины.

Медлить было нечего. Прежде чем Гэтти высказала свой совет, Юдифь уже гребла изо всех сил, и легкий челнок быстро подвигался вперед по ровной поверхности воды. Вскоре яркий свет ослепил глаза обеих сестер, когда они начали приближаться к берегу. Все внимание их обратилось теперь на сцену, происходившую в лесу. Весь ирокезский лагерь сгруппировался около одного пункта. Семь или восемь идейцев несли сосновые факелы. Возле дерева, прислонившись к нему спиной и поддерживаемая часовым, сидела молодая индеанка, очевидно, та самая, которую ожидали на свидание. Кровь бежала из ее груди, и судороги уже предвещали смерть. Не было никакого сомнения, что она сделалась несчастной жертвой ружейного выстрела. Вдруг Юдифь поняла и сообразила все. Выстрел, очевидно, должен был раздаться с ковчег, когда тот проходил мимо берега, и причиной его было, без сомнения, неосторожное восклицание или шорох в кустарнике, потому что стрелявший при глубокой тьме не мог на этом расстоянии видеть самый предмет.

Между тем голова несчастной девушки упала на грудь, тело вытянулось, и по всему было видно, что она умерла. Юдифь затрепетала и судорожно ухватилась за весла. При ярком свете факелов она ясно различила Зверобоя. Тот стоял возле умирающей, склонив голову и скрестив руки на груди: все черты лица его выражали сострадание и стыд. Он не обнаруживал никакого беспокойства, но ирокезы бросали на него свирепые взгляды. Вся эта сцена глубоко запечатлелась в сознании Юдифи.

Сестры не нашли возле мыса никаких следов ковчег. Тишина и мрак царствовали повсюду, как-будто никто и ничем не нарушал безмолвия лесов. Все было спокойно: вода и деревья, земля и небо. Молодые девушки, потеряв надежду отыскать пловучий дом, выехали на середину озера. Здесь они были в совершенной безопасности. Юдифь бросила весла, и легкий челнок поплыл к северу по направлению ветра. Обе сестры легли на дно лодки и забылись на несколько часов от тревог и волнений этого дня.

Глава XIX

Юдифь угадала, каким образом могла быть убита молодая индеанка. Старик Гуттер и Генрих Марч проснулись спустя несколько минут после того, как она отправилась из ковчег за своей сестрой. Чингачук сообщил все подробности относительно индейского лагеря и

объяснил, почему не было на ковчеге обеих дочерей. Последнее обстоятельство несколько не беспокоило Гуттера: он знал проницательный ум и сметливость своей старшей дочери и, с другой стороны, был убежден в том, что минги не сделают никакого вреда слабоумной Гэтти. Притом его чувства вообще уже давно притупились от продолжительной привычки ко всякого рода опасностям. О Зверобое, повидимому, он жалел очень мало, так как между ними при совершенном различии в образе мыслей никогда не могло быть дружеских отношений. Сообщения об индейском лагере, без сомнения, привели бы его в восторг, если бы они ему были сообщены раньше похищения Вахты. Теперь же он ясно видел опасность новых покушений и с сожалением должен был на эту ночь отказаться от них. С такими мыслями он вышел на переднюю часть парома, где ожидал его Скорый Гэрри. Чингачгук и Вахта остались позади.

— Зверобой, чорт побери, глупее всякого ребенка, — заворчал старик. — Он забрался один-одинешенек к этим дикарям и попал в их западню, как лань. Не на кого жаловаться, если он своей шкурой поплатится за эту бессмысленную дерзость.

— Вот так-то и всегда бывает на свете, старый Том, — отвечал Гэрри. — Каждый обязан платить свои долги и отвечать за свои грехи. Странно, однако, что такой ловкий и проворный малый попался в западню, как глупая крыса. До сих пор, признаюсь, я был лучшего мнения об его уме. Что же делать? Надо быть снисходительным к невежеству новичка. А куда запропастились твои дочери, старичина? Я обегал весь ковчег и не нашел ни одной.

Гуттер в коротких словах рассказывал все, что проведал от Чингачгука о своих дочерях.

— Вот тебе и праздник из-за этой глупой девчонки! — вскрикнул Марч, заскрежетав зубами. — Я тебе давно говорил, что надо за нею смотреть в оба. Вот, когда мы с тобой были в плену у этих скотов, ей не мешало бы в ту пору о нас вспомнить. Однако, красотка Юдифь не пошевелила пальцем для нашего спасения. Я готов присягнуть, чорт побери, что она с ума сходит от этого Зверобоя, хотя он и безобразен, как скелет! Смотри, дядя Том: я не позволю издеваться над собой, как над бессмысленным болваном, и ни за что не снесу такой обиды. Однако, пора, я думаю, сняться с якоря и подъехать поближе к этому мысу. Посмотрим, что там делается.

Гуттер не возражал. В одну минуту якорь был поднят, парус распущен, и ковчег при попутном северном ветре подъехал к мысу, так что можно было рассмотреть мрачный контур окаймлявших берег деревьев. Однако, при всей зоркости привычного глаза нельзя было разглядеть ни малейшего предмета в тени на берегу. К несчастью, в эту минуту молодой часовой приметил контур паруса и верхушку каюты. Невольное восклицание вырвалось из его груди, и в то же мгновение Скорый Гэрри спустил курок своего ружья. Пуля, пущенная наудачу, попала в грудь молодой индейки.

В тот момент, как Гэрри сделал этот необдуманый выстрел, лодка Юдифи была от ковчега футов на сто. Крик раненой индейки обнаружил результаты выстрела, и Гэрри понял, что его жертвою сделалась женщина. Он захохотал, как сумасшедший, но в то же время устыдился своего бесполезного злодейства. Гуттер был очень недоволен и бормотал про себя упреки неосторожному товарищу. Выгоды от этого убийства не было никакой, и, вдобавок, казалось очевидным, что война примет теперь самый мстительный характер. Чингачгук быстро вскочил с своего места. Его красная кровь разыгралась, и он готов был мстить за смерть одноплемянницы. Но он тотчас же опомнился и угрюмо занял прежнее место. Не так поступила Вахта. Она бросилась с кормы ковчега, перебежала каюту и, очутившись возле убийцы, проговорила с необыкновенным воодушевлением:

— Зачем стрелять? Что тебе сделала гуронка? За что ты ее убил? Что станут делать гуроны? Какая тебе честь и слава? Ты не сражался, не сдирал волос, никого не взял в плен, ничего ты не выиграл. Кровь, еще кровь! Что, если бы так убили мать или сестру? Жесток ты, белый человек, и нет в тебе души! Ты велик, как сосна, гуронка мала, как береза! Зачем большому дереву сокрушать гибкую трость? И, ты думаешь, гурон забудет это? Нет,

краснокожий ничего не забывает. Помнит он друга, помнит и недруга.

Первый раз в жизни Скорому Гэрри заглушённая совесть пропела весьма неприятную песнь. Он ничего не ответил на гневную речь краснокожей девушки и удалился с видом человека, который не хочет вступать с женщиною в бесполезный спор.

Между тем ковчег подвигался вперед, и когда факелы запылали под деревьями, он был уже далеко. Прошел час в глубоком молчании, и никто не чувствовал желания начинать разговор. Вахта бросилась на постель в каюте. Чингачгук заснул на передней части парома. Лишь Гуттер и Генрих Марч бодрствовали, управляя ковчегом. Была тихая, спокойная ночь, хотя густые облака загромождали горизонт.

Начинало светать. Гуттер поворотил нос ковчега к замку с решительным намерением провести в нем по крайней мере еще один день, Чингачгук уже встал, Вахта хлопотала около кухонной посуды. Дул попутный ветер, и можно было надеяться, что скоро ковчег сам собою подплывет к замку. В эту минуту в самой широкой, части озера увидели лодку Юдифи. Гуттер вооружился подзорной трубой и скоро убедился, что его дочери спокойно спят на дне лодки. Радостное восклицание невольно вырвалось из его груди, но тотчас же он опять принял угрюмый вид, как-будто ничего особенного не случилось. Спустя минуту Юдифь встала, и отец ее видел, как она оглядывалась вокруг, выясняя свое положение. Еще минута — и на другом конце лодки появилась Гэтти. Затем подзорная труба перешла в руки Чингачгука, еще не знакомого с этим инструментом. Когда он приставил ее к своему глазу, изумление и восторг ярко отразились на его красном лице. Однако, как осторожный и гордый воин, он сумел победить в себе эти чувства и притворился хладнокровным. Зато Вахта, когда оптический инструмент был приставлен к ее глазу, предалась наивному и самому необузданному восторгу; она засмеялась, запрыгала и захлопала руками в одно и то же время, пораженная таким явлением, которое ей не грезилось и во сне. В несколько минут красная девушка выучилась отлично владеть «чудным» инструментом и попеременно со своим женихом осматривала озеро, горы, берега до тех пор, пока, наконец, их исключительное внимание не остановилось на замке. Когда подъехали они к этому жилищу Канадского Бобра, Чингачгук оставил свою возлюбленную и с озабоченным видом подошел к белым людям, находившимся на корме парома.

— Ну, красная кожа, говори, что у тебя на уме! — вскричал нетерпеливый Гэрри. — Белку, что ли, ты увидел на дереве или жирную форель под ковчегом? Вот теперь ты на опыте узнал, что может сделать белый человек из своих глаз, и перестанешь удивляться, отчего мы издалека видим индейские земли.

— Не надо ходить к замку, — сказал Чингачгук выразительным тоном. — Гурон там.

— Вот тебе и новость, старичина Том! Стало-быть, опять нас с тобою ожидает западня. Гурон там! Мудреного нет ничего, и я, пожалуй, не прочь от этой догадки. А, впрочем, что ж такое? Замок перед нами: я смотрю во все глаза и не вижу ничего, кроме свай, столбов, коры, воды и закрытых окон.

Гуттер вооружился трубою и, осмотрев замок, решительно объявил, что не согласен с мнением могикана.

— Ну, стало-быть, ты ухватил трубу не за тот конец, делавар, — сказал Генрих Марч. — Я и старик Том не открываем никаких следов.

— На воде не бывает следов! — вскричала Вахта с одушевлением. — Остановить судно — и ни шагу дальше. Гурон там!

— Наладили одно и то же, да и все тут! Так вот вам и поверят! Надеюсь, могикан, когда ты женишься на своей любезной, между вами всегда будет такое же согласие. Где же этот гурон, чорт бы его побрал! Неужто прицепился к замку, завяз в трещине или повис на сваях? Во всей колонии нет тюрьмы крепче и надежнее этого логовища Канадского Бобра; ну, а уж насчет тюрем-то я большой знаток, было бы вам известно.

— Не видишь мокасина? — вскричала Вахта с одушевлением. — Зачем не смотришь? Легко его видеть.

— Дай-ка сюда трубу, Гэрри, и опусти покамест парус, — сказал старик Гуттер. — Индеанка не без причины вмешалась в этот разговор. Ну, да, я в самом деле вижу мокасина на воде возле палисада, и это, пожалуй, верный признак, что дикари гостили без нас в моем замке. Впрочем, и то сказать: мокасины не большая редкость; я сам ношу их, носит и Зверобой. Гэтти тоже иногда надевает мокасины вместо башмаков. Одна только Юдифь презирает эту обувь.

В самом деле, множество предположений могло возникнуть относительно появления этого мокасина. Быть-может, его обронили как-нибудь при переправе из замка на ковчег, или он сам собою приплыл с берега по направлению ветра, или бросил его тут индейский шпион, посланный для дозора.

Во всяком случае, старик Гуттер вовсе не радовался этой находке, тогда как Гэрри по обычной беззаботности не придавал ей никакого значения. Могикан объявил, что мокасина этот, по крайней мере, так же подозрителен, как неизвестный след, отысканный в лесу. Чтоб разом порешить все недоумения, Вахта вызвалась съездить за ним на лодке, чтоб потом сообща решить, ирокезский он или нет. Белые охотники приняли это предложение, но Чингачгук решительно воспротивился ему и объявил, что не девушка, а испытанный воин должен пуститься на это предприятие, если все признают его необходимым.

— Ну, так ступай сам, могикан, если ты слишком трусишь за свою возлюбленную, — сказал Генрих Марч. — Надо непременно достать этот мокасина, иначе старый Том уморит нас голодом на этом проклятом судне. И неужели заправский охотник испугается какой-нибудь оленьей шкуры, выделанной для ноги дикаря? Какой вздор! Решай скорее, Чингачгук, кому из нас прокатиться на лодке.

— Красный человек в поход. Его глаза быстрее бледнолицых. Понимает лучше хитрости гуронов.

— С этим я не соглашусь никогда, чорт побери! Уши, глаза и нос белого человека лучше в тысячу раз, чем у индейца, когда дело идет о тайных дозорах. Впрочем, ступай, если хочешь, удерживать не стану: окажи нам эту собачью услугу.

Не говоря ни слова, Чингачгук сел в лодку и отчалил от ковчега к величайшему огорчению своей невесты. Осторожность могикана отнюдь не могла быть неуместною при настоящих условиях. Если неприятель в самом деле засел в замке, делавару приходилось ехать некоторым образом под дулами вражеских карабинов, не имея никакого прикрытия, необходимого во всякой войне. Словом, предприятие было чрезвычайно опасно, и если бы Чингачгук был немного поопытнее в военном деле, или если бы с ним был друг его, Зверобой, он никогда не отважился бы на такую опасность, потому что ожидаемые выгоды были слишком несоразмерны с очевидным риском. Но гордость индейского воина соединилась на этот раз с соперничеством против белой расы и вдобавок его увлекла лестная надежда, что милое создание будет любоваться его величественной осанкой.

Подъезжая к палисадам, Чингачгук не отрывал глаз от слуховых окон, пробитых в стенах замка. Каждую минуту ожидал он, что увидит ружейные дула или услышит выстрелы. Однако, он доехал до самых свай без всяких приключений. Здесь он был до некоторой степени в безопасности, потому что мог в случае нужды укрыться между палисадами. Мокасина уже находился от него в нескольких шагах, но вместо того, чтобы его подобрать, он решил обогнуть замок, намереваясь осмотреть все пункты, где неприятель мог укрыться. Ничто, однако, не подтверждало его подозрений. Молчание царствовало повсюду в оставленном доме; все двери были заперты, все окна заколочены. Самый проницательный и опытный глаз не открыл бы здесь присутствия врагов, если бы не этот оставленный мокасина.

Чингачгук не знал, что делать. Подъехав ко входу в замок, он хотел сначала взойти на платформу и приставить глаз к отверстию слухового окна, но рассудил, что это не поведет к

доброе, и, постояв немного на одном месте, поехал опять к палисаду. Наконец он подобрал одним из весел мокассин и благополучно воротился в ковчег, где с величайшим нетерпением ожидала его Вахта.

— Ну, что, Великий Змей, какие новости ты привез нам от канадских бобров? — спросил Генрих Марч. — Видел ли ты их зубы, когда объезжал вокруг этого дома?

— Все спокойно и тихо. Ни гу-гу!

— И прекрасно. Значит, старый Том распустил парус, и мы завтракаем в его доме. Что же стало с мокассином?

— Вот он, — отвечал Чингачгук, показывая товарищам свою добычу.

Когда осмотрели мокассин, Вахта начала утверждать решительным тоном, что эта обувь принадлежала гурону. Гуттер и могикиан немедленно согласились с ее мнением. Это, однако, отнюдь не было доказательством, что гуроны действительно засели в замке, так как мокассин мог быть оставлен шпионом, который, исполнив свое дело, воротился в ирокезский лагерь.

При таких обстоятельствах Гуттер и Скорый Гэрри без дальнейших околичностей решились выполнить свое намерение. Снова распустили парус, и ковчег поплыл к замку. Повсюду царствовало мертвое молчание, и казалось по всему, что в этих стенах не было ни одной живой души. Гэрри вскочил на платформу и объявил хвастливо, что он готов теперь смеяться над всем племенем гуронов.

— Ну, старичина Том, — вскричал Генрих Марч, — твой дом пустехонек, как орех, который за полчаса перед этим побывал в зубах у белки, с чем тебя и поздравляю. Взбирайся смело на платформу, и еще разок мы попируем здесь на славу. Только твоя дочка, чорт побери, совсем отбивается от рук. Если и впредь дела пойдут не лучше, я брошу тебя одного на произвол этих ирокезов, и управляйся с ними, как умеешь.

Отворив наружную дверь, старик Гуттер и Генрих Марч вошли в комнаты замка, оставив своих спутников в ковчеге. С минуту продолжалась глубокая тишина, потом послышался шум, произведенный падением какого-то тяжелого тела. Раздались громкие ругательства Гэрри. Все смешалось и потонуло в общей свалке, происходившей внутри здания. Внезапный шум походил на рычание тигров, запертых в одной и той же клетке и раздирающих друг друга. Чингачгук не знал, что делать. Все ружья хранились в ковчеге, так как Гуттер и Генрих Марч отправились без карабинов, но он не мог ни воспользоваться ими, ни передать их своим товарищам. Сражавшиеся в буквальном смысле были посажены в клетку, и для них не было никакой возможности вырваться на свежий воздух. С другой стороны, Вахта стесняла все движения могикиана и мешала ему делать, что он хотел. Чтобы выпутаться из этого затруднения, он велел ей взять оставшуюся лодку и присоединиться к дочерям Гуттера, которые подплывали ближе и ближе к ковчегу, не подозревая никакой опасности. Но Вахта отказалась наотрез от исполнения воли своего возлюбленного, и разве только одни побои могли в эту минуту столкнуть ее с ковчега. Не видя никакой возможности помочь своим друзьям, Чингачгук принужден был отчалить от платформы, и, употребив огромное усилие, он отъехал на несколько сажений. Юдифь и Гэтти догадались, что дело скверно, и остановились на своем челноке недалеко от ковчега.

В замке продолжалась борьба на жизнь и смерть. Прошло не более трех минут от начала борьбы и первого крика Гэрри, но в этот короткий промежуток разъяренные противники, очевидно, ослабели, и шум от их движений почти совсем заглох. Наконец отворилась наружная дверь, и борьба с новой силой и ожесточением возобновилась на платформе при ярком блеске солнца.

Дверь отворил гурон, за ним стремительно выскочили на свежий воздух трое его товарищей. В ту же минуту с ужасной силой было выброшено на платформу тело еще другого дикаря. Затем появился Марч, неистовый, как тигр, освободившийся на минуту от

преследования своих многочисленных врагов. Гуттер был уже в плену, и его скрутили по рукам и ногам. Последовала пауза, подобная минутной тишине перед бурей. Противники, имевшие одинаковую нужду в передышке, смотрели друг на друга, как борзые собаки, дожидавшиеся первого сигнала, чтобы начать свою драку.

Глава XX

Во время своих визитов в замок Канадского Бобра Райвенук и особенно его товарищ, занятый, казалось, исключительно управлением неуклюжим плотом, все высмотрели с величайшим вниманием. Даже молодой воин, сопровождавший Гэтти, принес в лагерь самые мельчайшие и детальные сведения. Получив таким образом общее понятие об устройстве и укреплении замка, гуроны могли уже ночью успешно привести в исполнение свой план. Когда Гуттер перебирался на ковчег, шпионы, поставленные на обоих берегах с севера и юга, наблюдали все его движения. С наступлением ночи выступили для дальнейших разведок два ирокезских плота, и один из них проехал почти мимо ковчега, так, однако, что никто не мог его заметить. Встретившись перед замком, индейцы сообщили друг другу свои наблюдения и немедленно прокрались в самое здание, где, само собою разумеется, не нашли ни одной души. Затем оба плота были отправлены к берегу с тем, чтобы привести на подмогу других ирокезов, заранее приготовленных для этой экспедиции. Два человека, оставшиеся на платформе, взобрались на кровлю здания и, отодвинув кору, пробили без всякого труда широкое отверстие на чердак, а оттуда во внутрь жилища. Здесь-то, в этом чердаке, скрылись и другие индейцы, не замедлившие приехать к своим товарищам. Их было восемь отборных воинов, горевших желанием грабежа и драки. Все они были вооружены и все повиновались вождю, который приехал вместе с ними. По его приказанию плот удалился снова, отверстие на потолке было заделано, и снаружи никакой глаз не мог проведать об их засаде. Устроив все как следует, гуроны спокойно легли спать с твердым намерением схватиться на другой день с оплошавшим врагом. Их надежды оправдались гораздо скорее, чем можно было думать. С рассветом появился перед замком ковчег, и все по распоряжению вождя приготовились к упорной схватке, которая и началась тотчас же, как только Гуттер и Генрих Марч переступили порог наружной двери.

Привыкнув ко всем приемам кулачных боев, распространявшихся в ту эпоху по всем владениям колонистов, Скорый Гэрри, независимо от своей гигантской силы, получил в этой борьбе очевидный перевес над своими многочисленными врагами. Индейцы отнюдь не отличаются ловкостью в гимнастических упражнениях, и неповоротливость их была на этот раз единственной причиной продолжительности сражения. Никто до этой поры не получил опасных ран, хотя некоторые хромали, и один из индейцев, выброшенный за дверь могучею рукою своего противника, лежал ничком на платформе. Сам Генрих Марч был изрядно помят и собирался с духом.

Перемирие при подобных обстоятельствах, разумеется, не могло быть продолжительным. Гэрри первый с ужасною яростью начал атаку, и все на первый раз расступилось перед ним. Он схватил поперек ближайшего гурона, приподнял его, как ребенка, и бросил в воду. Через полминуты двое других товарищей последовали за ним, и один из них, падая в озеро, был жестоко изранен. Оставалось только четверо индейцев, и с ними Генрих Марч надеялся управиться без труда.

— Ур-ра, старый Том! — закричал он богатырским голосом. — Дикари падают в воду один за другим. Скоро я всех их отправлю на съедение шукам!

Произнося эти слова, он со всего размаха ударил в висок еще одного индейца, который, падая в воду, уцепился за своего товарища, стоявшего на краю платформы. Гэрри дал тому пинка в живот и тем отделался от двух противников. Оставались только два еще не принимавшие участия в битве противника, но один из них, исполин силою и ростом, был опытный воин во всем племени гуронов, и мышцы его укрепились в многочисленных битвах. Этот человек в совершенстве взвесил силы своего гигантского противника и

определил заранее способ борьбы с ним. На нем не было никакого платья, кроме широкого пояса на бедрах, и эта экипировка была как нельзя лучше приспособлена к рукопашной свалке. Не медля ни минуты, Генрих Марч бросился с обычным своим ожесточением на него и употребил все усилия, чтобы столкнуть его в озеро. Завязалась борьба, страшная, отчаянная борьба двух богатырей, не уступавших один другому ни в ловкости, ни в силе. Схватив противника одною рукою за плечо, другою за горло, Генрих Марч в то же время старался дать ему пинка в живот. Ирокез, в свою очередь уцепившись за платье Гэрри, высвободил свои ноги с удивительным проворством и обезопасил себя от этого рокового удара. Взбешенный неудачей Скорый Гэрри, напрягши все усилия, нанес страшный удар в грудь своего противника, и тот, отскочив на несколько шагов, ударился спиною и затылком о толстые бревна, образовавшие стену замка. Ошеломленный этим ударом индеец испустил глухой стон и как раненый тигр ринулся опять на белого человека. Гэрри схватил его за пояс, приподнял с земли и бросил на пол. Этот новый удар окончательно истощил силы ирокеза. Гэрри схватился обеими руками за шею своей жертвы и начал ее душить с отчаянным остервенением. Глаза индейца выкатились из орбит, язык его высунулся изо рта во всю длину, а раздувшиеся ноздри, казалось, готовы были разорваться. В эту минуту с необыкновенною ловкостью был закинут аркан на шею самого Гэрри, и в то же мгновение другая веревка притянула к спине его локти с такой силой, что он принужден был отскочить от своей жертвы. Но, сделав один только прыжок, он почувствовал, что третьей веревкой стягивают его ноги. Не было никаких средств защищаться, и прежде чем он пришел в себя, его тело, как толстый обрубок, уже катилось на середину платформы. Его противник не сразу оправился от своего поражения и в первые минуты лежал на платформе, не обнаруживая никаких признаков жизни. Мало-по-малу, однако, он поднялся кое-как на ноги и зашатался, как пьяный, переходя платформу. Эта жестокая схватка должна была остаться памятной для него на всю жизнь.

Генрих Марч обязан был своим поражением той горячности, с какою он сосредоточил все свои мысли на опасном противнике. Пока он боролся с ним, двое индейцев, брошенных в озеро, вскарабкались кое-как на платформу и, соединившись с товарищем, не принимавшим никакого участия в битве, приготовили на скорую руку веревки и опутали ими белого богатыря. Положение мгновенно изменилось. Гэрри Марч, уже готовый одержать блестящую победу, которая прославила бы его по всей этой местности из рода в род, был теперь в плену, связанный и лишенный всякой надежды на спасение. Гуроны, пораженные его необыкновенной силой, смотрели на него с уважением и страхом даже теперь, когда он лежал перед ними, бессильный, как баран, обреченный на заклятие. Трупы остальных индейцев, брошенных в озеро рукою белого, всплыли теперь на поверхность воды недалеко от платформы, и это обстоятельство еще более увеличило общий ужас.

Чингачгук и Вахта видели с ковчега все подробности этой отчаянной борьбы. Когда гуроны делали петли на веревках, чтоб опутать Гэрри, могикиан схватил свой карабин, но прежде чем он успел выстрелить, жертва была уже связана. Он мог, правда, убить одного индейца, но, не надеясь завладеть его скальпом, удержался от бесполезного убийства. Не видя никакой возможности спасти своих товарищей, Чингачгук уже хотел было пересечь с ковчега в лодку, доплыть до гор на восточном берегу и отправиться без оглядки в делаварские деревни, но дальнейшие соображения удержали его от этой неблагоприятной меры. Во-первых, можно было наверняка предположить, что гуроны расставили шпионов на обоих берегах, и, стало-быть, побег могикиана с его невестой был бы замечен; во-вторых, Чингачгук не хотел оставить в беде своего искреннего друга, Зверобоя. Вахта со своей стороны принимала такое же участие в дочерях Пловучего Тома. Их лодка после прекращения борьбы на платформе находилась от ковчега в пятидесяти ярдах, и Юдифь перестала грести, когда узнала о борьбе. Обе сестры, стоя на ногах, старались понять, в чем дело; но все подробности на таком расстоянии не могли быть им известны. Следовало как-нибудь заманить их в ковчег, где, по крайней мере, они были бы в безопасности. Вахта появилась на корме парома, начала махать рукою и делать энергичные жесты, приглашая

сестер к ковчегу, но все было бесполезно. Они не узнали Вахты и не понимали истинного значения ее жестов. Не имея никакого понятия о положении вещей, Юдифь удалилась от ковчега еще более на север, то-есть на самую широкую часть озера, откуда в случае надобности было удобнее спастись бегством.

Не теряя времени, Чингачгук распустил парус, чтобы уйти на безопасное расстояние от замка. К несчастью, ветер совершенно затих, ковчег не двигался с места, а между тем распущенный парус обратил на себя внимание гуронов. Подвергаясь таким образом неминуемой опасности, Чингачгук поспешил со своей невестой войти в каюту и приготовить свои карабины.

В конце концов ковчег вместо того, чтобы двигаться вперед, подвинулся к палисадам и завяз переднюю часть парома между двумя сваями. В эту минуту Чингачгук, выглядывая из каюты, приготовил свой карабин, а гуроны, удалившись в комнаты замка, отыскивали там свое оружие. Израненный воин, совсем забытый при этой суматохе, остался на платформе, прислонившись спиной к стене. Гэрри, связанный, как баран, ожидающий ножа мясника, валялся посреди платформы. Чингачгук мог бы уже двадцать раз убить обессиленного ирокеза, но опять не сделал этого, не имея возможности завладеть его скальпом.

— Послушай, Змей, если ты действительно Змей! — вскричал Генрих Марч среди бессильных проклятий. — Выдерни один кол из палисада, и ковчег сам собою поплывет вперед; а потом потрудись, пожалуйста, доконать этого пучеглазого скота!

Эта речь произвела только то действие, что привлекла внимание Вахты на положение Генриха Марча. Выставив свою голову в отверстие каюты, она быстро сообразила весь ход дела и сказала тихим, но внятным голосом:

— Отчего же ты не прикатишься сюда и не упадешь на паром? Чингачгук убьет гулона, если тот побежит вдогонку.

— А ведь это чудесная мысль, чорт побери! — воскликнул обрадованный Гэрри. — Вот я сейчас же и попробую. Только не мешало бы парому еще подъехать поближе. Брось тюфяк на место, где я должен упасть.

Лишь только он кончил эти слова, гуроны, наскучив ожиданием, сделали залп по ковчегу, но никто не был ранен, хотя несколько пуль проскочило через отверстие в каюту. В это время нос ковчега начал мало-по-малу высвобождаться из-за кольев, тогда как корма его ближе подвинулась к платформе. Гэрри, следивший за каждой переменной в положении пловучего дома, начал приводить в исполнение свой смелый план и, несмотря на ужасную боль, покатился на край платформы. Попытка отчаянная, но в ней, и только в ней одной скрывалось единственное средство освободиться от неминуемой пытки. К несчастью, при этой операции связанный Марч описал не совсем правильную линию, и его тело вместо того, чтобы попасть на паром, бухнулось в воду. Но Вахта предвидела этот случай и заранее позаботилась о спасении Гэрри. Лишь только прекратились ружейные залпы, возобновившиеся при падении Гэрри, она быстро выбежала, на палубу парома и бросила в озеро длинную веревку, которая упала на грудь и шею Марча, так что он ухватился за нее и руками, и зубами. Взятый таким образом на буксир, он, как отличный пловец, безопасно мог проплыть больше мили за ковчегом, который тем временем успел сдвинуться с места и при попутном ветре пошел вперед.

Занятые исключительно намерением убить могикана, ирокезы до этого времени не обращали никакого внимания на связанного пленника в твердой уверенности, что ему физически невозможно вырваться из их рук. Чингачгук со своей стороны, действуя заодно с Вахтой, беспрестанно отвлекал своих врагов, выставляя попеременно голову и руки в разных отверстиях каюты. Наконец ковчег мало-по-малу удалился на совершенно безопасное расстояние от замка, и тогда только Чингачгук, употребив невероятные усилия, поднял на ковчег связанного Марча и при помощи Вахты втащил его в каюту, где немедленно обрубил веревки, которыми были скручены его руки и ноги. Ирокезы в свою очередь теперь только поняли, что были кругом одурачены. Раздраженные бессильной злобой, они посылали в догонку пулю за пулей, но ни одна из них не долетала до ковчега. Таким образом Генрих

Марч благодаря смелости девушки-индеанки был спасен. Но и освобожденный от своих пут, он долго не мог притти в себя и овладеть своими гигантскими членами.

Ошеломленные непредвиденной неудачей, гуроны (их было трое, четвертый же стоял без движения подле стены) выскочили на платформу и немедленно пересели в лодку, оставленную владельцем замка возле палисада. Первою их мыслью было погнаться за ковчегом, в котором, как они думали, хранятся все несметные сокровища старика Тома, включая чудных слонов и других редких зверей. Догнать его на легком челноке не стоило никаких трудов, потому что массивное судно подвигалось медленно, едва заметно. С другой стороны, не стоило никаких трудов и Чингачгуку заряжать свои карабины и посылать пулю за пулей. Весь перевес при этой перестрелке был на его стороне, потому что он мог стрелять из отверстий каюты, защищенный толстыми стенами, тогда как его противники никак не могли укрыться в своей лодке. Сообразив все эти обстоятельства, гуроны оставили ковчег в покое и обратили свои жадные взоры на лодку дочерей Гуттера, разъезжавших среди озера. Действуя неумолимо своими веслами, Юдифь теперь, как и прежде, не понимала настоящего положения дел, держалась все время в отдалении от ковчега, откуда еще раз бесполезно давали ей сигналы. Вдруг ее глаза остановились на ирокезах, завладевших лодкой ее отца. Они подплывали ближе и ближе с очевидным намерением встретиться с ними. Юдифь в свою очередь принялась грести изо всех сил и просила сестру насколько возможно помогать ей.

— Да зачем нам бежать, Юдифь? — простодушно спросила Гэтти. — Индейцы, я уверена, не сделают нам зла.

— Тебе бояться нечего, я знаю, добрая Гэтти, но ирокез не будет снисходителен ко мне.

Началась настоящая погоня с одной и бегство с другой стороны. Сначала обе стороны не употребляли слишком больших усилий, рассчитывая обоюдно на трудность и продолжительность предстоящей охоты. Подобно двум военным судам, приготавливающимся к битве, две миниатюрные лодки, казалось, хотели прежде убедиться в своей относительной скорости, чтобы с нею сообразовать свои взаимные усилия. Вскоре, однако, гуроны убедились, что молодые девушки гребут отлично и что им со своей стороны нужно употребить всю ловкость и проворство.

При начале этой ловли Юдифь направила свой побег к восточному берегу со смутной надеждой укрыться в случае крайней нужды в лесу. Но по мере приближения к земле она убедилась, что шпионы замечают все ее движения, и эта мысль сама собою исчезла из ее головы. Оставалась одна надежда утомить своих преследователей разными эволюциями на открытой воде. С этой надеждой она еще раз устремилась к центру озера, и в ту же минуту ирокезы удвоили свои силы. Обоюдное соперничество возрастало с каждой минутой. Через полмили быстрой гонки обе стороны утомились до того, что одновременно почувствовали настоятельную необходимость в отдыхе и на минуту бросили весла. В этот короткий промежуток ирокезы обратились к такому средству, которое едва не привело в отчаяние дочерей Пловучего Тома. Они решились время от времени сменять друг друга, и так как их было трое, то не оставалось никакого сомнения, что этой сменой рано или поздно они утомят молодых девиц, принужденных работать бесперывно. Гонка возобновилась, и через несколько минут индейцы приблизились к девушкам на такое расстояние, что Юдифь, приведенная в отчаяние, уже решилась отдаться в плен. Мысль, что это обстоятельство соединит ее с Зверобоем в ирокезском стане, поддерживала эту решимость; в то же время пришло ей в голову, что, оставаясь на свободе, она может употребить в его пользу более надежные средства, которые еще прежде рисовались в ее пылком воображении. Воодушевленная этой надеждой, она собрала все свои силы и после нескольких удачных маневров снова оградила себя значительным расстоянием от упорного преследования индейцев. Ирокезы в свою очередь, выведенные из терпения, усилили свою деятельность, но так неудачно, что после нескольких взмахов одно из их весел переломилось. При этом радостный крик невольно вырвался из груди обеих девушек, которым было ясно, что троим мужчинам, оставшимся при одном весле, никогда не догнать их легкого челнока. Еще яснее

эта мысль представилась индейцам, и они отказались от преследования. Оставив девушек, продолжавших быстро плыть на юг, ирокезы поворотили к замку и через несколько минут высадились на платформу. Опасаясь, что в замке могут быть отысканы новые весла, обе сестры деятельно продолжали свой путь до тех пор, пока не удалились на безопасное расстояние от нового преследования. Индейцы, повидимому, не имели этого намерения, потому что через час их лодка, наполненная их соплеменниками, отчалила от замка и направила свой путь к противоположному берегу.

Девушки успокоились и с отъездом индейцев скоро убедились, что в самом ковчеге их могут ожидать только друзья. Юдифь поворотила челнок к замку, принимая на всякий случай всевозможные предосторожности. Она прежде всего объехала вокруг здания и с удовольствием увидела, что в нем не было никого. Причалив лодку к палисадам, обе девушки взошли на платформу.

— Осмотри хорошенько комнаты, Гэтти, и скажи мне, что увидишь. Может-быть, там есть еще ирокезы. Тебе они не сделают вред. А я буду ожидать и немедленно опять отчалю от замка, если ты дашь знак о присутствии дикарей. В незащищенную девушку, надеюсь, стрелять они не станут.

Гэтти исполнила желание сестры и через минуту воротилась на платформу, объявив, что опасности нет никакой.

— Я прошла по комнатам, — сказала Гэтти. — Все они пусты, кроме батюшкиной комнаты. Батюшка спит, хотя не так спокойно, как хотелось бы.

— Не случилось ли с ним чего-нибудь? — воскликнула Юдифь.

Гэтти немного замаялась и с робостью осмотрелась вокруг, как-будто опасаясь, чтобы кто-нибудь из посторонних не расслышал ее речей.

— Ты знаешь, Юдифь, что с ним бывает иной раз? Он не знает и сам, что делает или говорит, если немного подвыпьет. Теперь он подвыпил.

— Странно, моя милая, очень странно. Неужели он пьянствовал вместе с дикарями и угощал их в своем доме? Неприятно дочерям видеть родного отца в таком безобразном виде. Мы войдем в его комнату, когда он проспится.

Но глубокий стон, донесшийся из комнаты, изменил их мысли. Обе сестры вбежали в спальню отца. Старик Гуттер сидел на полу, прислонившись плечами к стене. Голова его была опущена на грудь. Юдифь быстро подскочила к нему и сорвала полотняный колпак, покрывавший его голову до плеч. Окровавленное, дрожащее, красное мясо, обнаженные мускулы и вены явились несомненным доказательством, что старик Гуттер был оскальпирован, но еще жив.

Глава XXI

Легко представить весь ужас, который должны были почувствовать молодые девушки при этом неожиданном и страшном зрелище. Оправившись от первого потрясения, они перевязали изуродованную голову, смыли кровь на лице отца и, словом, оказали ему всевозможные услуги.

Через некоторое время старик Гуттер уже мог кратко передать все, что с ним произошло. В самом начале борьбы с гуронами он схватился с их начальником, и тот, после бесполезных усилий овладеть своим противником, пырнул его ножом. Это случилось в то мгновение, когда дверь с шумом отворилась и Гэрри выскочил на платформу. Вот почему ни гуронский вождь, ни Гуттер не принимали в дальнейшем никакого участия в борьбе. Воротившись в замок после неудачного преследования белых девушек, гуроны поспешили содрать кожу с черепа их отца, но так, однако, чтоб он мог прожить несколько времени после этой варварской операции, томимый ужасными страданиями. Могло случиться, что старик Гуттер пережил бы свои муки и был со временем здоров, если б его только оскальпировали, но удар ножом нанес ему смертельную рану.

— О, Юдифь, милая Юдифь! — воскликнула Гэтти после того, как раны были

перевязаны. — Всю свою жизнь отец мой добивался чужих волос. Где же теперь его собственные волосы?

— Перестань, сестрица! Отец открывает глаза и может нас услышать.

— Воды! — вскричал Гуттер, делая над собою отчаянное усилие, и голос его для умирающего человека был еще довольно тверд. — Воды, глупые девчонки! Неужели вы дадите мне умереть от жажды.

Дочери принесли ему воды. Первый раз он пил ее после долгих часов, проведенных в предсмертных муках. Его силы, повидимому, возобновились, и он мог говорить свободно. В его глазах засверкали какие-то беспокойные и смутные мысли.

— Батюшка, — сказала Юдифь, приведенная в отчаяние своим бессилием спасти умирающего старика, — что мы можем сделать для тебя?

— Батюшка? — медленно и с расстановкой повторил Томас Гуттер. — Нет, Юдифь, я не отец твой. Нет, Гэтти, я не отец твой. Она точно была вашей матерью. Общайте сундук: все там. Воды, еще воды!

Они подали ему еще стакан. Выслушав эти предсмертные слова, Юдифь почувствовала невыразимое облегчение и радость, так как между нею и мнимым ее отцом никогда не было большой симпатии. Она помнила о своем детстве гораздо больше, чем сестра, и подозрения уже не раз закрадывались в ее мысли, когда в былые времена она подслушивала секретные разговоры между отцом и матерью. Нельзя сказать, чтобы она не имела к нему никакой привязанности; все же теперь она с восторгом узнала, что ничто не обязывало ее любить этого человека. Совсем другие впечатления и чувства возникли у младшей сестры. Она любила мнимого отца искренно, всею душою, хотя не так, как родную мать, и теперь ей было больно слышать его признание. Охваченная горьким размышлением, Гэтти села в стороне и заплакала.

Противоположные ощущения двух сестер произвели на них одинаковое действие: они обе хранили продолжительное молчание. Юдифь часто подавала воду умирающему старику, но не делала ему никаких вопросов, отчасти из уважения к его тяжелому положению, отчасти потому, что боялась услышать от него неприятные подробности относительно своей матери; этим, разумеется, могла быть отравлена ее радость при мысли, что она не дочь Томаса Гуттера. Наконец, Гэтти отерла слезы и села на скамье возле умирающего старика, который теперь лежал на полу на старых лохмотьях, отысканных в доме.

— Батюшка, — сказала Гетти, — ты еще позволишь мне называть тебя своим отцом, хотя выходит по твоим словам, что не ты мой отец. Батюшка, я бы хотела...

— Воды! — вскричал старик. — Поддай мне воды, Юдифь! Язык мой, не знаю отчего, горит ужасно.

Вскоре Гуттер впал в изнурительный бред и бормотал про себя невнятные слова, из которых Юдифь расслышала только: «муж... смерть... разбойник ты... волосы...» Из этих и подобных слов, не имевших определенного смысла, проницательная девушка вывела заключение, что мнимый ее отец томился воспоминаниями своего темного прошлого.

Прошел час, трудный час физической и нравственной пытки. Девушки совсем забыли о гурунах, и тяжелая картина страданий удалила от них всякое представление об опасности. Даже Юдифь, имевшая основательные поводы бояться индейцев, не вздрогнула, когда услышала шум весел. Она тотчас сообразила, что это, без сомнения, ковчег приближается к замку.

Твердыми шагами и без малейшего страха она вышла на платформу и действительно увидела невдалеке плонучий дом своего мнимого отца. Вахта, Чингачгук и Генрих Марч стояли на передней части парома и тщательно осматривали замок, подозревая присутствие в нем скрытых врагов. Окрик Юдифи немедленно успокоил их, и через несколько минут ковчег остановился на обычном месте.

Юдифь не сказала ничего о своем отце, но Генрих Марч по выражению ее лица понял ясно, что дела идут не совсем обычным порядком. Он первый вошел в замок, но уже далеко не с тем дерзким и наглым видом, какой обыкновенно характеризовал все его поступки. Гуттер, как и прежде, лежал на спине, и младшая дочь обмахивала его опахалом. Утренние происшествия значительно изменили обращение Гэрри. Роковая минута, когда, связанный по рукам и ногам, он как чурбан покатился на край платформы и бултыхнулся в воду, еще живо представлялась ему и производила на него такое же впечатление, какое испытывает осужденный преступник при виде плахи или виселицы. Ужасы смерти еще носились перед его воображением и приводили в судорожный трепет, потому что дерзость этого человека была исключительно следствием его физической силы, не имевшей ничего общего с энергией и волей. С утратой силы люди этого сорта всегда теряют значительную часть своей храбрости, и хотя Генрих Марч в настоящую минуту был совершенно свободен и здоров, однако, уныние невольно овладело им, и он не имел достаточно твердости, чтоб оттолкнуть от себя воспоминания о своем беспомощном положении. Одним словом, несколько критических минут, проведенных в озере и на платформе, произвели благотворную перемену в характере этой буйной натуры. Он был очень изумлен и опечален при виде отчаянного положения своего товарища. Занятый исключительно самим собою во время борьбы с толпой гуронов, он не мог знать того, что случилось со стариком, и предполагал, что гуроны отведут его в плен, чтобы живьем представить правительству. Внезапная смерть человека при тягостном молчании всех окружающих была для него неожиданностью. При всей своей привычке к сценам насилия он никогда до сих пор не был у постели умирающего и не следил, за постепенным угасанием жизни. Несмотря на внезапную перемену образа мыслей, присущие ему тон и манеры не могли сразу измениться, и слова его, обращенные к Гуттеру, еще обнаруживали в нем обычное легкомыслие.

— Ну, старичина, — сказал он, — эти пройдохи доканали тебя порядком, чорт бы их побрал! Вот ты лежишь теперь на досках и уж, видно, не встанешь никогда. Я рассчитывал, что тебя отведут в ирокезский лагерь, и никак не думал, что дело примет такой оборот.

Гуттер открыл свои полупотухшие глаза и бросил блуждающий взор на говорившего человека. Смутные воспоминания охватили его при взгляде на знакомые черты, которые не мог осознать его затуманенный мозг.

— Кто ты? — спросил он слабым, едва слышным голосом. — Ты не лейтенант «Снег»? О, гигант он был, этот лейтенант, и едва не отправил всех нас на тот свет.

— Пожалуй, коли хочешь, я твой лейтенант, Том Пловучий, и вдобавок твой закадычный друг. Но во мне нет ничего похожего на снег. Теперь покамест лето, и Генрих Марч с первыми морозами оставляет эти горы.

— А, так это Торопыга? Ладно! Я продам тебе волосы, отменные волосы, только-что содрал. Что ты за них дашь, Торопыга?

— Бедный Том! С этими волосами, видно, не дойдешь до добра, и меня берет уже охота бросить этот промысел.

— Где твои волосы, Торопыга? Мои убежали, далеко убежали, и я не знаю, как быть без них. Огонь вокруг мозга и пламя на сердце! Нет, Гэрри, сперва убей, а потом скальпируй.

— О чем он говорит, Юдифь? Неужели старику Тому, как и мне, наскучило его ремесло? Зачем вы перевязали его голову? Разве эти разбойники раздробили ему череп?

— Они сделали ему то, Генрих Марч, чего вы и этот умирающий старик добивались сами незадолго перед этим: они содрали с него волосы, чтобы получить за них деньги от губернатора Канады. Ведь и вы добивались гуронских волос, чтобы продать их губернатору в Нью-Йорке.

При всех усилиях говорить спокойно Юдифь не могла скрыть презрения. Генрих Марч с упреком поднял на нее глаза.

— Отец ваш умирает на ваших глазах, Юдифь Гуттер, а вы не можете удержаться от колких слов!

— Нет! Кто бы ни была моя мать, но я не дочь Томаса Гуттера.

— Вы не дочь Томаса Гуттера? Как вам не стыдно, Юдифь, отказываться от бедного человека в его последние минуты! Кто же ваш отец, если вы не дочь Томаса Гуттера?

Этот вопрос смирил гордость Юдифи. Проникнутая радостью при мысли, что ее никто не в праве осуждать за недостаток любви к мнимому отцу, она совсем забыла то важное обстоятельство, что ей некого поставить на его место.

— Я не могу сказать вам, кто был моим отцом, Генрих Марч, — отвечала она тихо. — Надеюсь, однако, что он, по крайней мере, был честный человек.

— Такой, стало-быть, каким, по вашему мнению, никогда не был старик Гуттер? Хорошо, Юдифь. Не стану отрицать, что по свету бродили странные слухи насчет Пловучего Тома, но кто же избегал царяпин, когда попадал в неприятельский капкан? Есть люди, которые обо мне тоже отзываются не слишком хорошо; да и вы, Юдифь, я полагаю, не всегда счастливо отделяетесь от злых языков.

Последняя фраза была прибавлена с очевидной целью установить на будущее время основу соглашения между обеими сторонами. Неизвестно, в какой мере такая уловка могла бы подействовать на решительный и пылкий характер Юдифи, но в это время появились признаки наступления последней минуты в жизни Томаса Гуттера. Страдалец открыл глаза и начал рукою ощупывать вокруг себя, — доказательство, что зрение его потухло. Спустя минуту дыхание его сделалось чрезвычайно затрудненным и, наконец, совсем прекратилось. Перед присутствующими лежал безжизненный труп. Споры были неуместны, и молодые люди умолкли.

День окончился без дальнейших приключений. Довольные приобретенным трофеем, гуроны, повидимому, отказались от намерений совершить новое нападение на замок, рассчитывая, может-быть, что не совсем легко устоять против неприятельских карабинов. Начались приготовления к погребению старика. Зарыть его в землю было неудобно, и Гэтти желала, чтобы его тело опустили в озеро там, где похоронили ее мать. Кстати, здесь она припомнила, что сам Гуттер назвал эту часть озера «фамильным склепом».

Совершение обряда отложили до солнечного заката.

Когда все было готово, и Юдифь взошла на платформу, она первый раз обратила внимание на сделанные распоряжения. Тело лежало на пароме, окутанное белою простынею. Вместе с ним положили несколько камней, чтобы оно легче опустилось ко дну.

Наконец, все перешли на борт ковчега, и пловучий дом сдвинулся с места. Генрих Марч принялся грести, весла в его мощных руках казались легкой игрушкой. Могикан оставался простым зрителем. Было что-то величественно торжественное в этом медленном и однообразном движении ковчега. Озеро было спокойно. На поверхности воды не было ни малейшей ряби. Вокруг, куда ни достигал взгляд, — бесконечная панорама лесов. Юдифь была растрогана до слез. Генрих Марч — глубоко взволнован. Гэтти сохраняла все наружные признаки спокойствия, но ее грусть превосходила во всех отношениях печаль ее сестры, потому что она любила искренно, нежно своего мнимого отца. Вахта была задумчива, внимательна и на все смотрела с живейшим любопытством, так как ей в первый раз приходилось видеть при подобных обстоятельствах похороны белого человека. Чингачгук смотрел на все с важным и спокойным видом, как глубокомысленный философ-стоик, поставивший себе за правило не удивляться ничему на свете. Гэтти указала Марчу направление к могиле своей матери. Замок находился недалеко от южной оконечности той отмели, которая простиралась к северу почти на полмили; здесь-то, на самом краю этой отмели, Том Пловучий похоронил останки своей жены и сына, и здесь же теперь, возле них, готовились положить его собственный труп. Гэтти, посещавшая часто этот «фамильный склеп», умела отыскать его без труда во всякое время дня и ночи. Она подошла, наконец, к Марчу и сказала вполголоса:

— Положите весла, Генрих Марч. Мы уже проехали большой камень на дне озера, теперь недалеко до могилы моей матери.

Марч перестал грести и через минуту бросил якорь, чтобы остановить пловучий дом. Гэтти указала на могилу и заплакала. Юдифь также присутствовала при погребении своей матери, но никогда с той поры не видала этого места. Такая небрежность происходила совсем не от равнодушия к покойнице, — Юдифь очень любила мать и горевала о ее потере, — но она вообще имела инстинктивное отвращение ко всему, что напоминало ей о смерти. Не так было с Гэтти. Каждый вечер в летнюю пору при последних лучах заходящего солнца младшая сестра выезжала сюда в своей лодке, бросала здесь якорь и проводила некоторое время на этом дорогом для нее месте.

Марч взглянул в глубину и через прозрачную струю чистой, как воздух, воды увидел то, что Гэтти обыкновенно называла могилой своей матери. Это была небольшая скопившаяся на отмели груда земли. Кусок белого полотна, служивший саваном покойнице, еще колыхался над этой странной могилой. Остатки тела, опущенного в воду, лежали прикрытые наносной землей. Сказав Юдифи, что все готово, Марч без посторонней помощи поднял мертвеца и положил его на край парома. Прицепив концы веревки к ногам и плечам трупа, Скорый Гэрри приготовился спустить его в озеро.

— Не туда, Генрих Марч, не туда! — вскричала Юдифь, охваченная невольной дрожью. — Он не должен лежать возле моей матери.

— Отчего же, Юдифь? — с живостью спросил Марч.

— Нет, нет, дальше, Генрих Марч!

Юдифь сделала выразительный жест, и Генрих Марч по ее указанию спустил мертвеца немного поодаль от его жены.

— Вот тебе и Том Пловучий! — пробормотал Марч. Он склонил голову через борт.

— Поминай, как звали, — продолжал он. — А был мастер, и никто искуснее его не расставлял капканов и сетей. Не плачьте, Юдифь; не отчаивайтесь, Гэтти! Все мы рано или поздно должны умереть, и уж если смерть пришла, слезами не воротишь ничего. Потерять отца нелегкое дело, особенно таким девушкам, как вы, но еще можно пособить этому горю. Обе вы молоды, хороши собой и, разумеется, не долго останетесь без женихов. Если вам приятно, Юдифь, слушать честного и прямодушного человека, то я желал бы сказать вам несколько слов наедине.

Пораженная какою-то внезапною мыслью, Юдифь устремила на него пронизательный взгляд и быстро пошла на другой конец парома, пригласив его следовать за собою. Там она села и указала Гэрри место возле себя. Все это было сделано с таким решительным видом, что молодой человек оробел, и Юдифь принуждена была сама начать разговор.

— Вы хотите говорить мне о супружестве, Генрих Марч? Так ли?

— Ваши манеры, Юдифь, совсем сбивают меня с толку, и я, право, не знаю, что вам сказать. Но пусть истина говорит сама за себя. Вы знаете, Юдифь, что я давно считаю вас прехорошенькой девушкой, какую только удавалось мне видеть, и этого я не скрывал ни от вас, ни от своих товарищей.

— Ну, да, я слышала это от вас тысячу раз, и, вероятно, вы не ошибаетесь. Дальше что?

— Дальше то, Юдифь, что если молодой человек говорит в таком тоне с молодой девушкой, это верный признак, что он придает ей некоторую цену.

— Правда; но это я слышала от вас миллион раз.

— Что ж такого? Всякой девушке, я полагаю, приятно слышать повторение этого. Дело известное: ничто так не нравится женщине, как беседа молодого человека, который повторяет перед ней в сотый раз, что он ее любит.

— Конечно, в известных случаях мы любим друг друга, но теперь мы в таком положении, Гэрри, что всякая пустая болтовня неуместна. Говорите без обиняков.

— Пусть так, да будет ваша воля, прекрасная Юдифь! Я часто говорил вам, что люблю вас больше всякой другой девушки; но вы, конечно, заметили, что еще ни разу я не обнаруживал ясно своего намерения просить вашей руки.

— Заметила, Генрих Марч, очень заметила, — отвечала Юдифь, и презрительная улыбка мелькнула на ее устах.

— Была на это основательная причина, Юдифь, и я не скрываю, что эта причина беспокоит меня даже в настоящую минуту. Не обижайтесь: я не намерен скрывать своих мыслей, да и не могу. Несмотря, однако, на всевозможные причины, я невольно должен теперь уступить чувству, которое давно закралось в мое сердце. Нет у вас больше ни матери, ни отца, Юдифь! Вам и Гэтти нельзя здесь оставаться одним даже в мирное время, когда ирокезы спокойно кочуют в своих шалашах; но теперь, при настоящем доложении, вы или умрете с голода, или попадетесь к этим дикарям, которые, вы знаете, не пощадят вашего черепа. Настало время, стало-быть, подумать о перемене места и о приискании мужа. Согласитесь быть моей женою, и я даю вам слово, что о прошедшем не будет между нами и помина.

Юдифь слушала с величайшим нетерпением и, повидимому, едва дождалась окончания этой речи.

— Довольно, Генрих Марч! — сказала она, сделав нетерпеливое движение рукою. — Я понимаю вас очень хорошо: вы предпочитаете меня всем девушкам и хотите на мне жениться?

— Именно так, Юдифь.

— Так вот вам мой ответ, решительный и ясный: есть, Генрих Марч, основательная причина, из-за которой я никогда не...

— Кажется, я понимаю вас, Юдифь, и вы можете не договаривать. Но ведь я уже сказал, что о прошедшем не будет между нами и помина... Отчего же вы так краснеете, Юдифь? Ваши щеки заалели, как западное небо на закате солнца. В моих словах, я думаю, обидного ничего нет. По крайней мере, я не имел ни малейшего намерения вас обидеть.

— Я не краснею, и я не хочу обижаться на вздорные слова, Генрих Марч, — отвечала Юдифь, с трудом подавляя негодование. — Я хотела вам сказать, что по некоторой причине я ни за что на свете не соглашусь быть вашей женой. Я не люблю вас! Я уверена в этом. Никакой порядочный мужчина не должен жениться на женщине, которая предпочитает ему другого.

— Вот оно что наделали эти франты в красных мундирах! Так я и думал: все зло от крепостных офицеров.

— Замолчите, Марч! Гнусно клеветать!

— Я, пожалуй, замолчу. Но время еще терпит, и, я надеюсь, вы одумаетесь.

— Я обдумала давным-давно свой ответ на ваше предложение, и вы слышали его. Теперь мы понимаем друг друга, и вы избавите меня от дальнейших объяснений.

Серьезный тон Юдифи окончательно сбил с толку Гэрри. Никогда до этой поры не приходило ему в голову, чтобы дочь Пловучего Тома могла отказать в своей руке такому человеку, как он, которого вообще считали первым красавцем во всей местности. Правда, Юдифь почти всегда обращалась с ним довольно грубо и даже смеялась над ним в глаза; но такое обращение Генрих Марч приписывал обыкновенно кокетству молодой девушки. И вот теперь совсем неожиданно он слышит от нее отказ, решительный отказ, уничтожавший всякую надежду.

— С этой поры Глиммерглас не имеет ничего привлекательного для меня, — сказал он после минутного молчания. — Нет больше Пловучего Тома, а гуроны кишат по берегам, как голуби в лесах. Видно, мне придется оставить это место.

— И оставьте. Зачем вам подвергаться опасностям из-за других? К тому же я вовсе не вижу, какую услугу вы могли бы нам оказать после того, что случилось. Уезжайте в эту же ночь!

— Во всяком случае, я еду с крайним огорчением, и причиную моей грусти будете вы, Юдифь.

— Перестанем об этом толковать, Генрих Марч. Ночью, если хотите, я сама провожу вас на лодке, и вам не трудно будет добраться до ближайшей крепости. Если бы по прибытии туда вы могли прислать нам отряд...

Юдифь замаялась. Ей не хотелось, чтобы ее слова произвольно мог перетолковывать

человек, и без того представлявший в неблагоприятном свете ее отношения с крепостными офицерами. Генрих Марч понял ее мысль.

— Я догадываюсь, почему вы не оканчиваете вашей мысли, — сказал он. — Ничего. Я вас понимаю. Тотчас же по прибытии моем будет отправлен целый полк и он прогонит всех этих негодяев. Я сам буду в числе солдат и постараюсь удостовериться собственными глазами, что вы и Гэтти спасены. Судьба, может-быть, позволит мне взглянуть на вас еще раз, прежде чем я навсегда расстанусь с вами.

— Ах, Генрих Марч, отчего бы вам всегда не говорить в таком же тоне? Вероятно, мои чувства к вам получили бы совсем другой характер.

— Неужели теперь уже поздно, Юдифь? Я груб, неотесан и привык шататься по лесам. Но все мы изменяемся рано или поздно.

— Да, теперь слишком поздно, Генрих Марч! Ни к вам, ни к другому мужчине, кроме одного, не могу я питать чувство, которое вы желали бы отыскать во мне. Этого, я думаю, довольно, и вы оставите меня в покое. С наступлением ночи я или Чингачгук высадим вас на берег. Вы отправитесь в ближайшую крепость по реке Могауку и пришлете к нам военный отряд как можно скорее. Могу ли надеяться, что вы останетесь нашим другом, Генрих Марч?

— Без сомнения. И эта дружба была бы гораздо теснее, если бы вы переменили свое мнение обо мне.

Юдифь казалась взволнованной, но скоро успокоилась и хладнокровно продолжала:

— Вы найдете на ближайшем посту капитана Уэрли, и, вероятно, он сам будет командовать отрядом. Однако, я бы очень желала, чтоб эта команда была поручена другому офицеру. Нельзя ли как-нибудь задержать капитана Уэрли в крепости?

— Это легче сказать, чем исполнить, Юдифь, потому что старшие офицеры делают все, что им вздумается. Майор дает им приказания; капитаны, поручики, прапорщики должны повиноваться. Я знаю офицера, о котором вы говорите: он способен высушить целый Могаук, если вместо воды будет в нем мадера. Буян отчаянный и страшный волокита! Я не удивляюсь, Юдифь, что вы не любите капитана Уэрли.

Юдифь вздрогнула, но промолчала.

Через минуту она встала и сказала Генриху Марчу, что больше ничего не имеет ему сказать.

Глава XXII

Гэтти сидела на передней части парома. Юдифь подошла к сестре и, подавив свое волнение, проговорила твердым и решительным голосом, пользуясь тем, что в эту минуту могикиан и Вахта удалились на противоположную сторону ковчега:

— Сестрица, мне нужно поговорить с тобой о многом. Сядем в эту лодку и отплывем от ковчега: посторонние не должны слышать наших тайн.

— Пусть Генрих Марч распустил парус и уйдет вперед: мы останемся здесь.

— Хорошо! Останемся здесь, как ты этого хочешь, и пусть ковчег сдвинется с места. Приготовь лодку, а я скажу об этом Генриху Марчу.

Ковчег отошел саженой на тридцать вперед, а лодка остановилась на отмели.

— Смерть Томаса Гуттера, — начала Юдифь, — изменила всю нашу будущность. Пусть он не был нашим отцом, но мы тем не менее родные сестры, и нам следует оставаться в одном доме.

— Почем я знаю, Юдифь? Может-быть, тебе приятно было бы узнать, что я не родная твоя сестра.

— Нет, Гэтти, ты моя единственная сестра, но я рада, что Томас Гуттер не был нашим отцом!

— Пусть Томас Гуттер не отец наш, Юдифь, все же, я думаю, никто не будет оспаривать наших прав на его имение. Замок, лодки и ковчег, а также озеро с лесами попрежнему останутся в нашем полном распоряжении. Станем обе жить спокойно в этих

местах; и никто, конечно, нам не помешает.

— Нет, сестрица, мы не можем жить здесь безопасно даже и тогда, когда не будет больше гуронов. Сам Томас Гуттер боялся иногда долго оставаться в своем замке. Мы должны, бедная Гэтти, оставить эти места и переселиться в колонию.

— Очень жаль, что ты так думаешь, Юдифь, — печально отвечала Гэтти. — Не люблю я колоний; там много злых людей. Но я очень люблю и эти деревья, и озеро, и ручей... Да и зачем покидать эти места? Ты прекрасна, Юдифь, и умна; скоро, конечно, будет у тебя муж, который станет защищать тебя, как жену, а меня, как свою сестру.

— О, если бы это могло случиться на самом деле, милая Гэтти! Эти леса были бы для меня дороже в тысячу раз, чем все поселения колонии. Не всегда я думала так, но теперь я это чувствую.

— Генрих Марч, сестрица, искренно любит тебя и с радостью готов жениться на тебе, я в этом уверена. Ну, а согласишься сама, нет на свете человека храбрее и сильнее Генриха Марча.

— Марч никогда не будет моим мужем, и мы уже объяснились с ним по этому поводу. Есть другой... Но зачем прежде времени рассуждать об этом? Старый сундук теперь наша собственность, и мы имеем право разобрать все вещи. В этом сундуке, я уверена, есть бумаги, где подробно говорится о нашем отце...

— Хорошо, Юдифь, делай, что тебе угодно! Но кто же этот человек, которого ты предпочитаешь Генриху Марчу?

— Что ты думаешь о Зверобое, милая Гэтти? — спросила Юдифь, наклонившись к своей сестре.

— О Зверобое? — повторила Гэтти, с изумлением подняв глаза на сестру. — Как это пришло тебе в голову, Юдифь? Зверобой совсем не красавец и вовсе не достоин иметь такую жену, как ты.

— Зверобой не безобразен, Гэтти, и притом ты должна знать, что красота — не главное качество человека. Генрих Марч уезжает от нас сегодня вечером, и я жалею только о том, что он шатался без всякой пользы по этим местам.

— Вот этого, признаться, я давно боялась, сестрица. Да как же это так?

— Пусть его идет на все четыре стороны, и чем скорее, тем лучше, но нам не следует оставаться в этих местах. Впрочем, я постараюсь прежде всего увидеться со Зверобоем, и потом, может-быть, наша будущность определится сама собою. Но вот солнце закатывается, и ковчег уже далеко. Давай грести как можно скорее и потолкуем с нашими друзьями. В эту же ночь я открою сундук, и завтра мы увидим, что нужно делать. Все сокровища теперь в наших руках, и выкуп Зверобоя, я надеюсь, не будет стоить больших хлопот. Когда он получит свободу, все недоразумения между нами будут решены в один час.

Лодка, управляемая старшею сестрою, медленно отошла от «фамильного склепа». Гэтти сидела молча, погруженная в раздумье, и было видно, что какая-то волнующая мысль озабочивала ее.

— Не знаю, сестрица, что ты разумеешь под нашей будущностью? — спросила она наконец.

— Это слово, сестрица, в общем смысле означает все, что может с нами случиться. Но что это за лодка позади нашего дома? Теперь ее не видно, но за минуту перед этим я очень хорошо разглядела ее за палисадом.

— Я уже давно заметила эту лодку, — отвечала Гэтти спокойно, так как гуроны не внушали ей никаких опасений. — В лодке один только человек, и он едет, очевидно, из лагеря гуронов. Этот человек, как мне кажется, Зверобой.

— Как Зверобой! — вскричала Юдифь с необыкновенною живостью. — Этого быть не может! Зверобой в плену у ирокезов, и я думала о средствах возратить ему свободу. Почему ты думаешь, что это он?

— Посмотри сама, сестрица: лодка теперь показалась из-за палисадов.

Гэтти не обманывалась. Легкий челнок, обогнув палисады замка, медленно

приближался к ковчегу, где уже собирались встретить этого неожиданного посетителя. Один взгляд убедил Юдифь, что ее сестра говорила правду. Зверобой ехал спокойно, и в его движениях не было видно никакой тревоги. Это очень озадачило Юдифь: человек, вырвавшийся насильно от врагов, употреблял бы все усилия, чтоб ускорить ход своего челнока. Сумерки уже уступили место ночи, и почти нельзя было различать предметов на берегу, но отблеск последних лучей заходящего солнца еще освещал середину озера. Древесные пни, образующие стены замка и ковчега, окрасились пурпуровою краской, представлявшей чудный контраст с возрастающим мраком. Юдифь и ее сестра направили свой челнок навстречу Зверобою и догнали его прежде, чем он доплыл до ковчега.

— Вы прибыли к нам, Зверобой, в такую минуту, когда ваше присутствие особенно необходимо, — сказала Юдифь, приближаясь к нему на лодке. — Страшен был для нас этот день и невыносимо грустен; но ваше возвращение избавит нас, по крайней мере, от дальнейших несчастий. Как это удалось вам спастись от дикарей? Неужели они сжалились над вами, или вы освободились как-нибудь своею собственною ловкостью?

— Ни то, ни другое, Юдифь, и догадки ваши ошибочны. Минги останутся мингами, и не думайте, что природа их была способна измениться. Не было примеров, чтобы они давали пощаду какому-нибудь пленнику, и я не был исключением. Обмануть их хитростью можно, и мы это доказали с Чингачгуком, когда выручали его невесту, но это могло случиться один только раз, и теперь они держат ухо востро.

— Но как же вы очутились здесь, Зверобой, если вам не удалось самому вырваться из рук этих дикарей?

— Вопрос очень естественный с вашей стороны, и вы очаровательно предлагаете его. Удивительно, как вы хороши в этот вечер, Юдифь! Чингачгук прозвал вас Дикой Розой, и я нахожу, что вы можете навсегда утвердить за собою это имя. Ну, а что касается этих мингов, то теперь они все перебесились после потерь в последней схватке и готовы растерзать без всякой пощады всех, в ком подозревают английскую кровь. Я даже уверен, что они не пощадят и голландца.

— Они убили моего отца, — сказала Гэтти, — и это, быть-может, уголило их жажду человеческой крови.

— Знаю я всю эту историю, очень подробно знаю. Что же прикажете делать? Человеческая жизнь подвержена на каждом шагу разным случайностям, и благоразумие требует быть готовым ко всему на свете.

— Все это так, Зверобой, но вы еще не объяснили, каким образом очутились здесь.

— Тут объяснять нечего: я просто в отпуску.

— В отпуску! Что это такое? Я понимаю это слово в устах солдата, но совсем не знаю, что оно значит в устах пленника.

— Смысл этого слова один и тот же во всех случаях, Юдифь. Человек в отпуску, раз ему дано разрешение оставить лагерь или гарнизон на известный, определенный срок. По истечении этого срока он должен воротиться вновь или для того, чтобы опять носить ружье на своих плечах, или вытерпеть пытку и лишиться жизни, смотря по тому, разумеется, солдат он или пленник. Ну, а так как я пленник, то вы понимаете, что меня ожидает впереди судьба пленного человека.

— Неужели гуруны отпустили вас одного, без караула и без всяких шпионов?

— Как видите.

— Какое же у них ручательство, что вы воротитесь назад?

— Мое слово. Поверьте, они были бы величайшими глупцами, если бы отпустили меня без честного слова, потому что в этом случае я вовсе не был бы обязан воротиться к ним на дьявольскую пытку. Я просто положил бы карабин на плечо да и марш в делаварские деревни. Но теперь не то. Они так же, как и вы, понимают, что значит для меня честное слово. Вот почему я покинул их лагерь без всякого караула.

— Так неужели вы имеете безрассудное и опасное намерение осудить себя на самоубийство?

— Что вы говорите, Юдифь?

— Я вас спрашиваю: неужели вы думаете, что можно отдать себя во власть неумолимых врагов, сдержав данное им обещание?

Зверобой посмотрел с неудовольствием на молодую девушку, но через минуту лицо его совсем прояснилось. Он улыбнулся и сказал:

— Ну да, Юдифь, теперь я вас понимаю. Вы думаете, что Скорый Гэрри и Чингачгук помешают мне выполнить мой долг. Но, я вижу, вы еще совсем не знаете людей. Могикан всего менее способен отвращать кого бы то ни было от исполнения обязанностей, а что касается Генриха Марча, то он думает только о себе, и ему нет никакого дела до других людей. Нет, Юдифь, не беспокойтесь: никто не станет меня удерживать от возвращения в ирокезский лагерь, а если бы сверх чаяния встретились какие-нибудь препятствия, то поверьте, что я сумею их преодолеть.

Юдифь молчала. Все ее чувства, как влюбленной женщины, взволновались при мысли об ужасной судьбе, которая угрожала ее возлюбленному, но, с другой стороны, она не могла не удивляться необыкновенной честности молодого охотника, считавшего свое высокое самоотвержение простым долгом. Понимая, что все убеждения будут бесполезны, она хотела, по крайней мере, узнать все подробности, чтобы сообразно с ними установить свое собственное поведение.

— Когда же срок, вашему отпуску, Зверобой? — спросила Юдифь, когда обе лодки медленно приблизились к ковчегу.

— Завтра в полдень, минута в минуту, и вы хорошо понимаете, что я не имею ни малейшего желания ускорить этот срок. Ирокезы начинают бояться гарнизона из крепости, поэтому отпустили меня на самое короткое время. Решено между ними, что пытка моя начнется завтра при заходе солнца, и потом с наступлением ночи они оставят эти места.

Эти слова были произнесены торжественным тоном, как-будто мысль о неизбежной смерти невольно тревожила его. Юдифь затрепетала.

— Стало-быть, они твердо решили мстить за понесенные потери? — спросила она слабым голосом.

— Да, если только я могу судить о их намерениях по внешним признакам. Кажется, впрочем, они не думают, что я угадываю их планы; но человек, проживший долго между краснокожими, понимает очень хорошо все мысли и чувства индейцев. Все старухи пришли в бешенство после похищения Вахты, а вчерашнее убийство взволновало весь лагерь. Моя грудь ответит за все, и нет сомнения, что ужасная пытка будет произведена торжественно при полном собрании всех мужчин и женщин. Я рад, по крайней мере, что Великий Змей и Вахта теперь совершенно в безопасности.

— Однако, срок довольно длинный, Зверобой, и, может-быть, они переменят свои намерения.

— Не думаю. Индеец — всегда индеец, и не в его натуре откладывать или изменять свои планы. Жажда мщения свойственна всем краснокожим, не исключая даже делаваров, несмотря на их постоянные сношения с белыми людьми. К тому же гуроны упрекают меня за смерть храбрейшего из своих воинов, и потому мне нечего ожидать от них пощады или милости. Но вы рассуждаете со мной только о моих делах, Юдифь, тогда как вам самой при настоящих обстоятельствах слишком необходимы дружеские советы. Ну, что, старый Том опущен в озеро?

— Да, мы только-что его похоронили. Вы правы, Зверобой: дружеские советы для нас слишком необходимы, и единственный друг наш — вы. Генрих Марч скоро уедет, и после его отъезда, я надеюсь, вы уделите мне один час для того, чтобы поговорить с вами. Гэтти и я не знаем, что нам делать.

— Это очень естественно после таких печальных, и совсем неожиданных ударов. Но вот уж и ковчег. Мы потом еще поговорим об этом.

Глава XXIII

Свидание Зверобоя с его друзьями на краю парома имело торжественный характер и не сопровождалось радостными восклицаниями. Могикан и его подруга догадались с первого взгляда, что он не был обыкновенным беглецом, и несколько слов, произнесенных с загадочным видом, объяснили им вполне то, что Зверобой называл своим отпуском. Чингачгук призадумался и стоял с озабоченным видом; Вахта поспешила проявить свое участие маленькими женскими услугами.

Через несколько минут составили общий план относительно того, как надо провести эту ночь. Решено было с наступлением сумерок поставить ковчег на его обычном месте, потому что, по мнению Бумпо, гуроны после недавней схватки не имеют никакой охоты делать новые нападения. Притом ему было поручено сделать довольно важное предложение, и если бы оно было принято так, как хотелось бы ирокезам, война окончилась бы сама собой. За этим, собственно, и получил он на честное слово кратковременный отпуск.

Когда ковчег был привязан к платформе, все принялись за обычные дела, и посторонний наблюдатель мог бы подумать, что ничего особенного не случилось. Три женщины хладнокровно и спокойно начали готовить ужин. Скорый Гэрри при тусклом свете сосновой лучины починал свои мокасины; Чингачгук сидел задумавшись в темном углу; Зверобой внимательно рассматривал «ланебой», карабин старика Тома, который впоследствии приобрел громкую известность в его собственных руках. Этот карабин с серебряной оправой был несколько длиннее обыкновенного — должно-быть, его сделал первостатейный оружейный мастер. Его главное достоинство составляло совершенство калибра и всех деталей; самый металл был также превосходен решительно во всех отношениях. Несколько раз молодой охотник переворачивал его на все стороны, пробовал замок и полку, приставлял приклад к своему плечу, прицеливался в отдаленные предметы, и все эти маневры он производил при свете лучины с таким хладнокровием, которое могло как нельзя больше удивить и озадачить наблюдателя, знающего о настоящем положении Зверобоя.

— Отличное ружье, Генрих Марч! — вскричал он наконец по окончанию своих наблюдений. — Признаюсь, жаль, что оно попало в руки женщин. Будь оно в руках хорошего охотника, я бы прозвал его «Смертью наверняка», и ничуть бы не ошибся. Такого огнестрельного оружия не видал, верно, и ты, Скорый Гэрри!

— Твоя правда, Зверобой! Такое ружье — редкость в наших краях, — отвечал Марч, завязывая свой мокасин. — Недаром старик Том хвалился всегда этим карабином. Он не был, правда, хорошим стрелком, это мы знаем все, но у него были и хорошие стороны, Мне казалось, что Юдифь намерена подарить мне этот карабин.

— Ну, я полагаю, не всегда можно угадать, что на уме у молодой девушки. Однако, очень вероятно, что карабин скорее достанется тебе, чем другому. Жаль только, что на этот раз предмет, близкий к совершенству, не вполне достигнет назначения.

— Что ты этим хочешь сказать, товарищ? Неужели на моих плечах этот карабин будет не так красив, как на других?

— Насчет красоты я не спору, да и незачем: ты красавец первой руки, это всем известно, а с этим ружьем на плече будешь молодец молодцом. Но иное дело красота, и совсем иное дело ловкость и верность взгляда. В целую неделю не настрелять тебе этим карабином столько оленей, сколько другие настреляли бы в один день. Помнишь ли того оленя, в которого промахнулся?

— Что за вздор ты говоришь, Зверобой! Я хотел тогда только напугать вертлявую лань, и ты, я думаю, видел, как она перетрусилась.

— Ну, пусть будет по-твоему; только этот карабин достоин владыки, и я уверен, что опытный стрелок был бы с ним властелином лесов.

— И прекрасно, будьте властелином лесов, Зверобой! — воскликнула Юдифь, которая слышала этот разговор. — Дарю вам этот карабин, и, надеюсь, целые полсотни лет он будет в самых лучших руках.

— Вы шутите, Юдифь! — вскричал Бумпо, крайне изумленный такою неожиданною щедростью. — Ведь это такой подарок, который не стыдно бы предложить английскому королю!

— Я вовсе не шучу, Зверобой, и никогда не предлагала подарка так от души, как этот.

— Хорошо, Юдифь, мы потолкуем об этом в свое время, а ты, Генрих Марч, не должен огорчаться. Юдифь — девушка молодая и видит вещи издалека: она поняла, что отцовский карабин вернее прославится в моих руках, чем в твоих, и в этом уж, конечно, она нисколько не ошиблась. Во всяком другом отношении Юдифь, само собою разумеется, отдает тебе полное предпочтение предо мной.

Занятый приготовлениями к отъезду, Генрих Марч пробормотал что-то про себя и не счел нужным обнаруживать открыто своего негодования. Через несколько минут подали ужин, и все молча уселись за стол. Никто не чувствовал желаний возобновлять разговор, так как все и каждый были заняты собственными размышлениями. После ужина все вышли на платформу, чтобы выслушать от Зверобоя предложения гуронов. Уселись на скамейку возле двери, и Юдифь первая начала разговор:

— Видно по всему, Зверобой, что вы не торопитесь исполнить возложенное на вас поручение. Мы хотим, однако, знать, зачем послали вас гуроны.

— Отпустили, Юдифь, а не послали. Прошу не забывать, что я в отпуску и связан честным словом. Но вы правы, мне действительно пора передать поручение гуронов, тем более, что Скорый Гэрри уже собрался нас оставить. Какая прекрасная ночь! Вот эти бесчисленные звезды над нашими головами совсем не заботятся ни о нас, ни о гуронах.

— Послушай, Зверобой, — нетерпеливо сказал Генрих Марч, — ты очень хороший стрелок и недурной товарищ по дороге; но как собеседник ты иной раз ни к чорту не годишься. Зачем ты понес всю эту околесицу, когда мог бы все дело высказать ясно и прямо?

— Понимаю тебя, Торопыга, и не намерен обвинять тебя, потому что в эту ночь тебе действительно нужно торопиться. Все мы образуем теперь совет, и предмет наших совещаний — предложение гуронов. Итак, вот в чем-дело. Гуроны, можете себе представить, воротились из последнего похода очень недовольные друг другом, и на совете их вождей не было веселых лиц. Никто не любит поражений, это само собою разумеется, и краснокожие в этом отношении так же чутки, как и белые люди. Долго они курили трубки, долго говорили, и когда, наконец, огонь начал потухать, порешили дело единогласно и единодушно. Главнейшим вождям пришло в голову, что я, конечно, такого рода человек, на которого без всякого опасения можно положиться. Эти минги вообще довольно проникательны, надобно отдать им честь, и иной раз даже бледнолицый пользуется у них хорошей репутацией. Рассудив, что на меня совершенно можно положиться, они не замедлили сообщить мне все свои мысли, и вышла, видите ли, вот такая история: они знают ваше положение и рассчитывают, что озеро со всем, что на нем есть, теперь в полной их власти. Они убили старика Тома и уверены, что Генрих Марч, побывав в их когтях, не захочет больше этим летом охотиться за волосами. Стало-быть, по их мнению, все ваши силы ограничены Чингачгуком и двумя молодыми девушками. Чингачгук, как им известно, принадлежит к великому воинственному роду, но они знают и то, что он пока еще новичок в военном деле. Что касается молодых девушек, они думают о них то же, что вообще думают о женщинах.

— Вы хотите сказать, что они нас презирают? — вскричала Юдифь, и глаза ее сверкнули.

— Это вы увидите под конец. Я сказал, что ирокезы считают это озеро своею собственностью. Они передали мне этот вампумовый пояс и обратились ко мне с такими словами: «Скажи Великому Змею, что на первый раз он вел себя недурно. Он может теперь спокойно удалиться в свои деревни, и никто из нас не погонится за ним. Если есть у него волосы минга, он может унести их, куда хочет. Гуроны храброе племя и с отзывчивым сердцем. Они знают, что неприлично молодому воину возвращаться домой с пустыми руками. Он может, пожалуй, собрать отряд и преследовать нас в открытом поле. Но Вахта непременно должна воротиться к гуронам. Оставив ирокезский стан в ночное время, она

унесла с собой по ошибке такую вещь, которая не принадлежит ей».

— Этого быть не может! — с живостью сказала Гэтти. — Вахта не захочет поживиться чужим добром, и я уверена...

Заступничество простодушной девушки было бы, вероятно, гораздо продолжительнее, если бы Вахта, покраснев и засмеявшись в одно и то же время, не закрыла ей рта своею рукою.

— Вы не понимаете речи мингов, любезная Гэтти, — возразил Зверобой. — Надо глубже вникать в смысл всего, что они говорят. На этот раз они хотят сказать, что Вахта унесла с собою сердце молодого гурона, и потому ей следует воротиться назад в ирокезский стан. Великий Змей, говорят они, такой человек, который не будет иметь недостатка в женах, но эта девушка не его. Так, по крайней мере, я понял их слова.

— Они, однако, совсем глупы, эти ирокезы, если воображают, что молодая девушка может пожертвовать влечением своего сердца для того, чтобы удовлетворить желаним влюбленного дурака, — сказала Юдифь ироническим и вместе раздраженным тоном. — Женщина будет женщиной всегда и везде, какую бы кожу ни дала ей природа, и ваши вожди, Зверобой, слишком плохо знают сердце женщины, если рассчитывают, что оно так легко может отказаться от истинной любви.

— Вы правы, Юдифь, только не совсем: знавал я женщин, для которых любовь то же, что игрушка или тряпка от их нарядов, Второе поручение относится, собственно, к вам. Ирокезы того мнения, что дочерям старика Тома, круглым сиротам, нужны теперь спокойное жилище и вкусный кусок хлеба. Гуронские вигвамы, по их словам, гораздо лучше нью-йоркских, и они желают, чтобы вы изведали это на самом деле. Цвет вашей кожи бел, как снег, им это известно; но они думают, что молодые девушки, привыкшие к лесам, не найдут правильной дороги среди просторных полей. Один из их выдающихся воинов недавно потерял жену, и вот, видите ли, ему хочется посадить Дикую Розу на скамейку возле своего огня. Что касается слабоумной девушки; то красные воины будут оказывать ей глубокое уважение и принимают на себя заботы о всех ее нуждах. Они рассчитывают, что имение вашего отца обогатит их племя; но ваше собственное имущество, само собою разумеется, должно будет поступить в полное распоряжение семьи вашего мужа. Притом белые люди недавно умертвили у них молодую девушку, и теперь справедливость требует, чтобы этот ущерб был пополнен двумя девушками из племени врагов.

— И вы, Зверобой, взялись передать мне такое предложение! — сказала Юдифь грустным тоном. — Неужели, по вашему мнению, я способна сделаться рабою индейца?

— Если вы желаете, Юдифь, знать мое искреннее мнение, то я готов сказать без утайки, что вы никогда по собственной воле не сделаетесь рабою мужчины, будь он белый или красный. Но вы не должны сетовать на посла, который передает вам слово в слово чужие предложения: это его обязанность, и я с своей стороны хотел бы выполнить ее, как должно честному человеку. Но хотите ли теперь узнать мое собственное мнение насчет того, что каждый из нас может и должен отвечать при настоящих обстоятельствах?

— Да, чорт побери, мне бы очень хотелось знать твое мнение об этом, Зверобой, — сказал Скорый Гэрри. — Я, впрочем, уже давно решил со своей стороны, как надобно вести себя.

— И прекрасно. Я тоже приготовил уже ответы за всех вас и за тебя особенно, Генрих Марч! На твоём месте я ответил бы: «Зверобой», скажи этим бродягам, что они совсем не знают Скорого Гэрри. Как белый человек, с белым сердцем и белою душою, он никогда не позволит себе оставить на произвол судьбы бедных сирот, лишенных покровительства и защиты. Поэтому дурно делают ирокезы, что толкуют о нем вкось и вкривь, когда раскуривают свои трубки...

— Остановись, Зверобой; чем дальше в лес, тем больше дров! — вскричал Марч почти угрожающим тоном. — Ты слишком близорук и не видишь чужой души. Скажи этим дикарям, что они отлично понимают Генриха Марча, — это разумеется, делает им честь. Марч такой же человек; как все, и был бы глупец или сумасшедший, — если бы отважился

один на борьбу с целым племенем. Когда женщины его оставляют по собственным побуждениям и расчетам, что мудреного, если и сам он оставляет таких женщин, хотя их кожа белее самого снега? Если Юдифь переменит свои мысли, рад ее взять с сестрою в собственную хижину. В противном случае мне нет никакой надобности становиться мишенью для неприятельских пуль.

— Юдифь не переменит своих мыслей и не желает оставаться в вашем обществе, господин Марч! — сказала она холодно.

— Стало-быть, это дело решенное, — заключил Зверобой спокойным тоном, не обращая внимания на сарказм молодых людей. — Генрих Марч будет делать что ему угодно, и, вероятно, нам придется его проводить. Теперь очередь за Вахтой. Что ты скажешь? Забудешь ли ты свой долг и воротись к гуронам, чтобы осчастливить молодого минга, или пойдешь к делаварам с возлюбленным своего сердца?

— Зачем говорить об этом Вахте? — спросила молодая девушка полуобиженным тоном. — Делаварка ведь не то, что капитанская жена, и не бросится на шею первому молодому офицеру.

— Я так именно и думаю, Вахта, но все же мне нужен твой ответ, чтобы передать его мингам.

Вахта встала, осмотрелась вокруг и энергично проговорила на делаварском языке:

— Скажи, Зверобой, этим гуронам, что они слепы, как кроты, если не умеют отличать волка от собаки. В моем народе роза умирает на стебельке, где расцвела; слезы ребенка падают на могилу его родителей; зерно зреет на том месте, где брошено семя. Делаварские девушки не то, что пленницы, которых можно перегонять из одного племени в другое, перепоясав вампумом. Перелетная птица каждый год возвращается в свое прежнее гнездо; неужели женщина не постояннее птицы? Посадите сосну на глине: она высохнет, и листья ее пожелтеют; ива не будет расти на горе. Что такое молодой гурон для девушки из древнего племени ленни-ленапе? Проворен он, не спорю; но не угнаться ему за ней, когда она обратит свои глаза на делаварские деревни. И поет он хорошо, спору нет; но самая лучшая музыка для Вахты — родные ее песни. Она не хочет его, если он не из рода великого Ункаса. Одно у Вахты сердце, и один для нее муж. Объяви об этом мингу.

Зверобой с видимым удовольствием выслушал эту образную речь и не замедлил перевести ее белым девушкам, не понимавшим делаварского языка.

— Вот это стоит всех индейских вампумов, и, признаюсь, я очень рад, что не обманулся в своем ожидании. Вообразите, Юдифь, что заклятый враг предлагает вам отказаться от любимого человека и выйти за мужчину, которого вы презираете. Ваш ответ в таком случае, я уверен, был бы не лучше и не хуже этой, выразительной и сильной речи. Пусть женщина говорит, как чувствует, и слова ее всегда будут удивительно красноречивы. Теперь за вами очередь, Юдифь! Что скажет белая девушка после красной? Хотя и то правда, что румяные ваши щеки трудно назвать белыми. Чингачгук и все индейцы прозвали вас Дикой Розой, имя чудесное, и оно принадлежит вам по праву.

— Если бы все эти слова, Зверобой, выходили из уст какого-нибудь крепостного офицера, я бы выслушала их с презрением, — отвечала Юдифь, обрадованная искренним комплиментом, — но, я знаю, вы говорите то, что чувствуете, — и язык ваш не способен к лести. Напрасно, однако, думаете вы, что теперь очередь за мной. Еще ничего не сказал Чингачгук.

— Да и не нужно; я заранее знаю его ответ. Впрочем, для порядка пусть и Змей выскажет свою мысль.

Чингачгук так же, как его невеста, встал с своего места, чтобы придать своему ответу более достоинства и силы. Вахта говорила, скрестив руки на груди, как-будто подавляя свое внутреннее волнение, но Великий Змей протянул свою руку вперед с видом спокойной и величавой энергии.

— Вампум за вампум, посольство за посольство, да будет так. Слушайте все, что Великий Змей из племени делаваров объявляет волкам, вой которых раздается в наших

лесах. Не волки они, а жалкие псы с подрезанными хвостами и обрубленными ушами. Воруют они девушек, но не умеют их беречь. Чингачгук берет свою вещь везде, где ее находит, не спрашивая позволения презренного бродяги. Объяви этим подлым псам, что лай их должен раздаваться громче и сильнее, если хотят они наклепать на себя охотников из племени могикан. Была причина доискиваться их логовища, когда в нем стерегли делаварскую девицу; но теперь они будут забыты, и я их презираю. Чингачгук оставляет Вахту при себе, и она будет варить для него застреленную птицу. Объяви мой ответ презренным мингам.

— Bravo, Чингачгук! Я отнесу им твое послание и налюбуюсь вдоволь, как переполошится весь их стан. Ну, Юдифь, ваша очередь. Гуроны непременно хотят получить от всех ясные ответы, кроме одной Гэтти.

— Зачем же такое исключение, Зверобой? Гэтти говорит иногда очень складно. Индейцы могут, конечно, придать некоторую важность ее словам, так как они вообще уважают слабоумных людей.

— И то правда. Говорите, Гэтти, все, что у вас на уме, и я передам ваш ответ слово в слово.

Гэтти с минуту молчала, но потом, собравшись с духом, отвечала:

— Гуроны, кажется, не понимают разницы между белыми и красными людьми, иначе, я думаю, не пришло бы им в голову требовать, чтобы мы с сестрою переселились в их жилища. Озеро принадлежит нам, и мы не оставим Глиммергласа. Здесь могилы нашего отца и нашей матери, а ведь и индейцы не оставляют родительских могил. Пойду к гуронам со всею охотою, если они этого желают, и стану читать им библию, но ни за что не покину родительских могил.

— Довольно, Гэтти! Ваш ответ, я уверен, понравится гуронам. Если теперь вы, Юдифь, сообщите свои мысли, — поручение мое будет исполнено.

— Скажите прежде, Зверобой: резкость наших выражений не повредит вам? Все мы, насколько я вижу, рубим с плеча, совсем забывая ваше положение, как пленника между этими дикарями. Какие, по вашему мнению могут отсюда произойти последствия собственно для вас?

— Это все равно, Юдифь, как если бы вы спросили, с какой стороны подует ветер, на будущей неделе. Могу сказать только, что гуроны посматривают на меня искоса, а больше ничего не знаю. Вам легче было предложить этот вопрос, чем мне на него ответить.

— То же самое должна сказать и я относительно предложения гуронов, — возразила Юдифь, вставая с места. — Я отвечу вам одному, Зверобой, когда все наши товарищи улягутся спать.

Было что-то решительное во всех чертах и движениях Юдифи, и Зверобой беспрекословно согласился на ее предложение. Этим окончилось совещание, и Гэрри объявил, что готов отправиться в дорогу. Прошел, однако, еще целый час, прежде чем он уложил свои вещи. Тем временем каждый предавался собственным занятиям, а молодой охотник прилежно рассматривал подаренный карабин. Наконец, в девять часов Генрих Марч решил начать свое путешествие. Его прощание было холодно и принужденно. Юдифь протянула ему руку, совсем не скрывая радости от этой разлуки. Чингачгук и Вахта оставались совершенно равнодушными. Одна только Гэтти обнаруживала признаки искреннего сожаления. Печальная и робкая, она стояла в стороне до тех пор, пока Марч не пересел в лодку, где его уже дожидался Зверобой. В ту минуту, когда лодка готова была отчалить, она вошла в ковчег, остановилась на пароме и сказала кротким голосом:

— Прощайте, Гэрри! Прощайте, любезный Гэрри! Идите осторожно по лесам и не останавливайтесь нигде до прибытия вашего в крепость. Гуронов слишком много в этих местах, и такого человека, как вы, они не пощадят, как меня.

Генрих Марч почти никогда не обращал внимания на Гэтти и даже грубо отзывался о ее недостатках. На этот раз, однако, прощальное приветствие бедной девушки растрогало его до глубины души. Он остановил лодку и вскочил на край парома.

— Вы, Гэтти, добрая девушка, и мне очень приятно на прощанье пожать вам руку. Юдифь совсем не стоит вас, несмотря на свою красоту... Если вашу искренность считать признаком здравого смысла, то вы гораздо умнее и Юдифи, и всех девиц, каких только я знаю.

— Пожалуйста, любезный Гэрри, ничего не говорите против Юдифи, — сказала Гэтти умоляющим тоном.

— Пусть будет, что будет, а чему быть, того не миновать. Если еще раз мы увидимся с вами, вы найдете во мне искреннего друга, готового оказать вам всякую услугу. Я не был, правда, большим приятелем вашей матушки и часто с ней спорил, но старый Том и я решительно всегда сходились в своих мыслях. Храбрый он был человек и мастер в своем роде. Это я готов твердить до конца своей жизни.

— Ну, прощайте, любезный Гэрри! — сказала молодая девушка, желавшая теперь, сама не зная почему, скорее расстаться с красивым гигантом. — Берегитесь же во время этих странствований по густому лесу.

Генрих Марч, не говоря больше ни слова, искренно пожал руку Гэтти Гуттер и перепрыгнул в лодку. Через минуту он был уже на сто футов от ковчега; еще минута, — и лодка совершенно скрылась из вида. Гэтти глубоко вздохнула и, склонив голову, побрела к сестре.

Несколько минут Зверобой и его товарищ гребли молча. Было решено, что Марч выйдет на берег в том самом месте, где они пристали в первый раз, так как гуруны не обращали внимания на этот пункт и притом здесь он лучше знал дорогу. Менее чем в четверть часа легкий челнок, управляемый сильными руками, остановился в назначенном месте.

— Смотри же, Генрих Марч, — сказал Зверобой, — по прибытии в крепость ты немедленно поспеши к коменданту и упроси послать военный отряд против этих бродяг. Ты еще лучше сделаешь, если вызовешься сам проводить солдат, потому что ты отлично знаешь все эти места. Ступай сперва к лагерю гурунов и преследуй их по пятам, если они уйдут вперед. Авось, солдаты зададут им такую острастку, какой они долго не забудут. Для меня тут не будет личных выгод, потому что завтра вечером, при солнечном закате, моя судьба будет решена, но все это, без сомнения, спасет бедных сирот.

— Чего же сам ты ожидаешь, любезный Натаниэль? — спросил Гэрри с видом искреннего участия:

— Облака на горизонте мрачны и грозны, и я готовлюсь ко всему. Жажда мщения томит и пожирает сердце мингов: они обманулись в надежде обогатиться сокровищами замка, раздражены похищением Вахты, и смерть их воина, убитого мною, у них свежа в памяти. По всей вероятности, я умру в пытках.

— Да ведь это адская штука, чорт побери, и пора положить ей конец! — вскричал Гэрри в бешеном порыве. — Не даром старик Том и я собирались оскальпировать весь их лагерь, когда нарочно для этого отправились из замка. Если бы ты, Зверобой, не остался позади, успех наш был бы полный. Однако, я надеюсь, ты не имеешь серьезного намерения добровольно отдать себя в руки этих злодеев? Ведь это было бы отчаянным поступком сумасброда или просто дурака.

— Некоторые люди действительно считают сумасбродством держать данное слово; зато есть и такие люди, Генрих Марч, которые считают это своей обязанностью: я из числа последних. Пусть минг, убежденный моим примером, не жалуется на вероломство белого человека. Прощай, Генрих Марч; может-быть, мы больше не увидимся.

С этими словами товарищи расстались, Марч углубился в лес, проклиная про себя человеческое сумасбродство. Зверобой, напротив, сохранил все свое спокойствие. Верный принятым правилам и непреклонный в своих решениях, он смотрел на будущее, как на неизбежное, и не старался от него освободиться. Постояв на берегу несколько минут, он воротился к лодке и, прежде чем взяться за весла, бросил взгляд вокруг себя. Была ночь, и на небе ярко сияли звезды. С этого места первый раз в своей жизни он увидел прекрасную

ровную поверхность воды, на которой теперь колыхался его челнок. Тогда она была великолепна при блеске яркого солнца; теперь, в ночном мраке, красота ее навевала печаль. Горы, как мрачные ограды, возвышались вокруг, заслоняя собою внешний мир, и лучи бледного света в самой широкой части этого бассейна служили символом слабой надежды, едва мерцавшей в дали будущего.

Вздыхнув от глубины души, Зверобой оттолкнул лодку и быстро поплыл к осиротелому жилищу Канадского Бобра.

Глава XXIV

Юдифь с нетерпением ожидала на платформе возвращения Бумпо. Вахта и Гэтти еще спали, а могикан растянулся на полу в ближайшей комнате с карабином около себя и во сне переживал происшедшие события. На краю ковчега горела лампа, употреблявшаяся только в экстренных случаях. По всей ее внешности сразу можно было заключить, что она хранилась когда-то в заветном сундуке.

Завидев лодку, Юдифь перестала ходить по платформе взад и вперед и приготовилась принять молодого охотника. Они вместе привязали лодку и Зверобой заметил с первого взгляда, что молодая девушка имела очень озабоченный вид.

— Вы ведите, Зверобой, — начала Юдифь, — что я зажгла лампу в каюте нашего ковчега. Это мы делаем только в важных случаях, а я думаю, что эта ночь будет иметь важное значение для всей моей жизни. Хотите ли вы идти за мною? Я намерена вам показать некоторые вещи и открыть в то же время свою тайну.

Зверобой несколько изумился, но без отговорок пошел за своей спутницей в каюту ковчега. Возле большого сундука стояли две скамейки, и тут же был приготовлен стол, чтобы складывать на нем вынутые вещи, Все замки были отперты и сняты: оставалось только приподнять тяжелую крышку и начать выкладывать вещи...

— Отчасти я понимаю, что все это значит, — сказал Зверобой. — Но почему же здесь нет вашей сестрицы? После смерти старого Тома Гэтти имеет одинаковое с вами право на все эти редкости...

— Гэтти спит, Зверобой! Все наряды и сокровища не имеют, к счастью, никакой цены в ее глазах. Притом она сама нынче вечером отдала мне в полное распоряжение все, что отыщется в этом сундуке.

— Но с полным ли сознанием бедная Гэтти согласилась на такую уступку? — спросил молодой охотник, обнаруживая здесь, как и везде, свою обычную любовь к справедливости.

— Будьте уверены, Зверобой, что Гэтти не будет обижена ни в чем. Она знает все, что я намерена делать, и понимает побудительную причину моего поступка. Садитесь же и потрудитесь приподнять тяжелую крышку. На этот раз мы осмотрим все, что есть здесь. Очень будет жаль, если мы не найдем объяснения загадочной судьбы Томаса Гуттера и моей матери.

— Почему же, Юдифь, вы называете его Томасом Гуттером, а не отцом? Разве он, как мертвец, потерял право на ваше уважение?

— Давно я догадывалась, Зверобой, что Томас Гуттер не отец мой, хотя я думала, что Гэтти — родная его дочь. Но оказалось, что мы обе родились не от него. Он сам объявил нам об этом перед смертью. Я помнила, что в детстве меня окружали совсем не те предметы, которые видим здесь, на озере. Но эти отдаленные воспоминания мелькают передо мной, как сон, и я ничего не представляю ясно.

Зверобой сел; как желала Юдифь, и они начали вынимать из сундука различные вещи. Прежде, само собой разумеется, попались на глаза уже знакомые предметы, которые поэтому не возбудили особенного любопытства. Юдифь не посмотрела даже на парчевое платье и отложила его в сторону.

— Все это мы видели; — оказала она, — и бесполезно было бы пересматривать в другой раз. Но вот этот сверток, что в ваших руках, Зверобой, еще не был вскрыт и его

следует осмотреть внимательно, из него, может-быть, мы узнаем что-нибудь о происхождении моем и бедной Гэтти.

— Да, если бы некоторые свертки могли говорить, мы открыли бы удивительные тайны, — отвечал молодой охотник, развертывая толстый полотняный пакет. — Что это такое? Ведь это, если не ошибаюсь, знамя, хотя и не знаю, какому народу оно может принадлежать.

— Разверните его совсем, Зверобой, — с нетерпением вскричала Юдифь, — надо хорошенько рассмотреть цвета.

— Нельзя не пожалеть о бедном прапорщике, который таскал его на своих плечах во время битвы. Ух, какое огромное знамя! Из него, на мой взгляд, можно бы выкроить целую дюжину обыкновенных королевских знамен. Это, должно-быть, не офицерское, а генеральское знамя.

— Может-быть, это корабельный флаг, Зверобой! Томас Гуттер входил в какие-то сношения с людьми, которых называл буканьерами. Вам не случилось об этом слышать?

— Нет, Юдифь, я совсем не знаю, что это за буканьеры. Молва носилась, говорил Скорый Гэрри, будто старик Том имел когда-то связь с морскими разбойниками. Это, может-быть, клевета, и потому безрассудно, основываясь на ней, обвинять мужа вашей матери.

— Муж моей матери! Да, к несчастью, это, должно-быть, так. Но каким образом женщина с ее характером выбрала себе в мужа такого человека, как Томас Гуттер, этого нельзя объяснить простыми соображениями. Вы никогда не видали моей матери, Зверобой, и не можете понять, какая неизмеримая пропасть лежала между ними.

— Такие вещи, однако, бывают на белом свете, и не редко. Но будем продолжать наши поиски: вот еще какая-то странная четырехугольная пачка.

Развернув грубое полотно, Зверобой нашел под ним небольшую запертую шкатулку прекрасной работы. Не отыскав ключа, он принужден был, с согласия Юдифи, открыть ее железным инструментом. В шкатулке были письма, тетради, лоскутки исписанной бумаги. Юдифь тотчас же набросилась на этот родник секретных сведений с быстротою ястреба, подкарауливавшего свою добычу. Первые письма, которые она пробежала, повидимому, вполне удовлетворили ее, и удовольствие ясно проглянуло во всех чертах ее лица. Эта была переписка умной и нежной матери с отсутствующей дочерью. Ответов самой дочери не было, но они оказались совершенно понятными из ясных намеков матери. Давая благоразумные наставления и советы, она, между прочим, уговаривала дочь не сближаться с одним европейским офицером, который, по ее мнению, не мог иметь честных видов на американку.

В другом пакете хранились любовные записки. Юдифь читала их, и рука ее задрожала, когда в одном из этих писем она открыла поразительное сходство с любовным посланием, адресованным к ней самой. Она склонила голову на грудь и на минуту прекратила чтение.

Все письма были расположены в хронологическом порядке, и, читая одно за другим, можно было узнать подробную историю удовлетворенной, охладевшей и сменившейся отвращением страсти. В одном месте был с точностью обозначен день ее рождения, и тут оказалось, что имя Юдифи было ей дано по желанию ее отца. Собственные имена были стерты везде, кроме этого места и еще другого, где говорилось о рождении Гэтти, которую сама мать, независимо от воли отца, назвала Эсфирью. Слабоумная дочь родилась в момент полного охлаждения между их матерью и неизвестным им отцом. С этой поры покинутая несчастная мать постоянно оставляла копии со своих собственных писем. Их было очень немного, но они весьма красноречиво изображали ее страдания.

Всех писем в этой пачке было больше сотни; около двадцати она прочла с напряженным вниманием, останавливаясь на каждой фразе. Так прошел целый час.

Оставалось разобрать еще связку писем — корреспонденцию матери двух дочерей с Томасом Гови, который впоследствии принял имя Гуттера. За каждым письмом следовал ответ, и эта переписка, тщательно подобранная, объяснила Юдифи первоначальную связь ее матери с Томасом Гови. Юдифь узнала, что несчастная женщина первая сделала ему предложение соединить свою жизнь с его судьбой. Ответы Гови обличали в нем человека грубого. В последних письмах несчастная женщина склоняла своего мужа удалиться от света, сделавшегося опасным для них обоих.

Из разных бумаг на дне шкапулки прежде всего бросился в глаза старый журнал с прокламацией губернатора, предлагавшего значительную денежную награду за поимку и представление ему в суд известных разбойников, между которыми значилось также и имя Томаса Гови. Ничто, однако, не указывало фамилию матери. Все подписи и числа были вырезаны, и все собственные имена в самом тексте тщательно зачеркнуты. Таким образом Юдифь отказалась от всякой надежды напасть на следы своей фамилии и просила своего товарища окончить поскорее разбор других вещей, оставшихся в этом сундуке.

— Извольте, Юдифь, я согласен, — сказал Зверобой, — но если еще попадутся здесь такие же письма, вам не прочесть их до солнечного восхода. Вы больше двух часов разбирали все эти бумаги.

— Из них, Зверобой, я узнала историю своих родителей. Вы, надеюсь, охотно простите дочь, что она слишком долго занималась подробностями, которые объясняют судьбу ее матери. Очень жалею, что я так долго заставила вас ждать.

— Не беспокойтесь об этом, Юдифь: я привык не спать по ночам. Вы прекрасны, Юдифь, и всякий, конечно, смотрит на вас с удовольствием; но признаюсь, что не слишком приятно видеть, когда вы плачете так долго. Слезы, говорят, не убивают женщин и даже приносят им некоторую пользу, но, во всяком случае, мне гораздо приятнее смотреть на ваши улыбки, чем на слезы.

Юдифь улыбнулась на этот комплимент и попросила своего товарища окончить поскорее разбор вещей.

— Теперь, Зверобой, — сказала Юдифь, — мы можем поговорить, как высвободить вас из плена. Я и Гэтти с удовольствием готовы предложить за вашу свободу все, что только есть в этом сундуке.

— Это очень великодушно с вашей стороны и по-женски. Слыхивал я, что женщина не любит останавливаться на полдороге: если она почувствует к кому-нибудь истинную дружбу, — все вещи для нее ничто и она готова жертвовать ими в пользу друга. От всего сердца благодарю вас обеих! Но этого, к несчастью, никак не может случиться по двум главным причинам.

— Какие это причины, Зверобой, если я и Гэтти готовы пожертвовать всем нашим имуществом за вашу свободу?

— Прекрасная мысль, Юдифь, нечего сказать: но на этот раз она совсем ни к чему. Минги, вероятно, охотно согласятся принять от вас все, что в этом сундуке, но это предложение ничем не будет вознаграждено с их стороны. Что бы вы сказали, Юдифь, если бы кто-нибудь вздумал объявить, что вот за такую-то цену он отдает этот сундук в полное ваше распоряжение?

— Да он и без того в полном моем распоряжении. Нет надобности покупать за деньги свою собственность.

— Однако, минги думают не так. По их понятиям, все ваше имение принадлежит им и они не захотят купить ключа от этого сундука.

— Понимаю вас, Зверобой. Но это озеро все-таки наше, и мы можем держаться в своем доме до тех пор, пока не придет из колонии военный отряд. Если притом вы останетесь с нами, мы будем в состоянии выдержать продолжительную осаду. Неужели вы намерены непременно отдаться в руки этих дикарей?

— Если бы это сказал мне Скорый Гэрри, я бы не был изумлен, так как знаю, что он не способен понимать чувства и мысли честного человека. Но вы, Юдифь, не то, что Генрих

Марч, и я прошу сказать мне по совести: неужели вы не перемените обо мне своего мнения, как о честном человеке, если я решусь не сдержать своего слова?

— Ничто на свете не заставит меня переменить о вас мнения и я убеждена, что вы навсегда останетесь самым честным, благородным и правдивым человеком.

— Ну, так и не принуждайте меня забыть обещание, данное гуронам. Отпуск — долг чести как для воина, так и вообще для всех людей, в каком бы положении они ни были. Стыдно мне будет показаться на глаза старику Таменунду и всем моим делаварским друзьям, если я опозорю себя низким вероломством. Надеюсь, Юдифь, вы легко это поймете.

— К несчастью, вы правы, Зверобой, — отвечала печально Юдифь после минутного размышления. — Человек, подобный вам, не может и не должен поступать, как бесчестный эгоист. Воротитесь в ирокезский лагерь: я не стану больше отговаривать вас. Действуя по совести, вы, по крайней мере, не станете думать, что Юдифь... и вот, я не знаю теперь, какую фамилию присоединить к этому имени.

— Отчего же это? Гуттер был ваш отец, и фамилия Гуттера должна остаться за его дочерьми.

— Ни я, ни Гэтти не можем больше, да и не захотим называться девицами Гуттер. Притом его настоящая фамилия не Гуттер.

— Это очень, очень странно, и я никак не могу вас понять. Старый Гуттер — не Гуттер, и его дочери — не его дочери! Что это значит? Кто же был Томас Гуттер, и кто его дочери?

— Разве вы, Зверобой, ничего не слышали о первоначальной жизни этого человека?

— Слышал я кое-что, но, признаюсь, Юдифь, никогда не верил молве. Генрих Марч рассказывал мне, что Томас Гуттер провел свою молодость на соленой воде и жил привольно, вероятно, на чужой счет.

— То-есть он говорил вам, что Томас Гуттер был морским разбойником: зачем смягчать выражения, когда разговариваешь с друзьями? Прочтите это письмо и вы увидите, кто был мой мнимый отец. Томас Гови, о котором идет здесь речь, есть тот самый Томас Гуттер, которого вы знали.

Говоря таким образом, Юдифь подала ему газетную статью с губернаторской прокламацией, и при этом глаза ее засверкали необыкновенным блеском.

— Я не умею ни читать, ни писать, — возразил Зверобой, улыбаясь. — Мое воспитание началось и окончилось в лесу: единственной книгой для меня были озера, деревья, гром, бури и ненастья. Только эту книгу, исполненную дивных тайн и глубоких познаний, я и умею читать.

— Извините, Зверобой, я совсем забыла образ вашей жизни и не имела ни малейшего намерения вас обидеть.

— Меня обидеть? Чему же тут обижаться, когда вы просите меня читать, а я не могу читать?

— Хорошо, Зверобой, оставим это. Дело в том, что Томас Гови и Томас Гуттер — одно и то же лицо.

— Ну, так, стало-быть, остается вам принять фамилию вашей матушки.

— Да, но я совсем не знаю, как прозывалась моя мать. В этих бумагах нет никакого следа относительно ее происхождения.

— Это слишком странно. Я, например, человек очень скромный и бедный, но родовое имя осталось за мною. Прозываемся мы Бумпо, и я слышал, что эта фамилия в свое время была хорошо известна.

— Вы носите почтенное имя, любезный Зверобой. Гэтти и я с величайшей охотой согласились бы променять свою фамилию на фамилию Бумпо.

— Но в таком случае вам или Гэтти пришлось бы унизиться до замужества со мною, — сказал Зверобой, улыбаясь.

Юдифь внутренне обрадовалась, что разговор сам собою затронул тот вопрос, который занимал ее, и она поспешила ответить:

— Я никак не думаю, Зверобой, чтобы Гэтти вышла замуж. Если кому-нибудь из нас

суждено носить вашу фамилию, так, вероятно, мне.

— Будто бы? В нашей фамилии бывали, говорят, красавицы, и, пожалуй, никто не удивится, если еще присоединится к ним Юдифь Бумпо.

— Не шутите, Зверобой: вы коснулись теперь одного из самых важных вопросов в жизни женщины, и я желала бы поговорить с вами серьезно. Скажите мне чистосердечно: такая женщина, как я, может ли осчастливить мужчину, подобного вам?

— Такая женщина, как вы, Юдифь? Но зачем, в самом деле, шутить такими вещами? Вы прекрасны, умны и отлично образованы. Всякий офицер сочтет за счастье жениться на девушке, подобной вам. Впрочем, что же такое? Вам, разумеется, приятно пошутить над бедным охотником, воспитанным между делаварами.

— Еще раз повторяю вам, что я совсем не намерена шутить, любезный Зверобой! Напротив: за всю свою жизнь я не говорила ничего серьезнее, и мои слова — плод продолжительных размышлений. Может-быть, вам известно, что многие просили моей руки. В продолжение четырех лет почти все холостые охотники, приходившие на это озеро, делали это.

— Знаю я этих людей. Все они думают только о самих себе, не заботясь о других.

— И все они получили от меня один и тот же отказ. Однако, были между ними молодые люди, стоившие некоторого внимания: ваш знакомый Генрих Марч, например.

— Да, его фигура слишком бросается в глаза, и я сначала думал, что вы имеете намерение сделаться его женою; но под конец увидел, что обоим вам было бы слишком тесно в одном и том же доме.

— На этот раз вы совершенно ко мне справедливы. Генрих Марч никогда не мог сделаться моим мужем, хотя бы он был в тысячу раз красивее и храбрее.

— Отчего же, Юдифь? Признаюсь, я желал бы узнать, почему такой мужчина, как Генрих Марч, не может нравиться такой девушке, как вы?

— Извольте, я удовлетворю ваше любопытство. Во-первых, красота мужчины не имеет почти никакого значения в женских глазах, разумеется, если он не совсем урод или калека...

— Едва ли это правда, Юдифь! Чингачгук, например, был любимцем всех делаварок именно за то, что он молодец с ног до головы.

— Искренность, прямодушие и честность, поверьте мне, лучше всяких внешних преимуществ в глазах рассудительной женщины.

— Вы меня чрезвычайно удивляете, Юдифь!

Зверобой был поражен словами молодой девушки. Теперь только в первый раз пришло ему в голову, что Юдифь в самом деле может сделаться неразлучной подругой всей его жизни. Эта перспектива была так заманчива и вместе неожиданна, что он на несколько минут погрузился в глубокое раздумье. Юдифь между тем сидела возле него, наблюдая за всеми изменениями его подвижного и честного лица. Никогда более чарующая мечта не представлялась пылкому воображению молодого охотника, но, привыкнув владеть собою во всех случаях жизни, он скоро пришел в себя и улыбнулся своей слабости. Он опять вернулся к действительности и решил смотреть на вещи с их практической стороны.

— Юдифь, — сказал он, — вы обворожительно прекрасны в этот вечер, и я понимаю отчаяние Гэрри после вашего отказа.

— Неужели вам хотелось бы, Зверобой, чтобы я вышла за такого человека, как этот Генрих Марч?

— Трудновато отвечать на это. Можно, впрочем, поручиться, что многие девушки на вашем месте предпочли бы его всякому другому мужу.

— Только не я. Юдифь ни за какие блага в мире не будет Юдифь Марч. Пусть лучше останется она тем, что есть: без всякого имени.

— Но, по моему мнению, Юдифь Бумпо звучит ничуть не лучше Юдифи Марч.

— Ах, Зверобой, до звуков ли тут? Всякий звук приятен, раз он удовлетворяет твоему желанию. Если бы Натти Бумпо назывался Генрих Марч, для меня было бы совершенно все равно, и я любила бы это последнее имя точно так же, как могла бы ненавидеть фамилию

Бумпо, если бы ее носил человек с характером Генриха Марча.

— Скажите, пожалуйста, ведь это в самом деле часто бывает. Вот, например, я терпеть не могу змеиную породу, и самое слово змея вызывает у меня отвращение и страх. Однако, когда делавары прозвали Чингачгука Великим Змеем, это имя сделалось чрезвычайно приятным для моего слуха. Да, Юдифь, ваша правда: приятность звука тесно соединена с чувством.

— Согласитесь же и с тем, Зверобой, что для меня прямодушие и честность в мужчине лучше всякой наружной красоты.

— Может-быть. Есть, однако, много людей, для которых внешние формы важнее всего на свете. Я очень рад, что вы смотрите на вещи с другой точки зрения.

— Стало-быть, вас нисколько не удивит и то, что при выборе мужа я исключительно обращаю внимание на его внутренние свойства.

— Прекрасно, но уверены ли вы, что такие же чувства будут у вас при столкновении с действительностью? Представьте, что в настоящую минуту стоят перед вами два человека: один из них молодой и прекрасный, в полном расцвете мужественной красоты; другой — с загорелым лицом, узким лбом, тусклыми глазами, черными мозолистыми руками и в грубой одежде из звериной кожи. Если тот и другой сделают вам предложение, кого вы предпочтете?

— Разумеется, последнего, если при этих наружных недостатках будет в нем прекрасная душа.

— Это делает вам честь, Юдифь! Зато грубый и неотесанный мужчина будет глуп, если позволит себе мечтать о девушке, подобной вам. Могу вас уверить, что я, по крайней мере, не способен на такую дерзость.

— Кто же вам сказал, Зверобой, что вы неотесанны и грубы? Человек, изучивший книгу природы с таким усердием, как вы, вполне образован в глазах мыслящей женщины, способной отличить истинное просвещение во всех его формах. И, будьте уверены, такая женщина будет предана вам на всю свою жизнь.

— Вы, Юдифь, гораздо выше меня во всех отношениях. Неравенство в браке так же, как в дружбе, никогда не поведет к добру. Впрочем, я говорю об этом, как о несбыточной мечте, и совершенно убежден, что девушка с вашими достоинствами не унижится до брака с невеждою, подобным мне.

Юдифь устремила на него свои большие голубые глаза, как-будто желая прочесть затаенную мысль в глубине его души. Вскоре, однако, она убедилась, что он совсем не понимал настоящей сущности дела, и весь этот разговор о браке считал обыкновенным спором, не направленным к определенной цели. В эту критическую минуту с быстротою молнии возник в ее изобретательной голове смелый и совершенно новый план, обещавший, по ее мнению, блестящие результаты. Он заставил ее отложить этот разговор до другого, удобнейшего времени. Чтобы не слишком резко прервать начатую беседу, она поспешила ответить на последнее замечание Зверобоя.

— Вы слишком добры, дорогой друг, находя во мне небывалые достоинства.

— Не лучше ли нам прекратить этот разговор на эту ночь? — сказал Зверобой, взяв ее за руку. — Вы слишком взволнованы, и покой для вас необходим. Усните, и завтра поутру, я надеюсь, вас не будут тревожить мрачные мысли. Все, что сказано теперь между нами, останется вечною тайною для всех, даже для Чингачгука, от которого до сих пор я ничего не скрывал. Вы молоды и еще можете надеяться на лучшее будущее. С вашим проницательным и быстрым умом не мудрено выпутаться из всяких затруднений. При такой блестящей красоте, как ваша, девушка не имеет основательных причин жаловаться на свою судьбу. Не мешает отдохнуть и мне для возобновления сил на завтрашний день, может-быть, последний в моей жизни.

Говоря это, Зверобой встал со своего места, и Юдифь последовала его примеру. Когда сундук бы заперт, они расстались молча, пожав на прощанье друг другу руку. Юдифь пошла в свою комнату, а молодой охотник, накрывшись одеялом, лег на полу каюты, где и заснул.

минут через пять. Но Юдифь не спала долго. Она не знала, радоваться ей или печалиться, что разговор не достиг определенной цели. С одной стороны, ее женская деликатность была пощажена; с другой — исполнение ее заветной надежды было отложено опять на неопределенное время, и будущность представлялась ей в мрачном свете. Наконец сон невольно сомкнул ее усталые веки, радостные сновидения успокоили ее.

Глава XXV

Вахта, так же как и Гэтти, встала с рассветом и в минуту окончила весь свой туалет. Свои длинные, черные, как смоль, волосы она завязала простым узлом; выбойчатое платье стянуло ее гибкую талию, и маленькие ножки украсились мокасинами. Одевшись таким образом, она оставила свою подругу заниматься хозяйством и вышла на платформу, чтобы подышать чистым воздухом. Чингачгук стоял уже здесь, бодрый духом и телом, и с глубокомыслием мудреца рассматривал небо, горы, леса и берега.

Встреча двух влюбленных была сердечна и проста. Могикан оборотился к девушке с величавым и вместе ласковым видом; Вахта обнаруживала своими взорами робкую нежность. Оба не проговорили ни одного слова, но это не мешало им в совершенстве понимать друг друга. Вахта в это утро была особенно прекрасна: ее лицо, только-что омытое холодной водою, отражало удовольствие и радость. Юдифь в продолжение кратковременного знакомства посвятила ее в тайны своего туалета и притом подарила ей несколько безделушек, придававших индеанке большую красоту. Луч радости блеснул на лице Чингачгука, когда он заметил это новшество, но через минуту он принял опять свой глубокомысленный вид и даже сделался печальным. Скамейки еще стояли на платформе; он прислонил их к стене и пригласил свою подругу сесть. Потом, заняв и сам место возле нее, он погрузился в глубокое раздумье, не обращая никакого внимания на окружающие предметы. Наконец он медленно протянул руку вперед, как-будто указывая на величественную панораму в час восхода солнца. Вахта с благоговейным страхом следила за всеми его движениями.

— Минги воображают, что делавары уснули за горами.

— Они все спят в этот час, кроме одного, и этот один — ты, Чингачгук, потомок великих Ункасов.

— Что может сделать один воин против целого племени? Дорога к нашим деревням терниста и длинна. Мы должны путешествовать под туманным небом, и я боюсь, что нам придется идти одним, Каприфолия ¹⁸ Гор.

Вахта поняла этот намек и задумалась. Ей, однако, приятно было услышать лестное сравнение из уст своего возлюбленного. Она продолжала молчать, как женщина, которая не должна была высказывать своих мыслей о важных предметах.

— Когда солнце будет там, — продолжал могикан, указывая на запад, — великий охотник нашего племени очутится в руках мингов. Они сдерут с него кожу и будут его жарить, как медведя.

— Я жила между гурунами и хорошо их знаю. Они не забудут, что их собственные дети попадут когда-нибудь к делаварам.

— Волк всегда воет, и свинья обжирается беспрестанно. Они потеряли своих воинов, жен, и жажда мщения томит их. Бледнолицый друг наш имеет орлиный взор и видит насквозь сердце минга: он не ожидает никакой пощады. Дух его покрылся облаком, хотя черты лица его спокойны.

— Что же скажет сын великого Ункаса? — спросила Вахта робким голосом. — Ведь он уже знаменитый вождь, несмотря на молодость, славен мудростью в советах. Какой план внушает ему сердце?

¹⁸ Красивые цветущие кустарники из семейства жимолостевых. (Прим. ред.).

— Что говорит Вахта в ту минуту, когда искренний друг мой попался в великую беду? Маленькие птички поют хорошо, и песнь их приятна для ушей. Пусть запоет Лесной Королек, и я готов внимать сладкой песне.

Вахта еще раз испытала живейшее наслаждение при этой похвале. Делаварские молодые воины прозвали ее Горной Каприфолией; но имя Лесного Королька придумал для нее сам Чингачгук. Она пожала руку молодого воина и отвечала:

— Вахта тех мыслей, что и Чингачгук, и она потеряет всякую охоту спать и смеяться, если Зверобой погибнет под томагавком мингов. Друг что-нибудь сделает для его спасения, или Вахта скорее согласится итти одна к родительскому вигваму.

— Правда! Муж и жена должны чувствовать одним сердцем, смотреть одними глазами и жить одною душою. Правда.

Вскоре солнце, появившись из-за вершин столетних сосен, облило потоками света озеро, холмы и леса. В эту минуту молодой охотник вышел взглянуть на ясное небо и невольно залюбовался прекрасной панорамой зелени и воды. Потом он повернулся с радостным лицом к молодым индейцам.

— Так вот какие дела! — сказал Зверобой. — Ляжешь поздно — увидишь солнечный закат; встанешь рано — увидишь опять, как солнце в дивном своем величии появляется на восточном небе. Я уверен, Вахта, что ты и ложишься поздно, и встаешь рано. Дурно делает та девушка, которая слишком долго не отрывает лица от своей подушки.

Чингачгук поднял выразительные глаза на Зверобоя.

— Где будет мой брат, когда луч солнечный упадет завтра на эту сосну?

Молодой охотник вздрогнул и, устремив пронизательный взор на своего друга, подал ему знак следовать за собою. Они вошли в ковчег, оставив Вахту на платформе.

— Зачем ты об этом спрашиваешь меня в присутствии Вахты? — начал Зверобой. — Белые девушки также могли услышать нас, а это нехорошо, очень нехорошо. Но так и быть; Вахта, я думаю, ничего не поняла. Да и сам ты знаешь ли хорошенько, где придется тебе быть завтра поутру?

— Чингачгук будет вместе со своим другом Зверобоем. Если он отлетит в страну духов, — Великий Змей последует за ним. Если суждено ему выйти на солнце, — лучи этого светила упадут на них обоих.

— Понимаю тебя, могикан, — отвечал охотник, тронутый привязанностью своего друга. — Такая речь понятна на всех языках, потому что она исходит прямо из сердца. Прекрасно думать так и говорить, но вовсе не прекрасно выполнять на деле эти думы и слова. Ты не один в этом мире, и твоя обязанность заботиться о Вахте, которая скоро будет твоего женой.

— Вахта — дочь могиканов, и ее обязанность повиноваться своему мужу. Куда пойдет он, туда и она. Оба будут вместе с великим охотником делаваров. Таково мое слово!

— И глупое слово, уверяю тебя. Можете ли вы вместе с нею изменить природу минга? Твои грозные взгляды, красота и слезы Вахты не превратят волка в белку. Нет, Змей, оставь меня и не заботься о моей судьбе. Притом еще нельзя сказать наверняка, что эти бродяги осудят меня на пытку. Может-быть, они образумятся и пожалеют бедного пленника, хотя, сказать правду, зло сроднилось и срослось с сердцем минга. Но все-таки никто не может определенно знать, что может случиться, и безрассудно подвергать опасности такое слабое существо, как Вахта. Будь ты холостяк, твоя жертва была бы для меня понятна, и я сам, может-быть, потребовал бы от тебя дружеской услуги; но теперь твое дело — смотреть во все глаза за своей невестой и соблюдать благоразумную осторожность.

— Послушай, Зверобой, — возразил могикан с решительным видом, — что стал бы делать бледнолицый брат мой, если бы Чингачгук попался к гуронам? Неужели он на моем месте побежал бы в делаварские деревни и сказал всем старейшинам: смотрите, я привел к вам Вахту, усталую, но совершенно невредимую, и вот перед вами сын великого Ункаса, также невредимый и даже не усталый? Скажи мне, так ли бы ты поступил на моем месте?

— Ох, как ты меня озадачил, Чингачгук. Можно подумать, что ты хитер, как минг! Как

пришел тебе в голову подобный вопрос? Что я бы сделал на твоём месте? Да ведь дело в том, что Вахта не моя невеста. Стало-быть, нечего и толковать. Ты не то, что я, и я не то, что ты.

— Бледнолицый брат мой в эту минуту не похож на самого себя. Он забывает, что ведет беседу с человеком, который заседал на совете могокан. Разговаривая между собою, мужчины не должны говорить таких вещей, которые входят в одно ухо и в другое выходят. Когда воин предлагает вопрос, приятель его должен отвечать прямо и без всяких уверток.

— Понимаю тебя, могокан, отлично понимаю; но ты должен знать, что не легко ответить на твой вопрос. Ты спрашиваешь: как поступил бы я на твоём месте, имея под рукой невесту, если бы друг мой был в плену у мингов? Такова ли твоя мысль?

Индеец, не прерывая молчания, сделал утвердительный знак и вперил пронизательный взор на своего собеседника.

— Так слушай же. Никогда не было у меня невесты, и никогда молодая девушка не пробуждала во мне таких чувств, какие теперь ты и Вахта питаете друг к другу. Стало-быть, и нельзя мне сказать, что мог бы я сделать на твоём месте. Друг влечет к себе очень сильно, это я знаю, Великий Змей; но любовь, насколько мне приходилось слышать и видеть, — сильнее всякой дружбы в тысячу раз.

— Справедливо, но Вахта сама влечет Чингачгука в ирокезский лагерь.

— Вахта благородная девушка, со своими маленькими руками и ножками, и она вполне достойна своей расы. В чем же дело? Надеюсь, она не переменяла своих мыслей и не имеет никакой охоты сделаться женою гурона? Что хотите вы делать?

— Вахта никогда не будет жить в ирокезском вигваме. Несмотря на маленькие ножки, она всегда найдет дорогу в делаварские деревни. Брат мой увидит, на что мы оба способны, когда надо выручать друга.

— Будь осторожен, могокан, и не пускайся в безрассудные предприятия. Вероятно, ты уже затеял что-нибудь в мою пользу; но, смотри, не попади впросак. Вспомни, что изворотливый мозг моих врагов изобретателен на пытки. Легко случится, что они сдерут с меня кожу и будут меня жарить на медленном огне. Все это, может-быть, мне удастся перенести хладнокровно, но беда, если в то же время ты и Вахта попадетесь к мингам: моя пытка будет невыносима, и я, пожалуй, раскричусь, как ребенок.

— Делавары осторожны, будь уверен. Они не попадут, очертя голову, в засаду к своим врагам.

Этим закончился разговор друзей. Когда Гэтти сказала, что завтрак готов, все уселись за стол, не исключая и Юдифи, которая пришла последней. Она была бледна и было видно, что она провела беспокойную ночь. Никто не говорил в продолжение завтрака. Женщины почти не ели ничего, но у мужчин аппетит был обыкновенный. Когда вышли из-за стола, оставалось еще несколько часов до момента, когда Зверобой должен был проститься со своими друзьями. Все опять вышли на платформу. Бумпо казался спокойным, даже веселым, и не делал никаких намеков на страшное событие, ожидавшее его в конце этого дня. Он взял подаренный ему карабин и сел на скамейку возле Юдифи.

— Вы подарили мне это оружие, Юдифь, и я охотно принял подарок, потому что девушка не имеет никакой нужды в карабине. «Ланебой» прославился издавна, и вы справедливо думаете, что слава его может поддерживаться только опытными руками.

— Нет руки опытнее вашей, любезный Зверобой, и я уверена, что вы прославите мой подарок. Даже Томас Гуттер редко давал промах из этого оружия: но у вас оно будет...

— «Смертью наверняка», — добавил, улыбаясь, молодой охотник. — Был я когда-то знаком с охотником на бобров, называвшим свой карабин «смертью наверняка», только он слишком хвастался и врал иной раз всякую чепуху. Ну, а насчет себя я скажу без хвастовства, что вы ничуть не ошиблись, предложив мне этот подарок. Таких стрелков, как я, не много на белом свете. Но вот в чем дело: сколько времени «ланебой» останется в моих руках? Ведь вы уже знаете, чего могу я ожидать нынешним вечером от кровожадных мингов. Легко, пожалуй, случится, что «ланебой» потеряет своего хозяина.

При этих словах Юдифь почувствовала смертельную тоску и едва собралась с духом,

чтобы ответить.

— Что же мне делать с этим оружием, если действительно с вами случится то, чего вы ожидаете?

— Об этом-то я и хотел вас просить, Юдифь. Чингачгук вы знаете: он стрелок отличный, хотя еще слишком далек от совершенства. Притом Чингачгук мой друг, лучший друг, и вы понимаете, что я бы очень желал передать ему в наследство «ланебой».

— И передайте, если это вам нравится, Зверобой! Карабин принадлежит вам, и вы можете располагать им, как своею собственностью.

— Советовались ли вы с младшею сестрою об этом?

Не отвечая ничего, Юдифь позвала Гэтти. Узнав, в чем дело, слабоумная девушка немедленно объявила, что она охотно отказывается от карабина в пользу Зверобоя. Молодой охотник с восторгом выслушал этот ответ и объявил, что намерен сейчас же попробовать подаренное оружие. Взойдя на платформу, он отозвал могикана в сторону и сказал, что в случае своей смерти назначает его наследником знаменитого карабина.

— Вот для тебя новое побуждение быть как можно осторожнее, Великий Змей, — прибавил Зверобой. — С этим оружием, по моему мнению, можно доставить блестящую победу целому племени. Минги надорвутся от зависти, а главное, не посмеют подойти к деревне, которая владеет таким карабином. Подумай об этом, могикан! Вахта, конечно, драгоценна для тебя, но «ланебой» сделается предметом уважения и любви всего твоего племени.

— Всякий карабин хорош, и этот не лучше других, — отвечал по-английски Чингачгук, немного обиженный тем, что его возлюбленную поставили в уровень с огнестрельным оружием. — Все они из дерева и железа, и все убивают. Женщина дорога для сердца, карабин годен только для стрельбы.

— Но чем же будет человек в лесу, если нет с ним огнестрельного оружия? Ему останется только вязать веники, плести корзинки или вспахивать землю; но никогда не узнает он вкуса медвежьего мяса или дичины. Время, однако, идет, и меня разбирает охота попробовать этот чудный карабин. Возьми ружье, а я буду стрелять из «ланебоя», стрелять небрежно, почти не прицеливаясь, чтоб лучше изведать его тайные свойства.

Это предложение, дававшее новый оборот печальным мыслям, было принято с восторгом, и обе сестры немедленно принесли все огнестрельное оружие. Арсенал Гуттера был довольно исправен, и почти все ружья были заряжены.

— Начнем же, Великий Змей, — сказал Зверобой, обрадовавшийся случаю еще раз показать свою необыкновенную ловкость. — Сперва мы попробуем обыкновенные ружья, а там дойдет дело и до «ланебоя». В птицах недостатка нет: одни, как видишь, плавают по озеру, другие порхают над нашими головами: выбирай любую. Не хочешь ли попробовать попасть в этого рыболова?

Чингачгук прицелился, выстрелил и дал промах. Молодой охотник улыбнулся и тут же выстрелил сам: пуля пробила насквозь грудь рыболова, и он замертво упал на поверхность воды.

— Ну, еще не велика вещь застрелить эту птицу, — сказал Зверобой, как-будто опасаясь, чтоб не сочли его хвастуном. — Змей, конечно, не будет досадовать на меня. Помнишь ли ты, могикан, тот день, когда ты сделал такой же промах по дикому гусю, а я застрелил его, почти не прицеливаясь? Все эти штуки, разумеется, ничто для друзей. Но вот еще чудесная птица, годная на жаркое. Немного к северу, могикан.

Это была большая черная утка, величаво плывшая по воде. В ту эпоху глубокого, еще не нарушенного человеком спокойствия все: маленькие озера в Нью-Йоркской области служили местом отдыха для перелетных южных птиц, и Глимерглас время от времени наводнялся целыми стадами диких уток и гусей. В настоящую минуту сотни птиц спали на

воде или омывали свои перья, и утка, на которую указал Зверобой, служила самую лучшую мишенью. Чингачгук, не сказав ни слова, принялся за дело. На этот раз ему удалось пробить крыло, и подстреленная птица понеслась по воде, удаляясь от своих врагов.

— Надо прекратить ее страдания, — сказал Зверобой. — Мой глаз и рука, авось, окажут ей эту услугу.

И роковая пуля отделила голову от шеи с такой ловкостью, как-будто перерезали ее ножом. Вахта, сначала обрадованная успехом своего возлюбленного, сделала недовольную мину, когда увидела превосходство его друга. Напротив, могикинский вождь радостно вскрикнул и не скрыл своего удивления перед меткостью соперника.

— Не думай о своей Вахте, Чингачгук, — сказал Зверобой с веселой улыбкой. — Ее нахмуренные брови не могут ни убить, ни оживить, ни утопить. Разумеется, в порядке вещей, если жена разделяет победу или поражение своего мужа, а вы ведь уж почти муж и жена. Но вот еще славная птица прямо над нашими головами.

То был орел из породы тех, которые питаются рыбой. Он вился в эту минуту над замком, выжидая случая броситься на добычу. Чингачгук молча взял другое ружье, прицелился, выстрелил и опять дал промах, но и Зверобой на этот раз не был счастливее своего друга.

— Кажется, я выхватил у него несколько перьев, — сказал он, — но кровь его цела, и этим старым ружьем не выцедить ее. Юдифь, дайте мне «ланебой»; наступила пора испробовать его.

Последовало общее движение. Чингачгук измерил глазами пространство и убежденно сказал, что невозможно подстрелить на такой высоте.

— А вот увидим, — сказал Зверобой, беря поданное ружье. — Может-быть, «ланебой» сделается в моих руках убийцей орлов.

Выбрав удобный момент, Зверобой прицелился с большой тщательностью. Когда раздался выстрел, орел, барахтаясь в воздухе, медленно начал опускаться на землю и наконец упал на палубу ковчега. Подняв его, все увидели, что пуля пробила ему грудь.

Глава XXVI

— Как необдуманно мы поступили, Чингачгук! — воскликнул Зверобой, когда могикиан поднимал за крылья огромную птицу, угасающий взор которой с отчаянием обращен был на безжалостных врагов. — Какое зло сделал нам этот благородный орел, рассекавший с такою смелостью беспредельное воздушное пространство! И мы убили его для того только, чтобы доказать свою удаль. Дело решенное: сейчас же отправляюсь в ирокезский лагерь, и пусть минги напомним мне в торжественную минуту, что жизнь дорога для всех. Возьмите, Юдифь, назад «ланебой» и передайте его достойнейшему. Мой час пробил!

— Никого нет достойнее вас, Зверобой, — с живостью отвечала Юдифь. — Этот карабин по всем правам может принадлежать только вам.

— Вы правы, если брать в расчет мою ловкость; но я не научился употреблять ее лишь в случае необходимости.

Этот взрыв внезапного раскаяния чрезвычайно изумил всех слушателей, еще не перестававших удивляться искусству ловкого стрелка. Могикиан поспешил прекратить страдания орла, отрезав ему голову большим ножом.

— Одним злом меньше, Чингачгук, — продолжал Зверобой, — но не забудь, что у этой птицы остались теперь без пищи птенцы. Если бы честное слово не принуждало меня возвратиться к мингам на верную смерть, я бы непременно отыскал орлиное гнездо, хотя бы привелось для этого целый месяц лазить по деревьям.

— Эти слова делают вам честь, Зверобой, — заметила Гэтти, — и я очень рада, что вы раскаиваетесь в бесполезном убийстве.

— Правда ваша, добрая Гэтти! Я это особенно чувствую теперь, когда сочтены минуты моей собственной жизни.

Затем молодой охотник вышел из ковчега и молча сел на платформе. Солнце уже поднималось к зениту, и это обстоятельство заставило его подумать о приготовлениях к отъезду. Заметив намерение своего друга, могикан и Вахта поспешили приготовить для него лодку.

— Настал час разлуки, — сказал Зверобой, когда все сгруппировались вокруг него, — и я должен оставить моих лучших друзей. Часто я думал, что бывают минуты, когда наши слова производят особенно глубокое впечатление. Вот почему я хотел бы каждому из вас дать совет, вероятно, последний в моей жизни. К вам прежде всего обращаюсь, Юдифь и Гэтти: пойдите со мною в ковчег.

Чингачгук и Вахта остались на платформе; обе сестры последовали за охотником.

— Гэтти может выслушать ваши наставления на берегу, — сказала Юдифь торопливо, — я хочу, чтобы она отправилась вместе с вами.

— Будет ли это благоразумно, Юдифь?

— Что вы хотите этим сказать, Зверобой?

— Могут произойти такие вещи, которых лучше не видеть молодой девушке. Нет, уж лучше я поеду один, а Гэтти останется при вас.

— Не бойтесь за меня, Зверобой, — сказала Гэтти. — Ирокезы меня не тронут.

— Я убеждена, Гэтти, что тебе действительно нечего бояться, — сказала Юдифь, — и вот почему мне хочется, чтоб ты непременно отправилась в ирокезский лагерь с нашим другом. Это не повредит никому, и легко случится, что твое присутствие будет полезно для Зверобоя...

— Пусть будет так, как вы желаете, Юдифь, не станем об этом спорить. Ступайте же, Гэтти, готовьтесь к отъезду и дожидайтесь меня в лодке.

Оставшись одни, Юдифь и Зверобой молчали, пока Гэтти совсем не вышла из ковчега. Затем Зверобой заговорил спокойно:

— Не сразу, конечно, забываются слова умирающего друга, Юдифь! Я желал бы поговорить с вами с полною откровенностью, как родной ваш брат. Прежде всего я намерен обеспечить ваше спокойствие от ваших врагов. Их у вас два, и они всюду следуют по пятам вашей жизни. Первый враг ваш — красота, иногда опасная для молодой девушки более всякого минга. Берегитесь и будьте внимательны к самой себе, иначе язык низкого льстеца отравит вашу будущность. Времена года сменяются одно другим, природа умирает и вновь оживает; но не суждено возобновляться исчезнувшей красоте.

— Понимаю вас, Зверобой, — отвечала молодая девушка с такою скромностью, которая несколько изумила ее собеседника. — Но вы сказали только об одном враге. Кто же мой другой враг?

— Другой гораздо менее опасен, и, вероятно, будет легко побежден вашим рассудком. Но так как я уже заговорил об этом предмете, то надо мне окончить свою мысль. Первый враг ваш, как я сказал, — ваша необыкновенная красота; вторым врагом является то, что вы сами хорошо понимаете это свое преимущество. Опасность со стороны первого врага значительно будет увеличена, если...

Рыдания Юдифи прервали его слова. Зверобой испугался.

— Простите меня, Юдифь, — сказал он, — у меня были добрые намерения, и я вовсе не хотел до такой степени расстроить вас. Вот так-то и всегда бывает с дружбой! Либо не доскажешь чего-нибудь, либо слишком перескажешь. Все-таки я рад, однако, что дал вам этот совет, и вы не имеете права сетовать на человека, которого ожидает неминуемая пытка.

Юдифь перестала плакать, и лицо ее в эту минуту было так обворожительно, что Зверобой смотрел на нее с невольным восторгом.

— Довольно, Зверобой, — сказала она, — я воспользуюсь вашим уроком и не забуду ни одного вашего слова. Прощайте, мой милый друг!

И с этими словами, пожав руку молодому охотнику, она ушла в замок. Ее место заняла Вахта.

— Ты очень хорошо знаешь природу краснокожих, молодая девушка, — сказал

Зверобой, когда Вахта приблизилась к нему робко и с покорным видом, — и, стало-быть, легко поймешь, что друг твоего жениха, по всей вероятности, беседует с тобой в последний раз. Немногое я хочу сказать тебе, но это немногое происходит оттого, что я слишком долго жил в твоём народе и освоился вполне с его обычаями. Женщина ведет трудную жизнь во всех странах; но судьба ее у краснокожих гораздо тяжелее, чем у белых людей. Впрочем, я уверен, Чингачгук едва ли способен сделаться тираном любимой женщины; но если облако покроет ваш вигвам, помни, что за ненастьем следует ведро.

— Бледнолицый брат мой очень умен. Вахта сохранит в своём сердце его мудрые слова.

— Желаю счастья тебе от всей души. Пошли ко мне Великого Змея.

Вахта не пролила ни одной слезы, оставляя своего друга, но в глазах ее сверкала твердая решимость, составлявшая поразительный контраст с обычной ее скромностью. Через минуту явился Чингачгук.

— Сюда, Великий Змей, дальше от слабых женщин, — сказал Зверобой, — то, что я намерен тебе сказать, не должно доходить до женского слуха. Ты слишком хорошо понимаешь значение отпуска и характер мингов и, стало-быть, можешь судить о последствиях моего возвращения в их лагерь. Я — не нищий, это тебе известно. Пусть Вахта будет наследницею всего моего имени, если к концу лета я не ворочусь домой. Мои кожи, выделанные и невыделанные, оружие и припасы могут оставаться в полном ее распоряжении. Это наследство, по моим расчетам, должно освободить ее от всякой тяжелой работы, по крайней мере, на долгое время. О взаимной любви, я полагаю, говорить не следует, потому что вы и без того любите друг друга. При всем том считаю не лишним заметить, что ты не должен скупиться на ласковые речи. Знаю очень хорошо, что красноречие твое льется обильным потоком на совете вождей, но могут быть минуты, когда язык безмолвствует в родной семье. Остерегайся таких минут и помни, что радушная беседа больше всего содействует водворению спокойствия и мира.

— Уши мои открыты, — с важностью отвечал могикан, — слова брата моего запали глубоко, на самое дно моей души. Пусть брат мой продолжает свою премудрую речь: песнь Королька Лесов и дружеский голос никого не утомляют.

— Да, мне нужно еще поговорить с тобой, и, как истинный друг, ты не должен сетовать, что речь моя склонится на меня самого. Почти бесспорно, что к концу этого дня я буду трупом. Я не желаю — похорон, но если отыщут мои кости, собери их, любезный друг, и предай земле по обычаю людей белой расы.

— Все это будет сделано, как желает брат мой. Пусть он выгрузит на мое сердце и остальную тяжесть своей души.

— Но на моей душе легко, Великий Змей, и я готов встретить смерть! Довольно, пора кончить эту беседу! Гэтти ждет меня в лодке, и срок моего отпуска кончился. Прощай, могикан, вот тебе моя рука.

Чингачгук взял поданную ему руку и пожал ее со всею горячностью дружбы, но тут же принял глубокомысленный вид и приготовился на прощанье выдержать характер равнодушного философа. Какая-то тайная мысль отражалась на его челе, но Зверобой не хотел больше расспрашивать.

— Прощай, Великий Змей! — воскликнул он, пересаживаясь в лодку. — Кто знает, суждено ли нам увидеться опять!

Чингачгук сделал рукою прощальный жест и, закрыв голову легким покрывалом, медленными шагами удалился в ковчег, чтоб погоревать наедине о судьбе своего друга. Зверобой не говорил больше ничего до тех пор, пока лодка не совершила половины своего пути. Гэтти первая прервала молчание.

— Зачем вы возвращаетесь к гуронам, Зверобой? — спросила она кротким и мелодичным голосом. — Мне бояться нечего, а ведь вы, Зверобой, очень умны, почти так же, как Генрих Марч, или даже больше, если верить Юдифи.

— Потому что окончился срок моего отпуска, добрая Гэтти!

— Говорите яснее, Зверобой!

— Ну, так слушайте же, я открою вам всю истину. Вам известно, что я в плену у гуронов, а пленники не всегда делают то, что им угодно.

— Но какой же вы пленник, если разъезжаете со мной по озеру в лодке моего отца, тогда как гуроны далеко от нас, в густом лесу? Я вам не верю, Зверобой!

— Нет, добрая Гэтти, вы должны мне верить, и если бы вы не были слабоумны, то увидели бы, что я связан по рукам и по ногам.

— О, какое несчастье для человека быть слабоумным! Я вас решительно не понимаю, и хотя смотрю во все глаза, но никак не могу видеть, где ваши руки и ноги связаны. Растолкните мне, по крайней мере, чем вы связаны.

— Своим отпуском, Гэтти! Это такие путы, которые стягивают крепче всяких цепей и веревок.

— Странно, никогда я не видала такой вещи.

— И не увидите, потому что отпуск, собственно говоря, связывает волю человека. Знаете ли вы, что такое обещание?

— Очень знаю. Обещанием называется данное слово исполнить что-нибудь. Матушка мне всегда говорила, что честный человек обязан исполнять свои обещания.

— Ну, так вот, видите ли, отпуск есть не что иное, как обещание, которое честный человек обязан исполнить. Я попал в руки мингов, и они позволили мне повидаться с моими приятелями, связав меня честным словом возвратиться к ним по истечении срока для того, чтобы вытерпеть пытку, которая для меня назначена.

— А почему вы убеждены, что гуроны непременно будут вас пытаться? Неужели вы думаете, что я провожаю вас затем, чтоб посмотреть на ваши мучения?

— Совсем нет, добрая Гэтти! Напротив, я надеюсь, что в ту минуту, когда станут сдирать с меня кожу, вы уйдете подальше, чтобы не быть свидетельницей моих мучений. Но пока довольно об этом. Я полагаю, что вы еще не забыли Генриха Марча?

— Как же мне его забыть, когда он оставил нас только что, в прошлую ночь? Вы должны знать, что друзья долго удерживаются в нашей памяти, а Генрих Марч был нашим другом. Почему вы о нем заговорили? Если из-за моей старшей сестры, то я могу вас уверить, Зверобой, что Юдифь никогда не выйдет за Генриха Марча. Она влюблена в другого и часто говорит о нем во сне. Но я не скажу вам имени этого мужчины, хотя бы вы осыпали меня грудями золота и всеми сокровищами короля Георга.

— Можете беречь про себя этот секрет сколько вам угодно, добрая Гэтти! Да и к чему мне знать чужие тайны, раз одна моя нога уже стоит на краю могилы? Впрочем, ни голова, ни сердце не могут отвечать за то, то лепечет язык во сне.

— Согласитесь, однако, Зверобой, ведь это очень странно, что Юдифь не любит Генриха Марча. Он молод, храбр, отважен и такой же красавец, как она сама. Батюшка всегда говорил, что из них могла бы выйти прекрасная пара, хотя матери моей он не нравился так же, как Юдифи.

— Всего этого нельзя вам растолковать, бедная Гэтти! Но солнце уже высоко, и срок мой кончился. Берите весла и поедem к берегу.

Лодка быстро побежала к мысу, на котором, по предположению Зверобоя, его дожидались ирокезы. Он уже опасался, что не приедет к сроку, но Гэтти, видя его нетерпение, начала помогать ему с таким усердием, что легкий челнок подъехал к берегу даже раньше срока.

Глава XXVII

До полудня оставалось еще минуты две или три, когда Зверобой высадился на берег в том месте, где гуроны расположились своим лагерем, почти напротив замка. Поверхность почвы в этом месте была ровная и не так лесиста. Здесь на природной лужайке часто назначались сходки охотников и дикарей, бродивших с свои капканами и ружьями для

звериной ловли. Берег озера тут не был загроможден густым кустарником, и тотчас же при выходе на берег глаз мог свободно обнять почти все пространство мыса.

Мнения гуронов относительно возвращения их пленника разделялись. Многие утверждали, что бледнолицый никогда не согласится итти на добровольную пытку, тогда как некоторые из старейшин ожидали совсем другого поведения от человека, который обнаружил столько хладнокровия, мужества и прямодушия. Большинство в свое время согласилось отпустить пленника с единственной целью, чтоб иметь повод упрекнуть делаваров в вероломстве человека, проживавшего в их деревнях. Придавая особую торжественность всему этому, они за час до полудня собрали всех молодых людей, разведчиков и шпионов, а также женщин и детей, которые все должны были засвидетельствовать предполагаемое вероломство. Замок с этого места был открыт, и можно было видеть все, что происходило вокруг него. Поэтому никто не опасался, что Гэрри, Чингачгук и молодые девушки узкользнут тайком. На всякий случай изготовили плот, чтоб произвести нападение на замок или на ковчег, смотря по тому, как потребуют обстоятельства. Вожди начинали думать, что было опасно оставаться здесь дольше следующей ночи. Только бы развязаться с Зверобоем, и потом назад, в Канаду, на берега озера Онтарио!

Все молча ожидали приближения Зверобоя. Вожди заседали на пне свалившегося дерева; по правую сторону их стояли вооруженные воины, по левую — женщины и дети. В центре перед ними находилось значительное пространство, обсаженное деревьями, где, однако, не было ни густых кустарников, ни хвороста. Зеленая арка, образованная верхними ветвями, полуосвещенная солнечным лучом, пробивавшимся из-за листьев, набрасывала легкую тень на это место.

Как почти всегда бывает среди кочующих племен, два вождя в равной степени разделяли верховную власть над этими детьми лесов. Многим, правда принадлежал титул вождей, но эти двое имели такое огромное влияние на племя, что все безусловно покорялось им, если они были согласны в своих решениях, и, напротив, племя волновалось, когда вожди расходились в мнениях. Один из этих вождей, как это тоже часто бывает, возвысился благодаря необыкновенному уму; другой, напротив, — благодаря превосходству своих физических сил. Первый был старик, прославившийся своим красноречием и мудростью на советах; второй — отличный воин, прославивший себя блестящими победами и беспримерною свирепостью. Первый был Райвенук, второй прозывался Барсом, и это имя вполне выражало его отличительные свойства: лютость, вероломство и хитрость.

Когда Зверобой ступил на песок, Райвенук и Барс сидели молча друг возле друга. Ни один не обнаружил своего изумления, когда молодой охотник явился перед ними и торжественным голосом возвестил о своем прибытии.

— Вот я, минги, — начал Зверобой на делаварском языке, понятном почти для всех гуронов, — а вот и солнце. Небесное светило верно своим законам; я, как видите, верен своему слову. Я ваш пленник: делайте со мной что вам угодно. Мои дела с землею и людьми окончены. Я готов итти на тот свет, и вы можете меня туда отправить.

Одобрительный говор послышался даже между женщинами после этой речи, и на минуту почти у всех загорелось желание принять в свое племя такого неустрашимого человека. Общего восторга не разделяли только Барс и сестра его Сумаха. Она была вдовою Волка, того самого воина, которого застрелил Зверобой. В Барсе заговорила его природная лютость. Сумаха горела желанием отомстить за смерть своего мужа. Иначе чувствовал и думал Райвенук. Встав со своего места, он подошел к пленнику с величественным видом и обратился к охотнику:

— Бледнолицый! Мне приятно от имени всего народа засвидетельствовать твою честность. Все мы очень рады, что пленник наш — человек, а не хитрая лисица. Теперь мы знаем тебя, как храброго воина, достойного нашей ласки. Если ты убил одного из наших воинов и помогал убивать других, жизнь твоя все-таки принадлежит тебе, и, как честный человек, ты готов ею поплатиться за смерть наших братьев. Некоторые из нас воображали,

что кровь бледнолицых очень прозрачна и не будет течь под гуронскими ножами, но ты доказал, что они ошиблись. Твое сердце, так же, как и тело, исполнено великого мужества, и мы с удовольствием встречаем пленника, подобного тебе. Если воины мои рассуждали, что знаменитый Волк не должен на том свете путешествовать один в земле духов, и что враг его должен с ним беседовать для препровождения времени, то не забудут они теперь, что Волк пал от руки храбреца, и мы отправим тебя к нему с такими знаками дружбы, что ему не стыдно будет делить с тобой дорогу. Так говорю я. Ты понимаешь, что я сказал?

— Понимаю, минг, и слова твои ясны для меня, как день. Смею сказать со своей стороны, что Волк был храбрый воин, достойный вашей дружбы, но я надеюсь, что буду достоин его общества, если получу подорожную из ваших рук. Пусть совет ваш произносит приговор. Я готов его выслушать, если только заранее, до моего прихода вы не решили, дела.

— Вожди не считали нужным произносить приговора в твое отсутствие. Бледнолицый пленник, выпущенный на волю, то же, по их словам, что ветер, который дует куда ему угодно. Один только голос говорил в твою пользу, Зверобой, но этот голос раздавался в пустыне.

— Благодарю этот голос, чей бы он ни был, и могу засвидетельствовать, что он один защищал правду против полчища лжецов. Честное слово связывает бледнолицых крепкими узами так же, как и краснокожих. Во всяком случае, ни за что на свете я бы не решился низким вероломством опозорить делаваров, между которыми получил свое воспитание. Впрочем, одни слова не ведут ни к чему. Делайте со мной, что хотите.

Последовало краткое совещание, после чего молодые воины разбрелись в разные стороны и скрылись. Пленнику было сказано, что он может гулять где ему угодно на этом мысе до окончания его дела — обманчивый знак доверия, потому что на всех пунктах расставлены были часовые для дозора. Даже лодка, в которой приехал Зверобой, была поставлена в безопасное место. Ирокезы понимали, что пленник, сдержав слово, не был обязан больше ни к чему, и потому, вероятно, поспешит воспользоваться первым случаем к побегу. Случалось даже, что индейцы выпускали своего пленника, чтоб иметь удовольствие поймать его опять и приговорить к пытке.

Зверобой в свою очередь решился не зевать и при первой возможности воспользоваться удобным случаем. Он понимал всю трудность этого, так как ему было известно, что стража расставлена везде и всюду. Ему ничего не стоило добраться до замка вплавь, но гуроны, без сомнения, догонят его в лодке. Гуляя по мысу, он тщательно осматривал все лазейки, но не нашел ни одной, пригодной для его цели. Стыд и опасения неудачи в этом опасном предприятии не имели для него никакого значения, потому что и после бегства он не переставал быть честным человеком. Поэтому нет ничего удивительного, если он решился теперь во что бы то ни стало ускользнуть от ирокезов.

Вожди между тем вновь открыли совещание для решения судьбы пленника. Из женщин одна Сумаха имела в этом случае право подать свой голос. Молодые воины равнодушно гуляли по сторонам и терпеливо ожидали результатов совещания. Женщины с обычным хладнокровием готовили ужин, которым, во всяком случае, должен был закончиться этот день. Впрочем, две-три старушки вели между собою оживленный разговор и бросали по временам на пленника сердитые взгляды, выражавшие их недоброжелательство, а молодые девушки исподтишка смотрели на него восхищенными глазами. Словом, посторонний наблюдатель не заметил бы здесь ничего, указывавшего на важность совещания.

Так продолжалось около часа. Наконец позвали Зверобоя.

— Убиватель Оленей, — начал Райвенук, переводя прозвище охотника на свой язык. — Вожди выслушали мудрые слова и готовы держать речь. Ты — потомок людей, пришедших в эти места от стран восточных. Мы, напротив, дети заходящего солнца, и лицо наше обращено к великим озерам сладкой воды. Богат, может-быть, и премудр восточный человек, но нет на свете страны краше той, которая лежит на западе, и мы любим обращать свои взоры на заходящее светило. Мы смотрим на восток не иначе, как с тревожным беспокойством, потому что каждый день приезжают оттуда огромные пироги с новыми

белыми людьми, как-будто им тесно и негде жить на своей родной стороне. Но уменьшились в числе красные люди, и нужно им пополнить свои ряды. Лучший вигвам у нас опустел после смерти своего хозяина, и еще не скоро придет пора, когда старший сын окажется способным заступить отцовское место. Вот его вдова: дети ее, как маленькие реполовы, еще не оставили своего гнезда, и она вместе с ними нуждается в дичи для продовольствия. Твоя рука, Убиватель Оленей, поразила ее страшным бедствием, и на тебе, по справедливости, лежат теперь две обязанности. Одна — в отношении ее детей. Волосы — за волосы, кровь — за кровь, смерть — за смерть: это заповедь Маниту. Дать насущный хлеб сиротам: его вторая заповедь. Мы тебя знаем, Убиватель Оленей. Ты человек честный, и слова твои святы, правды исполнен твой язык. Голова твоя не скрывается в траве, это всякий видит, и ты всегда делаешь то, что обещаешь. Любовь к правде видна во всех твоих делах. Если сделал ты зло, сердце твое горит желанием его поправить. Итак, вот тебе Сумаха, одинокая в своем вигваме, вместе с юными птенцами, просящими хлеба, а вот ружье, заряженное и приправленное. Стреляй оленей, питай птенцов и скажи бедной Сумахе, что она — твоя жена. После этого ты будешь истинным гуроном. Сумаха найдет мужа, дети ее — отца и племя мое — потерянного воина.

— Я боялся этого, Райвенук, — отвечал Зворобой, когда ирокезский оратор кончил свою речь. — Я действительно боялся, что дело примет такой оборот. Но правда правдой прежде всего, а потом увидим, что будет. Я человек белый, минг! Чего не сделаю я в мирное время при полном блеске солнечных лучей, того и подавно не сделаю теперь, когда грозная туча нависла над моей головою. Может-быть, не женюсь я никогда и всю жизнь буду бродить одиноким по дремучему лесу, но если суждено мне рано или поздно вступить в брак, — через порог моей хижины переступит только белая женщина с привычками и понятиями, родственными мне. Кормить детей Волка я очень рад и, пожалуй, согласен стрелять для них дичь, но ты знаешь, минг, что это отнюдь не сообразно с моим достоинством и честью, так как я никогда не сделаюсь гуроном. Пусть ваши молодые воины доставляют Сумахе хлеб и дичину, и пусть ее будущий муж не заходит слишком далеко за пределы чужой земли. Волк и я сражались одинаковым оружием, при одних и тех же обстоятельствах. Что мудреного, если один из нас пал жертвою другого? Превратиться в минга я не могу, и об этом ты напрасно говорил. Скорее поседеет ребенок или ягоды вырастут на сосне, чем душа моя сроднится с нравами и обычаями ирокезов.

Всеобщий ропот заглушил последние слова отважного пленника. Старухи взбесились все без исключения, а Сумаха бунтовала больше всех. Лютый Барс свирепел, и его злость доходила до неистовства. Он и без того едва согласился позволить своей сестре выйти замуж за бледнолицего, но теперь презренный пленник еще вздумал отвергать предложенную честь!

— Собака бледнолицых! — вскричал он. — Убирайся к своим собакам в голодные леса, и пусть твой вой раздастся громче всех!

С этими словами он схватил свой томагавк и бросил им в Зворобоя со всего размаха. К счастью, молодой охотник приготовился к беде. Страшное оружие было направлено с такою ловкостью и с такими намерениями, что непременно проломило бы ему голову, если бы он, подняв руку, не схватил томагавка за рукоятку. Увидев себя вооруженным, молодой охотник в свою очередь почувствовал припадок бешенства и потерял обычное самообладание. Глаза его засверкали, щеки разгорелись, и он, собрав все свои силы и ловкость, бросил томагавк в своего страшного противника. Вовсе не приготовленный к такому непредвиденному нападению, Барс не имел времени ни поднять руку, ни опустить голову, чтобы избежать удара. Небольшой томагавк поразил жертву повыше носа, между глазами и буквально раскрыл лоб на две части. Ирокез сделал прыжок вперед, зашатался и грянулся о землю всею тяжестью своего тела. Гуроны подскочили к Барсу, чтобы оказать ему необходимую помощь, и никто не думал больше о пленнике. Зворобой поспешил воспользоваться этой минутой и бросился вперед с быстротою лани.

Через несколько минут все гуроны, — мужчины, женщины и дети, — оставив бездыханное тело Барса, погнались за убежавшим пленником с яростными воплями.

Несмотря на непредвиденность события, заставившего молодого охотника привести в исполнение свой отважный план, он успел заранее обдумать и сообразить возможные последствия своего бегства. Таким образом с первых же минут он вполне овладел собою, отдавая себе ясный отчет во всем, и во всех его движениях не было заметно ни малейших колебаний. Только этому обстоятельству он обязан был своим первым успехом, и ему удалось счастливо перебежать через линию сторожевых. Это случилось очень просто.

Края мыса не опоясывались здесь зарослью кустарников наподобие всех других берегов Глиммергласа, и это обстоятельство исключительно зависело от того, что охотники и рыболовы, сходявшиеся на этом месте, обрезывали ветви для разведения костра. Но эта заросль появлялась снова по мере удаления от этого места и шла длинной линией от севера к югу. С этой-то стороны Зверобой начал свой побег, и так как часовые находились несколько дальше его от густых кустарников, то беглец успел проникнуть в их чащу прежде, чем распространилась тревога. Быстрый бег среди густого хвороста оказался невозможным, и Зверобой принужден был около тридцати сажений бежать вдоль берега озера по колено в воде — обстоятельство, одинаково замедлявшее скорость как его, так и преследователей, но, отыскав, наконец, удобное место, он снова выскочив на берег, перебрался в кустарник и углубился в лес.

Ружейные выстрелы раздавались один за другим, когда он шел в воде и когда углубился в лес, но страшная сумятица между гуронами и поспешность, с какой они стреляли, почти не прицеливаясь, были причиной, что беглец не получил ни одной раны. Пули свистели мимо его ушей, задевали за сучья, за деревья, но ни одна даже не зацепила его одежды. Замедление, произведенное этими неудачными попытками, было очень полезно для бегльца, выигравшего ярдов пятьдесят перед своими противниками, которые старались его преследовать дружно и в стройном порядке. Тяжесть карабинов замедляла их погоню, тем более, что после каждого неудачного выстрела они бросали оружие на землю и кричали во все горло женщинам и детям, чтоб они заряжали.

Зверобой не терял ни одной из этих драгоценных минут. Он знал, что его единственное спасение заключалось в том, чтобы держаться прямой линии, и поверни он в ту или другую сторону, неприятели как-раз могли бы его настичь. Поэтому он взял направление по диагонали, чтоб перебраться через гору, которая не была ни слишком высока, ни слишком крута, хотя подъем на нее представлял значительные трудности для человека, жизнь которого зависела единственно от его усилий. Здесь он немного приостановился, перевел дух, собрался с новыми силами и пошел обыкновенным шагом по тем участкам пути, которые представляли более трудностей.

Вой гуронов становился все громче, но он не обращал на него никакого внимания, очень хорошо понимая, что им нужно преодолеть такие же препятствия, чтобы взобраться на ту высоту, которой он достиг. Очувтившись теперь на самой вершине горы, он огляделся во все стороны в надежде открыть где-нибудь безопасное убежище, и его взор остановился на огромном дереве, лежавшем от него в нескольких шагах. Утопающий, говорят, хватается за соломинку, а Бумпо был не в лучшем положении, чем утопающий. Вскочить на это дерево и растянуться под его огромным пнем во всю длину тела было делом одного мгновения.

Осуществив этот план, он почувствовал, какие отчаянные усилия были употреблены им. Его сердце как-будто собиралось выскочить из груди, и он слышал его ускоренное биение. Мало-по-малу, однако, он успокоился, и дыхание его сделалось свободным. Вскоре послышались шаги гуронов, взбиравшихся на гору, и смешанные голоса возвестили их прибытие. Первые, которым удалось взобраться на самую вершину, не могли удержаться от радостного крика. Предполагая затем, что беглец уже спустился в долину, расстилавшуюся у подошвы горы, они поспешили и сами направить туда свой путь. Другие поступили точно

так же, и Зверобой начинал надеяться, что опасность миновала, и что преследователи его уже все побежали по ложному направлению. Впрочем, появилось еще несколько человек, и он насчитал всех до сорока, так как считать ему было необходимо, чтобы сообразить, сколько могло оставаться позади. Но скоро уже все перебрались в долину, лежавшую футах в ста от скрывшегося беглеца. Здесь они остановились и начали рассуждать, в какую сторону их пленник направил свое бегство. Это была критическая минута, и человек менее рассудительный и осторожный воспользовался бы ею непременно для продолжения своего бегства. Но Зверобой неподвижно лежал на своем месте и тщательно наблюдал за всеми движениями врагов.

Гуруны теперь были в положении гончих собак, потерявших след преследуемого зверя. Они говорили мало и бегали взад и вперед, осматривая сухие листья, покрывавшие землю. Множество следов от мокасинов затрудняло поиски, хотя при других обстоятельствах ступню индейца было бы легко отличить от следов белого человека. Убедившись, наконец, что не осталось позади ни одного гуруна, Зверобой вдруг выскочил из своей засады и несколько минут спокойно прислушивался к звукам удалявшихся врагов. Надежда оживила его сердце, и он ровным шагом пошел по противоположному направлению. Громкий крик, раздавшийся в долине, приковал его внимание, и он поворотил назад, на вершину горы, чтобы узнать о причинах этой тревоги. Лишь только взобрался он наверх, как гуруны его заметили и мигом возобновили преследование.

Положение Зверобоя было более затруднительным, чем прежде. Индейцы окружали его с трех сторон, а с четвертой — было озеро; но он заранее рассчитал все шансы и хладнокровно принял свои меры. Оставив всякую надежду пробраться в лес, он быстро спустился по скату горы и побежал к тому месту, где была его лодка. Вскоре ему удалось оставить за собою всех своих врагов, из которых большая часть уже выбилась из сил от продолжительной и бесполезной гонки. На дороге он встретил еще несколько женщин и детей, но страх, навеванный на них смертью Барса, был так велик, что ни одна не посмела к нему подойти. Он прошел мимо них с торжествующим видом и, прорезав бахрому кустарников, очутился на самом берегу, шагах в пятидесяти от лодки. Здесь он приостановился, перевел дух и, нагнувшись к озеру, захватил воды в свою горсть, чтобы утолить мучительную жажду. Затем он побежал опять и через минуту был уже возле лодки. При первом взгляде он увидел, что в лодке не было весел; это обстоятельство озадачило его до такой степени, что он хотел уже отказаться от побега и с достоинством вернуться в неприятельский лагерь, презирая всякую опасность. Но тут же раздался вой его преследователей и заставил его еще раз прибегнуть к отчаянному средству, внушенному инстинктом самосохранения. Оттолкнув от берега легкий челнок, он догнал его в плыв и, вскарабкавшись кое-как, растянулся на его дне во всю длину своего тела, лицом вверх. В этом положении он мог отдыхать и вместе с тем оградить себя от ружейных выстрелов. Теперь, при попутном ветре, лодка могла сама собою удалиться на значительное расстояние, и Зверобой не сомневался, что обратит на себя внимание Чингачгука и Юдифи, которые поспешат к нему на выручку. Растянувшись таким образом на дне лодки, он старался определить расстояние от берега по вершинам деревьев, которые еще можно было видеть. Многочисленные голоса гурунов указывали на их присутствие на берегу, и ему казалось, что они думали отправить вдогонку плот, который, к счастью для него, находился по другую сторону мыса.

Две или три минуты Зверобой не смел поворотиться и рассчитывал, что по плеску воды ему можно будет догадаться о погоне за ним в плыв. Вдруг смолкло все на берегу, и мертвое молчание сменило общую суматоху. Лодка теперь удалилась уже на значительное расстояние от берега, и Зверобой не видел ничего больше, кроме небесного свода. Он понимал, что глубокое молчание было дурным предзнаменованием, потому что индейцы

всегда затихают перед новым нападением. Вдруг раздался ружейный залп, и пули просверлили лодку с двух сторон дюймах в восемнадцати от его головы. Спустя минуту он, не переменяя положения, вновь увидел вершину дуба.

Не постигая такой перемены в положении лодки, молодой охотник не мог более сдержать своего нетерпения. Повернувшись с величайшими предосторожностями, он приставил свой глаз к отверстию, просверленному пулей, и перед ним открылась почти вся перспектива мыса. Вследствие одного из тех неприметных толчков, которые так часто изменяют обыкновенный ход вещей, лодка склонилась к югу и медленно повернула к оконечности мыса, так что он находился от него не более, как футов в ста. К счастью, легкий порыв юго-западного ветра снова изменил направление лодки.

Нужно было во что бы то ни стало еще больше удалиться от своих врагов и, если можно, известить друзей о своем положении, но отдаленность от замка делала затруднительным выполнение этого плана, тогда как близость мыса заставляла неизбежно привести в исполнение первую мысль. Нужно заметить, что, по принятому обычаю, на обоих концах лодки клали по большому гладкому камню, служившему вместе и балластом, и сиденьем. После невероятных усилий Зверобой кое-как придвинул ногами камень, положенный на задней части лодки, и, ухватившись за него руками, прикатил на самый перед, где лежал другой такой же камень; сам же он отодвинулся как можно дальше назад, что уравнило лодку. Заметив в свое время отсутствие весел, он на всякий случай запасся на берегу длинной хворостиной, которая теперь лежала возле его руки. Сняв с головы охотничью шапку, он надел ее на конец хворостины, которую поднял как можно выше над поверхностью лодки, давая таким образом сигнал своим отдаленным друзьям. Этот маневр немедленно был замечен на берегу, и пущенная пуля на этот раз содрала у него кожу на левом плече. Зверобой понял свою неосторожность и поспешил опять защитить голову шапкой. Гуроны, однако, прекратили выстрелы, надеясь, вероятно, захватить пленника живьем.

Несколько минут Зверобой оставался неподвижным. Продолжая наблюдать через отверстие, пробитое пулей, он с удовольствием заметил, что лодка постепенно удаляется от берега, так что наконец от его взоров совсем исчезли, верхушки деревьев. Тогда он опять вспомнил о своей хворостине и решился употребить ее вместо весла. Опыт на первый раз оказался удовлетворительным, но трудность состояла в том, что он должен был действовать наугад, не предвидя, какое направление получит лодка. Между тем снова раздался крики на берегу, и снова послышались ружейные выстрелы. Одна из пуль пробила еще отверстие в лодке, другая попала прямо в хворостину и вырвала ее из рук гребца. Таким образом, и этот маневр не удался.

Оставалось теперь отдаться на произвол судьбы и ожидать всего от слепого случая. Зверобой так и сделал. Продолжая лежать на дне челнока, он заметил, что ветер подул гораздо сильнее, и, по всем его соображениям, случай, на который он рассчитывал, должен был выручить его.

Глава XXVIII

Прошло минут двадцать, как Зверобой находился в лодке, и он уже начинал беспокоиться, почему друзья с ковчега или замка не подают ему никаких сигналов. Положение лодки позволяло ему видеть озеро только в длину, и по всем расчетам он должен был находиться от замка саженьях в тридцати. Глубокое молчание, царившее повсюду, не могло быть успокаивающим признаком, и он не знал, приписать ли его какой-нибудь новой хитрости, или же слишком отдаленному расстоянию от индейцев. Устав напряженно слушать и ничего не слышать, смотреть во все глаза и ничего не видеть, он сказал сам себе, что гуроны могут бесноваться, сколько им угодно, а он будет лежать спокойно, зажмурив глаза и вверив свою участь игре течений и ветров.

Прошло еще минут десять. Наконец он услышал легкий шум, как-будто от какого-то трения возле его лодки. Он открыл глаза, ожидая увидеть руку или голову индейца. Каково же было его изумление, когда он вдруг увидел зеленый купол над своею головой! Он встал и прежде всего наткнулся на Райвенука, который помогал лодке пробраться к берегу через песок, отчего и происходило трение, пробудившее внимание Зверобоя. Роковая перемена в направлении лодки произошла от юго-западного ветра.

— Причаливай! — сказал гурон спокойным тоном, делая повелительный жест своему пленнику. — Мой младший брат слишком долго оставался на воде, и, вероятно, утомился. Ноги его, авось, не побегут.

— Что делать, гурон, победа на твоей стороне! — отвечал Зверобой, выпрыгнув на берег и следуя за индейским вождем. — Случай помог тебе неожиданным образом, и я опять твой пленник. Надеюсь, однако, ты согласишься, что я умею освобождаться из плена, по крайней мере, так же, как держать данное слово.

— Брат мой быстр, как лось, — возразил гурон, — и у него длинные ноги. Но все же он не рыба и не умеет отыскивать дорогу в озере. Мы не хотели в него стрелять, потому что рыба ловится сетью, а не ружьем.

— Ты можешь говорить, что хочешь, Райвенук, и я не стану с тобой спорить. Успех на твоей стороне. Скоро, я полагаю, ваши женщины будут меня ругать и злословить на мой счет, но ты можешь сказать, что если бледнолицый слишком упорно защищает свою жизнь, когда имеет на это законное право, то он умеет и расстаться с жизнью, когда наступит час. Я ваш пленник: делайте со мною, что угодно.

— Брат мой долго бегал по горам и сделал приятную прогулку по воде, — сказал Райвенук более мягким тоном, обнаруживая, очевидно, мирные намерения. — Видел он леса, видел и воду. Что ему понравилось лучше? Вероятно, он одумался и готов послушаться доброго совета.

— Объяснись, гурон! У тебя непременно что-нибудь на уме. Чем скорее ты скажешь, тем скорее получишь мой ответ.

— Ладно, пойдем прямо к цели. Нет никаких изворотов в словах моего брата, хотя на бегу он быстрее и хитрее всякой лисицы. Нет больше тумана на его глазах, и уши его открыты: я буду говорить. Сумаха теперь еще беднее, чем прежде. Еще недавно были у ней муж, брат и дети. Муж отправился в свой вечный поход без нее, не сказав ей прощального слова. В этом не его вина! Волк был добрый муж. Всего было у него вдоволь; сердце радовалось, когда заготавливал он на зимнее время уток и гусей, и когда в его вигваме висели медвежьи шкуры. Уехал бедный Волк, и нет ни зверя, ни дичины. Кто же станет доставлять съестные припасы его вдове и осиротелым детям? Думали мы, что брат не забудет свою сестру и озаботится о ее продовольствии на будущую зиму. Теперь и Барс отправился за Волком на вечную охоту. Оба они взапуски бегут в плодородную землю блаженных духов, перегоняя один другого. Некоторые из нас полагают, что Волк вообще бегаёт очень скоро, тогда как другие уверены, что Барс слишком легок на скаку. Сумаха думает, что оба они зайдут далеко, и уже ни один не воротится назад. Кто же станет кормить Сумаху и бедных ее детей? Разумеется, тот, кто сказал ее мужу и брату, чтоб они выбрались из своего вигвама и оставили его самого на их месте. Человек этот — великий охотник. Мы уверены, что дичи будет вдоволь в том вигваме, где он будет жить.

— Да, гурон, ты мастер говорить, но слова твои не для ушей белого человека. Слышал я, правда, есть и бледнолицые, для которых позорный плен все же лучше, чем мучительная смерть. Но я не из таких: уж лучше смерть, чем насильная женитьба.

— Авось, брат мой успеет одуматься, когда вожди выйдут на совет. Приговор ему будет объявлен. Пусть он припомнит и подумает, как больно терять вместе мужа и брата. Броди покамест. Твое имя произнесут, когда нужно.

Этот разговор происходил наедине. Из всего лагеря, располагавшегося на этом месте часа два тому назад, повидимому, оставался только один Райвенук. Другие, казалось, оставили его совершенно. Единственными признаками недавнего кочевья были только полупотухшие огни и многочисленные следы от мокассинов. Эта неожиданная и совершенно внезапная перемена чрезвычайно озадачила Зверобоя, так как ничего подобного он не видел во все время своего пребывания между делаварами. Он подозревал, и не без основания, что гуроны хотели навести на него страх этой таинственной переменой.

Райвенук углубился в чащу леса и оставил Зверобоя одного. Посторонний наблюдатель мог бы подумать, что молодому охотнику предоставили полную свободу, но Зверобой, несмотря на всю трагичность своего положения, отлично понимал, что он вовсе не может свободно располагать собою. Не зная, однако, до какой степени гуроны задумали довести хитрость, он решился спокойно выждать решения своей судьбы. Притворившись хладнокровным, он начал ходить взад и вперед, приближаясь постепенно к тому месту, где пристала его лодка. Вдруг он ускорил шаги и, пробравшись через кустарник, вышел на берег. Лодка исчезла и ни по каким признакам нельзя было догадаться, куда ее поставили.

Тогда Зверобой понял лучше свое положение. Он был пленником на этой узкой полосе земли, и побег мог быть сделан только вплавь. Это было отчаянное средство, и он уже хотел его испробовать, но уверенность, что вдогонку за ним будет отправлена лодка, удержала его от этой смелой попытки. Гуляя по берегу, он заметил в одном месте кучу нарезанных ветвей. Подойдя ближе, он увидел, что ветви прикрывали тело Барса, оставленное здесь до зарытия в могилу, где никто не осмелится оскальпировать его череп. Зверобой с печальным видом посмотрел на замок: все там казалось спокойным. Мрачные мысли невольно овладели душою покинутого пленника.

— Спасенья нет! — сказал он, отходя от берега в лесную чащу. — Не думал я так скоро расстаться с жизнью, и будущность до сих пор представлялась мне в радужном свете. Но если рассудить хорошенько, так оно, пожалуй, выйдет все равно. Не сегодня, так завтра, не завтра, так через полсотни лет: закон природы неотвратим. Увы! В молодости мы редко думаем о смерти, и даже теперь, когда час мой пробил, совсем не хочется верить, что конец мой близок.

Он воротился в прежний лагерь гуронов и нашел там Гэтти, которая, очевидно, его ожидала. Она была печальна и задумчива.

— Что с вами, добрая Гэтти? — сказал Зверобой, подходя к молодой девушке. — Я был слишком занят и почти забыл о вас. И вот мы свиделись опять, вероятно, для того, чтобы вместе погоревать о том, что должно случиться. Я желал бы знать, что делают теперь Чингачук и Вахта?

— Зверобой, — воскликнула Гэтти тоном упрека, — зачем вы убили гурона? Разве вы не знаете заповедей? Ведь одна из них говорит: не убий. А вы между тем, как мне сказали, убили мужа и брата этой женщины.

— Все это правда, добрая Гэтти, и я не отпираюсь. Но вам надо вспомнить, что на войне становятся законными и такие вещи, которые совсем недопустимы в мирное время. Мужа этой женщины я убил в открытом бою... то-есть, по крайней мере, я открыт был со всех сторон, а он спрятался и стрелял из-за кустов. Ее брат накликал сам на свою голову злую судьбу, потому что он вздумал без всякой нужды бросить томагавк в беззащитного пленника. Вы это видели, Гэтти?

— Видела и жалела об этом, Зверобой! Вам следовало отплатить добром за зло.

— Да, Гэтти, миссионеры могут это говорить, сколько им угодно, но нельзя по этому правилу жить в лесу. Барс жаждал моей крови и в бешенстве своем передал оружие в мои руки. Глупо было бы с моей стороны не отразить удара ударом, и никто из делаваров не одобрил бы моего поступка. Нет, я намерен отплачивать каждому тем, чего он стоит, и вы можете объявить об этом всем, кто станет вас спрашивать.

— У Сумахи нет теперь ни мужа, ни брата. Хотите ли вы на ней жениться?

— Это несообразно ни с природой, ни с здравым рассудком! Но скажите мне, куда

девались гуроны, и зачем они оставили вас на этом мысе? Неужто и вы, милая Гэтти, тоже теперь стали их пленницей?

— Нет, Зверобой, я не пленница, и мне позволили гулять всюду, где я только вздумаю. Гэтти Гуттер ничего не боится, и она в хороших руках. Гуроны теперь в лесу, вон там, и за нами присматривают тщательно, будьте в этом уверены. Все женщины и дети стоят на карауле, а мужчины хоронят ту молодую девушку, которую убил Генрих Марч.

— Ужасно, ужасно! Чувствовать себя здоровым и сильным, и не больше как через час сделаться трупом! Что ж делать? К этому должен готовиться всякий, становящийся на военную тропу.

Треск хвороста и шелест листьев прервали этот разговор, и Зверобой догадался о приближении своих врагов. Они сходились на площадку, среди которой стоял беззащитный пленник, окруженный теперь со всех сторон вооруженными воинами, женщинами и детьми. Мысль о побеге была решительно невыполнима, и Зверобой уже не думал бежать после первой своей бесполезной попытки. Вооружившись всею твердостью духа, он приготовился выдержать предстоящую пытку с невозмутимым спокойствием.

Райвенук первый занял свое место в этом кругу. Его обступили другие старшие воины; но уже никто после смерти Барса не осмеливался оспаривать у него власть.

Управляя почти единолично целым племенем, Райвенук был, однако, снисходителен к слабостям других и во всех возможных случаях оказывал пощаду. На этот раз, решая судьбу пленника, он также готов был быть снисходительным, но не знал сам, как за это взяться. Сумаха выходила из себя не столько из-за смерти мужа и брата, сколько из-за непредвиденного отказа от ее руки, и не могла простить человеку, дерзко и нагло оскорбившему ее женскую гордость. Кроме того, племя не могло забыть понесенных потерь, и даже сам Райвенук при всей своей власти чувствовал себя бессильным сделать что-нибудь для несчастного пленника.

Когда все заняли свои места, воцарилось важное, торжественное и вместе с тем грозное молчание. Зверобой увидел, что женщины и дети готовили заостренные колышки из сосновых корней, очевидно, с тою целью, чтобы зажечь их и вонзить в его тело. Двое или трое молодых гуронов держали в руках веревки, чтобы связать его по первому приказанию. Дым от костра, зажженного в некотором расстоянии, указывал, что там готовились для него горящие головни. Некоторые воины пробовали острия своих томагавков; другие пробовали свои ножи, и все вообще обнаруживали величайшее нетерпение скорее начать кровавую потеху.

— Убиватель оленей! — начал Райвенук спокойным и вместе величественным тоном. — Наступила наконец пора, когда народ мой должен узнать, что ему делать. Нет более солнца над нашими головами. Утомленное напрасным ожиданием гуронов, оно начало спускаться к соснам за эту гору и быстро идет в страну наших отцов с известием, что у детей их опустели вигвамы, и что они должны немедленно оказать им покровительство и защиту. Есть у волков свои логовища, и у медведей свои берлоги. Ирокезы не беднее волков и медведей; есть у них свои деревни, вигвамы, свои поля, засеянные хлебом, и все это оберегается теперь лишь добрыми духами, уже начинающими тяготиться продолжительным караулом. Пора народу моему возвратиться в свои жилища и приняться за свои обычные дела. Веселье и радость охватят все селенье, когда еще вдали распространится крик наш. Но это будет крик уныния, и общая печаль последует за ним. Есть у нас волосы только с одного черепа и нет других волос: вот что будет причиной нашей печали. Канадский Бобр оскальпирован, и тело его брошено рыбам. Зверобой должен решить, откуда нам взять еще один головной убор. Опустели у нас два вигвама, и при каждом должен быть скальп, живой или мертвый.

— Мертвый, не иначе, как мертвый, — отвечал Зверобой твердым и решительным голосом. — Думаю, что час мой настал, и чему быть, того не миновать. Если на вашем совете решено замучить меня в пытках, постараюсь перенести их без стонов и без жалоб, если только слабая природа не соберет насильственной дани с моих страданий.

— Бледнолицая собака начинает поджимать свой хвост между ногами! — закричал молодой гурон, прозванный французами Красным Вороном за свою болтливость. — Вы думаете, он воин? Ничуть не бывало! Он убил нашего волка, отворотив свою голову назад, чтобы не видеть дыма из собственного ружья. Смотрите: он уже хрюкает, как боров, и когда женщины гуронов начнут его мучить, он запищит, как котенок от дикой кошки. Да он и сам, видите ли, делаварская баба в шкуре англичанина!

— Ты можешь говорить все, что тебе угодно, молодой человек, — возразил Зверобой с тем же спокойным видом, — от твоих слов не будет мне ни лучше, ни хуже. Неразумная болтовня рассердит, конечно, слабую женщину, но не раздует горящего костра, так же как и не наострит притуплённых ножей.

В эту минуту Райвенук своим вмешательством остановил Красного Ворона и приказал связать пленника. Хитрый вождь понимал, что пленник, и не будучи связанным, вытерпит всякую муку, но отдал этот приказ единственно затем, чтобы постепенно ослабить его твердость. Зверобой не сопротивлялся. Однако, сверх ожидания, его стянули так, что он не чувствовал почти никакой боли от этих пут. Это было следствием тайных распоряжений вождя, который еще не переставал надеяться, что пленник для избежания тяжких мучений согласится, наконец, жениться на Сумахе. Связанный по рукам и ногам и не имея возможности повернуться, Зверобой был отнесен к молодому дереву и привязан так, чтоб ему нельзя было упасть. Руки его соединили с ногами длинной веревкой и веревкою же обхватили середину его тела таким образом, что он совсем прильнул к древесному стволу. Затем сорвали с его головы охотничью шапку и оставили в этом положении... совершенно готовым к предстоявшей пытке.

Но не доходя до последней крайности, Райвенук желал еще раз подвергнуть испытанию стойкость своего пленника новой попыткой на мировую сделку. Для этого было только одно средство — заставить вдову Волка отказаться от законного мщения, на которое она имела полное право. Поэтому он велел ей подойти к кружку старшин и позаботиться о собственных интересах. Все индейки в молодости обычно красивы и скромны. Их голос исполнен музыкальной мелодии, и на губах у них беспрестанная улыбка. Но при упорной и тяжелой работе все это, естественно, исчезает гораздо раньше того возраста, которого уже достигла Сумаха. Их голос становится грубым и дряблым, а если, вдобавок, они раздражены, оглушительный их крик, чудовищно визгливый, способен произвести самое неприятное впечатление на непривычные уши. Впрочем, Сумаха еще не совсем была лишена своей природной привлекательности и еще недавно слыла красавицей, чем считала себя и теперь, не подозревая тех перемен, которые произвели в ней время и труд. Некоторые женщины, по тайному наставлению Райвенука, старались ее уверить, что еще не исчезла для нее надежда образумить молодого пленника и уговорить его на женитьбу. Все это было следствием того, что гуронский вождь желал во что бы то ни стало приобрести для своего племени такого человека, который слыл первым, неподражаемым охотником во всей той местности. К тому же нужно было непременно приискать мужа для сварливой женщины, которая иначе была способна не дать покоя всему племени ирокезов.

Следуя данным ей советам, Сумаха вошла в круг старшин требовать правосудия для себя и пленника, прежде чем будет приступлено к решительным мерам. Она желала завербовать в мужа молодого охотника с таким же усердием, с каким европейская девушка мечтает выйти за богача. Ее требование, само собою разумеется, было уважено, и Сумаха, захватив с собою двух ребятишек, приблизилась к привязанному пленнику.

— Вот я перед тобою, бледнолицый, — сказала она, — и ты должен знать, зачем я перед тобою. Я нашла тебя, но нигде не могу найти ни Волка, ни Барса. Искала их на озере, в лесу и даже в облаках, и я не знаю, куда они девались.

— Никто не знает этого, Сумаха, — отвечал Зверобой. — Два ирокезских воина, без сомнения, отправились в страну духов. Жена и сестра храбрых воинов должна быть всегда готова к этому.

— За что же ты убил этих храбрых воинов, белый человек? Что они тебе сделали? Это

были лучшие охотники и самые неустрашимые молодые воины во всем племени гуронов. Они должны были в глубокой старости повалиться, как вековые деревья, под собственную тяжестью.

— Это уж чересчур, Сумаха, — возразил любивший правду Зверобой. — Ври, да не слишком завирайся. Напрасно назвала ты их молодыми людьми: это так же несправедливо, как и то, что сама ты молодая женщина. Я не потерпел от них никакого зла, это правда; но оба они пали от моей руки за явное покушение на мою жизнь. Я их убил, чтоб не быть убитым самому. Это в порядке вещей, и таков закон природы.

— Твоя правда, белый! У Сумахи один язык, и она не умеет на различные манеры рассказывать одну и ту же историю. Бледнолицый убил краснокожих единственно потому, чтоб не быть убитым самому. Гуроны справедливы и забудут смерть своих братьев. Вожди зажмут глаза и будут смотреть на это сквозь пальцы. Молодые воины поверят, что Волк и Барс отправились на охоту в отдаленные леса, а Сумаха возьмет под руку своих деток, войдет в вигвам белого человека и скажет ему: «Посмотри, ведь это твои дети и вместе мои. Корми нас, и мы будем жить у тебя и с тобою!»

— Этих условий выполнить нельзя, Сумаха! Сожалею о твоей потере и понимаю всю ее важность, но не могу и не хочу принять твоих условий. Доставлять тебе дичину, пожалуй, я не прочь, если бы мы жили недалеко друг от друга. Но, если говорить откровенно, я не имею никакой охоты сделаться твоим мужем и называть себя отцом твоих детей.

— Посмотри на этого мальчика, жестокий бледнолицый! Кто без отца научит его убивать оленей и скальпировать врагов? Посмотри на эту девочку, кто захочет взять ее из вигвама, где нет хозяина? Есть у меня еще дети в нашей канадской деревне, и Убиватель Оленей не пожалуется никогда, что некому есть его дичь.

— Раз навсегда скажу тебе, краснокожая женщина, что все твои убеждения не имеют никакого значения в моих глазах, — отвечал твердо Зверобой, которого ничуть не привлекала нарисованная картина голодных птенцов с устами, открытыми для его дичины. — Ирокезское племя и твои родственники должны принять на себя продовольствие твоих сирот и избавить их от всякой нужды. Нет у меня детей, и я не имею никакой охоты жениться. Удались от меня, Сумаха, и пусть я останусь в руках вождей. Лучше смерть, чем женитьба на тебе!

Бесполезно описывать эффект, произведенный этим решительным ответом. Всякая тень нежного чувства в Сумахе исчезла, если только нежное чувство было в ней. Вулкан ярости и бешенства вдруг разразился самым оглушительным взрывом, точно взлетел на воздух ее рассудок. Яростные крики диким эхом понеслись по лесной чаще, и она, бросившись на пленника, вцепилась в его волосы с решительным намерением вырвать их до последнего клока. Несколько минут никак не могли отцепить ее от беззащитной жертвы. К счастью для Зверобоя, ярость этой женщины была слишком слепа, и потому ему не пришлось расстаться с жизнью прежде, чем успели явиться на помощь. Все ограничилось тем, что он потерял два — три клочка волос.

Обида, нанесенная вдове, была вместе с тем обидой для всего племени, и потому необходимо было наказать бледнолицего, который имел дерзость объявить, что смерть для него предпочтительнее брака с почтенной вдовой. Молодые воины выказывали живейшее нетерпение начать пытку. Вожди не находили причин медлить, и Райвенук принужден был подать роковой сигнал.

Глава XXIX

Известно, что индейцы в подобных случаях находили одно из величайших наслаждений подвергать испытанию терпение и твердость своих жертв. С другой стороны, сами индейцы во время пытки считали долгом чести не обнаружить никакого страха и казаться нечувствительными к физическим страданиям. Они только подстрекали ярость своих палачей резкими ругательствами в надежде ускорить свою смерть. Чувствуя, что его

организм не в силах выносить больше смертельных мук, изобретенных дьявольскою утонченностью жестоких врагов, индеец выдумывал для них самые обидные названия и этим выводил из терпения какого-нибудь палача, который прекращал его жизнь одним ударом. Но Зверобой, имевший свои понятия об обязанностях человека, не считал необходимым прибегать к этому средству возбуждать неистовство своих врагов и твердо решился вытерпеть все страдания.

После сигнала несколько смельчаков выступили вперед с томагавками в руках и приготовились употребить в дело это страшное оружие. Требовалось ударить в дерево как можно ближе к голове жертвы, но так, однако, чтобы не коснуться ее. Попытка опасная и смелая, которую позволяли только самым опытным молодцам, доказавшим свое искусство владеть томагавком. Все же иногда случалось, что пленник благодаря промаху погибал, к общей досаде, гораздо раньше определенного срока. На этот раз Райвенук и другие старшины не без причины опасались, что мысль о судьбе Барса, вероятно, подстрекнет кого-нибудь поскорее dokonать осужденного пленника, быть-может, тем же томагавком, которым сам он совершил убийство. Таким образом, жизнь Зверобоя на первых же порах висела на волоске.

Однако, оказалось, что вся молодежь, выступившая на этом своеобразном соревновании, горела больше желанием выказать свою удаль, чем отомстить за смерть убитых товарищей. Каждый приступал к своим приготовлениям с чувством соперничества и казался более озабоченным, чем жестоким. По этим признакам Райвенук начинал думать, что ему, может-быть, удастся спасти Зверобоя жизнь.

Первым вышел молодой человек по имени Ворона, еще не имевший случая заслужить более воинственное прозвище. Он славился больше своими притязаниями, чем ловкостью, и знавшие его не без основания думали, что пленнику не миновать беды, если Ворона запустит своим томагавком. Впрочем, молодой гурон не питал к Зверобоя ни малейшей злобы и старался только отличиться перед своими сверстниками. Зверобой тотчас же понял неопытность этого молодца, когда увидел, что старшины втихомолку дают ему наставление и советы. Они допустили его к упражнению единственно из уважения к отцу, старому, заслуженному воину, который оставался в Канаде. Зверобой, однако, умел сохранить все наружное хладнокровие. Он сказал сам, что час его настал и что еще нужно благодарить судьбу, если неопытная рука поразит его смертью прежде начала пыток. Ворона приосанился, подбоченился, загнув голову, взмахнул — и страшный томагавк, описав в воздухе круги, прожужжал в трех или четырех дюймах от щеки пленника и вонзился в большой дуб, бывший на несколько ярдов позади. Свист и шиканье раздались со всех сторон к величайшему огорчению молодого человека, который и сам видел свою неловкость. Но в то же время все вообще и каждый порознь удивлялись необыкновенной твердости, с какою Зверобой выжидал рокового удара. Голова была единственною частью его тела, которою он мог двигать, и зрители надеялись, что он будет вертеть во избежание удара, но Зверобой оставался совершенно неподвижным, как статуя. Он не хотел прибегать к самому естественному и употребительнейшему средству — к зажмуриванию глаз, и это редкое бесстрашие поразило изумлением даже самих старшин.

Ворону сменил Лось, воин средних лет, дюжий, широкоплечий, стяжавший славу своим искусством владеть томагавком, и все зрители доверчиво ожидали нового доказательства его ловкости. Лось был проникнут отчаянною ненавистью ко всем бледнолицым и теперь не задумался бы dokonать пленника одним ударом, если бы желание поддержать свою славу не одержало верх над жаждою мести. Он спокойно занял свое место, поднял маленький топор, сделал шаг вперед, и в то же мгновение страшное оружие зажужжало в воздухе. Зверобой уже думал распрощаться с жизнью, но томагавк задел только за густую прядь его волос и прибил ее к дереву. Общие восклицания выразили удовольствие зрителей, и даже сам Лось против воли принял некоторое участие в пленнике, потому что такой удачный опыт мог быть сделан только при его непоколебимой твердости.

Затем, припрыгивая и привскакивая, выступил Попрыгун, один из тех молодых людей, которых мускулы от продолжительных упражнений получают необыкновенную гибкость. При всей своей вертлявости он был храбр, неустрашим и закрепил за собою славу охотника и воина. Вместо того, чтоб прямо приняться за дело, Попрыгун начал скакать перед охотником направо и налево, взад и вперед, прицеливаясь в его голову и делая грозные жесты. Эти проделки, предпринятые с целью устрашения, наконец, уже слишком надоели Зверобойю и он решился заговорить первый раз после того, как привязали его к дереву.

— Кривлянье ни к чему не поведет, гурон, — сказал он спокойным тоном, — бросай томагавк, если хочешь, или убирайся, откуда пришел. Ты теперь очень похож на молодую лань, которая хочет показать своей матери, что умеет скакать. Лучше веди себя, как бесстрашный воин, который имеет дело с другим таким же воином. Иначе молодые девушки будут над тобой хохотать.

Последние слова привели в бешенство молодого индейца и он в то же мгновение бросил свой томагавк с очевидным намерением умертвить обидчика, но поспешный удар был рассчитан слишком дурно, и Зверобой отделался только тем, что томагавк оцарапал его плечо. Это был первый гурон, обнаруживший, к общей досаде, намерение покончить с пленником. Кровавая потеха только что начиналась, и никто не думал ее заканчивать. Попрыгун должен был удалиться и со стыдом занял свое место между простыми зрителями.

За этим вспыльчивым юношей выступали один за другим еще многие воины, бросавшие томагавк с беспечным равнодушием. Некоторые из них вместо томагавка бросали даже простые ножи — опыт чрезвычайно трудный и опасный, но, к счастью, все обнаружили удивительную ловкость, не причинив пленнику вреда. Он получил только несколько царапин и не был ранен. Непокосимая твердость, с какою перенес он все нападения, доставили ему всеобщее уважение у зрителей, и когда вожди объявили, что пленник с честью выдержал испытание томагавком и ножами, не осталось во всем таборе ни одного человека, который бы питал к нему враждебные чувства, кроме Прыгуна и Сумахи. Те раздували друг в друге обоюдную ненависть, и можно было опасаться, что к ним через несколько времени присоединятся и другие.

В эту минуту Райвенук встал с своего места и торжественно объявил, что бледнолицый доказал свою твердость мужа. Пусть он долго жил между делаварами, но племя не успело превратить его в бабу. Наконец Райвенук спросил, желают ли гуроны продолжать свой опыт, и получил единодушный ответ, что желают, так как происходившее зрелище было вообще слишком приятно для всех, не исключая даже молодых девушек. Вождь же, желавший во что бы то ни стало завербовать такого отличного охотника, употреблял всевозможные законные средства, чтоб во-время остановить опасную потеху. Он знал, что никакая человеческая сила не спасет беззащитную жертву, если слишком разгорятся страсти в молодых воинах. Поэтому Райвенук призвал к себе лучших четырех стрелков и приказал им подвергнуть пленника испытанию ружейными выстрелами. Пули должны были лететь мимо его ушей, не дотрагиваясь до головы.

Увидев этих отборных воинов с ружьями в руках, Зверобой испытал отрадное чувство страдальца, долго томившегося в предсмертных муках и наконец почувствовавшего приближение смерти. Здесь малейший промах неизбежно грозил смертью, потому что мишенью для стрельбы была незаметная точка возле головы: один или два дюйма отклонения должны были решить вопрос жизни и смерти.

При этих упражнениях в стрельбе, производившихся весьма часто между американскими туземцами, опытный стрелок позволял себе отклонение от цели никак не больше, чем на ширину одного волоса. Случалось, что пуля, пущенная торопливою рукою, попадала пленнику в лоб или висок. Случалось и то, что стрелок, рассерженный негодованием и ругательствами, с намерением прекращал его жизнь. Зверобой слышал обо всех этих подробностях от делаваров, которые рассказывали ему свои бесконечные истории

в длинные зимние вечера. Теперь он твердо был уверен, что его час настал, и его радовала мысль, что ему суждено погибнуть от любимого оружия. Между тем последовал маленький и совсем неожиданный перерыв.

Гэтти видела все, что происходило, и сначала слабый ум ее был совершенно парализован страшной сценой. Мало-по-малу, однако, она освободилась от своего почти летаргического состояния и выразила громкое негодование против индейцев, мучителей ее друга. Робкая от природы, как молодая лань, она всегда смело возвышала голос за дело правды, презирая всякую личную опасность. На этот раз, пробившись сквозь густую толпу, она смело вступила в кружок старшин и начала свою оживленную речь:

— Красные люди, зачем вы с таким зверством мучаете бедного Зверобоя? Что он вам сделал, и кто дал вам право осудить его на смерть? Вообразите, что один из ваших томагавков раскроит ему череп. Кто из вас в состоянии залечить подобную рану? Опомнитесь, неразумные люди! Желая погубить Зверобоя, вы погубите собственного своего друга. Когда покойный мой отец и Генрих Марч выступили на охоту за вашими волосами, Зверобой отказался их сопровождать и один остался в лодке. Повторяю вам, гуруны, вы мучаете собственного друга!

Гуруны выслушали с вниманием молодую девушку, и один из них, знавший по-английски, перевел ее речь. Поняв, в чем дело, Райвенук отвечал на ирокезском языке, и тот же переводчик перевел его слова:

— Дочь моя явилась очень кстати в совет старшин, и мы приветствуем ее радушно от всего нашего сердца. Гуруны с восторгом внимают голосу слабоумной девушки, так как знают, что сам Маниту говорит ее устами. Но на это раз благодушная дочь моя неясно рассмотрела то, что происходит вокруг нее. Зверобой отказался вступить на охоту за нашими волосами, это правда, но зачем он отказался? Кто его просил об этом? Мы сами зажгли факел войны и не прятали своих волос. Почему же он не охотился за нами, если он действительно храбрый воин? Ирокезы не наказывают таких охотников и с удовольствием прощают другому то, на что каждый из них готов решиться при первом удобном случае. Но пусть моя дочь откроет шире свои глаза и сосчитает моих храбрых воинов. Если бы было у меня столько рук, как у четырех воинов, взятых вместе, я не досчитался бы многих пальцев, как гуруны не досчитываются многих собратий. Целой руки недостает у меня. Где же пальцы этой руки? Бледнолицый их срезал, вот почему воины мои хотят видеть собственными глазами, был ли он храбр, как воин, или только хитер, как лисица.

— Но ты сам знаешь, гурун, каким образом пал один из твоих воинов. Все вы это видели так же, как и я, хотя мне страшно было смотреть на кровавое зрелище. Зверобой не виноват. Красный воин покушался на его жизнь, белый воин защищался — вот и все. Тот из вас был бы трусом, кто поступил бы иначе на его месте. Вы желаете знать, кто здесь лучший стрелок? Хорошо. Дайте ружье Зверобою, и вы увидите, что он один стреляет лучше всех вас, взятых вместе.

Забавно было видеть, с какою важностью дикари выслушали это странное предложение. Никто не позволил себе ни малейшей насмешки над слабоумной девушкой. Напротив, сам великий вождь, представитель племени, принял на себя труд ответить ей с должным уважением.

— Дочь моя не всегда говорит разумно перед советом вождей, — сказал Райвенук, — иначе не пришлось бы ей в голову такое предложение. Двое моих воинов уже пали под ударами пленника, и могила их слишком тесна для третьего покойника. Гуруны не имеют намерения стеснять своих мертвецов. Иди с миром, дочь моя, и займи свое место возле Сумахи. Пусть краснокожие еще раз покажут перед зрителями свою ловкость, и пусть белый человек на опыте докажет, что он не боится их пуль.

Гэтти не возражала. Привыкнув повиноваться старшим, она склонила голову, вышла из

круга вождей и безмолвно уселась возле Сумахи на обрубке дерева.

После того воины опять заняли места и приготовились показать свое искусство. Они расположились недалеко от жертвы, и, следовательно, им было довольно удобно стрелять так, чтобы пуля не коснулась пленника. Однако, если, с одной стороны, близость расстояния уменьшала опасность для Зверобоя, то, с другой, нервы его подвергались самому тяжкому испытанию, потому что глаза его были прямо обращены на ружейное дуло. Хитрые гуроны рассчитывали на это обстоятельство и были почти уверены, что пленник непременно струсит. Для этого каждый из них, делая более или менее страшные движения, старался, чтобы пуля не коснулась головы. Выстрелы следовали за выстрелами, а Зверобой не получил еще ни одной раны. Никто, однако, при всей внимательности, не мог заметить в нем ни дрожания мускулов, ни даже малейшего колебания ресниц. Эта удивительная твердость превосходила все, что до сих пор при подобных обстоятельствах видели гуроны. После того, как пять или шесть гуронов всадили свои пули в разные точки на дереве, Зверобой решился высказать свое откровенное мнение о ничтожестве их искусства.

— Это ли, минги, называется у вас искусною стрельбою? — сказал он почти презрительным тоном. — Так, уверяю вас, стреляет почти всякая делаварка, и я даже видел на берегах Могаука молодых голландок, которые стреляют гораздо лучше. Развяжите меня и дайте карабин в мои руки: я берусь на расстоянии сотни ярдов пригвоздить к любому дереву самый малейший клочок волос, да не один раз, а двадцать, тридцать, сотню раз сряду, если только карабин будет исправен.

Глухой и грозный ропот раздался вслед за этим холодным сарказмом, и все молодые люди пришли в бешенство при этом упреке из уст человека, который до того презирал их искусство, что даже ни разу не моргнул глазами, между тем как их выстрелы буквально могли опалить его лицо. Райвенук понял опасность и, не теряя ни минуты, поспешил своим вмешательством предупредить свирепую расправу, которая теперь готовилась для пленника. Он подошел к раздраженным воинам, и его красноречие обуздало их лютость.

— Я вижу, в чем тут дело, — сказал он. — Мы поступили точь-в-точь, как бледнолицые, которые вечером запирают свои двери из опасения краснокожих. Замков и запоров у них бездна, а если запалить их дом, они все сгорят до единого, прежде чем отыщут запрятанные ключи и отодвинут засовы. Видите ли в чем дело: мы уже слишком скрутили нашего пленника, и веревки мешают дрожать его членам. Развяжите его, и тогда мы увидим, из какого материала сработано его тело.

Множество рук принялось обрезать веревки, которыми Бумпо был привязан к дереву. Через полминуты он был уже совершенно свободен, как в ту пору, когда бежал на гору. Но прошло несколько минут прежде, чем кровообращение могло восстановиться в его онемевших членах. Райвенук уговорил своих воинов немного подождать под тем благовидным предлогом, что пленник, собравшийся с силами, поневоле обнаружит чувство страха, которое им овладеет. Настоящее намерение хитрого вождя состояло в том, чтобы дать время охладиться страстям. Зверобой, помахав руками и сделав несколько шагов, почувствовал, что кровь его вращается свободно и физические силы к нему возвратились, как-будто ничего с ним не случилось.

Человек молодой и здоровый редко думает о смерти. При виде ножей, томагавков и ружейных дул Зверобой, связанный по рукам и ногам, считал себя уже погибшим. Но лишь только он почувствовал возможность владеть своими членами, надежда мгновенно возродилась в его сердце, и с этой минуты изменились все его планы. Он вновь обдумывал средства ускользнуть от жестокости своих врагов и вновь сделаться обитателем лесов, крепким и сильным, решительным и находчивым. Его ум получил всю свою природную гибкость, и он, казалось, готов был вызвать на открытый бой целые полчища краснокожих.

Распутав пленника, гуроны образовали около него кружок, чтоб отнять у него всякую надежду на побег. Все и каждый про себя решили во что бы то ни стало сломить непоколебимую твердость этого удивительного человека. Дело теперь шло об ирокезской

чести, и даже женщины, с своей стороны, утратив всякое чувство соболезнования, думали исключительно о том, как бы поддержать славу своего племени. Мелодичные голоса молодых девушек смешались с грозными криками мужчин, и обида, нанесенная Сумахе, сделалась теперь «непростительным оскорблением всех женщин». Уступая этому увеличивающемуся крику, мужчины удалились в сторону и объявили женщинам, что пленник остается в их полном распоряжении. Эта мера соответствовала господствующим обычаям ирокезов, и они нередко отдавали пленника в жертву испуганным фуриям, которые своими пинками и ругательствами заставляли его предвкушать всю горечь пыток, назначенных для него впереди. На этот раз женщины имели испытанную руководительницу в лице Сумахи, которая уже издавна пользовалась славой самой сварливой бабы.

Уже все ругательства были истощены, а Зверобой оставался совершенно спокоен. Заметив полную неудачу этой попытки, воины разогнали женщин и приказали им замолчать. Эта мера оказалась тем более своевременной, что уже окончены были все приготовления к началу пыток, где следовало подвергнуть мучительным истязаниям тело пленника. Внезапная весть, сообщенная двенадцатилетним мальчиком, приостановила роковую церемонию.

Глава XXX

Зверобой не знал и не мог знать, отчего произошла эта внезапная перемена в поступках его врагов. Он заметил, что особенное волнение происходило между женщинами, тогда как воины облокотились на свои ружья и ожидали чего-то с большим достоинством. Тревоги, казалось, не было никакой, но не было вместе с тем и обычного спокойствия. Райвенук властным движением руки отдал приказ, чтобы каждый занял свое место. Вожди собрались на совет.

Минуты через две тайна выяснилась. Юдифь величественно прошла через весь лагерь и, не останавливаясь, вступила в круг старейшин, уже открывших свое совещание.

Легко представить изумление Зверобоя, совсем неподготовленного к этому появлению и знавшего притом, что такая девушка, как Юдифь, не могла, подобно своей младшей сестре, ожидать никакой пощады от ирокезов. Изумление его увеличивалось еще больше при взгляде на костюм Юдифи. Она сменила свою простую, но изящную одежду на богатое парчевое платье, хранившееся в сундуке, и которое некогда произвело эффект на зрителей. Но этого мало: знакомая со всеми тонкостями женского туалета, она не пропустила теперь ни малейшей мелочи, способной возвысить ее красоту, и оделась с таким изяществом, что костюм ее, без сомнения, удовлетворил бы требованиям самой взыскательной щеголихи. Повидимому, она поставила себе целью выдать себя между индейцами за даму высокого круга.

Юдифь недурно рассчитала эффект, который мог произойти от ее появления. Лишь только вступила она в лагерь, все пришло в сильное волнение, и каждый по-своему спешил выразить свое чувство при взгляде на красавицу. Молодые воины расступились перед ней с почтением и проводили ее на совет старшин. Бородатые вожди при ее приближении вставали с своих мест. Даже между женщинами невольно раздались радостные восклицания. Всем этим детям природы редко удавалось видеть белую женщину из высшего круга, и никогда подобный костюм не блистал перед их глазами. Прекрасные мундиры английских или французских офицеров не значили ровно ничего в сравнении с блеском парчи, облежавшей гибкий стан девушки. Сам Зверобой был, повидимому, чрезвычайно озадачен как красотой, так и необыкновенным хладнокровием, с каким Юдифь отважилась на явную опасность. Все с нетерпением ожидали объяснения причины визита, который для большинства зрителей был неразрешимой загадкой.

— Кто здесь из этих воинов главный начальник? — спросила Юдифь у Зверобоя, в то время как все собрание ожидало от нее объяснений. — Моя речь не может быть обращена к человеку невысокого ранга. Скажите об этом гурунам и потом отвечайте на мой вопрос.

Зверобой повиновался, и каждый с величайшим вниманием выслушал ее слова. Никто не изумился требованию женщины, которая, казалось по всему, сама принадлежала к высшему кругу и во всех отношениях была существом необыкновенным. Райвенук вместо ответа выступил вперед, как предводитель всего племени.

— Приветствую тебя, гурон, — продолжала Юдифь, играя свою роль с таким достоинством, которое могло бы сделать честь самой лучшей европейской актрисе. — Вижу с первого взгляда, что ты здесь главный начальник, потому что на твоём лице следы глубоких размышлений. К тебе и будет обращена моя речь.

— Прекрасная роза полей может начать свою речь, — отвечал вождь, выслушав обращение. — Если слова ее столько же приятны, как ее взоры, они никогда не выйдут из моих ушей, и я еще буду слышать их долго после того, как зима убьет в Канаде все цветы.

Всякая дань удивления перед ее красотой была приятна Юдифи и льстила ее тщеславию. Улыбнувшись едва заметно при этом комплименте старого вождя, она снова приняла спокойный, несколько суровый вид и продолжала таким образом:

— Теперь, гурон, ты должен выслушать меня внимательно. Ты, конечно, понял с первого взгляда, что я не совсем обыкновенная женщина; но ты ошибся, если принял меня за королеву этой страны. Королева живет далеко, за океаном, и я удостоена от нее одною из тех высших почестей, которыми пользуются только близкие к престолу. Не считаю нужным объяснять, в чем, собственно, состоит мое звание: этого ты не поймешь, но уже собственные твои глаза, конечно, сказали, с кем ты имеешь дело. Слушай гурон: я могу быть твоим другом или недругом, смотря по тому, какой получу прием от тебя и от твоего народа.

Она говорила смелым и решительным тоном, которому нельзя было не удивляться, зная ее положение. Перевод ее речи на индейский язык был выслушан с почтением, близким к благоговению. Юдифь ожидала ответа с беспокойством и надеждой. Райвенук, как опытный дипломат, счел своею обязанностью углубиться в размышления, соответствующие случаю. Это значило, что он слишком уважает особу, с которой имеет дело, и взвешивает в своем уме каждое ее слово, чтобы придумать достойный ответ.

— Дочь моя прекраснее всех диких роз Онтарио, и голос ее приятнее для слуха, чем песня соловья, — отвечал этот осторожный и хитрый вождь, который один только из всех гурунов не был ослеплен ее великолепной красотой. — Колибри по своему объему никак не больше пчелы, однако, и ее перья блистают почти так же, как павлиний хвост. Великий Маниту в премудрости своей покрывает иногда блестящим платьем самых маленьких животных, тогда как лось получил от него грубую шерсть. Все эти вещи превышают разумение бедных индейцев, которые понимают только то, что видят и слышат. Дочь моя, без сомнения, имеет где-нибудь великую палату недалеко от этого озера, но гуруны в невежестве своем не заметили ее.

— Я уже сказала, что бесполезно объяснять подробности моего сана, потому что ты, гурон, ничего здесь не поймешь. Обратись опять к своим глазам, и они сколько нужно объяснят тебе значение моей особы. Мое платье, конечно, не похоже на тряпки ваших жен, и весь мой наряд со всеми его драгоценными мелочами может принадлежать не иначе, как такой особе, которая занимает одно из первых мест после королевы. Теперь, гурон, выслушай меня: я намерена объявить, зачем и по какому поводу я внезапно явилась среди вашего лагеря. Есть у англичан молодые воины так же, как у гурунов, и ты, может-быть, догадываешься, как велико их число.

— Англичане многочисленны, как листья на деревьях в этом лесу. Гурунам это известно.

— Понимаю тебя, вождь. Пойми же и ты, от каких хлопот я тебя избавила, что не привела с собой людей. Молодые мои воины так же, как твои гуруны, не могут рассчитывать на дружелюбную встречу, особенно, если англичане увидят, что для этого бледнолицего пленника вы готовите пытку. Известно им так же, как и мне, что это великий охотник, прославившийся повсюду своим необыкновенным искусством. Они вступятся за него, и след ирокезов обогреть будет кровью на возвратном пути в Канаду.

— Много видели мы крови, дочь моя, и гуроны скорбят, что это все кровь их воинов.

— Значит, я прекрасно сделала, что не окружила себя бледнолицыми, иначе кровь гуронов полилась бы опять обильным потоком. Я слышала о Райвенуке и заблагорассудила позволить ему возвратиться с миром в свою деревню для успокоения женщин и детей. Если потом он изъявит желание выступить на охоту за нашими волосами, мы встретим его, как прилично англичанам. Райвенук, говорили мне, любит слонов и маленькие ружья. Смотри, вот и те, и другие, назначенные в подарок для знаменитого вождя, если только сам он захочет быть моим другом. Пусть он присоединит эти драгоценности к своему имуществу и благополучно воротится в свою деревню до прибытия моих воинов. Он покажет канадским ирокезам великие сокровища, приобретенные в то самое время, как могущественные отцы наши, пребывающие за морями, отправили друг к другу военные секиры. Но этот великий охотник пойдет со мною. Нужен он мне для того, чтобы дворец мой не оставался без дичи.

Юдифь, хорошо знакомая с формами красноречия индейцев, старалась подражать им в замысловатом образе выражений и, сверх ожидания, успела в этом как нельзя лучше. Зверобой переводил ее слова с буквальной точностью тем охотнее, что она воздерживалась положительно от всякой лжи, как свойства, не достойного белого человека. Предложение богато изукрашенного пистолета и слоновых башен из шахматной игры вызвало величайший восторг и общий говор у индейцев, но Райвенук принял их холодно и умел подавить в себе волнение при взгляде на животное о двух хвостах. Он решился даже совсем отвергнуть этот подарок, как не достойный великого племени гуронов.

— Пусть дочь моя, — сказал он, — удержит при себе этих двуххвостых свиней и скушает их, когда не будет у нее дичи. Это маленькое ружье может также оставаться в ее владении. Гуроны не имеют недостатка в дичи, и есть у них длинные ружья, чтобы сражаться с неприятелями. Этот охотник не может теперь расстаться с моими молодыми воинами. Он хвастается своею храбростью, и они желают знать, точно ли он храбр.

— Неправда, гурон! — вскричал Зверобой с живостью. — Ты говоришь против совести и здравого смысла! Никогда я не хвастался ни перед кем и не буду хвастаться, если даже вы сдерете с меня кожу и будете жарить на медленном огне. Вы можете меня унижить, истерзать, потому что я ваш пленник, но никакая сила не заставит меня хвастаться.

— Бледнолицый друг мой хвалится тем, что он никогда не хвастается, — сказал Райвенук с иронической улыбкой. — Это мы увидим. Но я слышал прелестную песню незнакомой птички, и весь мой народ любовался ее перьями. Нам стыдно будет показать глаза нашим канадским братьям, если мы возвратим нашего пленника потому только, что загляделись на прекрасную птичку и заслушались ее голоса. Мы не знаем даже, как ее зовут, и мои воины не могут сказать, королек или райская птичка распевала перед их глазами. Стыдно им будет своих канадских братьев, и вперед они принуждены будут брать на охоту своих матерей, чтобы узнать от них имена различных птиц.

— Пленник, если угодно, скажет тебе, как меня зовут. Имя мое — Юдифь. Ты назвал меня птицей с прекрасными перьями. Пойми же, что имя мое еще прекраснее.

— Нет, дочь моя, бедный пленник уже слишком устал, и мы не станем его об этом спрашивать, — отвечал хитрый индеец. — Пусть явится сюда Слабый Ум. Позвать молодую девушку. Твое имя, кажется, Гэтти?

— Да. Меня зовут Гэтти.

— Хорошо! Скажи же мне, Гэтти, как имя этой женщины?

— Юдифь. Это, видишь ли, моя родная сестра. Юдифь, дочь Томаса Гуттера, которого прозвали Канадским Бобром, хотя был он вовсе не бобр, а такой же человек, как и ты. Жил он в собственном доме на озере и умер от ваших рук. Этого довольно для тебя?

Торжественная улыбка появилась на морщинистом лице старого вождя, когда он увидел успех обращения к слабоумной девушке. Юдифь в свою очередь при появлении младшей сестры тотчас же увидела, что дело ее погибло, так как Гэтти ни за какие блага в свете не могла себе позволить явной лжи. Теперь уже никто, конечно, не поверит, что дочь Пловучего Тома — знатная особа, близкая к самой королеве, и остроумная мечта сама собой

разлетелась вдребезги. Юдифь бросила многозначительный взгляд на Зверобоя, как-будто приглашая его отважиться на побег вместе с нею.

— Невозможно, Юдифь, — отвечал молодой охотник на этот немой призыв; — план ваш смел и достоин жены генерала, но этот старый минг хитрее самого чорта. (Райвенук в эту минуту отошел немного в сторону; вместе с другими вождями и не мог слышать их разговора.) Беспольна против него всякая хитрость, и на глазах его никогда не бывает тумана. Вы поступили самонадеянно и слишком опрометчиво, если хотели здесь выдать себя за знатную особу. Райвенук теперь непременно догадался, что весь ваш наряд составляет известную часть его добычи из имущества вашего отца.

— Но, во всяком случае, Зверобой, мое присутствие будет для вас защитой. Они не посмеют вас мучить перед моими глазами.

— Почему же нет, Юдифь? Неужели вы думаете, что белая женщина по их понятиям выше краснокожей? Ничуть не бывало. Пытать вас, конечно, не будут, это правда. Но все же вы потеряете и свою свободу и свои прекрасные волосы. Жалею, Юдифь, что вы вздумали притти сюда, на место моей пытки. Мне вы не принесете никакой пользы.

— По крайней мере, я разделю вашу судьбу, — отвечала Юдифь с энтузиазмом. — Ирокезы в моем присутствии не сделают вам зла, и притом...

— Что вы хотите сказать, Юдифь? Разве есть у вас какие-нибудь средства?

— Никаких, Зверобой, но я умею страдать за друзей и умирать вместе с ними, — отвечала молодая девушка с необыкновенною твердостью.

— Юдифь, Юдифь! Едва ли вы умрете раньше, чем придет ваш срок. Вам, конечно, предстоит жестокая участь сделаться женою индейского вождя, но вы не умрете. Лучше бы вам оставаться в ковчеге и заниматься своим делом. Но уж так и быть: что сделано, того не воротить. Вы, однако, не кончили вашей мысли.

— Я хотела сказать, что надежда еще не совсем потеряна, — проговорила шопотом Юдифь, проходя мимо пленника. — Час времени — все для нас. Друзья ваши работают усердно.

Молодой охотник мог только отвечать признательным взором. Потом он обратился к своим врагам, как-будто изъявляя полную готовность вытерпеть назначенную пытку. После кратковременного совещания вожди окончательно решили судьбу пленника. Хитрость Юдифи, выведенная наружу, сильно поколебала замыслы Райвенука, и он вместе с товарищами крайне досадовал на молодую девушку, которая чуть не одурачила их всех. Никто больше не сомневался, что она дочь Канадского Бобра, и ее великолепный наряд уже не производил никакого эффекта.

Райвенук был уже совсем не тот, когда опять воротился к пленнику. Отказавшись от желания спасти его, он не хотел больше оттягивать пыток. Эта внезапная перемена в мыслях старого вождя быстро заразила всех молодых воинов, и они поспешили сделать последние приготовления для начала пыток. Прежде всего набросали сухих ветвей возле одного дерева и потом разложили прутья от сосновых корней, которые предполагалось зажечь и втыкать в разные места его тела. Затем притащили веревки, чтобы привязать его к дереву. Все это происходило в глубоком молчании. Юдифь со страхом, едва смея дышать, следила глазами за всеми этими движениями, но Зверобой, повидимому, казался совершенно равнодушным. Когда, наконец, воины подступили к нему с веревками, он бросил на молодую девушку выразительный взгляд, как-будто спрашивая, должен ли он сопротивляться или безусловно отдать; себя врагам. Ответом Юдифи был энергичный жест, очевидно, внушавший безусловную покорность. Таким образом во второй раз привязали его к дереву с тем, чтобы подвергнуть всем жестокостям и оскорблениям. В продолжение всех этих приготовлений никто не произнес ни одного; слова. Вскоре развели костер и с нетерпением ожидали, когда он разгорится.

Впрочем, гуроны отнюдь не хотели лишать его жизни посредством огня: им хотелось только подвергнуть испытанию его нравственное мужество на ближайшем расстоянии от жара, невыносимого для человеческого тела. Варварская операция сдирания волос была

отложена к концу. Прежде всего хотели победить его решимость, вырвать из него стоны, жалобы, болезненные крики. От разведенного костра скоро, по их расчетам, должен был распространиться нестерпимый жар, не способный, однако, задушить несчастную жертву. Притом, как часто случается в подобных случаях, расстояние было вычислено плохо, и распространившееся пламя уже начало оказывать свое губительное действие, как вдруг слабоумная Гэтти, вооружившись огромной палкой, храбро пробилась через толпу и разбросала во все стороны запылавшие ветви. Уже несколько индейцев приготовились наказать эту дерзость, но вожди немедленно укротили гнев молодых воинов, напомнив им о слабоумии провинившейся девушки. Совершив этот геройский подвиг, Гэтти остановилась среди старшин и нахмурила брови, как-будто собираясь сделать строгий выговор безжалостным людям. Мысль о собственной опасности ей и в голову не приходила.

— Благодарю тебя, сестрица, за твою отвагу и присутствие духа! — проговорила Юдифь, бледная, как смерть, и неподвижная, как статуя.

— Да, Юдифь, у сестрицы вашей было доброе намерение, и она выполнила его очень кстати, потому что минуты через две меня не спасла бы никакая человеческая сила. Но если взять в расчет то, что мне уж не миновать своей судьбы, так, пожалуй, чем скорее, тем лучше. Вы видите, как они запрокинули мою голову: я не могу пошевелинуться ни направо, ни налево, и один ловкий удар отправит меня на тот свет. Уж лучше бы, право, задохнуться от дыма, чем погибнуть от томагавка.

— Жестокие, бессердечные гуруны! — воскликнула Гэтти в припадке негодования. — Кто дал вам право губить в огне человека? Разве он, по-вашему, то же, что полено?

Вскоре опять молодые воины собрали разбросанные головни, а женщины и дети по знаку Райвенука принялись подкладывать хворост под костер. Уже огонь прибавился с новой силой, как вдруг молодая индеанка, раздвинув толпу, разбросала опять загоревшиеся ветви. При этой второй неудаче гуруны испустили грозный крик, но когда индеанка подняла голову, и они узнали в ней Вахту, неистовый крик быстро сменился восклицаниями изумления и радости. С минуту никто не думал о пленнике, и все гуруны, старые и молодые, столпились около Вахты, спрашивая ее о причине внезапного возвращения. В эту критическую минуту Вахта успела шепнуть Юдифи несколько слов и подала ей какой-то маленький предмет, не замеченный никем. Потом она обратилась к молодым гурункам, своим приятельницам, и вступила с ними в разговор. Юдифь, с своей стороны, быстро принялась за дело. Она вручила Гэтти маленький острый ножик, полученный от Вахты, надеясь этим способом передать его Зверобою, но слабоумие Гэтти опять нарушило ее расчеты. Вместо того, чтобы развязать потихоньку руки пленника и передать ему ножик, она открыто принялась резать повязку, прикреплявшую к дереву его лоб. Заметив эту операцию, гуруны бросились к слабоумной девушке и оттащили ее от дерева в ту минуту, когда она принялась обрезать веревку на груди Зверобоя. Это открытие вызвало подозрение в отношении Вахты, и при допросе неустрашимая индеанка, к величайшему изумлению Юдифи, смело призналась в своем участии во всем происходящем.

— Отчего бы мне не помочь Зверобою? — сказала она решительным тоном. — Он брат делаварского вождя, и у меня делаварское сердце. Подойди-ка сюда, негодный Колючка! Сотри со своего лица ирокезскую краску и выставь себя перед ними гадким трусом, каким создала тебя природа. Пусть он подойдет к Зверобою, и я покажу вам, вожди и воины, какого негодяя вы приняли в свое племя!

Эта смелая речь, произнесенная на ирокезском языке с видом полной уверенности, произвела сильнейшее впечатление на всех гурунов. Измена всегда порождает недоверие, и хотя Колючка-Йокоммон — употребил все средства, чтобы выслужиться перед своими врагами, однако, его усилия привели только к тому, что он был лишь кое-как терпим между ними. Как двойной изменник, он справедливо заслужил всеобщее презрение, и никто не вступал с ним в дружеские отношения. Сперва изменил он Вахте, на которой хотел жениться, а потом сделался изменником всего своего племени. Никогда почти не смел он являться на глаза вождям, и гуруны караулили его так же, как и Вахту. До сих пор он

тщательно скрывался от Зверобоя, и тот не знал даже, что Колючка-Йокоммон — в лагере гуронов. Но теперь, к своему ужасу, изменник не мог больше прятаться за другими. Впрочем, он не стер с своего лица ирокезской раскраски, и под ее покровом молодой охотник не узнал его даже тогда, когда он вступил в кружок вождей.

— Кто и в чем здесь обвиняет Йокоммона? — сказал изменник, нагло выступая вперед.

— Я тебя обвиняю, и ты знаешь в чем! — вскричала Вахта с живостью, хотя в поступках ее проглядывала явная растерянность, как-будто она чего-то ожидала. — Обратись к своему сердцу, подлый беглец, и не смей приходить сюда с лицом невинного человека! Склони голову к светлому ручью и признай на своей фальшивой коже краску своих естественных врагов. Хвастайся потом, как бежал ты от своего племени и как накинул на себя французское покрывало. Пусть на теле твоём будут самые яркие цвета, я угадаю тебя везде и во всем, как подлую ворону в перьях колибри.

Все гуроны были в высшей степени изумлены этими словами девушки, которая всегда между ними отличалась необыкновенною кротостью. Колючка в свою очередь взбесился до того, что готов был растерзать на куски свою обвинительницу.

— Чего хотят от Йокоммона? — сказал он дерзко. — Если белому человеку наскучила жизнь и если боится он пыток, одно слово, Райвенук, и я отправлю его к тем воинам, которых мы лишились.

— Нет, Райвенук, нет, нет! — вскричала Вахта. — Зверобой не боится никого и ничего, и уже эта ворона всего менее для него опасна и страшна. Развяжите ему руки и поставьте его лицом к лицу с этим подлым трусом. Увидим мы, кто из них скорее отправится на тот свет.

С этими словами Вахта бросилась вперед и принялась распутывать Зверобоя, но Райвенук приказал ее остановить. Вождь гуронов с недоверием следил за всеми движениями молодой индейки, которая при всей живости не могла скрыть своего беспокойного вида, слишком заметного для привычных глаз. Она прекрасно играла свою роль, но два-три вождя были убеждены, что все же это — роль, противоречившая ее настоящим чувствам. Таким образом, она обманулась в своей надежде именно в ту минуту, когда думала добиться полного успеха. По приказанию Райвенука все поспешили занять свои обычные места, и тогда молодые воины приготовились еще раз развести костер, так как всякая отсрочка была уже совершенно бесполезна.

— Пойдите, гуроны! — вскричала Юдифь в порыве бессильного отчаяния и едва понимая сама, что говорит. — Еще минуту, не более, как минуту!

Новое непредвиденное обстоятельство остановило ее крик. Молодой индеец стремительно прорвался сквозь густую толпу гуронов и мгновенно очутился в центре вождей, как самый близкий их приятель, или как сумасброд, у которого вскружилась голова. Пять или шесть часовых было расставлено в различных пунктах по берегу озера, и Райвенук сначала думал, что это кто-нибудь из них спешил сообщить важную новость. Между тем движения незнакомца, расписанного с ног до головы, до того были стремительны и быстры, что с первого раза никак нельзя было узнать, друг он или недруг. В два, три скачка он очутился возле Зверобоя и в одно мгновение перерезал на нем все веревки, так что пленник совершенно овладел всеми своими членами. Тогда только незнакомец бросил взгляд на окружающие предметы. Он выпрямился, как сосна, поворотился, и гуроны увидели в нем молодого воина, расписанного краскою делаваров. В каждой руке его было по карабину и один из них — «ланебой», снабженный патронами, немедленно перешел к Зверобою, его владельцу. Совершив этот подвиг, Чингачгук бросил на гуронов свой орлиный взор, как-будто смело вызывал на бой озадаченный лагерь. Присутствие двух вооруженных воинов привело в трепет всех гуронов. Их ружья, большей частью незаряженные, валялись под деревьями в различных местах, и они могли обороняться только своими томагавками. Никто, однако, не обнаружил чувства страха, потому что казалось невероятным, чтобы два человека отважились сделать нападение на многочисленный лагерь. Вожди ожидали, что за этой смелой выходкой последует какое-нибудь предложение. Они не обманулись.

— Гуроны, — сказал краснокожий воин, — велика и обильна наша земля. Просторно

жить ирокезам за большими озерами пресной воды, просторно и делаварам по эту сторону озера. Я — Чингачгук, сын великого Ункаса, родственник Таменунда. Вахта — моя невеста, а этот белый человек — мой друг. Тосковало мое сердце, когда не было со мною искреннего друга, и я последовал за ним в ваш лагерь с твердым намерением защитить его от всяких напастей. Молодые делаварки ожидают Вахту и удивляются, почему так долго ее нет между ними. Распростимся как следует и разойдемся каждый в свою сторону.

— Гуроны! — вскричал Йокоммон. — Человек этот ваш смертельный враг, и его имя — Великий Змей! Если он вырвется отсюда, мокассыны ваши оставят кровавые следы от берегов Глиммергласа до наших канадских деревень! Вы увидите, что я гурон и телом и душой.

Говоря таким образом, изменник бросил огромный нож в обнаженную грудь могикана. Вахта, стоявшая подле него, очень ловко толкнула его под руку, и грозное оружие вонзилось в сосну. Спустя мгновение такое же оружие засверкало в руке Великого Змея, засвистело в воздухе и ударило в сердце изменника. Все это происходило с необыкновенной быстротой, и гуроны еще не успели притти в себя после внезапного появления Чингачгука. Наконец, после гибели Йокоммона, они, повидимому, опомнились, испустили страшный воинственный крик и мгновенно пришли в движение. В эту минуту послышался в лесу необыкновенный шум. Гуроны приостановились и насторожились. То были глухие, ровные и правильные звуки, как-будто по земле ударяли молотом. Через несколько мгновений что-то мелькнуло за деревьями, и они ясно могли различить ряды английских солдат, выступавших мерным шагом.

Трудно описать последовавшую затем сцену. С одной стороны — стройный порядок; с другой — толкотня, суетня, иступленные крики и отчаяние. Яростные вопли ирокезского лагеря сопровождалась радостными восклицаниями английских солдат. Не было еще сделано ни одного выстрела, весь отряд быстро продолжал свой марш, выставив вперед штыки. Гуроны очутились в самом невыгодном положении. С трех сторон они были окружены озером, а с четвертой путь их был прегражден ротою солдат, приученных к правильной военной дисциплине. Индейские воины бросились отыскивать ружья, и весь лагерь думал только о своем спасении. Среди этой общей суматохи Зверобой умел сохранить все свое хладнокровие и присутствие духа. Поставив Юдифь и Вахту за двумя большими деревьями, он принялся искать Гэтти, но без всякого успеха, потому что ее увлекли за собою гуронские женщины. Потом, став на дороге, по которой гуроны бежали к озеру, он увидел между ними двух ожесточенных своих врагов, поднял карабин, взвел курок — и свалил их обоих. Это был первый выстрел, направленный против гуронов, и они, в свою очередь, поспешили ответить бесчисленными залпами. Но солдаты, повидимому, не обратили никакого внимания на этот безвредный огонь и продолжали молча итти в штыки. Один только выстрел раздался из их рядов: выпалил нетерпеливый Генрих Марч, их проводник и волонтер в английской роте. Вскоре, однако, послышались отчаянные вопли и стоны, которые, обыкновенно, сопровождают употребление штыков. Последовала ожесточенная резня, в которой не было пощады ни женщинам, ни детям.

Глава XXXI

Восход солнца позолотил прозрачные воды Глиммергласа. Птицы, как и всегда, бороздили своими крыльями и клювами поверхность озера или взлетали на вершины огромных сосен. Ничто не изменилось. Только в осиротелом замке Канадского Бобра наблюдалось необычайное движение. На платформе мерным шагом разгуливал взад и вперед часовой в мундире легкой кавалерии, и дюжины две солдат отдыхали в разных местах или сидели на палубе ковчега. Их ружья стройными рядами красовались около стены. Два офицера смотрели в подзорную трубу на противоположный берег. Их взоры были прикованы

к роковому мысу, где среди деревьев виднелись солдаты с заступами в руках: они копали землю и зарывали мертвецов. На некоторых виднелись явные следы сопротивления побежденных индейцев, и один молодой офицер ходил с рукою, перевязанною шарфом. Его товарищ, командир этого отряда, был счастливее: в его руках, невредимых и здоровых, красовалась подзорная труба, и он весело продолжал наблюдения над противоположным берегом.

Сержант, подошедший с рапортом, назвал старшего из этих офицеров капитаном Уэрли, а младшего — прапорщиком Торнтоном. Уэрли был мужчина лет тридцати пяти, высокий и дородный, с красными щеками и вздернутым носом, забияка и нахал.

— Мистер Крег, я думаю, посылает нас к чорту, — сказал капитан Уэрли молодому прапорщику, отдавая слуге подзорную трубу, — и он прав, если угодно: гораздо приятнее служить здесь прекрасной мисс Юдифи Гуттер, чем возиться там около мертвецов. Кстати, Райт, ты не знаешь, жив Дэвис или нет?

— Он умер, капитан, минут десять назад, — отвечал сержант, — пуля пробила ему желудок, и я уже знал, что из этого выйдет. Мне еще не случалось видеть здоровых людей с отверстием в желудке.

— Не мудрено, пуля не совсем лакомый кусок! — проговорил капитан. — Не спать две ночи сряду, это уж чересчур, любезный Артур, и я хожу, как голландский миссионер на берегах Могаука. Надеюсь, ваша рука не слишком страдает?

— Она заставляет меня выделять по временам довольно неуклюжие гримасы, как вы, конечно; заметили, капитан, — отвечал, улыбаясь, молодой человек, хотя черты его лица обличали внутреннее страдание. — Придется потерпеть немного. Надеюсь, доктор Грегем через несколько минут придет осмотреть мою рану.

— Согласитесь, однако, мистер Торнтон, что мисс Юдифь прекрасна, и уж не моя вина, если не будут на нее любоваться в лондонских салонах, — продолжал капитан Уэрли, не заботясь о ране своего товарища. — Ах, да, я и забыл о вашей ране? Сержант, сбегай на ковчег и скажи доктору Грегему, что я покорнейше прошу осмотреть руку господина Торнтонна после того, как он там управится с переломленной ногой. Да, мисс Юдифь — прелестное создание. Вчера в своем парчевом платье она казалась настоящей принцессой. Ведь вот, подумаешь, как шутит судьба: отец и мать умерли, сестра умерла или умирает, и от всего семейства осталась одна красавица. А, впрочем, эта экспедиция окончилась гораздо счастливее других наших схваток с этими индейцами.

— Как вас понимать, капитан? Вы думаете, кажется, окончить эту экспедицию женитьбой?

— Вот прекрасно! Я, Том Уэрли, завербую себя в число почтенных супругов? Да вы, мой милый, насколько я вижу, совсем не знаете капитана Уэрли, если считаете его способным на такую глупость. Много, я надеюсь, у нас женщин, годных для какого-нибудь кавалерийского капитана, но их надобно искать не на озере между горами и всего менее на берегах Могаука. Однажды, правда, дядюшка мой, генерал Уэрли, вздумал предложить мне невесту, которую он отыскал где-то в Йоркском графстве, но она не хороша, а без красоты мне не нужно и принцессы.

— Стало-быть, вы рассчитываете жениться на хорошенькой девушке без всякого состояния?

— Час от часу не легче! Любовь в хижине, скромная дверь, скромное окно — все это старая погудка на новый лад. Мы служим, мой милый, в таком корпусе, где женитьба совсем не в моде. Полковник наш, старик сэр Эдвин никогда не думал о женитьбе, да и не станет думать, за это можно поручиться. Подполковник тоже холостяк, конфирмованный холостяк, как однажды сказал я своему кузену епископу. Майор овдовел через несколько дней после своего медового месяца и никогда потом не думал сковывать себя новыми узами. Из десяти капитанов только один вошел в число семейных людей, зато его и оставляют всегда в

генеральской квартире, как своего рода *memento mori*¹⁹ для новичков. А из низших офицеров пока еще ни один не отважился привезти в полк жену. Однако, вы страдаете, молодой человек! Надо посмотреть, что там делает наш доктор.

Занятия хирурга, сопровождавшего этот отряд, были несколько иные, чем у капитана Уэрли. На поле сражения была отыскана между ранеными бедная Гэтти, и оказалось, что рана ее смертельна. Никто не мог сказать, как она получила эту рану, и, конечно, один только случай был причиной несчастья слабоумной девушки. Сумаха, все старухи и несколько молодых девушек погибли в общей свалке от солдатских штыков. Некоторые из гуронов спасались вплавь и весьма немногие, получив тяжелые раны, сдались в плен.

В числе их был и Райвенук. Когда капитан Уэрли и молодой прапорщик вошли в ковчег, Райвенук сидел на пароме с перевязанной головой и ногой, но на лице его не было никаких явных признаков отчаяния. Он оплакивал гибель своих товарищей молча и с достоинством вождя.

Офицеры нашли хирурга в главной комнате ковчега. Он отошел от постели несчастной Гэтти. Обезображенное оспой лицо шотландца выражало глубокую печаль. Усилия его не имели никакого успеха, и он убедился, что страдальца проживет не больше двух или трех часов. Доктор Грегем привык видеть смерть во всех видах, и она вообще производила на него весьма слабое впечатление. Его ум, занятый постоянно материальными явлениями, получил скептическое направление, но когда он увидел кроткую молодую девушку, это зрелище растрогало его до глубины души, и он почти стыдился своей слабости.

— Никакой надежды, доктор? — спросил капитан Уэрли, устремив глаза на Юдифь, бледные щеки которой вдруг вспыхнули двумя большими красными пятнами.

— Никакой, капитан, так же, как для Чарльза Стюарта, — отвечал доктор. — К вашим услугам, господин Торнтон! Если вам угодно войти в соседнюю комнату, мы можем осмотреть вашу рану.

По уходе хирурга с прапорщиком капитан Уэрли бросил пытливый взгляд вокруг, стараясь угадать настроение тех, с кем он остался в этой комнате. Гэтти, обложенная подушками, полулежала на своей постели, и лицо ее, отражая приближение смерти, приобрело в эти минуты выражение, в котором, казалось, сосредоточивался весь запас ума, полученный ею от природы. Возле нее сидели Юдифь и Вахта, погруженные в глубокую думу. В ногах стоял Зверобой, облокотясь на свой карабин. Его черты, еще недавно дышавшие отвагой, приняли теперь свой обычный добродушный вид с оттенком печали. Чингачгук стоял неподвижно, наблюдая с большим вниманием все, что происходило вокруг него. Марч сидел на скамейке возле двери, как человек, считавший своей обязанностью принимать участие в общем горе.

— Кто этот человек в красной одежде? — спросила Гэтти, заметив мундир капитана. — Может-быть, он приятель Генриха Марча, Юдифь?

— Это командир военного отряда, который спас нас от гуронов, — отвечала Юдифь тихим голосом.

— И я тоже спасена, не правда ли? А мне казалось, что я непременно умру от этой пули. Что делать? Мать моя умерла, умер и отец, но ты жива, Юдифь, и Гэрри тоже. Я очень боялась за его жизнь, когда услышала его голос.

— Не беспокойся, Гэтти, — сказала Юдифь, опасаясь, как бы ее сестра не выдала в эту минуту своей тайны. — Гэрри здоров так же, как и Зверобой и могикан.

— Ты, Юдифь, вероятно, знакома с некоторыми из этих офицеров? У тебя, я помню, было много знакомых.

Не отвечая ничего, Юдифь закрыла лицо обеими руками и глубоко вздохнула. Гэтти посмотрела на нее с изумлением и, догадываясь, что сестра ее скорбит о ней, решила ее утешить.

¹⁹ «Помни о смерти»... (Прим. ред.).

— Не думай обо мне, милая Юдифь, я не страдаю. Конечно, я умру, да что за беда? Матушка и батюшка умерли еще прежде меня. Притом ты знаешь, что из всей нашей семьи обо мне всего меньше должно думать. Все меня забудут очень скоро после того, как тело мое опустят в озеро.

— Нет, сестрица, нет, нет! — вскричала Юдифь в порыве печали. — Я, по крайней мере, никогда тебя не забуду. Как я была бы счастлива, если бы мое сердце было бы таким же, как твое!

Капитан Уэрли стоял у двери, прислонившись спиной к стене. Когда из груди Юдифи вырвался этот невольный порыв грусти и, может-быть, сожаления, он с задумчивым видом вышел, не обращая никакого внимания на молодого прапорщика, которому доктор делал перевязку.

— Не знаю, — продолжала Гэтти, — что сделалось с моими глазами: ты представляешься мне вдаль, в каком-то тумане, и Генрих Марч покрыт туманом, и все вы в тумане. Отчего же я так плохо вижу, сестрица?

В эту минуту капитан Уэрли опять вошел в комнату. Не останавливаясь, он подошел к постели умирающей. Гэтти его заметила.

— Не вы ли тот офицер, что прибыл сюда с Генрихом Марчем? — спросила она, устремив на него свой потухающий взгляд. — Если так, то мы обязаны благодарить вас.

— Известие об ирокезах доставил нам индейский курьер из союзного племени, и я тотчас же получил приказ отправиться против них, — отвечал капитан Уэрли, обрадовавшийся случаю вступить в разговор. — На дороге, к счастью, мы встретили Генриха Марча, и он сделался нашим проводником по этим лесам. К счастью также мы скоро услышали несколько ружейных выстрелов, которые заставили нас ускорить свой шаг и прямо привели к тому месту, где присутствие наше было необходимо. Делавар увидел нас в подзорную трубу и вместе со своей женой оказал нам весьма важные услуги. Словом, мисс Юдифь, все эти обстоятельства очень много содействовали счастливому окончанию нашей экспедиции.

— Не говорите мне о счастии, милостивый государь, — отвечала Юдифь. — Жизнь для меня — одно бедствие, и я не хотела бы слышать ни о ружьях, ни о солдатах, ни о людях.

Юдифь встала, закрыла лицо передником и заплакала. Прошло больше двух часов. В это время капитан Уэрли несколько раз входил в комнату и уходил. На душе его лежало какое-то тяжелое бремя, и, казалось, он нигде не находил покоя. Солдатам были отданы различные приказы, и они засуетились каждый за своим делом, особенно, когда поручик Крег, окончив свои печальные обязанности на берегу, прислал спросить, что ему делать с частью отряда, бывшею под его командой. Гэтти заснула, и тем временем Чингачгук и Зверобой вышли из ковчега поговорить о своих делах. Часа через два доктор вышел на платформу и объявил, что бедная девушка быстро угасает. Все, оставившие ее комнату, опять поспешили на ковчег. Гэтти чувствовала полную слабость...

— Не тужи обо мне, сестрица, — сказала она тихо. — Куда скрылись все вы? Ничего не вижу, кроме мрака. Неужели ночь так скоро наступила?

— Я здесь, сестрица, возле тебя, — сказала Юдифь, — мои руки обнимают тебя. Что ты хочешь сказать мне, милая Гэтти?

В эту минуту Гэтти совершенно потеряла зрение. Она побледнела, но дышала свободно, и ее голос был чист и ясен, несмотря на слабость. Но все же когда сестра предложила ей этот вопрос, едва заметная краска выступила на ее щеках.

— Гэрри здесь, моя милая Гэтти, в этой комнате. Позвать его к тебе?

Легкое пожатие руки было утвердительным ответом на эти слова.

Генрих Марч по сделанному знаку подошел к постели. Он был печален и задумчив. Юдифь заставила его взять руку умирающей. Но Гэтти ничего не говорила.

— Генрих Марч возле тебя, сестрица, — сказала Юдифь, — и желает тебя слышать. Скажи ему что-нибудь, и пусть он уйдет.

— Что же я скажу ему, Юдифь?

— То, что говорит тебе твое чистое сердце, милая Гэтти, и не бойся ничего!
— Прощай, Генрих! — проговорила Гэтти, сжимая его руку. — Желаю тебе счастья...
Желаю от всей души!
Затем она опустила его руку и перевернулась на другую сторону. Жизнь ее угасла.

Глава XXXII

Печально прошел день. Похоронив врагов, солдаты занялись погребением своих убитых товарищей. Часы проходили за часами. Наконец наступил вечер, когда решились отдать последний долг останкам бедной Гэтти. Ее тело опустили в озеро подле матери. Юдифь и Вахта горько плакали, как и Зверобой, употреблявший напрасные усилия, чтобы скрыть свои слезы. Чингачгук смотрел на все с видом глубокомысленного философа.

По распоряжению командира весь отряд рано должен был расположиться на ночлег, так как предполагалось выступить в поход с восходом солнца для соединения с гарнизоном. Пленники и раненые были отправлены еще с вечера под надзором Генриха Марча. Эта отправка значительно облегчила дальнейшие действия отряда, потому что на другой день при нем не было ни раненых, ни обоза, и солдаты были свободнее в своих движениях.

Юдифь после похорон своей сестры не говорила ни с кем, кроме Вахты, вплоть до самой ночи. Молодые девушки оставались одни возле тела покойницы до последней минуты. Барабаны прервали на озере молчание, и затем опять наступила тишина, как-будто человеческие страсти не возмущали спокойствия природы. Часовой всю ночь ходил по платформе; на рассвете барабан пробил зорю.

Солдаты позавтракали на скорую руку и в стройном порядке, без малейшего шума выступили на берег. Из всех офицеров остался только капитан Уэрли. Крег командовал отрядом, выступившим накануне; Торнтон отправился с ранеными, и доктор Грегем, разумеется, сопровождал своих пациентов. Сундук Пловучего Тома и вся лучшая мебель отправлены были с обозом, и в замке остались только мелочи, не имевшие никакой ценности. Юдифь была очень рада, что капитан Уэрли, уважая ее печаль, занимался исключительно своими обязанностями командира и не мешал ей предаваться размышлениям. Все знали, что замок скоро будет совсем покинут, и никто не спрашивал никаких объяснений по этому поводу.

Солдаты сели на ковчег под предводительством своего капитана. На вопрос Уэрли, скоро ли и как она намерена отправиться, Юдифь отвечала, что желает остаться в замке вместе с Вахтой до последней минуты. Больше капитан Уэрли не расспрашивал. Он знал, что ей остается одна только дорога — на берега Могаука, и не сомневался в скорой встрече и возобновлении приятного знакомства.

Наконец весь отряд выступил, и в замке не осталось уже ни одного солдата. Тогда Чингачгук и Зверобой взяли две лодки и поставили их в замок. Потом они наглухо заколотили все двери и окна и, отъехав от палисадов на третьей лодке, встретились с Вахтой. Могикан пересел к своей невесте и, взяв весла, начал удаляться от замка, оставив Юдифь на платформе. Ничего не подозревая в своем простосердечии, Зверобой подъехал к платформе, пригласил Юдифь спуститься в его лодку и отправился с нею по следам друзей.

Несколько минут Юдифь молча смотрела на него, потом бросила взгляд на опустевший замок.

— Итак, мы оставляем эти места, — сказала она, — и притом в такую минуту, когда нет здесь никаких опасностей. После происшествий этих дней, без сомнения, у индейцев надолго отпадет охота беспокоить белых людей.

— Да, за это можно ручаться. Что касается меня, то я не имею никакого намерения возвращаться сюда в продолжение всей войны, потому что гуроны, надо думать, не забредут сюда до той поры, пока их внуки или правнуки будут еще слушать рассказы о поражении их предков на берегах Глиммергласа.

— Неужели вы так любите бурную тревогу и пролитие крови? Я была лучшего о вас

мнения, Зверобой! Мне казалось, что вы можете сыскать свое счастье в скромном доме с любимой женой, которая сама будет нежно любить вас, предупреждая все ваши желания. Казалось мне, вам приятно было бы окружить себя здоровыми и ласковыми детьми и заботиться о их воспитании с нежностью отца, для которого правда дороже всего на свете.

— Какой язык, какие глаза! Что с вами случилось, Юдифь? Право, взоры ваши, кажется, еще яснее, чем слова, выражают вашу мысль. В месяц, я уверен, вы могли бы испортить самого лучшего солдата во всей колонии.

— Неужели я в вас обманулась, Зверобой? Стало-быть, война для вас дороже всяких семейных привязанностей?

— Понимаю вас, Юдифь, но вы то, кажется, не совсем ясно представляете мой образ мысли. Вероятно, теперь я могу назвать себя воином в прямом смысле этого слова, потому что я сражался и побеждал. Этого довольно, чтобы заслужить между делаварами имя воина. Не отрицаю, у меня есть склонность к этому ремеслу, но я не люблю проливать человеческую кровь. Я не людоед, Юдифь, и не имею страсти к битвам; но, по моему мнению, оставить военное ремесло тотчас же после битвы — почти то же, что избегать поступления на военную службу из опасения сражений.

— Разумеется, для женщины не может быть приятным, если ее муж или брат позволит себя обижать, не стараясь защитить себя и ее; но вы, Зверобой, уже прославились на военном поприще, потому что победа над гуронами главным образом принадлежит вам. Теперь прошу вас, выслушайте меня терпеливо и отвечайте мне с полной откровенностью.

Юдифь остановилась. Щеки ее, за минуту до того бледные, как полотно, покраснели ярким румянцем, и в глазах ее заискрился яркий блеск. Затаенное чувство придало необыкновенную выразительность всем ее чертам.

— Зверобой, — сказала она, — не время и не место прибегать теперь к разным уловкам, чтобы замаскировать свою настоящую мысль. Я хочу без малейшей утайки раскрыть перед вами все, что лежит на моей душе. Прошло только восемь дней, и я узнала вас настолько хорошо, как-будто прожила с вами десятки лет. Мы, конечно, не должны быть чужими друг для друга после стольких опасностей, испытанных и перенесенных вместе на одном и том же клочке земли. Знаю, найдутся люди, которые могут перетолковать в дурную сторону мои слова; но я надеюсь, что вы будете судить великодушно мое поведение по отношению к вам. Мы не в колонии, и нас не окружает общество, где один принужден обманывать другого. Надеюсь, вы меня поймете так, как я думаю.

— Очень может быть. Вы говорите ясно и так приятно, что можно слушать вас без всякой скуки. Продолжайте!

— Благодарю вас, Зверобой! Вы меня ободряете. Не легко, однако, девушке моих лет забыть все уроки, полученные в детстве, и высказывать открыто все, что лежит на ее сердце.

— Отчего же, Юдифь? Женщины так же, как мужчины, могут и должны откровенно высказывать свои мысли. Говорите смело, чистосердечно, и я обещаю вам полное внимание.

— Да, вы услышите, Зверобой, чистосердечную исповедь моей души, — отвечала Юдифь, делая усилие над собою. — Вы любите леса и, кажется, предпочитаете их всем удовольствиям шумной городской жизни, не так ли, Зверобой?

— Вы не ошиблись. Я люблю леса точно так же, как любил своих родителей, когда они были живы. Вот это место, где мы теперь, могло бы удовлетворять всем требованиям моей природы.

— Зачем же оставлять это место? Оно не принадлежит здесь никому, кроме меня, и я охотно передаю вам свои права. Будь я королевой, все мои владения принадлежали бы вам так же, как и мне. Скажу больше: нет на свете жертвы, которой я не принесла бы для вас, Зверобой. Что же? Воротимся в этот замок с тем, чтобы не оставлять его никогда более, до конца жизни...

Последовало продолжительное молчание. Юдифь закрыла лицо обеими руками и заплакала. Зверобой смотрел на нее с величайшим изумлением и обдумывал сделанное предложение. Наконец он ответил, стараясь по возможности придать своему голосу мягкое

выражение:

— Юдифь, вы не обдумали ваших слов. Вы слишком потрясены последними событиями, и едва ли понимаете, что делаете. Считая себя круглою сиротою, вы напрасно торопитесь приискать человека, который мог бы заменить для вас мать и отца. Это — важный шаг в жизни, и он требует большой обдуманности.

— Я обдумала его слишком хорошо, и никакая власть, никакая человеческая сила не в состоянии заставить меня переменить свое решение, потому что я уважаю вас, Зверобой, от всего моего сердца.

— Благодарю вас, Юдифь! Но я не могу и не хочу принять вашего великодушного предложения. Вы забываете все свои преимущества передо мною и, очевидно, думаете в эту минуту, что весь свет заключен для вас в этой лодке. Нет, Юдифь, я — слишком хорошо понимаю ваше превосходство и потому никак не могу согласиться на ваше предложение.

— О, вы можете, Зверобой, очень можете, и никто из нас не будет иметь ни малейших поводов к раскаянию! — с живостью возразила Юдифь, не думая больше закрывать свое лицо. — Все вещи, которые принадлежат нам, солдаты могут оставить по пути, и мы, возвращаясь из крепости, найдем возможность перенести их в замок, потому что в этих местах не будет никакого неприятеля, по крайней мере в продолжение этой войны. Вы же продадите в крепости ваши кожи и купите необходимых для нас вещей. Я со своей стороны, перебравшись в замок, уже никогда не возвращусь в колонию, уверяю вас в этом моим честным словом. Единственное мое желание — принадлежать вам и быть вашею женой, и чтобы доказать вам, Зверобой, всю мою привязанность, — продолжала Юдифь с очаровательною улыбкою, которая едва не обворожила молодого охотника, — я тотчас же по возвращении в наш дом сожгу и парчевое платье, и все драгоценные безделушки, которые вы сочтете неудобными для вашей жены. Я люблю вас, Зверобой, люблю нежно, искренно, и еще раз повторяю, что единственное желание мое — быть вашею женой.

— Вы прелестны, Юдифь, очаровательны, и этого, конечно, никто, у кого есть глаза, не будет оспаривать. Нарисованная вами картина чрезвычайно приятна воображению, но, к несчастью, план ваш не может быть приведен в исполнение. Забудьте, прошу вас, все, что вы говорили, и отправимся поскорее на противоположный берег. Перестанем об этом думать. Если угодно, можете считать, что я ничего не слышал, и вы ничего мне не говорили.

Юдифь была жестоко огорчена. Во всех его манерах обнаруживалась спокойная, убийственная твердость, и молодая девушка видела ясно, что блестящая ее красота на этот раз не произвела ожидаемого действия. Юдифь не была оскорблена отказом молодого охотника. Одна только мысль занимала ее в эту минуту — кончить объяснение таким образом, чтоб не оставалось между ними и тени недоразумений. Поэтому, помолчав с минуту, она решилась предложить прямой и откровенный вопрос.

— Вы должны быть искренны; Вы, Зверобой, не хотите на мне жениться. Так ли я вас поняла?

— Общие наши выгоды требуют, чтоб я, как честный человек, не позволил себе воспользоваться минутой вашей слабости.

— Итак, вы меня не любите? Или, может-быть, вы не находите для меня достаточно уважения в своем сердце?

— Я нахожу в нем, Юдифь, братскую к вам дружбу и готовность оказать вам всевозможные услуги, не щадя своей жизни. Тем не менее — прошу вас обратить на это особенное внимание — я не питаю к вам того сильного чувства, которое заставило бы меня из-за вас оставить своих родителей, если бы они были живы. Мой отец и мать умерли давно; но если бы они были живы, я не знаю женщины, которая заставила бы меня их оставить.

— Довольно, Зверобой, я понимаю вас очень хорошо. Вы не хотите жениться без любви, и эта любовь в вашем сердце не существует для меня. Не отвечайте, если это так. Ваше молчание послужит для меня утвердительным ответом.

Зверобой повиновался и не отвечал. Юдифь обратила на него свой пристальный взгляд, как-будто хотела прочесть в его душе недоговоренное. Но на лице его не было затаенной мысли, и молодой охотник казался совершенно спокойным. Через минуту Юдифь взяла весло. Зверобой сделал то же, и легкий челнок полетел по следам Чингачгука и Вахты. Во всю остальную дорогу они не произнесли ни слова.

Ковчег, на котором отправились солдаты, пристал к берегу в одно время с лодкой Юдифи и Зверобоя. Чингачгук и его невеста уже давно стояли на берегу, ожидая Бумпо в том месте, откуда шли две разные дороги: одна — к берегам Могаука, другая — к делаварским деревням. Солдаты пошли по первой дороге. Юдифь, выйдя на берег, быстро пошла вперед, ни разу не оглянувшись назад и даже не обратив внимания на Вахту, которая с робким изумлением смотрела на белую красавицу.

— Подожди меня здесь, Чингачгук, — сказал Зверобой, — я провожу Юдифь к отряду, а потом вернусь опять сюда.

Когда они отошли несколько шагов, Юдифь остановилась.

— Довольно, Зверобой, — сказала она печально. — Благодарю вас за внимание, но оно для меня бесполезно. Я и сама найду дорогу. Если вы отказались совершить со мной путешествие целой жизни, то тем более можете отказаться от этой дороги. Но перед разлукой мне хотелось бы предложить вам еще один вопрос, и вы правдиво ответьте мне. Я знаю, вы не любите ни одной женщины, и, повидимому, одно только обстоятельство препятствует вам полюбить меня. Итак, скажите, Зверобой...

Здесь молодая девушка остановилась, как-будто пораженная роковой мыслью, для выражения которой не хватало слов на ее языке. На ее щеках выступила багровая краска, сменившая мертвенную бледность. Наконец, сделав над собой неимоверное усилие, она продолжала:

— Скажите, Зверобой, не рассказывал ли вам Генрих Марч чего-нибудь такого, что могло иметь роковое влияние на ваши чувства ко мне?

Истина была для Зверобоя путеводною звездой, и он не мог не высказать правды даже тогда, когда благоразумие требовало упорного молчания. Юдифь с замирающим сердцем прочла убийственный ответ на его лице и, махнув рукою, быстрыми шагами пошла вперед. Несколько минут Зверобой простоял на одном месте, не зная, что делать. Наконец он вернулся к своим друзьям. Все трое переночевали на берегу Сосквеганны и вечером на другой день прибыли в делаварскую деревню. Их встретили с торжеством, и общий голос признал Зверобоя настоящим воином.

Начавшаяся жестокая война продолжалась долго. Чингачгук прославился своими подвигами настолько, что имя его произносилось не иначе, как с величайшим уважением и громкими похвалами. Прошли года, и последний Ункас присоединил свое имя к длинному ряду воинов, прославивших племя могокан. Зверобой сделался известным во всей Канаде под именем Соколиного Глаза, и звук его карабина был страшнее для мингов, чем молнии Маниту. Его услугами часто пользовались английские офицеры. Он особенно привязался к одному из них, с которым имел постоянные дружеские отношения во всю свою жизнь ²⁰.

Прошло пятнадцать лет. Случай снова привел Зверобоя на озеро Глимерглас. Вспыхнула новая война, еще серьезнее и неистовее первой, и Бумпо вышел на берега Могаука вместе с постоянным своим другом, Чингачгуком, для соединения с англичанами. Их сопровождал мальчик лет четырнадцати, сын Чингачгука ²¹. Вахта покоилась уже

²⁰ См. четвертую книгу серии «Кожаный Чулок» — роман «Пионеры», где выведен конец майора Эффингама.

²¹ См. третью книгу серии «Кожаный Чулок» — роман «Последний из могокан».

вечным сном под делаварскими соснами. Они прибыли на берега озера, когда заходило солнце. Ничто не изменилось. Сосквеганна спокойно протекала между крутыми берегами под куполом листьев.

На другой день мальчик отыскал на берегу лодку, несколько поврежденную, но еще годную. Все трое пересели в нее, и Чингачгук показал своему сыну то место, где пятнадцать лет назад был расположен первый лагерь ирокезов, откуда они так удачно похитили Вахту.

Отсюда лодка отправилась на середину озера, где виднелись еще живописные развалины замка. Зимние бури опрокинули кровлю, и гниль источила бревна стен. Столбы и сваи пошатнулись и готовы были рухнуть на дно озера при первом урагане, увлекая за собою все остатки жилища Пловучего Тома.

Ковчег нашли на восточном берегу. Паром наполнился водою, червь подточил дерево, каюта потеряла кровлю. Сердце Зверобоя сильно забилося, когда он нашел в одном ящике ленту, принадлежавшую Юдифи.

Нога человека, казалось, не побывала в этой пустыне. Чингачгук и его друг погрузились в печальные воспоминания. Молча отправились они в путь к берегам Могаука на поиски новых приключений, сопряженных на каждом шагу с опасностью. А еще позже на берегах этого же озера ²² Чингачгук нашел свою могилу.

Прибыв в колонию на берега Могаука, Зверобой старался разузнать о судьбе Юдифи, но без всякого успеха. Нашелся, однако, один старый сержант из прежнего гарнизона, прибывший недавно из Англии. Он рассказал Натаниэлю Бумпо, что сэр Томас Уэрли, выйдя в отставку, жил уединенно в своем поместье в Йоркском графстве. При нем, будто бы, была какая-то дама необыкновенной красоты, которая имела на Уэрли большое влияние, хотя не носила его фамилии. Была ли это Юдифь или кто-нибудь другой, — этого Зверобой никак не мог добиться от сержанта.

²² Это озеро впоследствии получило название «Отсега». (Прим. ред.).